Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (10) →

Издательство "Спецкнига"
Изготовление книг на заказ. Юбилейные, подарочные издания от идеи до тиража
www.specialbook.net · Москва

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Книги российских издательств!
Смотрите наш каталог! Выбирайте, доставим!
www.pridebook.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

На главную

Кельтская мифология

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I. МИФОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

Глава 1. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Глава 2. ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Глава 3. КЕМ БЫЛИ ДРЕВНИЕ БРИТТЫ?

Глава 4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ БРИТТОВ И ДРУИДИЗМ

ЧАСТЬ II. ГЭЛЬСКИЕ БОГИ И ЛЕГЕНДЫ О НИХ

БОЛОТА
БРИГИТ, или БРИГИД
БРИКРИУ
БУДИККА, или БОАДИКЕЯ
БЫК
ВАНБОРО
ВЕПРЬ
ВИ
ВОДА
ВОЙНА
ВОРОН
ГАЛЛИЯ
ГЕЛЬВЕТЫ
ГЕРГЕСТСКАЯ КРАСНАЯ КНИГА
ГИГАНТЫ (ВЕЛИКАНЫ)

кельты энциклопедия

Кельтская Мифология

Кельтская мифология не менее богата традициями, чем греческая и римская, и сыграла столь же важную роль в развитии человеческой цивилизации.

Легенды о доблестном Кухулине, Артуре и богах его круга, подвигах Финна, племени богини Дану, любви Тристана и Изольды стали богатейшим материалом для вдохновенной фантазии Шекспира, Вордсворта, Теннисона, Толкиена и многих других классиков мировой литературы.

В энциклопедии приводятся не только жизнеописания мифических и вполне реальных исторических персонажей, но и сведения о происхождении и верованиях кельтов, история завоевания Британских островов и информация о находках древних артефактов. Один из разделов книги посвящен влиянию кельтского язычества на зарождающееся христианство и первым миссионерам этих земель - святому Патрику и святому Колумбе

Келлская книга

Глава 5. БОГИ ГЭЛОВ
Глава 6. ПРИБЫТИЕ БОГОВ
Глава 7. ВОЗВЫШЕНИЕ БОГА СОЛНЦА
Глава 8. ГЭЛЬСКИЕ АРГОНАВТЫ
Глава 9. ВОЙНА С ГИГАНТАМИ
Глава 10. ПОКОРЕНИЕ БОГОВ СМЕРТНЫМИ
Глава 11. БОГИ В ИЗГНАНИИ
Глава 12. ИРЛАНДСКАЯ ИЛИАДА
Глава 13. СТРАНА КАРЛИКОВ
Глава 14. СТАРИННЫЕ ГЭЛЬСКИЕ ИСТОРИИ О ЛЮБВИ
Глава 15. ФИНН И ФИАНЫ
Глава 16. УПАДОК И НИЗВЕРЖЕНИЕ БОГОВ
Глава 17. ИРЛАНДСКАЯ ОДИССЕЯ: СТРАНСТВИЯ МЭЛ ДУИНА

ЧАСТЬ III. БОГИ БРИТТОВ И ЛЕГЕНДЫ О НИХ

Глава 18. БОГИ КЕЛЬТОВ БРИТАНИИ
Глава 19. ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОГОВ АННВНА
Глава 20. СВАТОВСТВО К БРАНВЕН И ГОЛОВА БРАНА
Глава 21. ВОЙНА МАГИЧЕСКИХ ЧАР
Глава 22. ПОБЕДЫ СИЛ СВЕТА НАД ТЬМОЙ
Глава 23. ЯВЛЕНИЕ АРТУРА В МИФОЛОГИИ
Глава 24.СОКРОВИЩА БРИТАНИИ
Глава 25. БОГИ, СТАВШИЕ РЫЦАРЯМИ КОРОЛЯ АРТУРА
Глава 26. УПАДОК И НИЗВЕРЖЕНИЕ БОГОВ

Часть IV. ПЕРЕЖИТКИ КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

Глава 27. ПЕРЕЖИТКИ КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В НОВЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

Некоторые мифологические

ГИЛДАС
ГЛАСТОНБЕРИ ТОР
ГОЛОВА
ГРААЛЬ
ГУНДЕСТРУПСКИЙ КОТЕЛ
ДАГДА, или ДАГХДА
ДЕРЕВЬЯ
ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ
ДЖЕФФРИ МОНМУТСКИЙ
ДОМА КРУГЛЫЕ
ДРУИД
ДУБ
ДУША ИРЛАНДИИ
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
ЗМЕЯ
ИБЕРИЯ
ИЛЛЮМИНИРОВАННЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ
ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ
КАРМАРТЕНСКАЯ ЧЕРНАЯ КНИГА
КЕЛЛСКАЯ КНИГА
КЕЛЬТСКИЙ КРЕСТ
КЕЛЬТЫ и КЕЛЬТСКИЙ ЯЗЫК
КОНЕЧНОСТИ (ЖЕРТВЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ)
КОНИ
КОТЕЛ
КУЗНЕЦ
КУХУЛИН
ЛИБХАР ГАБХАЛА ЭЙРЕАНН
ЛИНДОУ, ЧЕЛОВЕК ИЗ…
ЛУГ
«МАБИНОГИ»
МАТЬ БОГИНЯ
МЕРЛИН
МОРРИГАН, или МОРРИГУ
ОГАМ
ОЛЕНЬ
ОМЕЛА
ПАТРИК, СВ.
ПИКТЫ
ПОТУСТОРОННИЙ МИР
ПРЕВРАЩЕНИЯ

келлская книга - книга из Келла

Книга из Дарроу

термины:

АЙЛЕЙ
АЙОНА
АРТУР
АРФА
БАЛЛИМОТСКАЯ КНИГА
БАЛОР ЗЛОЕ ОКО
БАРАН (ОВЕН)
БАРД, или ФИЛИ
БАРДСИ, ОСТРОВ
БЕЛТЕЙН, или БЕЛТЭЙН, или
БЕЛТЕН
БЕССМЕРТИЕ
БЛОДУЭДД
БОГ-ОХОТНИК
РОГА
САМХЕЙН
САУТ КЭДБЕРИ, ЗАМОК
СОЛНЦЕ
СТЕКЛЯННАЯ БАШНЯ, или
СТЕКЛЯННЫЙ ЗАМОК
СТОУНХЕНДЖ
ТАРА
ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА
УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ
ФИДХЕЛЛ
ФОМОРЫ, или ФОМХОРЫ, или
ФОММОИРИ, или ФОМОРИАНЕ
ХАЙ БРЕЗАЛ, или ХАЙ БРЕЗИЛ, или
ХАЙ БРАЗИЛ
ХАЛЛЬШТАТТ, ХАЛЛЬШТАТТСКАЯ
КУЛЬТУРА
ХОЛМЫ, СТОЯНКИ НА НИХ, или ТОРЫ

«Кельтская мифология (энциклопедия)»: Издательство Эксмо; Москва

На главную

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (26) →

Европейский интернет-сервис
Товары новые и б/у. Проверь сам. Круглосуточная поддержка.
www.aukro.ru · Москва

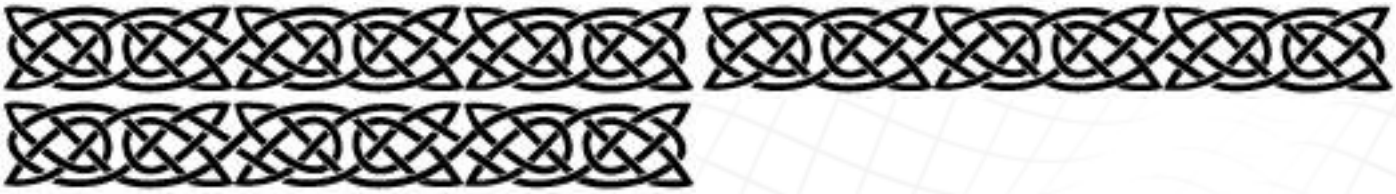
Стильные серебряные украшения
Мы продаем дизайн! Сделано в России.
www.totemi.ru

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены!
Доставка РФ
www.ozon.ru

Украшения из самоцветов - здесь!
Яркие, стильные и необычные украшения по оптовым ценам - заходите!

Адрес и телефон · www.busiki.ru

Кельтская мифология



Введение

О кельтах мы знаем гораздо меньше, чем о греках или римлянах, хотя они тоже создали великую и своеобразную цивилизацию. В отличие от римлян они не заботились о создании обширной империи, продолжая жить по законам родоплеменного общества, и поэтому не оказали сколько нибудь заметного влияния на другие народы.

Серьезной проблемой, с которой сталкиваются желающие узнать о кельтах, является полное отсутствие текстов по истории и литературе, записанных непосредственно в ту эпоху. Известно, что у кельтов существовала письменность, но создается впечатление, что они ею не пользовались. Можно лишь предполагать, что эта странная особенность была составной частью их социальной и религиозной культуры и что друиды, или жрецы, наложили на весь народ своего рода табу, запрещающее записывать что бы то ни было.

Поэтому наследие кельтов дошло до нас исключительно в устной традиции. Их культура невероятно богата

волшебными легендами и преданиями, которые веками передавались из уст в уста и, как правило, сохранились в нескольких вариантах, как, впрочем, и сами кельтские имена и названия. И лишь в сравнительно недавнее время наши знания о кельтах существенно пополнились благодаря археологическим раскопкам. И артефакты, найденные в таких раскопках, поведали нам об образе жизни кельтов гораздо больше, чем уцелевшие письменные источники.

Так как у кельтов бытовало поверье, что после смерти человек просто напросто отправляется путешествовать в потусторонний мир, в их захоронениях были найдены не только останки умерших, но и множество бытовых вещей, которыми покойные пользовались в земной жизни и которые, как считалось, понадобятся им в царстве смерти. Эти находки, к числу которых относятся повозки, телеги, даже лошади, а также всевозможные тарелки и блюда, инструменты, оружие и ювелирные украшения, позволили ученым полнее и глубже понять быт и нравы кельтов и доказали, что сами кельты отнюдь не были таким примитивным народом, как полагали многие.

Эта книга, рассказывающая о различных обычаях и преданиях кельтов, существенно расширит представления читателя о народе, жизнь и история которого и сегодня в значительной мере окутаны покровом тайны.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

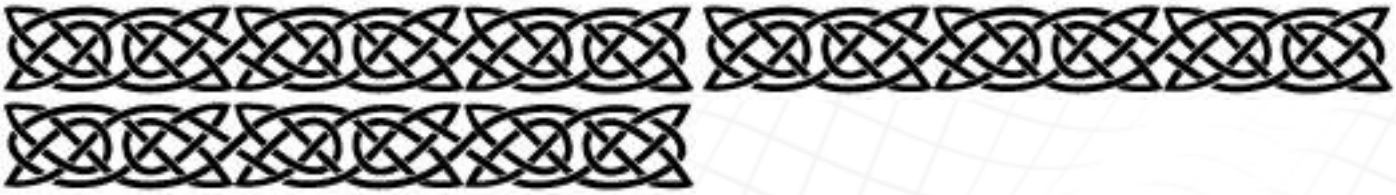
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ЧАСТЬ I. МИФОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

Глава 1. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Древнейшие легенды и поэтические памятники любой страны и любого народа представляют огромный интерес и ценность не только для потомков, но и для всего человечества. В качестве примера достаточно назвать классические мифы Древней Греции. Они оказали, так сказать, троякое влияние на историческую судьбу народа, создавшего их, и страны, земля которой была их ареной и сценой их действия. Во первых, во времена, когда эти предания были еще свежи в памяти, вера в их подлинность и гордость за своих отцов стали силой, способной объединить разрозненные племена эллинов в единую конфедерацию. Во вторых, они вдохновили скульпторов и поэтов на создание творений, не только непревзойденных, но и не повторенных ни одной из культур во все последующие века. И наконец, в эпоху, когда «слава Греции» померкла и ушла в прошлое, а ее жители под натиском все новых и новых захватчиков почти потеряли право именоваться эллинами, эти

мифы прочно вошли в литературы нового времени и окружили Грецию тем поэтическим ореолом, благодаря которому эта небольшая страна выглядит в глазах остального мира куда более великой, чем многие державы, далеко превосходящие ее и по площади, и по ресурсам.

Это постоянное влияние классической мифологии древних греков, ощутимое во всех цивилизованных странах, особенно заметно на Британских островах. Практически с момента зарождения английской литературы созданные греками предания о богах и героях служили неиссякающим источником вдохновения для большинства британских поэтов. Обитатели Олимпа, блаженной обители древнегреческих богов, приняв более привычные латинские имена, заняли в английской поэзии почти такое же место, что и в поэзии самой Эллады. Начиная с Чосера они навсегда овладели вдохновением поэтов и читателей Британских островов. Магическое очарование классических мифов, подобно кельтскому Граалю, щедро питает всех, кто хотя бы раз испытал его.

Однако в конце концов и этот источник стал иссякать. Будучи на английской почве явлением чужеземным и экзотическим, греческие мифы деградировали, став заурядной банальностью. Под неискусным пером второстепенных пиитов XVIII века персонажи мифов превратились в раскрашенных кукол. И когда чуть ли не каждая чахлая рощица стала «широкошумной дубравой», а встречная деревенская девушка — «нимфой», читателям на каждом балу грозила встреча с напудренной Венерой в фижмах и буфах, с Марсом, несущим на плече мушкет, и Аполлоном, вдохновляющим самого поэта на очередные тривиальные потуги. Но аффектация наконец убила — и слава богу! — образно поэтическую манеру, ставшую общим местом. Скомпрометированная убогим и затасканным лексиконом бесталанных писак, классическая мифология быстро стала сферой, затронуть которую отваживались только по настоящему великие поэты.

Однако мифология оказалась для литературы настолько необходимой, что писатели романтики, отвернувшись от легенд, родиной которых была Южная Европа, принялись искать новый творческий импульс. Очень скоро они обратили взгляд на север. И теперь вдохновение искали уже не в тени Олимпа, а в Асгарде, блаженной обители скандинавских богов. Более того, возобладало мнение, что прародиной и истоком архаической поэзии, воплощением которой явилась скандинавская и древнегерманская мифология, были сами Британские острова, и поэтому мы, по праву англосаксонской крови, текущей в наших жилах, являемся законными ее наследниками. Да, это так, и мы — действительно наследники этой мифологии, но — далеко не единственные наследники. Просто в наших венах течет большая часть крови кельтов, то есть древних бриттов [1] Мэттью Арнольд, по видимому, был прав, утверждая в своей книге «Исследования кельтской литературы», что наряду с тем, что нашей практичностью и деловыми качествами, наиболее полно проявившимися в создании Британской империи, мы обязаны наследию англосаксов, от кельтов мы унаследовали дар поэтического восприятия мира, сделавший английскую литературу самой блистательной из всех, появившихся после древнегреческой.

Таким образом, мы вправе претендовать на некое новое — и весьма блистательное — духовное достояние. Кельтская мифология почти не знает тех грубых жестокостей, встречающихся в легендах германцев и скандинавов. Она столь же очаровательна и живописна, как и греческая, и в то же время совсем непохожа на мифологию эллинов, являющуюся своеобразным отражением мягкого климата Средиземноморья, столь далеко от нашей умеренной климатической зоны. Это и понятно. Боги неизбежно являются порождением той страны, где они появились. Как странно выглядел бы обнаженный Аполлон, разгуливающий среди айсбергов, или Тор в звериной шкуре, восседающий под сенью пальм. А кельтские боги и герои — это исконные обитатели британского ландшафта, и они не кажутся чужаками на исторической сцене, где нет ни виноградных лоз, ни оливковых рощ, зато шелестят свои, домашние, дубы и папоротники, орешник и вереск.

Итак, мы с полным правом можем любоваться живописными картинами наших собственных островов, особенно их дикими и гористыми западными районами, где издавна обосновались древнейшие обитатели

Британских островов. Вторжение саксов затронуло в основном лишь восток Британии, тогда как в Западной Англии, в Уэльсе, Шотландии и особенно в овеянной легендами Ирландии холмы и долины и поныне хранят память о древних богах древнейших обитателей этих краев. В Южном Уэльсе и Западной Англии буквально на каждом шагу встречаются таинственные и удивительно романтичные места, которые британские кельты считали обителями богов или аванпостами потустороннего мира. В Ирландии трудно найти место, не связанное гак или иначе с легендарными подвигами героев Красной Ветви или Финна и его богатырей.
Стародавние божества уцелели в народной памяти, превратившись в фей и сохранив при этом все свои атрибуты, а нередко и имена. Вордсворт в одном из сонетов, созданных в 1801 году, сетует, что, тогда как «в бессмертных книгах» постоянно упоминаются Пелион и Осса, Олимп и Парнас, ни одна английская гора, «хотя они и толпами стоят вдоль кромки моря», не удостоилась «почестей от муз небесных», и в его время так оно, безусловно, и было. Но в наше время, благодаря усилиям ученых, открывших древнюю гэльскую мифологию, все обстоит совершенно иначе. На холме Людгейт Хилл в Лондоне, а также на многих других менее знаменитых холмах некогда высились храмы в честь собственного британского Зевса. А одна из гор неподалеку от Бетс и Куд в Уэльсе выполняла роль британского Олимпа, где находился дворец наших древних богов.
Можно усомниться в том, что современники Вордсворта с восторгом приняли бы мифологию, которая, будучи родной им по праву рождения, заменила бы мифы древних греков и римлян. Магия классической античной культуры, в борьбу с которой Вордсворт вступил одним из первых, еще сохраняла все свое очарование. О, какой шум и негодование у поклонников античности вызывало одно только упоминание о мифологии древних бриттов! И тем не менее эта мифология уже издавна подспудно влияла на английские идеи и идеалы, причем не в последнюю очередь — благодаря тому, что порой маскировалась под образы, привычные для широкой публики. Популярные в народе сказки как бы реабилитировали — правда, под разными масками — старых богов, с которыми прелаты издавна боролись колокольным звоном, Священным Писанием и свечой. Древние боги жили в наших легендах, превратившись в древнебританских королей, правивших страной в сказочном прошлом, задолго до Юлия Цезаря. Таковы король Луд, легендарный основатель Лондона, король Лир, легенда о котором обрела бессмертие под пером Шекспира, король Бренний, захвативший Рим, и многие другие, тоже игравшие свою роль в стародавних пьесах и, в частности, в мистериальных действах. Некоторые из них вернулись к людям, став давно умершими святыми раннехристианской церкви в Ирландии и Британии. Их священные титулы, деяния и подвиги чаще всего представляют собой своего рода церковный пересказ приключений их «тезок», древних языческих богов. И тем не менее боги опять выжили, став еше могущественнее. Мифы об Артуре и богах его круга, попав в руки норманнов — сочинителей хроник, вернулись к читателю в виде цикла романов о подвигах короля Артура и рыцарей Круглого стола. Когда эти сюжеты распространились по всей средневековой Европе, их влияние стало поистине всеобъемлющим, так что поэтический импульс, исходящий от них, встретил широкий отклик в нашей литературе, сыграв особенно заметную роль в творчестве таких поэтов XIX века, как Теннисон и Суинберн.
Многообразное влияние кельтской мифологии на английскую поэзию и беллетристику проследил в своей книге «Истоки английской истории» Чарльз Элтон. "Религиозные представления племен бриттов, — пишет он, — оказали весьма заметное влияние на литературу. Средневековые романы и легенды, в которых так или иначе отражено историческое прошлое, полны всевозможными «доблестными героями» и прочими персонажами чисто мифологического плана. Первозданные силы земли и огня, а также духи, населяющие стремнины рек, предстают в качестве королей на страницах ирландских хроник или в житиях святых и отшельников Уэльса. Рыцари Круглого стола, сэр Кай и Тристан, а также благородный сэр Бедивер, отреклись от своего могущественного происхождения ради новых атрибутов, которые они обрели, став героями романов. Короля Артура в тихой и мирной долине… родила богиня. «Туда, под сень лесов, на берега ручьев, редко проникал луч

солнца, а ночи были темными и мрачными, ибо на небе не было видно ни луны, ни звезд». Именно таким был край Оберона и сэра Гаона Бордосского. Таков и дремучий Арденский лес. В древней мифологии были известны владения короля Теней, страна Гвин ап Нудд, куда отправляется сэр Гаон в «Королеве фей»:

И рыцарство его возглавил сэр Гаон,
Когда в Державу Фей умчался Оберон".

Цель этой книги — попытаться проследить в обратной последовательности путь от ирландских королей, святых и отшельников до стихийных сил огня и земли и всевозможных духов, населявших леса и потоки кельтских преданий, и вывести на свет божий примитивные языческие божества, стоящие за средневековыми языческими преданиями о «Рыцарях короля Артура». Разумеется, читатели вправе задать вопрос, каковы реальные доказательства того, что апокрифические древние короли бриттов, в частности, короли Лир и Луд, и ирландские святые, например Бриджет, на самом деле являются кельтскими богами, скрывшимися под новой личиной, или что «Смерть Артура», рассказывающая о любви Ланселота и королевы, и поиски Святого Грааля суть не что иное, как беллетристические фантазии норманнов, авторов этих романов. Читатели непременно захотят узнать, какими конкретно фактами по истории кельтской мифологии мы располагаем, кто послужил прототипом того или иного персонажа и каковы истинный возраст и ценность свидетельств, на которые мы ссылаемся.
Ответы на все эти вопросы читатель получит в следующей главе.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

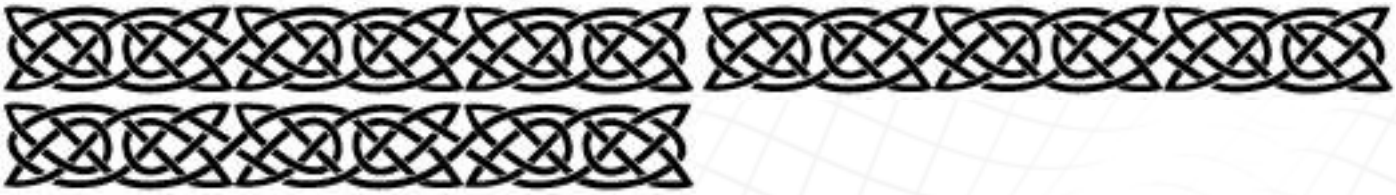
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ЧАСТЬ I. МИФОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

Глава 2. ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Чарльз Элтон затронул лишь небольшую часть материала, которым мы вправе воспользоваться, чтобы попытаться реконструировать древние мифологические представления жителей Британских островов. К счастью, мы не скованы по рукам и ногам труднейшей проблемой восстановления сказочных подвигов и деяний ирландских и британских королей, правивших задолго до св. Патрика или даже Юлия Цезаря, в их первозданном облике персонажей кельтской мифологии; равно как не обязаны отслеживать всевозможные атрибуты и чудеса сомнительных святых ранней церкви или вычленять примитивные языческие элементы в легендах об Артуре и его рыцарях из потока благочестивой беллетристики, привнесенной в них норманнскими авторами знаменитых романов. Помимо этих источников, которые мы с полным правом можем считать вторичными, мы располагаем обширным корпусом подлинных ранних текстов, которые хотя и несут на себе — в своем

теперешнем виде — позднехристианские черты, тем не менее восходят к более ранней языческой эпохе. Эти тексты дошли до нас в составе пергаментных манускриптов, на протяжении многих веков хранившихся в монастырских библиотеках Ирландии, Шотландии и Уэльса и лишь в XIX веке представших пред широкой публикой. Прилежные ученые, знатоки давно исчезнувших диалектов, на которых они были написаны, бережно сняли с них копии и перевели на современный язык.

Многие из этих томов представляют собой забавную смесь самых разных текстов. Обычно в монастырской общине был огромный том, куда переписывалось все, что ученые братья считали достойным внимания и сохранения. Поэтому и таких книгах собраны самые разные материалы Здесь можно встретить и переводы фрагментов библейских текстов, и сочинения античных классиков, и такие популярные книги, как труды по истории Британии Гольфрида Монмутского и Ненния; встречаются в них и жития наиболее почитаемых святых, и творения, приписываемые им, а также поэмы и романы, под тонким флером христианских поучений повествующие о древних гэльских богах и героях. Есть в них и трактаты на самые различные темы: грамматика, просодии, юриспруденция, география, хронология и генеалогия знатных родов.

Большинство этих документов было собрано в период, продолжавшийся примерно от начала XII до конца XVI века. Это время было для Ирландии, Уэльса и Шотландии эпохой подлинного расцвета литературы по сравнению с предшествующим периодом бурных войн и раздоров. В Ирландии норвежцы наконец перестали терзать страну и занялись сельским хозяйством, а в Уэльсе волны набегов норманнов ушли в прошлое, и в стране воцарился мир. Книжники приступили к спасению уцелевших сочинений но истории, юриспруденции, истории церкви, а также научных трудов и преданий.

Среди ирландских рукописей наиболее ранний манускрипт и поэтому представляющий для нас особый интерес с точки зрения реконструкции древней гэльской мифологии, сохранившейся в них несмотря на все позднейшие переработки, находится сегодня в собрании Ирландской академии. К сожалению, он дошел до нас в виде фрагмента объемом сто тридцать восемь страниц, но зато этот фрагмент содержит немало преданий о дренеирландских богах и героях. Помимо прочих архаических текстов, в его составе сохранился полный вариант знаменитой эпической саги «Tain Bo Cuailgne» («Похищение быка из Куальгне»), в которой легендарный эпический герой Кухулин совершает свои славные подвиги. Этот манускрипт получил название «Книга Бурой Коровы», поскольку он, как гласит предание, написан на пергаменте из шкуры любимой коровы св. Киарана, жившего в VII веке. На одной из страниц в начале книги сохранилось имя ее писца, некоего Маэл Муйре, о котором нам известно лишь то, что в 1106 году он был убит разбойниками в церкви в Клонмакноисе.

Гораздо более объемистый и немногим более поздний манускрипт — Лейнстерская книга, наиболее ранние части которой, по преданию, представляют собой компиляцию XII века, созданную Финном Мак•Горманом, епископом Килдэйрским. В ней также содержатся рассказы о славных подвигах Кухулина, служащие как бы дополнением к раннему варианту саги «Похищение быка из Куальгне». Относительно меньшую ценность с точки зрения изучения гэльской мифологии имеют Белллимотская книга и Желтая книги из Лекана, созданные в конце XIV века, а также Леканская и Лисморская книги, датируемые XV веком. Помимо этих шести ценнейших рукописей, до нас дошло множество менее крупных манускриптов, содержащих тексты по древней мифологии. В одном из них, относящемся к XV в., рассказывается о битве при Маг Туиред, или Мойтуре, в которой боги Ирландии сражались против своих врагов, фомори, или демонов морских глубин.

Отдельные фрагменгы старинного шотландского манускрипта, хранящегося в Адвокатской библиотеке в Эдинбурге, датируются примерно XIV веком, тогда как основной корпус его текстов относится к XV•XVI векам. В нем представлены документы по истории Ирландии, а также сага о Кухулине и фрагменты другого героического цикла, повествующего об удивительных подвигах Финна, Осина и фианы. Встречаются в книге и предания о более ранних персонажах, чем Финн или Кухулин. Это — Туатха де Данаан, древнегэльский клан

богов.

Уэльские рукописи восходят к тому же периоду, что и ирландские и шотландские. Среди них особенно выделяются четыре памятника. Наиболее ранние из них — Черная Гермартенская книга, датируемая третьей четвертью XII века; Книга Аневрина, написанная в конце XIII века; Книга Талесина (XIV века) и Красная Гергестская книга, составленная несколькими писцами примерно полтора века спустя. Первые три тома из этих «Четырех древних валлийских книг» весьма невелики по объему и содержат поэтические произведения крупнейших легендарных бардов VI века — Мирддина, Талесина и Аневрина. Последний, Красная Гергестская книга, гораздо обширнее по объему. В ней имеются — в переводе на староваллийский — фрагменты британских хроник; часто цитируемые триады — стихи в честь знаменитых личностей или событий; старинные поэмы, приписываемые Лливарч Хену; и что является для нас поистине бесценным — так называемый Мабиногион, в котором в романизированной форме изложены ключевые моменты древнекельтской мифологии.

Таким образом, мы располагаем обширным корпусом литературных памятников, посвященных мифологии Британских островов и записанных в период примерно с начала XII до конца XVI века. Но даже начало этого периода, вне всяких сомнений, отстоит очень и очень далеко от эпохи событий, описываемых в них. Дата создания манускриптов запечатлела лишь последнюю редакцию содержания рукописей в том виде, в котором они дошли до нас, и не имеет никакого отношения к их первозданной версии. Поскольку эти книги являются списками древних поэм и сочинений, сделанными с куда более ранних рукописей, эта датировка никак не отражает времени создания самих текстов, подобно тому, как наличие фрагмента «Кентерберийских рассказов» в современной антологии английской поэзии не дает оснований считать Чосера поэтом нашего времени.

Впрочем, датировка бывает и прямой, и косвенной. В некоторых случаях, в частности, в элегии в честь св. Колумбии в «Tain Bo Cuailgne», в составе Книги Бурой Коровы, указаны даты непосредственного создания текстов. В других мы зависим от свидетельств если и не столь категоричных, то, во всяком случае, более или менее определенных. Даже если автор ничего не говорит о том, что он пользуется более ранней рукописью, для нас очевидно, что именно этим объясняются глоссы в его тексте. Писцы, переписывавшие ранние гэльские рукописи, очень часто встречали в документах, которые они сами же копировали, слова настолько архаичные, что они были совершенно непонятны для читателей их времени. Чтобы хоть как•то выйти из положения, переписчикам приходилось вставлять маргинальные толкования, объясняющие значения таких слов, для чего они обращались к другим старинным текстам. Вообще средневековые переписчики довольно часто по собственному усмотрению переносили эти толкования в основной текст, где они и сохранились как своего рода филологические окаменелости, отражающие различные черты минувшей жизни. Документы, из которых они были позаимствованы, давно утрачены, и единственными их следами остаются фрагменты, сохранившиеся в составе средневековых рукописей. В валлийском Мабиногионе имел место тот же процесс. Неясности и «темные места» в сохранившихся манускриптах со всей очевидностью показывают, что они представляют собой списки с гораздо более архаических текстов. Валлийские манускрипты, так же как и гэльские, восходят к гораздо более ранним и примитивным протографам.

Таким образом, доказано, что древние предания гэльцев и бриттов отнюдь не являются порождением фантазии ученых монахов эпохи Средневековья. Сегодня мы можем установить время если не собственно возникновения самих преданий, то хотя бы их первого появления в том виде, в каком они дошли до нас.

В этой связи можно привести различные свидетельства того, что наиболее существенные фрагменты древнейшей литературы гэлов и бриттов могут быть отнесены к периоду, как минимум на несколько веков предшествующему времени создания самых ранних из дошедших до нас списков. Так, самая ранняя версия

эпизода «Похищения быка из Куальгне», являющаяся своего рода ядром и центром древнегэльского героического цикла, ключевым персонажем которого является Кухулин, fortissimus heros Scotorum [2], входит в состав Книги Бурой Коровы (XII в.). Однако легенда повествует о том, что сама сага не только не возникла в VII веке, но и успела стать настолько древней, что барды уже не помнили ее. Их вождь, некий Сенхан Торлейст, исторический персонаж и главный бард Ирландии того времени, получил от святых дозволение вызвать из загробного мира дух Фергуса, современника Кухулина и главного участника знаменитого «Похищения», и, таким образом, узнал подлинную версию событий из уст самого героя. Это предание, упоминающее имя реального лица, с полной определенностью свидетельствует, что история о похищении была известна задолго до того времени, когда жил Сенхан, а это, по•видимому, говорит о том, что либо именно его версия славных деяний Кухулина стала общепринятой, либо он просто первым записал ее. С такой же значительной дистанцией во времени мы сталкиваемся и в наиболее ранних прозаических записях валлийских мифологических преданий, именуемых Мабиногион, или, точнее, «Четыре Ветви Мабиноги». Ни в одном из этих памятников нет никаких сведений или хотя бы упоминаний об Артуре, вокруг которого сформировалось основное ядро легенд древних бриттов в том виде, в каком валлийцы познакомили с ним норманнов. Эти загадочные мифологические тексты, по всей вероятности, предшествуют циклу артуровских мифов, сложившемуся к VI веку. С другой стороны, персонажи «Четырех Ветвей» упоминаются без всяких пояснений, как если бы речь шла о героях, известных всем и каждому, в одной из поэм, созданной, как считается, в VI веке и входящей в состав «Четырех древневаллийских книг», где приводятся первые скудные сведения об этом герое британского эпоса.

Эти и подобные им соображения позволяют с высокой степенью вероятности говорить о существовании в эпоху задолго до VII века ирландских и валлийских поэтических и прозаических версий мифов, во многом напоминающих ту форму, в которой они дошли до нас.

Однако это означает лишь то, что мифы, предания и легенды, известные нам, возникли довольно рано, а свою современную, так сказать, литературную форму обрели гораздо позже. Сама мифология, вне всякого сомнения, всегда гораздо старше, чем самые древние стихи и легенды, излагающие ее. Обширные и сложные по составу саги создаются не день и не год. Легенды о богах и героях гэлов и бриттов, в отличие от Афины, появившейся на свет из головы Зевса, появились на свет отнюдь не из головы некоего гениального поэта. Бард, первым придавший им подобие художественной формы, следовал весьма и весьма примитивным традициям своего клана. Таким образом, мы вправе считать эти предания творением не XII и даже не VII века, а некоего доисторического и потому незапамятного прошлого.

На это указывают и особенности самих преданий. Изучение легенд и архаических текстов гэлов и бриттов, если опустить некоторые детали, являющиеся позднейшими вставками, позволяет выявить их древнейшее ядро, что ставит эти памятники в один ряд с творениями других народов, стоявших на аналогичной ступени развития культуры. Да, их «местный колорит» можно считать делом рук последнего их «редактора», однако их корни являются не только более ранними, нежели Средневековье, но и дохристианскими и даже доисторическими. Сам характер ранних гэльских преданий относится к той же стадии развития творческой мысли, на которой возникли олимпийские боги и титаны, Эзир и Йотун. Нам придется вернуться в далекое прошлое, к самым истокам цивилизованной мысли, чтобы выявить параллели к таким преданиям, как легенда бриттов, рассказывающая о боге солнца, который, после того как его соперник в любви ранил его отравленной стрелой, превратился в орла, из когтей которого с тех пор на землю падают куски падали (см. главу 18, «Боги кельтов Британии»).

Этот аспект архаических памятников кельтской литературы выявлен и всесторонне изучен Мэттью Арнольдом в его книге «Исследования кельтской литературы». Правда, автора в первую очередь интересуют валлийские предания, но сказанное в равной мере относится и к гэльским мифам. «Первое, что поражает нас

при чтении Мабиногиона, — пишет он, — это то, насколько беззастенчиво средневековый повествователь занимается плагиатом реалий глубокой древности, многие из которых остаются тайной для него самого. Он похож на крестьянина, строящего свою убогую хижину на месте дворцов Галикарнасса или Эфеса; он строит, но его сооружение во многом состоит из материалов, истории возникновения которых он либо не помнит, либо знает ее только по поздним преданиям; камни, которые он использует, взяты им „из других зданий“: более древних, сложных, изысканных и величественных». Его герои «вовсе не средневековые персонажи; они принадлежат к более древнему, языческому миру мифов». То же самое относится и к условно историческим персонажам трех крупнейших циклов гэльской мифологии: Туатха Де Данаан, циклу, рассказывающему о героях Ольстера, и мифам о Финне и фианах. Божественное происхождение этих героев затмевает их человеческие черты, а сквозь маски их лиц проступают лики богов.

Однако боги на то и боги; к тому времени, когда были записаны легенды о них (в том виде, в котором они известны нам), они приняли облик простых смертных. В наиболее ранних версиях этих легенд, если бы их можно было восстановить, они, без сомнения, предстали бы существами вечными, способными менять свой облик и не знающими смерти. Однако позднейшие христианские переписчики, будь то ирландцы или валлийцы, просто не могли этого допустить. Этим объясняется уникальный парадокс мифов: смерть Бессмертных. Трудно найти сколько•нибудь заметную фигуру в гэльском или британском пантеоне, чья смерть или гибель не были бы описаны в каком•нибудь предании. Чаше всего они гибли в грандиозных битвах сынов света с исчадиями тьмы. Однако их смерть в более ранних мифах отнюдь не мешала им появляться как ни в чем не бывало в позднейших. И лишь тогда, когда смерть наложит печать на уста последнего из людей, хранящего предания о богах, можно будет всерьез говорить об их смерти.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

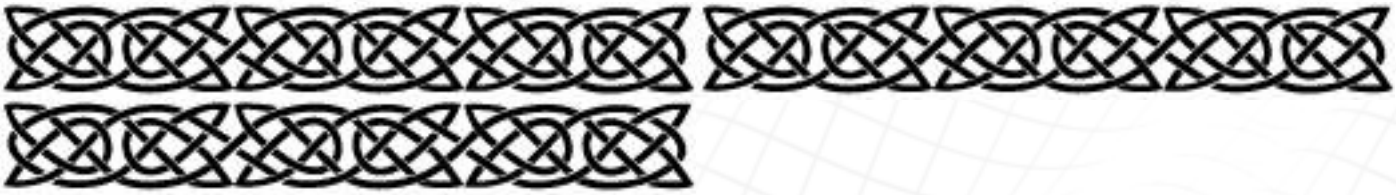
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 3. КЕМ БЫЛИ ДРЕВНИЕ БРИТТЫ?

Прежде чем приступить к изложению мифологической системы «древних бриттов», не мешало бы уточнить, кого же именно обычно имеют в виду под этой неудачной, но общепринятой формулой. Вообще говоря, мы имеем весьма смутное представление о «древних бриттах», почерпнутое в основном со страниц школьных учебников. На картинках в тех же учебниках мы видим людей в красочных одеждах, правящих утлыми челноками или несущихся на боевых колесницах сквозь ряды изумленных римских легионеров. Их жрецы•друиды, седобородые мужи, облаченные в длинные белые одеяния, срезают золотым серпом в день полнолуния ветви омелы или, творя далеко не столь невинные деяния, сжигают гигантские человекообразные чучела, сплетенные из лозняка.

Столь колоритные подробности мало что дают нам, что объясняется не только недостатком наших собственных знаний, но и скудостью познания наших учителей. Практически вся информация о древнейших обитателях Британии, которой они располагают, почерпнута из «Записок» Юлия Цезаря. Да, достоверность

этих сведений не вызывает сомнений, но они достаточно скудны. Взгляд Цезаря на наших предков объясняется в первую очередь тем, что он был полководцем и, так сказать, своим собственным военным корреспондентом, а не наблюдательным и усердным ученым. Таким образом, задача как можно полнее познакомить нас с жизнью древних бриттов целиком ложится на плечи современных археологов, филологов и этнологов.

Жители наших островов до вторжения римлян обычно именуются «кельтами». Однако они скорее всего представляли собой смешанную расу, и племена, с которыми они «породнились», наверняка в известной — или даже весьма существенной — степени повлияли на их внешний облик, обычаи и язык.

Об этническом составе древних бриттов ведутся давние и жаркие споры. Но если оставить в стороне всевозможные спекулятивные гипотезы, остается теория, которую можно признать действительно научной. Мы вправе говорить о существовании на Британских островах в эпоху завоевания их римлянами двух разных этнических групп. Более ранняя из этих групп, по•видимому, жила на наших островах с древнейших времен, и ее в нашем исследовании мы будем называть аборигенами. Это были люди, строившие так называемые длинные курганы; этнологи называют их по•разному: иберами, средиземноморцами, берберами, басками, силурийцами и эскарийской расой. По телосложению они были людьми невысокого роста, коренастыми, темноволосыми, темноглазыми и имевшими удлиненный череп. Язык их относился к так называемой хамитской группе; родственные ему диалекты, сохранившиеся до наших дней, распространены среди галлов, абиссинцев, берберов и других североафриканских народов. По всей вероятности, они были выходцами из нескольких районов Восточной, Северной или даже Центральной Африки. По•видимому, они и стали первыми обитателями долины Нила, а их потомки перебрались еще дальше, в Сирию и Малую Азию. Древние греки, столкнувшиеся с ними в Греции, назвали их пелазгами, древние латиняне в Италии именовали их этрусками, а евреи в Палестине — хеттами. Затем они расселились по всей Европе вплоть до ее северных районов, вышли к Балтике, направившись на запад, перебрались через Пиренеи и заселили Францию, Испанию и, наконец, наши острова. На землях многих стран они достигли относительно высокого уровня развития цивилизации; в Британии их следы встречаются очень рано. Мы вправе именовать эти племена скорее земледельцами, чем скотоводами, поскольку еще в эпоху каменного века эти люди, жившие на холмах, на вершинах которых они возводили укрепления и крепости, а на склонах устраивали своего рода террасы. Они господствовали на Британских островах вплоть до появления кельтов, которые сразу вступили в борьбу с аборигенами, вытеснили их с наиболее плодородных земель, покорили, а затем даже смешались с ними. В эпоху римского владычества они оставались практически независимыми от Южного Уэльса. В Ирландии они долго оставались непокоренными, считаясь не подданными, а союзниками римлян, в отличие от гэлов, ставших настоящими крепостными; они самостоятельно управляли своими провинциями, сохраняя собственные обычаи и религиозные верования. Несмотря на постоянные вторжения захватчиков в Великобританию и Ирландию, эти люди не вымерли и даже не утратили своих типичных черт. Именно этот тип является преобладающим во многих регионах Британии и Ирландии, и, по мнению многих этнологов, число представителей этого типа по всей Англии постоянно растет.

Представители второй расы являли собой полную противоположность первой. Они были высокими, стройными, светловолосыми, серо— или голубоглазыми людьми с широким черепом; их обычно называли кельтами. Их язык относился к арийской семье, родственными языками которой являются латинский, греческий, тевтонский, праславянский, зенд (древнеперсидский) и санскрит (древнеиндийский). Прародиной этой расы, по•видимому, была Центральная Европа, точнее, земли в верхнем течении Дуная или регион Альп. Круглые курганы, в которых они погребали своих покойников или предавали земле их пепел, резко отличаются по форме от длинных курганов аборигенов. Они стояли на более высокой ступени культурного развития, чем

иберийцы, и именно благодаря им на Британских островах появились бронза и серебро, а также, по всей вероятности, и некоторые виды домашних животных.

Как иберийцы, так и кельты были разделены на бесчисленное множество кланов, но мы не располагаем никакими свидетельствами о вражде между первыми. Совсем иначе обстояли дела среди кельтов, разделенных на две главные ветви, которые появились на Британских островах в разное время. Наиболее древними из них были гойделы, или гэлы; затем появились бритонцы, или бритты. Некоторые антропологи находят у этих ветвей небольшие различия в строении черепа. И даже если это всего лишь гипотеза, у нас есть все основания говорить о существенных различиях в телосложении и цвете волос. Здесь мы располагаем свидетельствами римских авторов, в частности, Тацита, который в своей «Агриколе» пишет, что «каледонцы» Северной Британии отличались от южных бриттов тем, что имели более длинные руки и ярко•рыжие волосы; и Страбона, сообщающего в своей «Географии», что племена внутренних районов Британии были заметно выше ростом, чем гэльские колонисты на побережье, имели русые волосы и отличались не столь плотным телосложением. Кроме того, классические источники сходятся во мнении, признавая силурийцев Южного Уэльса представителями совершенной иной расы, чем подавляющее большинство жителей Британии. Смуглый цвет лица и курчавые волосы этих иберийцев являются, по мнению Тацита, свидетельством их испанского происхождения.

Ученый XIX века Джон Рис также высказал убеждение, что гойделы и бритты уже представляли собой две разные ветви, когда переселялись из Галлии на Британские острова, а здесь стали двумя отдельными народностями. Конечно, мы не вправе требовать от «средних школяров» таких познаний, как во времена Маколея, но и современные потомки этого светоча науки, по всей вероятности, смогут поведать нам, что, по свидетельству Юлия Цезаря, вся Галлия была разделена на три части, одну из которых населяли белги, другую — аквитанцы, а третью — народ, называвший себя кельтами, которых римляне именовали галлами. Все эти народы отличались друг от друга по языку, обычаям и законам. По мнению профессора Риса, белги могут быть отождествлены с бритонцами (бриттами), кельты — с гойделами, а третий народ, аквитанцы, по происхождению не принадлежавший ни к кельтам, ни к арийцам, относился к обширной семье иберийских племен, говоривших на языках хамитской группы. Кельты, носители гойдельского диалекта кельтского, сохранившегося до наших дней в гэльских наречиях Ирландии, Шотландии и на острове Мэн, были первыми поселенцами, перебравшимися на Британские острова под натиском белгов, которые, по свидетельству Цезаря, были самыми храбрыми воинами среди всех народов, населявших Галлию. В Британии они покорили аборигенов•иберийцев, изгнали их с плодородных земель в суровые районы северной и западной Англии. Несколько позже, под напором воинственных соседей, в Британию перебрались и сами белги, которые, будучи обладателями более совершенного оружия и носителями высокой цивилизации, презирали гойделов (кельтов) точно так же, как те презирали иберийцев. Оказавшись в таком сложном положении, кельты, по всей вероятности, объединились с иберийцами против общего врага и ассимилировались с ними. В результате этих процессов в эпоху римского владычества Британские острова были поделены между представителями разных этнических групп следующим образом: бритты, или вторая кельтская народность, правили Британией к югу от Твида, тогда как вторая кельтская группа, гойделы, заняла большую часть Ирландии, а также остров Мэн, Камберленд, Вест•Хайленд, Корнуолл, Девон и Северный Уэльс. К северу от Грампианс жили пикты, представлявшие собой, по•видимому, в большей или меньшей степени «гойделизованых» иберийцев, то есть туземный народ, сохранившийся, так сказать, в чистом виде в Южном Уэльсе и некоторых местностях Ирландии.

А теперь самое время уточнить, что в рамках нашего исследования удобнее всего называть обе ветви этого народа кельтами. Имея в своем распоряжении такие привычные термины, как «гэлы» и «бритты», «гэльский»

и «британский», может показаться излишним педантизмом настаивать на более специфических названиях, типа «гойделы» и «бритонцы», «гойдельский» и «бритонский». Главная трудность заключается в том, что понятия «гэлы» и «гэльский» получили широкое распространение применительно к современным гойделам Шотландии и их языку, что может вызвать известную путаницу при употреблении их в отношении жителей и диалектов Ирландии и острова Мэн. Аналогичным образом термины «бритты» и «британский» употребляются применительно к жителям Британских островов в целом, хотя в строгом смысле слова они обозначают только жителей Англии, Центрального Уэльса, Лоуленда в Шотландии и колонии бриттов в Бретани. Таким образом, термины «гойделы» и «бритонцы» со всеми производными от них являются настолько неопределенными, что лучше пользоваться более традиционными названиями. Поэтому в этой книге гойделы Ирландии, Шотландии и острова Мэн именуются гэлами, а бритонцы Англии и Уэльса — бриттами.

Сведения о жизни древнейших обитателей Британских островов мы черпаем из двух групп источников. Первая из них — это произведения латинских авторов. Однако необходимо отметить, что римлянам были хорошо знакомы только южные бритты, телосложением и обычаями весьма и весьма напоминавшие жителей континентальной Галлии, почему римляне и считали их родственниками последних. Во времена, когда жили авторы этих свидетельств, на побережье Британии, как раз напротив берегов Галлии, существовало немало колоний белгов. По мере продвижения на север, к валу Адриана, сведения римских источников становятся все более и более скудными, а о северных племенах они вообще располагали только теми сведениями, которые удавалось почерпнуть в ходе вооруженных столкновений с ними. Римляне описывают их как совершенных варваров, чьи обнаженные тела покрывала татуировка и которые жили только охотой, не имея ни городов, ни домов, ни даже возделанных полей, не зная никакой власти и даже семьи, считая железо таким же ценным украшением, каким прочие, более цивилизованные народы почитали золото. Что же касается Ирландии, то она вообще никогда не привлекала к себе внимания римских авторов, в данном случае мы целиком и полностью зависим от местных авторов, оставивших весьма скудные сведения о нравах и образе жизни гэлов. Поэтому можно считать вполне достоверными аутентичные сведения о жизни гэлов, содержащиеся в древних гэльских манускриптах, поскольку они практически полностью совпадают с наблюдениями латинских писателей, касающимися быта и нравов бриттов и галлов. Внимательно изучая свидетельства обеих сторон, мы можем в значительной мере реконструировать общую картину цивилизации кельтов.

Грубо говоря, эту цивилизацию можно сравнить с цивилизацией греков в том виде, как она описана у Гомера. Оба народа находились на стадии родоплеменного скотоводческого общества, в котором крупнейшими владельцами стад скота являлись вожди кланов, объединявшие вокруг себя наиболее состоятельных соплеменников. Оба носили примерно одинаковые одежды, пользовались практически одинаковым оружием и применяли сходную военную тактику, сражаясь на боевых колесницах, которых даже в Ирландии к I веку н. э. уже практически вышли из употребления. Битвы распадались на множество поединков между вождями и их плохо вооруженными дружинами, мало влиявшими как на исход сражения, так и на ход истории. Такие вожди, как правило, претендовали на божественное происхождение, почитаясь потомками сынов богов или даже самих бессмертных. Их грозные битвы воспевали барды, которые, как и поэты гомеровского круга, были людьми весьма привилегированными, подчинявшимися только предводителям войск. Итак, древние греки и древние кельты придерживались сходных взглядов на жизнь, на мир и посмертное бытие.

В различных источниках можно найти весьма и подробные сведения о быте и нравах древнейших обитателей Британских островов. Их одежда, состоявшая, по свидетельству римских авторов, из рубахи с рукавами, штанов, доходящих до лодыжек, и своеобразной накидки или короткого плаща, скрепленного на плечах застежкой, была сшита из плотного войлока или шерстяных тканей, окрашенных в яркие и пестрые цвета.

Так, римский писатель Диодор сообщает нам, что рисунок их одежд состоял из квадратов и линий, «словно они были усыпаны цветами». В таком наряде они казались настоящими «титанами», и мы вполне можем поверить на слово Марку Теренцию Варрону, когда он говорит, что они «являли собой весьма пестрое зрелище». Мужчины носили еще и особые шапки из мягкого фетра, а женщины оставляли голову непокрытой, собирая волосы в пышный узел на шее чуть ниже затылка. В бой мужчины также шли с непокрытой головой, зачесывая волосы на лоб и выкрашивая их в густо•красный цвет с помощью особой смеси, состоявшей из гусиного жира и золы букового дерева. Благодаря этому они напоминали скорее не людей (как писал наставник Цицерона, Посидоний, посетивший Британию ок. 110 года до н.э.), а странных диких существ, вышедших из лесных дебрей. И женщины, и мужчины очень любили украшения, с удовольствием нося массивные золотые браслеты, кольца, шпильки, булавки и броши, украшенные янтарем, стеклом и гагатом [3]. Их оружие — всевозможные ножи, кинжалы, наконечники дротиков и копий, боевые топоры и мечи были сделаны из бронзы и железа, а щиты представляли собой точно такие же круглые «мишени», которыми пользовались горцы в битве при Куллодене. Кроме того, они, по•видимому, применяли и своеобразное лассо, на конце которого был закреплен небольшой округлый камень; этим лассо они пользовались точно так же, как южноамериканские пастухи•гаучо — своими болас. Их боевые колесницы делались из прутьев, а на деревянных колесах крепились бронзовые боевые серпы. На колеснице, в которую запрягались пара или четверка коней, могли разместиться несколько воинов. Гоня коней, они на полном ходу врезались в ряды противника, поражая его дротиками и длинными боевыми косами. Римляне были изумлены искусством колесничих, которые, по словам самого Цезаря, «могли на полном скаку остановить коней на крутом склоне и мгновенно развернуть колесницу, пробежать по дышлу, вскочить на хомут не теряя ни мгновения, вернуться в колесницу».

С этими свидетельствами римских авторов мы вполне можем сравнить описание знаменитого гэльского героя Кухулина, которого ирландские хронисты показывают нам отправляющимся в бой. Кухулин, воспетый в «Похищении быка из Куальгне», облачен в те же одежды и доспехи, которые столь подробно описаны у классических римских историков и географов. «Его пышное одеяние, которое он надевал в особо важных случаях», состояло из "красивой малиновой рубахи с пятью складками, обшитой по краю белоснежной серебряной тесьмой и золотой вышивкой, сверкавшими на солнце настолько ярко, что даже глаза суровых воинов не могли выдержать их блеска. Под ней, прямо на тело, была надета тонкая шелковая рубашка, сплошь расшитая золотом, серебром и белой бронзой и доходившая почти до края его красно•коричневого килта [4]. . . На шее у него сверкала добрая сотня цепочек из красного золота, с которых свешивались всевозможные подвески. На голове у него красовалась шапочка, украшенная сотней всевозможных карбункулов". В руке он держал «особый щит густо малинового цвета, обитый по окружности белоснежной серебряной полосой. На левом бедре у него висел меч с золотой рукоятью. За спиной у него, в колеснице, виднелись длинное копье и обоюдоострый дротик, прикрепленный к плетеному ремню с заклепками из белой бронзы». Другой фрагмент гэльской саги «Точмарк Эмер», «Сватовство Эмера», известного древнеирландского произведения, подробно описывает колесницу ее героя, Эмера. Она была сделана из дорогого дерева и плетеных прутьев, а ее колеса — из белой бронзы. Колесница имела высокую изогнутую медную раму, красивый золотой хомут и дышло из сверкающего серебра с украшениями из белой бронзы. Ее поводья были сплетены из желтых кожаных ремней, а оси были прочными и крепкими, как лезвие меча.

В таком же духе старинные ирландские авторы воспевают и жилища, и крепости своих мифических королей. Все они, подобно дворцам Приама, Менелая и Одиссея, так и сверкают золотом и драгоценными геммами. Конхобар, или Конахар, легендарный король Ольстера эпохи его золотого века, имел не один, а целых три таких «дома» в Эмайн Махе. Об одном из таких «домов», именуемом «Красная Ветвь», в том же «Сватовстве Эмера» рассказывается, что в нем имелось девять обширных покоев из красного тиса, в которых были устроены

бронзовые перегородки. Сами покои располагались вокруг жилого терема короля, потолок в котором был серебряным, а бронзовые колонны, поддерживавшие его, были украшены золотом и карбункулами. Далеко не столь пышные описания, приводимые в трудах латинских авторов, несомненно, куда более достоверны, чем панегирические восторги саг. В них сообщается, что бритты, хорошо знакомые римлянам, жили в деревнях, хижины в которых, напоминающие пчелиный улей, были крыты папоротником или камышом. При приближении врага жители спешили укрыться в местном дуне [5]. Такие дуны, по свидетельству Цезаря, отнюдь не являвшиеся шедеврами архитектуры, представляли собой округлое или овальное пространство, обнесенное палисадами из прутьев и земляными насыпями и расположенное либо на вершине холма, либо на островке посреди непроходимого болота. Остатки таких земляных укреплений сохранились до наших дней во многих графствах Англии. Наибольшей известностью среди них пользуются «замки» в Эймсбери, Эйвбери и Олд Сарум в Уилтшире, холм святой Екатерины возле Винчестера и холм святого Георгия в графстве Суррей, и более чем вероятно, что, несмотря на восторженные описания кельтских панегиристов позднейших времен, легендарные «дворцы» в Эмайн Махе и Таре мало чем отличались от таких укреплений.

Нравы и обычаи кельтов, как и жителей гомеровской Греции, отличались первобытной простотой. Все земли (хотя теоретически их верховным владельцем считался вождь клана) обрабатывались сообща. Право общинной собственности, по утверждению Цезаря, рапространялось и на всех жен клана, однако никаких доказательств этого нет. Напротив, в преданиях обеих ветвей кельтской расы есть немало свидетельств того, что женщины в глазах мужчин занимали даже более высокое положение и пользовались куда большей личной свободой, чем женщины гомеровской Греции. Это заблуждение могло возникнуть вследствие ошибочного истолкования некоторых кельтских обычаев. Родство и право наследования определялись не по отцовской, а по материнской линии, что совершенно не характерно для арийских народов, и некоторые ученые полагали, что такой принцип был заимствован у какой•то другой расы. Наследование по отцовской линии еще более ослаблялось обычаем отправлять детей на воспитание подальше от семейства, в котором они появились на свет, вследствие чего они получали приемных родителей, к которым нередко привязывались куда сильнее, чем к настоящим родителям.

Не менее примитивным был и политический статус кельтского общества, находивший отражение в семейной жизни. Какого•то централизованного суда у кельтов не существовало. Споры обычно улаживались внутри семей, в которых они возникли, а в случае более серьезных преступлений потерпевшая сторона имела право убить обидчика или нанести ему такие же телесные увечья. По мере роста и расширения семей они превращались в обширные кланы, нередко враждовавшие друг с другом. Побежденный клан был обязан признать верховную власть вождя победителей, и несколько таких побед над соседями делали его правителем целого округа. Но даже в тех случаях, когда решения вождя имели силу закона, он сам был всего лишь выразителем общественного мнения.

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (9) →

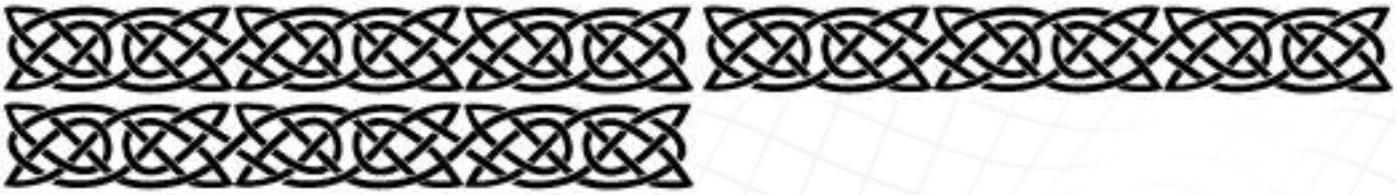
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ БРИТТОВ И ДРУИДИЗМ

Древнейшие кельтские обитатели Британии — гэлы и бритты, — как уже было сказано, относились к одной из ветвей арийской расы. Точнее говоря, сам это термин относится не столько к самой расе, сколько к обширной группе языков, восходящих, как это доказали исследователи, к единому общему источнику — гипотетическому праязыку, именуемому арийским, или, точнее, индоевропейским. Этот древнейший язык, по всей видимости, был распространен на большей части обширной равнины, простирающейся от Центральной Европы до великих горных хребтов Центральной Азии, вытесняя языки других народов или, наоборот, активно смешиваясь с ними, и на различных ветвях этого языка некогда говорили жители почти всей Европы и большей части Азии. Такие, весьма существенно отличающиеся друг от друга, языки, как латинский, греческий, славянские, германские и кельтские, ведут свое происхождение от индоевропейского; это же относится и к персидскому и другим азиатским диалектам, восходящим к Древнему языку зенд и бесчисленным языкам народов Индии, развившимся на основе санскрита.

Не так давно бытовало мнение, что общий праязык является свидетельством биологического родства по крови, то есть происхождения от общих предков. Энтузиасты такого единства говорили о генетическом родстве всех основных народов Европы, забытыми троюродными кузенами которых являются также индусы и персы. Однако со временем было установлено, что, несмотря на родство языков, претерпевших весьма существенные изменения, в жилах их носителей практически исчезла кровь арийских предков, растворившись в море генофонда других народов и рас, покоренных арийцами или просто мирно живших бок о бок с ними. Таким образом, можно констатировать, что сегодня в Европе нет ни одного народа (если не считать отдельных народностей, живущих замкнуто и изолированно), который не представлял бы собой сложное и многообразное смешение самых разных элементов. Арийцы и неарийцы давным•давно перемешались друг с другом, в результате чего возникли новые народы и нации.

Подобно тому, как праарийский язык повлиял на новейшие языки, а обычаи арийцев — на формирование новых цивилизаций, мы можем говорить о том, что в религиозных верованиях народов, говорящих на индоевропейских языках, содержатся сходные идеи и постулаты, восходящие к общему источнику мифологических концепций. Поэтому, когда мы изучаем мифологию индусов, греков, германцев или кельтов, мы убеждаемся, что в основе ее лежит одна и та же мифологическая канва. В каждой из этих мифологий мы встречаем силы природы, олицетворенные и воплощенные в сходных антропоморфных образах и персонажах, за немногими исключениями отличающихся друг от друга только именами. Кельтские (это в равной мере относится и к гэлам, и к бриттам) барды, как и брахманы индийских вед, и древнегреческие и латинские поэты, и норвежские скальды, полагали, что небесами, солнцем, луной, землей, морями и подземным царством тьмы, а также горами, реками, ручьями и лесами правят некие высшие существа, напоминающие их собственных вождей и правителей, но только гораздо более могущественные. Любые страсти, будь то любовь или война, любые искусства и ремесла, такие, как поэзия или кузнечное дело, имели своего бога•основателя, учителя и покровителя, и обо всех эти божествах, а также об их предполагаемых детях слагались поэтические и аллегорические предания, о которых и рассказывается в этой книге.

Подобно другим нациям, все равно — арийского или неарийского происхождения, кельты, помимо богатой мифологии, обладали и религиозной системой. Как оказывается, мало только рассказывать предания о богах из мрачного царства теней. Надо, чтобы их можно было увидеть в зримых образах, изваяниях, установленных в святилищах или храмах, где в их честь устраивались ритуальные мистерии и совершались жертвоприношения. Хранителями культа каждого из этих божеств были жрецы, кормившиеся от его алтаря. Жрецы кельтов известны под названием друидов. В основе слова «друид» лежит корень «ДР», означающий в некоторых арийских языках [6] дерево и в первую очередь — дуб. Это чаще всего истолковывается как свидетельство того, что друиды воздавали особые почести царю деревьев. Известно, что омела — странное растение•паразит, облюбовавшее дуб, — считалось у друидов главным среди «могущественных трав» и играло важную роль в их ритуалах; то же самое можно сказать о почитании омелы у других арийских племен. Так, у норвежцев омела была посвящена богу Бальдеру, а римляне считали ее «золотым сучком», открывающим вход в аид.

Свидетельства латинских и гэльских авторов дают нам весьма полное представление о служении друидов и о том особом почитании, которым они были окружены. В древности они были для своего племени и жрецами, и врачевателями, и волхвами, и прорицателями, и богословами, и учеными, и историографами. В них была сосредоточена вся полнота духовной силы и все человеческие знания; поэтому друиды всегда занимали почетное второе место после королей и вождей. Они были полностью освобождены от уплаты налогов в казну короля и от участия в военных походах, что позволяло им всецело посвятить себя своему божественному служению. Их решения считались окончательными, и те, кто не желал подчиниться им, подвергались

жестоким гонениям и всеобщему бойкоту. Классические латинские авторы рассказывают о настоящем господстве друидов в Галлии, где последние, несомненно, позаимствовали пышные ритуалы у своих более цивилизованных соседей. Жрецы высшего ранга гордо презирали знаки почтения со стороны простых смертных, стремясь войти в касту избранных, провозгласивших себя прямыми посредниками между людьми и богом небес или богом— громовержцем. В этом отношении с ними можно сравнить разве что представителей екклесиастических сект средневековой Европы в пору их наибольшего могущества, пользовавшихся наивысшими духовными и светскими почестями и являвшихся носителями самой высокой культуры своего времени. И тем не менее подлинной столицей друидизма была отнюдь не Галлия с ее величественными языческими храмами, пышными жреческими одеяниями и изощренными ритуалами. По свидетельству того же Цезаря, друиды Галлии верили, что их религия происходит с Британских островов, и у них даже существовала практика посылать своих «студентов•богословов» на другой берег Ла•Манша, в Британию, чтобы те познакомились с учением друидизма в его чистом виде. Проследить следы того или иного культа — значит пролистать вспять историю развития культуры. Именно Британию имел в виду Плиний Старший, говорят, что она «могла бы поучить самих персов магии» — то есть тем самым достаточно примитивным и первобытным ритуалам, которые получили распространение у друидов Галлии, обретя еще более примитивные и архаичные черты. Кстати, любопытно отметить, что Британию считали прародиной друидизма и древние ирландцы, полагавшие, что этот культ был занесен в их страну с соседнего острова. Их герои и пророки получали высшие сакральные знания лишь после того, как совершали паломничество в Альбу (см. главу 12, «Ирландская Илиада»). Однако, каково бы ни было происхождение друидизма, он, несомненно, являлся общепризнанной религиозной системой древних кельтов. Некоторые ученые, пытаясь установить истоки друидизма, идут еще дальше, утверждая, что мрачные пророчества и дикие ритуалы, практиковавшиеся в нем, несут на себе печать более низкого уровня сознания, чем поэтичные и гуманные верования кельтов. Профессор Рис склонен полагать, что в эпоху римского владычества на Британских островах существовали целых три религиозные системы: «друидизм» иберийских аборигенов, чистый политеизм бриттов, которые, обосновавшись в Британии несколько позже, еще не успели смешаться с туземным населением, и синкретические арийские и неарийские культы гойделов, ассимилировавшихся среди аборигенов. Однако многие ученые отвергают эту гипотезу. В самом деле, чтобы объяснить примитивные или откровенно варварские черты, сохранившиеся в религии более высокого уровня, мы вовсе не обязаны полагать, будто они были заимствованы у племен, находящихся на более низкой стадии развития культуры. Арийцы, как и все другие народы, неизбежно должны были пройти через стадию первобытной дикости; а мы знаем, что религиозные верования древних греков, столь гуманные и светлые, сохраняли черты настоящего варваства и жестокости, ничуть не уступающие в этом отношении мнимому варварству кельтов.

К сожалению, нам мало что известно о знаменитых вероучителях друидов, что объясняется их обыкновением никогда не записывать свои вероисповедальные доктрины. Однако у Цезаря можно найти краткое изложение их религии. «Один из их главных догматов, — пишет он, — заключается в следующем: души после смерти не исчезают и не гибнут, а просто переселяются из одного тела в другое; кельты верят, что это учение вдохновляет мужчин проявлять высшую доблесть, поскольку позволяет преодолеть страх смерти. Они также охотно беседуют с молодыми, рассказывая им о всевозможных вещах, касающихся небесных тел и их движения по небу, размеров Вселенной и нашего мира, естественных наук, а также влияния и власти бессмертных богов». Римляне, по•видимому, ревниво оберегали свои познания в науках, хотя нельзя исключить возможности того, что друиды могли каким•то образом позаимствовать из культуры классической античности некоторые познания в области науки и философии. Однако не вызывает никаких сомнений, что вера кельтов в переселение душ отнюдь не была поздним заимствованием у греков (метемпсихоз), ибо она отражена в

древнейших гэльских мифах. Во власти высших существ было не только умение совершать магические превращения, что характерно для верований всех народов, но способность к настоящей реинкарнации. Так, в саге «Сватовство Эмера» мы узнаем, что мужи Ольстера буквально заставляли героя Кухулина жениться, поскольку им было известно, что «его потомок будет воплощением его самого», и они опасались, что такой великий воин может быть потерян для их клана. Другая легенда, упоминаемая в «Похищении быка из Куальгне», рассказывает о том, как знаменитый Финн Мак Кумхайл спустя двести лет после своей смерти возродился вновь, приняв облик короля Ольстера по имени Монган.

Впрочем, такие идеи были достоянием метафизической стороны друидизма. Гораздо более важное значение для примитивно•практического сознания древних имели всевозможные священные ритуалы и жертвоприношения, посредством которых люди пытались задобрить богов, заполучить надел земли побольше и продлить свои дни на земле. У друидов это стремление приняло форму человеческих жертвоприношений. «Весь народ галлов, — пишет Цезарь, — в сильнейшей степени верит в сверхъестественные магические ритуалы; и те, кто страдает разными тяжелыми недугами, отправляется в битву или подвергается какой•либо иной опасности, либо приносят богам человеческие жертвы, либо клянутся отдать в жертву самих себя, и совершителями таких жертвоприношений выступают друиды, ибо галлы верят, что, поскольку человеческую жизнь можно выкупить только ценой жизни другого человека, воля богов в таком случае не будет нарушена. Кроме того, они устраивают жертвоприношения от имени всего народа. В других местах жрецы делают огромные подобия человеческих фигур, заполняют их живыми людьми и предают огню». Свидетельства таких же ужасных языческих обрядов мы встречаем и в Ирландии. В числе древнейших гэльских текстов до нас дошел и трактат «Диннсенхус», в котором перечисляются знаменитые святилища древности и связанные с ними легенды. Такого рода сведения по сакральной топографии обнаружены в составе нескольких крупнейших средневековых ирландских манускриптов; последнюю «редакцию» их текстов, естественно, осуществили христианские монахи•переписчики. Однако эти церковники редко позволяли себе вносить изменения в изысканную архитектонику старинных поэм. Еще труднее представить себе монастырского писца, решившего и посмевшего сочинить легенду, в которой описаны человеческие жертвоприношения, практиковавшиеся у древних ирландцев. Эта поэма (сохранившаяся в составе Лейнстерской, Баллимотской и Леканской книг, а также в старинном компендиуме, так называемом Реннском манускрипте) рассказывает, почему местечко возле современного селения Баллимагавран в графстве Каван получило название Маг Слехт, «Равнина Поклонения» [7]:

Здесь возвышался
Воинственного вида грозный идол,
Носивший имя Кромм Круах;
На всех соседей наводил он страх.
Какая мерзость!
Ему издревле поклонялись гэлы.
Они испрашивали у него
Земель побольше в бренном этом мире.
Он был их богом,
Обманщик Кромм, окутанный туманом.
И толпам тех, кто перед ним молился,
Тем в царство божье не войти вовеки.
Ему с позором

Они потомство в жертву приносили,
Творя ужасные злодейства
И кровью обагряя Кромм Круаха.
Пшеницу с молоком
Они поспешно у него просили
За треть потомства, в жертву принесенного;
Велик был страх и ужас перед ним.
Пред ним покорно
Ниц повергались гэлы благородные.
С тех пор, в воспоминанье дел позорных,
То место стали звать «Равниной поклонения».

…

Они творили зло,
Рубили руки им, тела пронзали,
Взывая к демонам, поработившим их;
И слезы из очей текли ручьями.

…

Пред Кромм Круахом
С мольбой и плачем толпы простирались,
А он глядел на них очами смерти;
Лишь эхо имена их разносило.
По сторонам [стояли]
Четырежды по три таких же истукана.
Чтобы привлечь внимание толпы,
Сам идол Кромма сделан был из золота.
Со времени правленья
Почтенного издревле Геримона
Здесь люди поклонялись тем камням,
Покуда не пришел блаженный Патрик.
Он молотом по Кромму,
От головы до пят по идолу прошелся,
И расколол на мелкие куски
Позорный идол, древле там стоявший.

Таким образом, старинное предание, которое у нас есть все основания считать аутентичным, свидетельствует о том, что в древней Ирландии совершались человеческие жертвоприношения. Согласно процитированным строфам, на заклание обрекалась третья часть здоровых детей, и происходило это, по всей вероятности, каждый год. Это делалось ради того, чтобы умилостивить силы природы и выпросить у них урожай зерна и трав, которыми питались люди и их скот. В одном прозаическом диннсенхусе *,*

сохранившемся в составе Рейнского манускрипта, приводится любопытный вариант предания. "Там (то есть в Маг Слехт), — говорится в нем, — стоял король идолов Эрина [8], по имени Кромм Круах, а вокруг него высились двенадцать других каменных идолов; сам же Кромм Круах был сделан из золота. Вплоть до прихода святого Патрика он почитался богом всех народов, населявших Ирландию. Жители приносили ему первенцев и начатки от всякой вещи, а также отпрысков вождей каждого клана". Этот же источник сообщает, что такие жертвоприношения совершались на Хэллоуин, который в христианском календаре заменил знаменитый праздник Самхейн — «конец лета», отмечавшийся, когда тепло солнца заметно ослабевало, а силы тьмы, зимней стужи и подземного царства, наоборот, набирали силу.

Кем же было это кровожадное божество? Его имя, Кромм Круах, означает «Наклонившийся с холма», и по•видимому, оно стало употребляться применительно к нему уже после того, как идол потерял свой божественный статус. По свидетельству Трехчастного жития св. Патрика, компиляции XV в., объединившей три старинные гэльские рукописи, это имя восходит к преданию о том, что при приближении всемогущего Патрика «демон» покинул свое золотое изваяние, которое тотчас наклонилось и упало наземь в знак покорности силе, несравненно превосходящей силу самого идола. Согласно другому источнику, слово кромм представляет собой каламбурный вариант слова кенн , и, следовательно, настоящий титул «короля идолов Эрина» — Кенн Круах , то есть «Глава» или «Повелитель» Холма. Это говорит о том, что в древности он, вероятно, считался гэльским богом неба, поклонение которому, как и поклонение эллинскому Зевсу, совершалось на «возвышенных местах» — как природных холмах, так и искусственных насыпях. В любом случае мы знаем, что он был самым почитаемым богом гэлов, которого окружала свита из двенадцати идолов других верховных божеств гэльского пантеона.

Таким образом, вполне возможно, что государственный культ кельтов относился к так называемому солярному типу. Все главные праздники этого культа так или иначе связаны с фазами солнечного цикла, причем дни весеннего и осеннего равноденствия считались более важными, чем дни солнцестояния. Именно в день весеннего равноденствия (носивший у кельтов название Белтэйн) один раз в девятнадцать лет, по свидетельству Диодора Сицилийского, латинского автора, современника Юлия Цезаря, Аполлон являлся своим почитателям, так что молящиеся могли видеть бога играющим на арфе и танцующим в небе до тех пор, пока не взойдет созвездие Плеяд. Другим «парным» праздником считался так называемый Самхейн, день осеннего равноденствия. Подобно тому, как Белтэйн знаменовал собой начало лета, Самхейн служил символом его окончания. Кроме того, большим праздником у кельтов считался и день летнего солнцестояния. Он отмечался в начале августа и был посвящен богу, которого галлы называли Лугус, гэлы — Луг [9], а бритты — Ллеу, своего рода панкельтскому Аполлону, а когда его культ бога войны отошел в прошлое — верховному божеству местного пантеона.

Нет никаких сомнений в том, что британского Аполлона видели танцующим и играющим на арфе не где•нибудь, а в знаменитом Стоунхендже. Это грандиозное сооружение вполне соответствует описанию «величественного храма Аполлона», расположенного, по свидетельству Диодора, «в самом центре Британии». "Это круглое сооружение, — пишет он, — стены которого украшены всевозможными дарами, приносимыми по обету, и плитами с надписями на греческом, оставленными паломниками. Правители храма и города носят название «бореадки» [10]; они наследуют власть от предков согласно законам своего племени. Простые граждане музицируют, играют на арфах и поют песнопения в честь солнца". Таким образом, Стоунхендж в древности был сакральным религиозным центром, принадлежавшим одновременно всем племенам и народам Британии, подобно Иерусалиму или Риму эпохи античного язычества.

Эти великие боги, без сомнения, пользовались особым почитанием у кельтов не только Великобритании и Ирландии, но и континентальной Галлии. Иногда пути их странствий можно проследить по названиям,

сохранившимся на просторах древнего кельтского мира. В других случаях одни и те же персонификации сил природы имеют в разных местах одинаковые атрибуты, но выступают под разными именами. Помимо них, существовало множество более мелких божеств, почитавшихся в рамках какого•то одного племени, считавшего их своими предками и покровителями. «Клянусь богами моего народа», — так звучит клятва героя в древних гэльских сагах. У племен аборигенов также существовали свои собственные божества, однако влияние последних на формирование кельтского друидизма остается недоказанным. И мы вправе усматривать в безымянных духах ручьев и рек, гор и лесов, едва различимые следы культов которых сохранились до наших дней, богов необозримого пантеона древних иберийцев. Эти местные божества, естественно, никогда не вступали в конфликт с великими кельтскими богами — персонификациями сил природы, и эти две религиозные системы существовали бок о бок, параллельно друг другу, и их ритуальные священнодействия нередко совершал один и тот же жрец. Для того чтобы отрицать бытие других богов, необходимы строго монотеистические взгляды. Народы, исповедующие политеизм, очень редко, если не сказать — никогда, поднимаются на такие высоты духа. Покоряя другие народы и вступая в контакты с ними, победители, естественно, считают своих богов самыми сильными. Однако при этом они не отрицали, что боги побежденных тоже имеют право жить на своей земле. Они, так сказать, издавна знают свою страну и обладают неисчерпаемой силой, способной творить зло! А вдруг, мстя за себя самих и своих поклонников, они превратят покоренные земли в бесплодную пустыню, бесполезную для победителей? Поэтому язычники•победители всегда с готовностью протягивали руку дружбы и признания богам своих новых подданных, стремились умилостивить их жертвоприношениями и даже нередко принимали в свой собственный пантеон.

Так возникает вопрос о «национальном происхождении» богов, с легендами о которых мы хотели бы познакомить читателей. Может быть, они все без исключения имеют арийское происхождение, или кому•нибудь из великих богов аборигенов Британии удалось занять место среди них, рядом с богиней Дану гэлов или Дон — женским божеством бриттов? Некоторые кельтские божества, по мнению ученых, имели характерные черты, говорящие об их неарийском происхождении. По правде говоря, это вопрос весьма непростой. В то же время боги древних греков — одни из них имели арийское или эллинское происхождение, другие были заимствованы из доарийских и пелазгианских культов, а некоторые появились в Элладе благодаря семитическим народам — собрались в единую великую семью богов, так что и мы вправе считать равноправными обитателями своего национального Олимпа всех тех божеств, легенды о которых лежат в основе «Мифологии Британских островов».

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

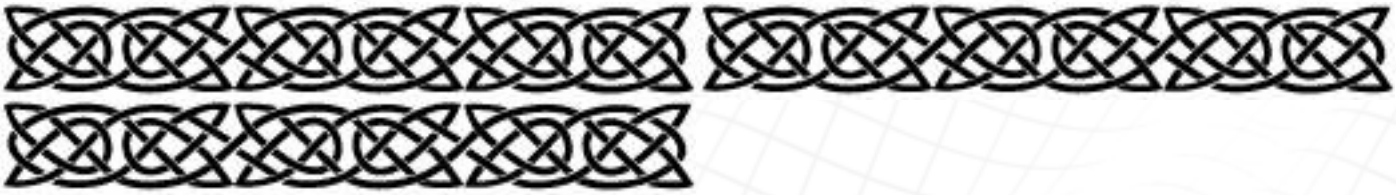
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

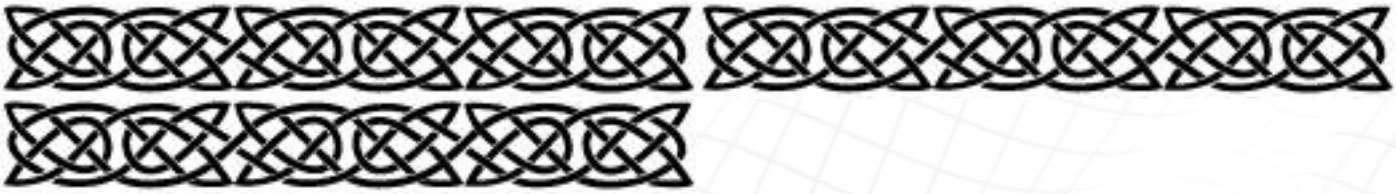
Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



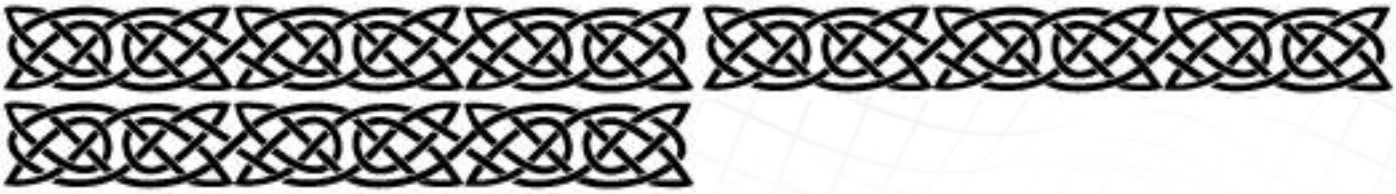
БОЛОТА

Болота играли важную роль в мифологии и культуре кельтов. Именно на болотах часто совершались всевозможные жертвоприношения богам. Видимо, это было обусловлено поверьем, что болота очень коварны, поскольку их почва, казавшаяся твердой, мгновенно уходила из•под ног, открывая врата в царство духов. В болотах нередко находили и находят ритуальные котлы, в частности — знаменитый Гундерструпский котел, а также обломки повозок и колесниц. На болотах, по•видимому, совершались и жертвоприношения людей и животных, поскольку в них были найдены останки людей и животных.



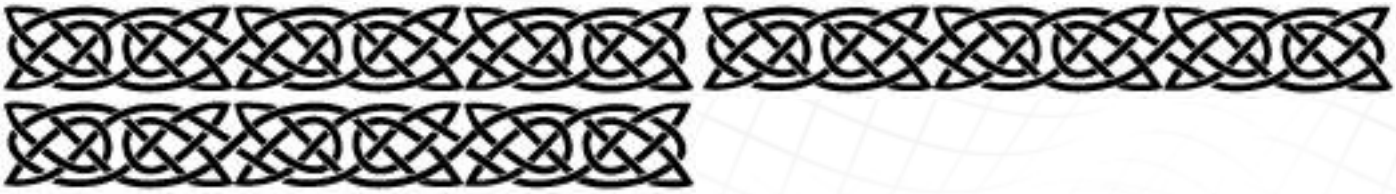
На главную | Оглавление

Кельтская мифология



БРИГИТ, или БРИГИД

В мифологии ирландских кельтов Бригит считалась одной из богинь, почитавшихся как в качестве отдельного божества, так и в числе трех богинь. Ее имя означает «возвышенная», и она чаще всего ассоциировалась с целительством, плодородием, ремеслами, поэзией и учением. Согласно одной из легенд, она была дочерью Дагды и, возможно, женой Бреса и матерью Руадана. Когда Руадан возвратился домой умирать, его родители горько оплакивали его и невольно стали создателями жанра причитаний. Помимо своей ипостаси языческой богини, Бригит стала и христианской святой, сохранившей традиционные атрибуты и черты богини, и даже ее имя (см. также глава 16).



целительством, плодородием, ремеслами, поэзией и учением. Согласно одной из легенд

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (12) →

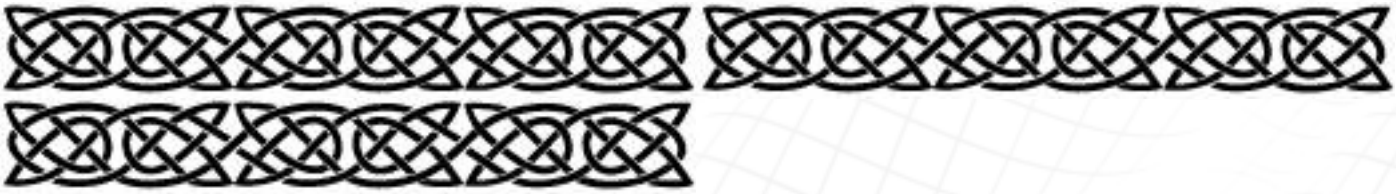
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



БРИКРИУ

В мифологии ирландских кельтов Брикриу — один из богатырей Ольстера, знаменитый своим злобным нравом и страстью к ссорам, чем он во многом напоминал валлийского героя Эфнисиена. По преданию, Брикриу устроил пир в честь мужей Ольстера и Коннахта. На таких пирах обычно вспыхивали споры за право разрезать тушу быка — честь, по традиции предоставлявшаяся самому прославленному воину из числа гостей. Чтобы вызвать ссору, Брикриу тайком обратился к трем славным воинам с призывом добиваться этой чести. В числе этих воинов были Кухулин, Коналл Кирнах и Лаогхэйр Буаднах. Все трое отправились к Медб с просьбой рассудить их спор, и та отдала пальму первенства Кухулину. Два обделенных воина отказались признать справедливость ее решения. Тогда они втроем отправились к Ку Рой Мак Даири, королю Мунстера. Но и он также решил спор в пользу Кухулина. Одна из легенд повествует о том, что к Брикриу обратились с просьбой рассудить спор между Донном Куальгне и Финнбенахом, но рассвирепевшие быки во время поединка растерзали его.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

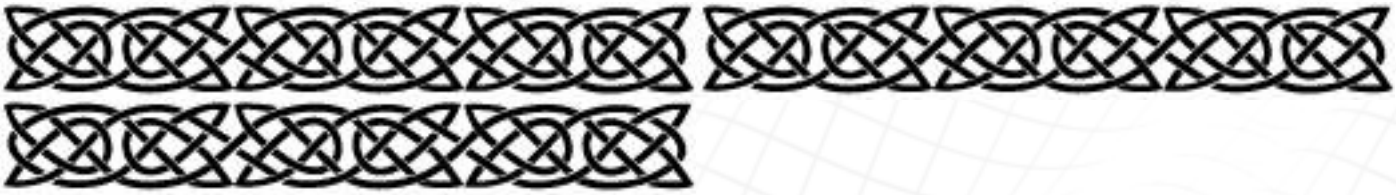
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология

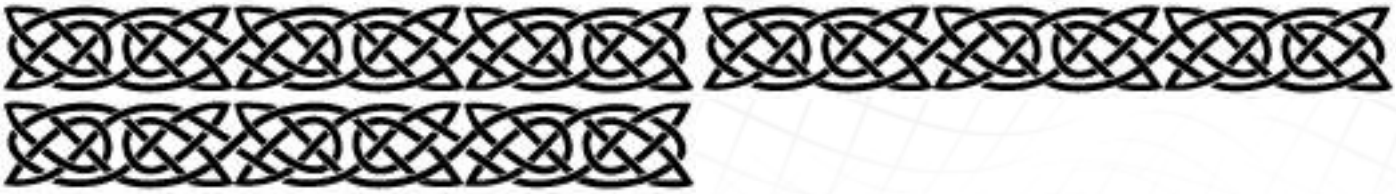


БУДИККА, или БОАДИКЕЯ

В историю Британии Будикка вошла как королева•воительница. Она была женой Прасутага, вождя племени икенов. Е мужу удалось добиться от римлян некоторой автономии для своего народа, но после его смерти римляне разграбили королевскую сокровищницу, похитили дочерей Прасутага и Будикки, а саму Будикку подвергли жестокой порке. Оскорбленная королева подняла восстание против римского владычества и добилась немалых успехов, но все же потерпела поражение в решающей битве. После этого Будикка, по преданию, покончила с собой, приняв яд.

На главную | Оглавление

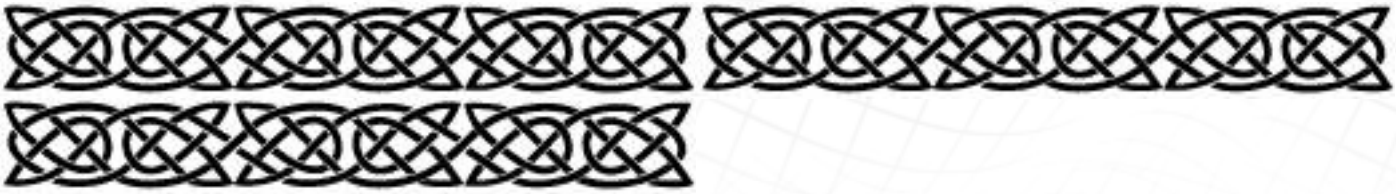
Кельтская мифология



БЫК

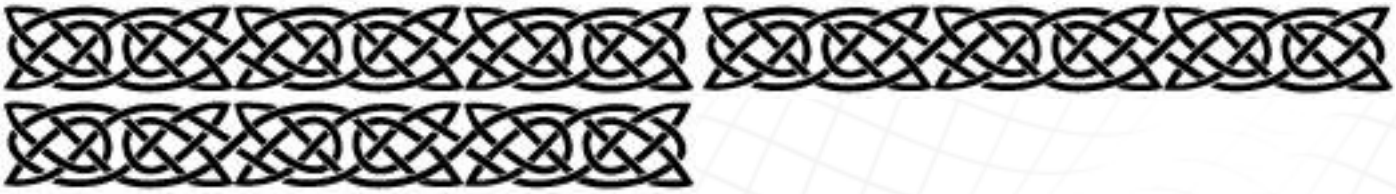
Бык занимал весьма заметное место в мифологии и культуре кельтов. Он считался символом силы и мужества, а также агрессивности, которую символизировали его рога, часто изображавшиеся нарочито огромными на резных рельефах, статуэтках и пр. Изображения бычьей головы часто использовались в качестве ручек ковшей. Сохранились статуэтки VII в., изображающие быка. Жертвоприношения быков были широко распространены у кельтов; примером тому служит изображение на серебряном Гундеструпском котле. Кроме того, бык ассоциировался и с другими кельтскими ритуалами. Так, в Тарбфейсе во время обряда выбора верховного короля приносили в жертву быка, мясо которого съедалось участниками церемонии, а кровь выпивал особый друид. Затем этот друид впадал в сон и, как считалось, должен был увидеть во сне кандидата, которому и предстояло стать верховным королем. В мифологии самая известная легенда, связанная с образом быка, — это «Похищение быка из Куальгне», повествующая о том, как Донн Куальгне, знаменитый Бурый Бык из Ольстера, был похищен Медб, королевой Коннахта.

Кельтская мифология



ВАНБОРО

В Ванборо, графство Суррей, в древности находились святилище и романо•кельтский храм. Сакральное значение этого святилища в кельтские времена подчеркивают находки трех бронзовых венцов, ибо такие венцы (короны) обычно надевали жрецы, совершавшие в храмах религиозные церемонии и обряды. Миниатюрные бронзовые колеса, венчающие два из этих венцов, свидетельствуют о том, что их использовали жрецы, имевшие отношение к культу Солнца. В слое под культурным слоем, в котором были найдены следы римской эпохи, было обнаружено множество кельтских монет — свидетельство того, что это место почиталось у кельтов священным задолго до появления на острове римлян.



Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

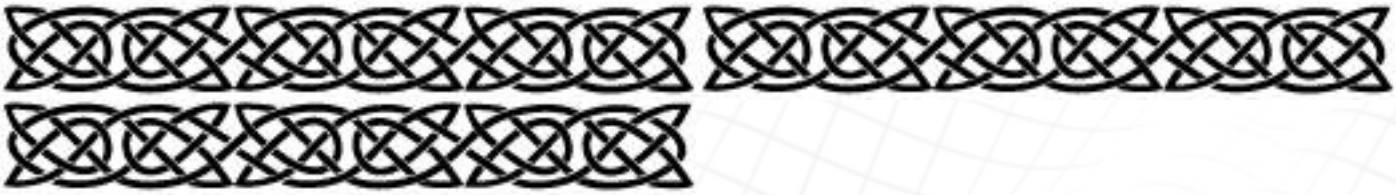
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ВЕПРЬ

Вепрь занимал видное место в мифологии и культуре кельтов. Вепрей за их свирепость почитали священными животными, ассоциировавшимися с войной. Боевые шлемы кельтских воинов часто украшались гребнями в виде вепря; широкое распространение получили и боевые трубы в форме головы вепря. Вепря часто изображали с оскаленными клыками — знак, что зверь готов броситься в атаку. Вепрь, как и олень, считался символом охоты, а также иногда ассоциировался с пиром. Свинина и кабанина считалась у ирландских кельтов одним из лакомств на пирах, устраиваемых как смертными, так и богами из Потустороннего мира. Важную роль играли вепри и в кельтских легендах (см. главы 14, 24).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (19) →

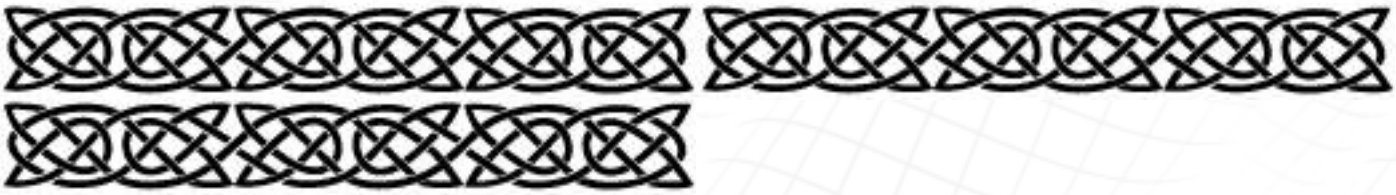
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ювелирные изделия на Подарки.ру!
Блеск любимых глаз в подарок!
www.podarki.ru

Бутик дизайнерских украшений
дизайнерские украшения ручной работы, представленные авторами
e-au.ru

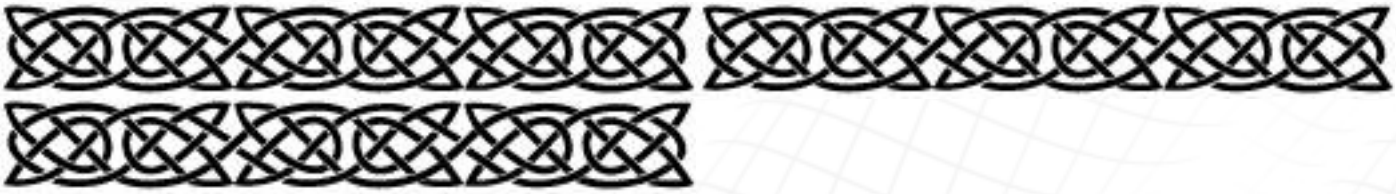
Интернет-магазин модной бижутерии
Кольца, подвески, цепочки, серьги, бусы, клипсы, крестики, браслеты
www.wildberries.ru

Кельтская мифология



ВИ

В Ви, что в Бургундии (Франция), найден курган, в котором захоронена кельтская княгиня, жившая в 6 веке до н. э. Находки всевозможных артефактов и предметов обихода, сделанные во время раскопок в могиле княгини из Ви, как ее стали называть, проводившиеся в 1953 г., заметно расширили наши представления о культуре кельтов. Останки княгини покоились на четырехколесной повозке, украшенной золотыми пластинками, а также брошками и украшениями из янтаря. В захоронении была также найдена очень большая и тяжелая греческая ваза. Вместе с княгиней в могилу были положены и другие ценные артефакты. Обилие и огромная ценность предметов, которые княгиня захватила с собой в путешествие в Потусторонний мир, — свидетельство того, что в культуре кельтов женщины пользовались большим почетом и уважением. Находки из кургана княгини из Ви говорят о том, что в древности кельты вели активную торговлю с греками, этрусками, а также с Римом и Бургундией.



На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (29) →

Европейский интернет-сервис
Товары новые и б/у. Проверь сам. Круглосуточная поддержка.
www.aukro.ru · Москва

Стильные серебряные украшения
Мы продаем дизайн! Сделано в России.
www.totemi.ru

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Роды, беременность и всё об этом
Все роддома. Календарь беременности. Роды. Жизнь внутри. Угрозы здоровью.

Адрес и телефон · www.gemabank.ru

Кельтская мифология

ВОДА

Вода пользовалась у кельтов особым почитанием; они видели в ней не только источник жизни, но и своего рода звено, связующее этот мир с Потусторонним миром. В особенности это относилось к водам, поднимающимся на поверхность с большой глубины, в частности, к родникам и источникам. В жертву таким водоемам и источникам приносили оружие и всевозможные ценные вещи, в частости, ювелирные украшения, монеты, предметы домашнего обихода, особенно котлы, а также животных и даже людей. Эти и многие другие вещи извлечены со дна озер, рек, ручьев, прудов и т. п. Кельты верили, что у каждого озера, реки и источника есть свой дух•покровитель, которому и следует подносить жертвы на алтарях и жертвенниках, воздвигавшихся неподалеку от берега. Вода в эпоху кельтов, как, впрочем, и в более поздние времена, считалась источником целебной силы. Возле родников и источников, которым приписывались всевозможные целительные свойства, в предримскую эпоху и в романо•кельтский период, воздвигались алтари и жертвенники. Эта связь воды с

целительными силами самой природы сохранилась куда дольше, чем просуществовала цивилизация кельтов. В качестве примера достаточно назвать Бат и его многочисленные целебные источники (см. также главу 7).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

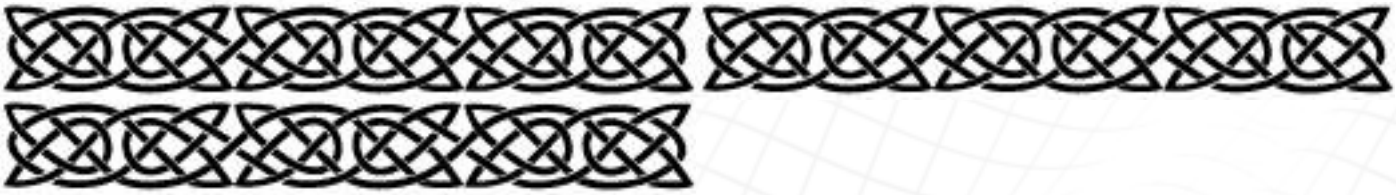
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ВОЙНА

Кельты были воинственным племенем. Это со всей очевидностью показывают материалы археологических раскопок. Шиты, мечи, копья сплошь и рядом встречаются в могилах в числе прочих вещей, которые могли понадобиться душе в ее загробном странствии и в жизни в Потустороннем мире. Об этом же говорят и многочисленные жертвоприношения по обету, найденные на дне озер, рек и прочих водоемов. Предметы оружия не обязательно предназначались для богов•воителей, а считались, по•видимому, жертвами богам вод или духам священным мест и пр. Многие из предметов оружия, найденных в таких местах, нарочно сломаны или повреждены перед совершением акта жертвоприношения. Возможно, у кельтов бытовало поверье, что, для того чтобы боги благоволили принять такую жертву, оружие необходимо привести в непригодность (см. РИТУАЛЬНАЯ ПОРЧА ВЕЩЕЙ). В жертвы богам на жертвенники часто приносились миниатюрные модели предметов оружия. В кельтской культуре заметное место занимали изображения воинов и богов•воителей. В различных святилищах были найдены изваяния богов•воителей в полный рост, в доспехах и с оружием. На

многих кельтских монетах представлены изображения воителей и воительниц. Некоторые из таких изображений, найденные на севере Британии, показывают богов и богинь войны не только со щитами и копьями в знак их воинственного нрава, но и с бараньими рогами — символом агрессии, в том числе и сексуальной. Эти аспекты еще более подчеркиваются тем фактом, что на таких изображениях боги•воители часто предстают обнаженными, с нарочито огромными эрегированными фаллосами. В мифологии ирландских кельтов некоторые божества войны имели женскую ипостась; в частности, такими богинями•воительницами были Морриган и Маха. И в женской ипостаси воинственность и агрессивность богинь подчеркнуты атрибутами сексуальности и плодородия.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

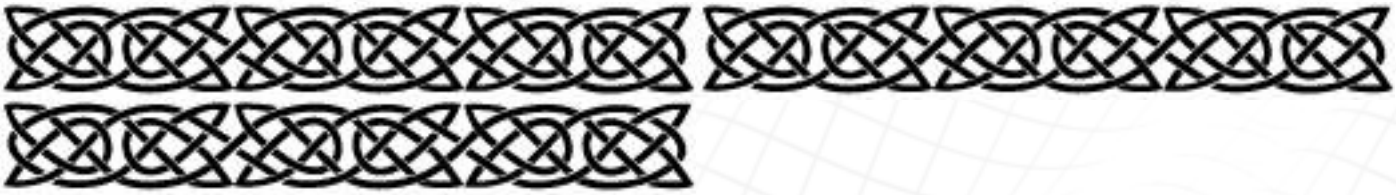
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ВОРОН

По традиции вороны ассоциировались с тьмой и мраком, а также с даром пророчества. Так, в памятниках литературы ирландских кельтов ворон часто обладает пророческим даром. Например, вороны часто предупреждали Луга о приближении полчищ фоморов. Кроме того, ворон ассоциировался с полем боя; он изображался летающим над реками крови, выкрикивая пророчества об исходе сражения. Бадб, богиня войны, появляясь на поле брани, часто принимала облик ворона. Появление Бадб на поле боя в образе ворона часто истолковывалось как пророчество о смерти какого•нибудь персонажа.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

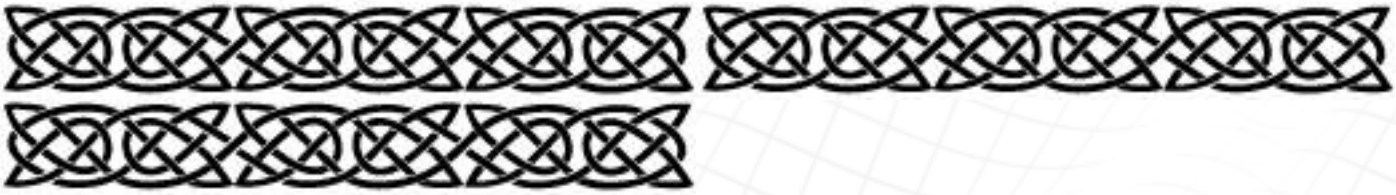
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

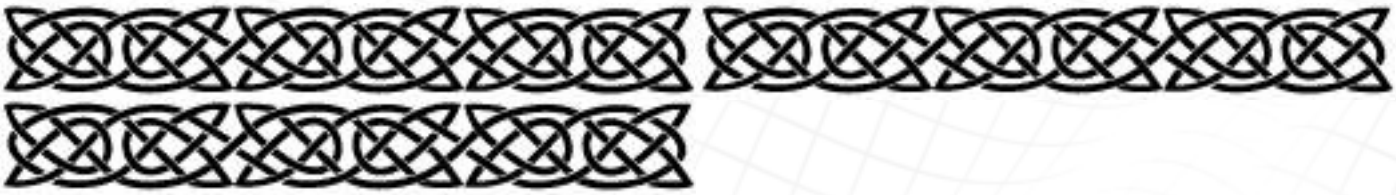
Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ГАЛЛИЯ

Обычно Галлию принято соотносить с современной Францией, но Галлия древних кельтов включала в себя и земли Швейцарии и Бельгии. По мере того как римляне постепенно завоевывали Галлию, одни племена кельтов были ассимилированы римской культурой, другие были вынуждены покинуть прежние места, многие же были преданы смерти



На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (17) →

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Все туры в Португалию
в Travel-Shop.Ru! Отличные цены и купание на Мадейре в июне!
www.travel-shop.ru · Москва

Хотите в Португалию?
Все популярные туроператоры. Скидки раннего бронирования! м. Тимирязевская

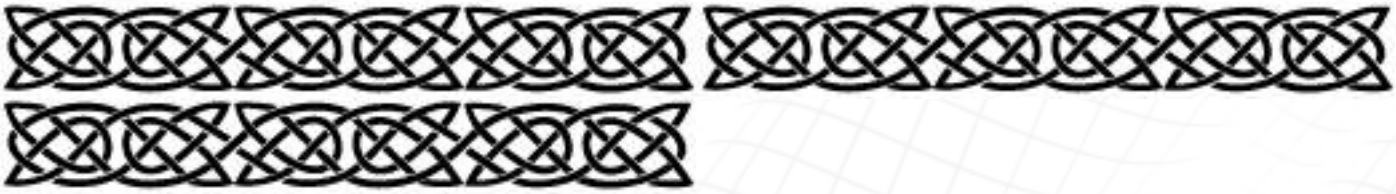
Адрес и телефон · www.flytravel.ru · Москва

Думаете об отдыхе в Португалии?
Московское турагентство предлагает большой выбор туров. Разумные цены.
travelboom.ru · Москва

Кельтская мифология

ГЕЛЬВЕТЫ

Гельветы — древнее кельтское племя, попытавшееся мигрировать через территорию Галлии, чтобы поселиться на побережье Атлантического океана, будучи вытесненным агрессивными соседями со своих прежних земель в Германии. Гай Юлий Цезарь высказывал опасения, что появление гельветов может помешать его планам захвата и управления Галлией. Он со своими легионами напал на гельветов в Армеси, нанеся им жестокое, кровавое поражение.



На главную	Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

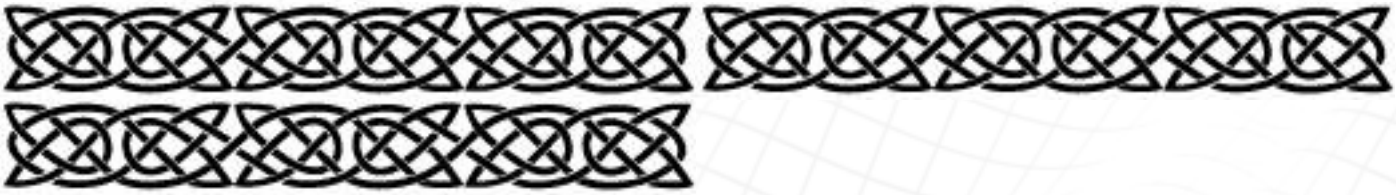
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ГЕРГЕСТСКАЯ КРАСНАЯ КНИГА

Самая большая по объему из «Четырех древних валлийских книг». Она была написана в XIV•XV вв. Содержит переводы на валлийский язык различных британских хроник, немало триад — стихов, воспевающих выдающихся героев, королей или просто занимательные вещи и события, старинные поэмы, приписываемые перу Лливарх Хена, и «Мабиноги», благодаря которым значительные фрагменты общего корпуса мифологии валлийских кельтов были переработаны и стали типичными средневековыми романами, наиболее ярким примером которых служит новелла «Куллвх и Олвен» (см. главу 24). Тремя другими древними валлийскими книгами являются Книга Аневрина, Кармартенская Книга и Книга Талиесина.

На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (9) →

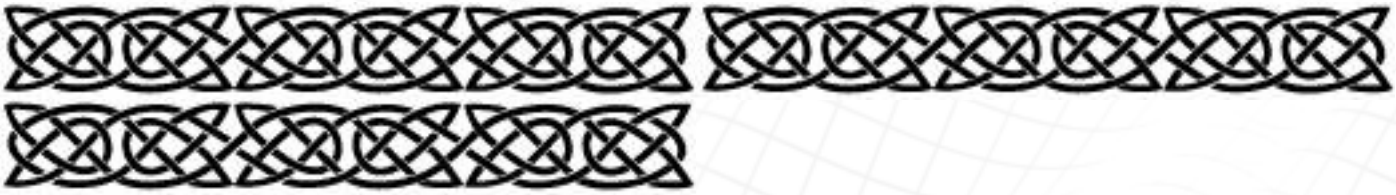
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

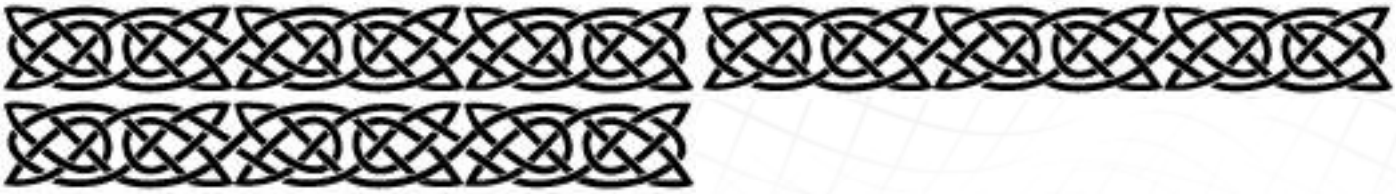
Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ГИГАНТЫ (ВЕЛИКАНЫ)

В легендах, бытующих в кельтской мифологии, весьма часто встречаются гиганты, или великаны. По преданию, гигантов, обладавших непревзойденной физической силой, невозможно было одолеть силой оружия, но можно было победить хитростью или колдовством. По преданию, до прибытия Брута Британией правило племя великанов. В кельтских легендах слово «гигант» употребляется не только в значении «человек исполинского роста», многократно превосходящий обычного человека и нередко отличающийся отталкивающей внешностью, но и применительно к человеку, обладающему исключительными талантами, и вообще всякой неординарной личности. Такими гигантами, в частности, были Бран Благословенный (см. главу 20) и Испаддаден Пенкавр (см. главу 24).



На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

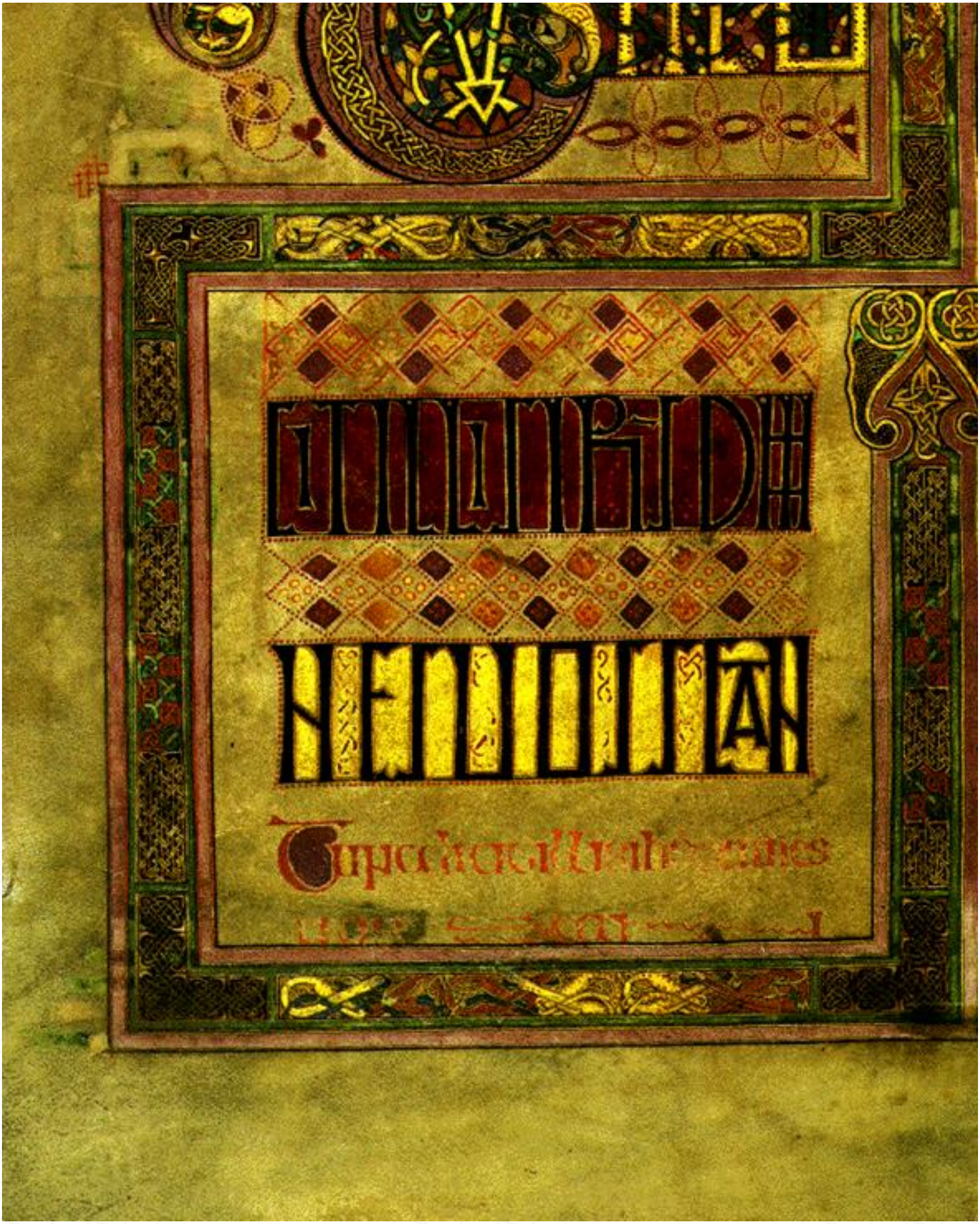
Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Келлская книга (Книга Колумбы)

Келлская книга (также известная как «Книга Колумбы») — богато иллюстрированная рукописная книга, созданная ирландскими (кельтскими) монахами примерно в 800 году. Это одна из самых щедро украшенных изящными миниатюрами и орнаментами средневековых рукописей среди всех дошедших до нас. Благодаря великолепной технике исполнения и красоте узоров, многие исследователи рассматривают её как наиболее значительное произведение средневекового ирландского искусства. Книга содержит четыре Евангелия на латинском языке, вступление и толкования, украшенные огромным количеством цветных узоров и миниатюр. В настоящее время книга хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине, Ирландия.



Согласно основной версии её происхождения, книга была создана в скриптории монастыря св. Колумбы на острове Иона в конце VIII — начале IX века. После того, как монастырь был разгромлен норманнами, книга была перевезена бежавшими монахами в Ирландию, в Келлское аббатство (монастырь), откуда книга и получила своё имя.

Келлская книга — это вершина мастерства в создании рукописных книг в период с конца VI по начало IX столетий в

монастырях Ирландии, Шотландии и северной Англии, а также в основанных выходцами из Ирландии и Англии монастырях на континенте.

Книга Колумбы

Из сохранившихся с того времени манускриптов («иллюминированных Евангелий») можно отметить «Житие Св. Колумбы», (Cathach of St. Columba), Ambrosiana Orosius, фрагмент Евангелия из кафедральной библиотеки Дурхэма (все — начало VII столетия), книгу из Дарроу (Book of Durrow — вторая половина VII столетия). Из книг, созданных в начале VIII столетия сохранились Евангелие из Дурхэма (Durham Gospels), Евангелие из Эхтернаха (Echternach Gospels), Евангелие из Линдисфарна (Lindisfarne Gospels), и Личфилдское Евангелие (Lichfield Gospels). Евангелие Св. Галла (St. Gall Gospel Book) и Евангелие Макрегала (Macregal Gospels) были созданы в конце VIII столетия. В начале IX столетия были созданы Book of Armagh (датируется 807—809), Turin Gospel Book Fragment, Leiden Priscian, St. Gall Priscian и Macdurnan Gospel. Эти манускрипты обладают общими чертами, позволяющими исследователям относить их к одной традиции.

древняя рукопись

Книга хранилась в Келлском аббатстве на протяжении почти всех средних веков. Этот монастырь был основан в городе Келлс (графство Мит, Ирландия) в начале девятого столетия, во времена постоянных вторжений викингов, монахами из монастыря с острова Ионы у берегов Шотландии. После того, как остров Ионы стал слишком опасным для жизни из-за набегов викингов, большинство монахов перебралось в Келлское аббатство, ставшее после этого центром монашеского общества, основанного Св. Колумбой.

Графство Мит (Meath) на карте ИрландииО дате и месте создания манускрипта велись ожесточённые споры. Традиция приписывала создание книги самому св. Колумбе, но палеографические исследования отодвинули создание этой книги на чуть более позднюю дату, примерно к 800-му году.

книга из келла

Существует как минимум пять различных теорий о месте создания манускрипта. Согласно одной из них, книга была создана в скриптории монастыря св. Колумбы на острове Иона и перевезена в Келлское аббатство в нынешнем, не до конца завершённом виде. По второй версии, книга была начата на Ионе, а впоследствии работа над ней была продолжена в Келлском аббатстве. По третьей версии, книга была целиком создана в скриптории Келлского аббатства. По четвёртой версии, книга была создана на севере Англии, возможно в Линдисфарне, затем перевезена на Иону, а оттуда — в Келлское аббатство. И, наконец, книга могла быть создана в неизвестном монастыре в Шотландии. Возможно, точное место так никогда и не будет установлено, но в настоящее время наиболее широко принятой является вторая версия — книга была начата на о. Ионы и продолжена в Келлском аббатстве. В любом случае книга была изготовлена монахами, принадлежавшими к обществу, основанному Колумбой.

Средневековый период

Когда бы она ни была создана, в XII столетии она определённо находилась в Келлском аббатстве, и почти определённо —

в начале XI столетия. В летописи «Анналы Ольстера» в записи от 1006 сказано: «великое Евангелие Колумбы, главная реликвия Западного мира, было выкрадено ночью из западной ризницы большой каменной церкви в Кенаннас из-за своего роскошного оклада» (Кенаннас — средневековое ирландское название Келлса). Манускрипт был найден через несколько месяцев без своего украшенного золотом и драгоценностями оклада «под дёрном». Если, как предполагается, речь идёт именно о Келлской книге, то это первое упоминание о её местонахождении в источниках. Возможно, именно после этого похищения книга потеряла ряд страниц из своего начала и конца.

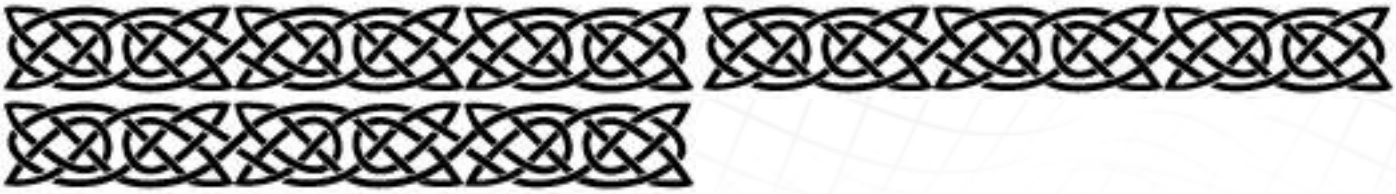
В XII столетии земельные хартии келлского монастыря были скопированы на некоторые из чистых страниц книги, что даёт самое раннее точное подтверждение местонахождения книги в Келлсе. (Копирование хартий в важные книги было широко распространённой средневековой практикой).

манускрипт

Дальше >>>

На главную	Оглавление

Кельтская мифология



ЧАСТЬ II. ГЭЛЬСКИЕ БОГИ И ЛЕГЕНДЫ О НИХ

Глава 5. БОГИ ГЭЛОВ

Из двух кельтских народов, обитавших на наших островах, гораздо лучше и полнее сумели сохранить свою мифологию гэлы. Иногда мы располагаем настолько подробными рассказами о гэльских божествах, что их вполне можно сопоставить с мифами греческих поэтов об эллинских богах, с преданиями об индийских дэвах из «Ригведы» или с норвежским Эзиром, о котором упоминают Старшая и Младшая Эдды. Таким образом, древнеирландские манускрипты донесли до нас обширные сведения, позволяющие с достаточной ясностью представить себе образы этих богов. Они, как и следовало ожидать, весьма и весьма схожи с божественными иерархиями других арийских народов.

Мы знаем, что эти боги разделены на два противоположных лагеря. Такое разделение характерно для всех арийских религий. Подобно тому, как олимпийские боги сражались с титанами, Эзир — с йотунами, а дэвы — с асурами, в гэльском царстве духов также существуют два враждующих друг с другом небесных воинства. На одной стороне сражаются боги дня, света, жизни, плодородия, мудрости и добра, на другой — демоны ночи, мрака, смерти, бесплодия и зла. К первым относились великие духи, символизирующие созидательные и позитивные аспекты природы и деятельности человека; в число их противников входили враждебные силы, кроющиеся за такими негативными явлениями, как ураганы и морозы, засуха и болезни. Боги первой группы принадлежали к семье богов, собравшихся вокруг богини по имени Дану, которой они были обязаны своим общим названием "Туатха Де Данаан «, „племя“ или»народ богини Дану". Божества второй группировались вокруг богини по имени Домну. Их царь, Индех, считался ее сыном, и поэтому все они именовались «богами Домну». Слово «Домну», по всей видимости, означает «пропасть» или «морская бездна»; такое же значение имеет и хорошо известное слово «фомори», происходящее от двух гэльских слов, означающих «подводный мир». Необъятный водный простор всегда воспринимался кельтами как своего рода символ первобытной древности. В их сознании он ассоциировался с пустотой, мраком и чудовищными монстрами — то есть понятиями, составляющими полную антитезу земле, небу и солнцу.

Таким образом, фоморы считались существами более древними, чем боги, от рук которых им предстояло в конце концов погибнуть. Потомки «Хаоса» и «Старухи•ночи», они по большей части были громадными и уродливыми созданиями. У некоторых из них было всего по одной руке и ноге; на плечах у других красовались головы коз, лошадей или быков. Самым известным и, пожалуй, наиболее ужасным среди них был Балор, отцом которого, по преданию, считался некий Буарайнех, то есть «быкоголовый», в чьем облике причудливо сочетались черты двух классических персонажей — Циклопа и Медузы. И хотя у Балора было два глаза, один из

них всегда был закрыт, ибо он был настолько ядовитым, что убивал всякого, на кого падал его взгляд. Это губительное свойство его глаза было не врожденным, а возникло вследствие одного происшествия. Движимый любопытством, Балор как•то раз заглянул в окно дома, где верные волхвы его отца готовили какое•то колдовское снадобье, и ядовитый дым от этого варева попал ему прямо в глаз, вследствие чего тот настолько пропитался ядом, что его взгляд стал поистине смертоносным для окружающих. От взгляда этого глаза не было спасения ни богам, ни гигантам, и поэтому боги сохранили Балору жизнь лишь при условии, что его смертоносный глаз всегда будет закрыт. Однако в дни решающих битв Балор становился напротив врагов, поднимал веко на своем страшном глазе и беспощадно истреблял все, на что устремлялся его взор. В Ирландии до сир пор жива память о Балоре и его ужасном глазе; выражение «глаз Балора», бытующее в ирландском фольклоре, соответствует фразе «дьявольский глаз», распространенной в других культурах. В древних преданиях и сегодня рассказывается о Балар Бейманн , или «Балоре Могучий Удар». Замок Балора — причудливой формы утес на острове Тори. Этот остров у побережья Донегала в древности служил форпостом фоморов на земле, тогда как их главные владения находились в леденящих пучинах моря.

Однако среди легенд, утверждающих, что фоморы имели ужасный вид, встречаются и некоторые исключения. В частности, в Харлейском манускрипте (XV в.), хранящемся в Британской библиотеке, один из их вождей, Элатхан, описан как весьма величественное создание — этакий мильтоновский князь тьмы. «Это муж прекрасного сложения, — говорится в манускрипте, — с золотистыми кудрями до плеч. На нем красуется плащ на золотом шнурке, надетый поверх куртки, расшитой золотыми нитями. На шее у него сверкают пять золотых ожерелий, а на груди сияет самоцветными камнями золотая брошь. В руках у него два серебряных копья с бронзовыми заклепками, а меч его украшен золотой насечкой и имеет золотую рукоять». Его имя — Брес, что означает «прекрасный», и, насколько нам известно, в Ирландии все красивое, будь то равнина, крепость, укрепление, эль, факел, женщина или мужчина, принято сравнивать с ним и говорить: красив, как Брес.

Балор, Брес и Элатхан — три главных фоморских персонажа, лучше всего знакомые нам, несмотря на окутывающую их дымку седой древности; однако они не являются ни единственными, ни самыми ранними из фоморов. О других нам не известно практически ничего, кроме нескольких имен этих предков гэльских гигантов. То же можно сказать и о гэльских богах. Те из них, чьи имена мы знаем, тоже, разумеется, не были сиротами, но имена их отцов — не более чем бледные тени, едва способные спасти из пропасти забвения персонажей, которые их носят. Наиболее архаическое божество из всех известных нам — это сама Дану, богиня, давшая имя целому клану небожителей, — Туатха Де Данаан. Другие варианты ее имени — Ану или Ана [11]; они увековечены в названии двух широко известных горных вершин в окрестностях Килларни, которые, впрочем, в наши дни именуются просто «Сосцы», а в древности их название звучало как «Сосцы Аны». Ану (Дану) почиталась как матерь всего живого; «она привыкла заботиться обо всех богах», — пишет анонимный автор комментариев (IX в.) к Словарю ирландских богов, создание которого приписывают Кормаку, королю•епископу Хасела. Муж богини нигде не назван по имени, однако по аналогии с мифологией бриттов можно предположить, что им был Байл, фигурирующий в гэльских преданиях в качестве бога Аида, то есть подземного царства, нечто вроде кельтского Плутона, от которого появились на свет первые люди. Сама Дану, по всей видимости, представляет олицетворение земли и ее плодородных сил, и в этом качестве ее можно сравнить с греческой богиней Деметрой. Все остальные боги, по крайней мере по титулу, считались ее детьми. Величайшим из них почитался Нуада по прозвищу Аргетламх, что означает «Муж с серебряной рукой». Он выполнял роль гэльского Зевса, или Юпитера, а также бога войны, поскольку у всех примитивных народов, для которых победа в войне почиталась главным проявлением милости небес, бог войны неизменно занимал главенствующее положение в их пантеоне. Аналогичным образом галльский бог Камул, имя которого означает

«небеса», всегда отождествлялся римлянами с Марсом. Можно вспомнить и другие примеры. Этот бог обладал непобедимым мечом, одним из четырех главных сокровищ клана Туатха Де Данаан, двойным повелителем которого он считался. Нет никаких сомнений, что Аргетламх был одним из главных богов; как у гэлов, так и у бриттов, поскольку его имя постоянно встречается в топонимах на всей территории Британских островов, которые, по•видимому, были завоеваны кельтами при его активной поддержке.

Мы можем представить его этаким кровожадным Марсом, упоенным битвой и жестокостью; его культ, как и культы его галльских «коллег», Тевтата и Хесуса, о которых повествует в своей поэме «Фарсалия» римский поэт Лукан, сопровождались человеческими жертвоприношениями, которыми грозный бог щедро делился со своими спутницами. Те, насколько мы можем судить, нисколько не уступали в кровожадности ему самому или галльскому Таранису, чей культ был «ничуть не милосерднее, чем культ скифской Дианы» и который замыкает лукановскую триаду, являя собой вполне подходящего компаньона «не знающему жалости Тевтату» и «ужасному Хесусу». К числу столь же воинственных богинь относились пять божеств: Фи, «злобная», Нимэйн, «ядовитая», Бадб, «неистовая», Маха, персонификация битвы. Самой главной из них почиталась Морриган, или Морригу, то есть «великая королева». Эта верховная гэльская богиня войны, напоминающая свирепую Геру, по всей вероятности, символизировала луну, которая, согласно представлениям древних народов, возникла раньше солнца. Культ луны сопровождался магическими обрядами и кровожадными ритуалами. Ее изображали облаченной в воинские доспехи и держащей в руке два копья. Ее боевой клич, подобно кличу Ареса и Посейдона в «Илиаде», был громким и грозным, словно крик десяти тысяч воинов. Великая королева всегда — на войне, среди богов или простых смертных, появлялась либо в своем подлинном облике, либо в своих излюбленных личинах — в образе черной вороны или серого ворона. В одной из старинных поэм рассказывается, как она возбуждает боевой дух воина:

Над головой его вопила,
Подскакивала и металась ведьма,
Паря над копьями и над щитами;
О, то была седая Морригу [12].

Помимо нее, среди воинов появлялись и прочие воительницы, Фи, Нимэйн, Бадб и Маха, и, охваченные исступлением битвы, вдохновляли их на новые подвиги. Иногда все эти фурии скрывались под общим именем Бадб. Рассказ о битве при Клонтарфе, в которой Брайан Бору выступил в 1014 году против норвежцев, приводит жестокую картину событий, происходящих, по верованиям гэлов, в мире духов, когда шум битвы начинал утихать и кровь воинов лилась рекой. "И тут появилась дикая, неистовая, кровожадная, злобная, мстительная, неумолимая, мрачная, воинственная, жестокая Бадб, с дикими воплями носившаяся у них над головами. За ней явились сатиры, и духи, и эльфы, и призраки долин, и всяческие колдуны и оборотни, и отвратительные демоны земли и воздуха, и дьявольские привидения; все они взывали к воинам, призывая их собрать все свое мужество и сразиться с ними. Когда же битва окончилась, они принялись бродить среди павших воинов; отрубая головы убитых, они называли их «урожаем Махи». Эти мрачные создания воинственной фантазии обладали удивительной живучестью. В то время как Нуаду, верховный бог войны, довольно рано исчез из гэльского пантеона, пав от рук фоморов в грандиозной битве между богами и фоморами, Бадб и Морриган, вместе с прочими кельтскими божествами, благополучно дожили до конца Средних веков. Точнее говоря, они уцелели и до наших дней в мире суеверий и сверхъестественных созданий, знакомых всем кельтоязычным народам, где действует их аватара [13] — серый ворон.

Величайшим после Нуаду богом был Дагда, имя которого, по мнению некоторых исследователей, означает

«Добрый бог», или «Пламя бога». В старинном ирландском трактате «Выбор имен» рассказывается о том, что Дагда был богом земли; у него был котел под названием «Неиссякающий», в котором каждый находил себе пищу в соответствии со своими заслугами, и поэтому никто никогда не оставался им недоволен. Была у Дагды и живая арфа, Уаитни. Когда бог играл на ней, времена года шли установленным чередом: весна следовала за зимой, лето сменяло весну и уступало место осени, которая, в свою очередь, сменялась зимой. Дагда, считавшийся большим любителем и неутомимым поедателем овсяной каши, служил отражением примитивного сознания архаичных народов, питавшихся в основном зерном. В древнем предании о второй битве при Маг Туиред, сохранившемся в составе Харлейского манускрипта, дано описание одеяния бога. На нем была коричневая рубаха с широким вырезом на вороте, едва прикрывавшая его бедра, а поверх нее — широкая накидка, ниспадавшая с плеч. На ногах у него были башмаки из конской шкуры волосом наружу. Он повсюду таскал или, лучше сказать, возил за собой на колесе восьмизубую боевую палицу, настолько большую и тяжелую, что поднять ее могли только восемь сильных мужчин, а само колесо, когда бог взваливал на него палицу, оставляло глубокую борозду, напоминавшую границы между владениями. Седоголовый старик, неутомимый поедатель овсяной каши, он именно ей был обязан своей славой непобедимого воина. В битве между богами и фоморами Дагда совершил славные подвиги; так, однажды он захватил в плен однорукое, стоногое и четырехголовое чудовище по имени Мата, приволок его к «камню Бенна», что неподалеку от Бойн, и там убил его.

Матерью сына Дагды, Оэнгуса, была Боанн (Бойн). Бойн ассоциируется с легендой о реке Бойн, которой, по свидетельству Лейстерской книги, она не только дала имя, но и создала ее. Прежде на ее месте был ручей, так называемый ручей Троицы, скрывавшийся в тени девяти волшебных кустов орешника. На этих кустах росли орехи темно•малинового цвета, обладавшие волшебным свойством: тому, кто сумеет сорвать их и тотчас съесть, открывались таинственные познания о сущности мироздания. Эта легенда, по всей видимости, представляет собой гэльский вариант древнееврейского мифа о древе познания добра и зла. Привилегией знать эти тайны пользовался лишь один вид существ — божественные лососи, обитавшие в ручье и тотчас проглатывавшие орехи, как только те падали с ветвей орешника в воду, и поэтому знали все и обо всем. Отсюда пошло выражение «вещие лососи». Всем прочим, в том числе и верховным богам, было строжайше запрещено приближаться к этому месту. И лишь Бойн, движимая непреодолимым любопытством, присущим всем женщинам, осмелилась нарушить этот запрет богов. Но едва она приблизилась к ручью, его воды поднялись, двинулись на дерзкую и всей своей мощью обрушились на нее. Бойн удалось спастись, но воды больше не вернулись в прежнее русло. Они стали рекой Бойн, а что касается знаменитых обитателей ручья, вещих лососей, то они с тех пор вечно кружат и кружат в речной глубине, напрасно пытаясь найти на дне волшебные орехи. Одного из этих волшебных лососей однажды поймал и съел знаменитый Финн Мак Кумхэйл, чем и объясняется обретенный им дар всеведения (см. главу 15, «Финн и фианы»). Такие объяснения причин возникновения рек — излюбленный прием ирландских легенд, отражающий присущее кельтам почтительное отношение к поэзии и знанию, в сочетании с предостережением, что к такому месту нельзя приближаться без страха. В преданиях, в частности, в тексте Лейнстерской книги, рассказывается о ручье Шеннон, который, как и Бойн, рассвирепев, вышел из берегов и бросился вдогонку за дерзкой нимфой по имени Сионан, дочерью Лодана, сына бога моря Лира. Сионан направилась к другому ручью, который носил название «ручей Коннлы» и протекал глубоко в морской пучине, то есть, другими словами, в стране Молодости. «Это тот самый ручей, — гласит предание, — у которого растет орешник, дающий мудрость и вдохновение, а также орешник поэтического искусства; на этих кустах в один и тот же час появляются листья, цветы и орехи, дождем падающие в воду, отчего в ручье поднимается волна цвета королевского пурпура». В рассказе, описывающем приближение Сионан к ручью, ничего не говорится о тех обрядах или ритуалах, которые она по незнанию не совершила, но сердитые

волны набросились на нее, накрыли с головой и выбросили на берег Шеннона, где она и умерла, оставив реке свое имя. Этот миф об орешнике вдохновения и познания, а также образы бурных волн проходят через все ирландские легенды. Это с проникновенной чуткостью выразил ирландский поэт А.Е. Расселл в следующих строках:

В лесу дремучем, на холме там хижина стоит;
Небесным звездам и ветрам сей дом всегда открыт;
Сюда и заяц забежит, и ветерок впорхнет,
Покинув свой небесный трон, с заоблачных высот.
Когда же солнце озарит багрянцем небосвод,
Я знаю: то святой орех земле дарует плод
Из звездных россыпей, упав у Коннлы над ручьем;
Бессмертная вода его хранит в краю глухом.
Когда же дремлет ночь в росе и мир смиренно глух,
Мысль, повергающая в дрожь мой беспокойный дух •
Пурпурный плод с благих небес, колеблющих эфир,
И с древа жизни, чьи плоды объемлют целый мир.

У Дагды было семеро детей, из которых наибольшей известностью пользуются Бригита, Оэнгус, Мидхир, Огма и Бодб Дирг (Бодб Рыжий). Из числа его детей более всех прославилась Бригита: ее знают даже те, кто и понятия не имеет о кельтской мифологии. Первоначально она считалась богиней огня и очага, а также покровительницей поэзии, которую древние гэлы считали нематериальной, сверхъестественной формой огня. Однако раннехристианские миссионеры сумели навязать языческой богине роль христианской святой, и она, будучи канонизирована, получила широкую популярность под именем св. Бриджит или Брайд (см. главу 16 «Упадок и падение богов»).

Оэнгуса называли также Мак Ок , что означает «сын молодости» или, возможно, «молодой бог». Он, пожалуй, наиболее очаровательное создание кельтской мифологии, своего рода гэльский Эрот, вечно юный образ любви и красоты. Как у его отца, у Оэнгуса была арфа, но только не из дуба, как у самого Дагды, а из золота, издававшая настолько нежные и сладостные звуки, что услышавший ее не мог удержаться, чтобы не последовать за молодым богом. Его поцелуи стали птичками, незримо порхающими между парнями и девушками Эрина, щебеча им на ухо сладкие слова любви. Оэнгус тесно связан с берегами р. Бойн, где некогда высился его сказочный дворец и где до сих пор рассказывают множество легенд о его подвигах и приключениях.

Мидхир, также герой целого ряда легенд, по всей вероятности, был богом подземного царства, кем•то вроде гэльского Плутона. В этой ипостаси он был связан с островом Фалга (это название, относящееся к острову Мэн, сохранилось до наших дней), на котором у него были три волшебные коровы и столь же волшебный котел. Кроме того, он был обладателем «Трех журавлей отказа и уверток», которых мы вправе считать олицетворением «ловких уловок». Эти журавли всегда стояли на страже у дверей его дома, и, когда к ним приближался человек, ищущий прибежища, первый журавль кричал: «Не подходи! Не подходи!», второй добавлял: «Уходи прочь! Уходи прочь!», а третий подхватывал: «Проходи мимо! Проходи мимо!». Однако верных птиц похитил у Мидхира Этхирн, алчный и завистливый поэт, коему они, несомненно, подобали куда больше, чем их первому хозяину, который никогда не был богом•плутом или обманщиком. Напротив, Мидхир всегда предстает в образе жертвы плутов, безжалостно обманывающих его. Бог Оэнгус отнял у него жену, Этэйн (см. главу 11 «Боги в изгнании»), а его коровы, котел и прелестная дочь Блатнад стали добычей дерзких героев

и полубогов из свиты короля Конхобара в золотой век Ольстера.
Огма, называемый также Кермэйт, что значит «медоустый», был богом литературы и ораторского искусства. Он женился на другой Этэйн, дочери Диан Кехт, бога врачевания, и имел от нее семерых детей, сыгравших более или менее заметные роли в мифологии гэльских кельтов. Одного из них звали Туиреанн; трое его сыновей убили отца бога солнца, и им было приказано уплатить самый огромный за всю историю выкуп, по сравнению с которым все сокровища мира — ничто (см. главу 8 «Гэльские аргонавты»)— Другой сын, Кэйрбр, стал профессиональным бардом Туатха Де Данаан, а трое других некоторое время правили кланом богов.
Будучи покровителем литературы, Огма, естественно, считался и создателем знаменитого кельтского алфавита огам. Огам — древнейшая форма письменности, возникшая в Ирландии и распространившаяся по всей территории Великобритании. Надписи, сделанные огамским алфавитом, обнаружены в Шотландии, на острове Мэн, в Южном Уэльсе, Девоншире и в Силчестере, Гемпшире, древнеримском городе Каллева Аттребатум. Это письмо предназначалось для надписей на вертикальных каменных столбах и стенах. Знаки, обозначающие буквы, представляли собой точки или наклонные зарубки. Основные буквы алфавита огам таковы:
Позднее, в рукописных текстах, эти знаки поменялись местами и стали располагаться на горизонтальной линии, над и под ней, а гласные стали обозначаться короткими черточками вместо зарубок, например:
Выразительный образец надписи на алфавите огам — текст на колонне с небольшого мыса возле Данмор Хед в западном Керри. Эта надпись, читаемая по горизонтали, гласит:

то есть «Эрк, сын сынов, или Эрка (потомок) Модовинии».

Истоки этого алфавита остаются неясными. Некоторые исследователи относят его к глубокой древности, а другие считают, что он возник уже после появления христианства в Ирландии. Однако в любом случае не вызывает сомнений, что он возник на основе латинского алфавита, и, следовательно, его создатели были знакомы с последним.
Помимо своей функции покровителя литературы, Огма был еще и богатырем или, по крайней мере, сильнейшим среди профессиональных силачей клана Туатха Де Данаан. Он носил титул «Грианайнех», что означает «солнцеликий»; этим титулом он был обязан своей сверкающей внешности.
Последний из наиболее известных отпрысков Дагды — Бодб Дирг, Бодб Рыжий, играющий куда большую роль в поздних легендах, чем в более ранних. Именно он унаследовал от отца титул короля богов. Бодб Рыжий тесно связан с югом Ирландии, особенно с горами Гэлти и Луг Дирг, где у него был знаменитый сидх — подземный дворец.
Посейдоном клана богов Туатха Де Данаан был бог по имени Ллир, или Лер, но нам известно о нем очень немногое, особенно по сравнению с его знаменитым сыном, Мананнаном, величайшим и самым прославленным из его многочисленного потомства. Мананнан Мак Лир (то есть Мананнан, сын Лира. — Прим. перев.) был прежде всего патроном мореплавателей, которые почитали его как «бога нагорий», покровителя торговцев, считавших его старейшиной своей гильдии. Его излюбленными местами были остров Мэн, которому он дал свое имя, а также остров Арран в Фирт оф Клайд, где у него был роскошный дворец под названием «Яблоневый Эмэйн». У Мананнана было немало знаменитых видов оружия, в частности, два копья, прозванных Желтое древко и Красный дротик, меч по прозвищу Мститель, который не переставал сокрушать врагов, а также два других меча, именовавшиеся Большой демон и Малый демон. Была у него и большая лодка по прозвищу Метла волн, которая двигалась сама собой, доставляя своего хозяина куда он только пожелает, и огромный конь по кличке Роскошная Грива, обгонявший весенние ветры и молнией мчавшийся как по суше, так и

по волнам. Никакое, даже самое грозное оружие не могло пробить его волшебную кольчугу и заколдованный панцирь, а на его шлеме ослепительно сверкали два магических самоцвета, ярких, как солнце. Он даровал богам мантии, делавшие их невидимыми, как только те пожелают, и кормил их своими собственными поросятами, которые возрождались быстрее, чем гости успевали съесть их. Именно из них он, без сомнения, повелел приготовить угощения на своем знаменитом Вечном Пиру, так что гости, отведавшие их, никогда не старились. Таким путем слуги богини Дану навеки сохраняли молодость, а эль бога•кузнеца Гоибниу делал их неуязвимыми для врагов. Считалось, что и сам Мананнан, и все остальные боги тоже должны были получить особое благословение, чтобы приобщиться к источнику вечной Жизни. Вплоть до самых последних дней бытования ирландского героического эпоса это сияющее божество не сходило с его страниц; не забылось оно и сегодня. Гоибниу, этот гэльский Гефест, посредством своего волшебного эля делавший неуязвимым племя богини Дану, сам ковал для него доспехи и оружие. Не кто иной, как он, с помощью бога•плотника Лухтэйна и бога•медника Крейдхна, изготовил доспехи для богов клана Туатха Де Данаан пред решающей битвой с фоморами. Столь же активно помогал ему и Диан Кехт, бог врачевания, имя которого, судя по объяснениям в «Выборе имен» и в «Словаре» Гормака, означало «бог здоровья». Именно он некогда спас Ирландию и имеет косвенное отношение к происхождению названия реки Бэрроу. Морриган, свирепая супруга этого небесного бога, родила сына столь ужасной наружности, что собственный врачеватель богов, предвидя грядущие беды, посоветовал предать его смерти. Так и было сделано; и когда Диан Кехт вскрыл сердце бога•младенца, он обнаружил в нем трех змей, способных, если бы врачеватель своевременно не вмешался, вырасти, достичь гигантских размеров и проглотить всю Ирландию. Диан Кехт, не теряя ни мгновения, умертвил змей и предал их огню, ибо он опасался, что даже мертвые тела их могут причинить зло. Более того, он собрал их пепел и высыпал его в ближайшую реку, ибо его не оставлял страх, что и пепел их представляет опасность; так оно и оказалось, и, как только он высыпал пепел в воду, она буквально закипела, так что в ней тотчас погибло все живое. С тех пор река и зовется Бэрроу («кипящая»).

У Диан Кехта было несколько детей, двое из которых унаследовали дело отца. Их звали Мидах и его сестра Эйрмид. Кроме них, у него была и другая дочь, Этэйн, которая вышла замуж за Огму, и трое сыновей, которых звали Киан, Кете и Ку. Киан был отцом Этхлина, дочери Балор•фоморки, сын которой стал символом вечной славы гэльского пантеона, его Аполлоном, богом солнца. Конечно же, это был Луг, прозванный Ламхфада, что означает «Длинные Руки» или «Стреляющий далеко». Однако изображается он не с луком, как Аполлон у греков, а с пращой, с помощью которой Луг совершал свои подвиги.

Его почитатели, увидев в небе радугу, вспоминали об этом страшном оружии; даже Млечный Путь кельты называли «Цепь Луга». Было у Луга и волшебное копье, которое, в отличие от пращи, богу не было нужды постоянно держать в руках, ибо копье это было… живым и отличалось ненасытной жаждой крови, так что успокоить его можно было, только погрузив его наконечник в усыпляющий отвар из толченых листьев мака. Почуяв приближение битвы, копье просыпалось, начинало рваться и метаться на ременной привязи и, разорвав ее, устремлялось прямо на ряды врагов. Еще одним атрибутом бога был волшебный пес, о котором в старинной поэме (ее авторство приписывается одному из героев•фианов по имени Каоилти), сохранившейся в составе Лисморской книги, рассказывается следующее:

Тот достославный пес
Непобедимым был на поле брани;
Он был дороже всех сокровищ,
Носясь по полю огненным клубком.
Тот пес был знаменит особым даром

(А дар тот был превыше всех других):
Лишь стоило ему в ручье омыться,
Как воды в нем текли вином и медом.

Этого волшебного пса, а также волшебное копье и несъедаемых поросят Мананнана добыли для Луга сыны Туиреанна, отдав ему их в качестве уплаты части того громадного штрафа за кровопролитие, который он наложил на них за убийство ими своего собственного отца, Киана (см. главу 8 «Гэльские аргонавты»). В одном из преданий рассказывается, что бог Луг имел почетное прозвище Йолданах, что означает «Повелитель всех искусств» (см. главу 7, «Возвышение бога Солнца»).
Разумеется, мы упомянули лишь о некоторых наиболее значительных божествах гэльского пантеона, о древних богах и богинях, соответствующих таким фигурам эллинистического Олимпа, как Деметра, Зевс, Гера, Кронос, Афина, Эрот, Аид, Гермес, Гефест, Эскулап и Аполлон. у всех этих кельтских богов были многочисленные потомки, некоторые из них играют важную роль в героических циклах «Красной Ветви Ольстера» и преданиях о фианах. Кроме них, существовало необозримое множество второстепенных божеств, стоявших примерно в таком же отношении к верховным богам, как старейшины или воины племени — к своим вождям. Большинство из них, по всей вероятности, представляло собой местных божков различных кланов; это были те самые боги, которыми клялись герои этих кланов. Вполне возможно, что многие из них некогда были божествами туземных жителей; таковы иберийские боги Нет, Ри или Рои, Корб и Бетх; однако они не сыграли сколько•нибудь заметной роли в легендах о богах гэльского пантеона.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (12) →

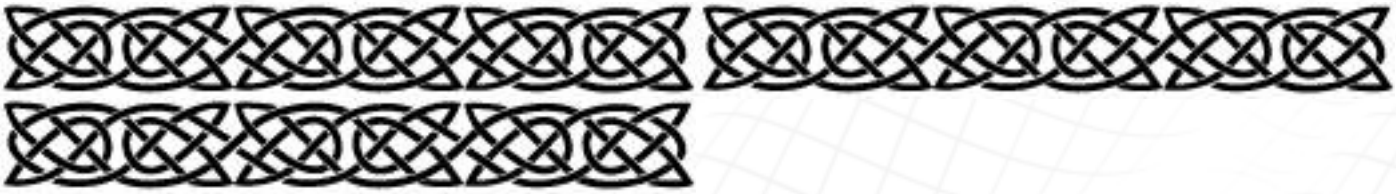
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



Глава 6. ПРИБЫТИЕ БОГОВ

Племя богини Дану было далеко не первыми божествами, обитавшими в Ирландии. Задолго до их появления на острове уже были боги•странники, канувшие «во тьме и бездне времен». В этом отношении кельтская мифология напоминает верования других народов. Почти у всех древних племен мы встречаем древний, забытый круг божеств, пребывающих в тени богов правящего пантеона. Такими были Кронос и титаны эллинов, свергнутые Зевсом, который даже Гесиоду казался богом•parvenu [14]. Гэльские предания упоминают о двух династиях богов, существовавших до появления Туатха Де Данаан. Первой из них было «племя Парталона». Парталон, их глава и предводитель, сын Серы, пришел — как приходят в этот мир, согласно представлениям кельтов, вообще все люди и боги — из потустороннего мира и высадился в Ирландии со свитой, состоявшей из двадцати четырех мужчин и двадцати четырех женщин, в число которых входила и его собственная жена, королева Дилгнейд. Первого мая, на праздник, именуемый Белтейн, королева была посвящена (т. е., возможно, принесена в жертву) Билу, богу смерти. В те давние времена Ирландия представляла собой одну голую равнину, лишенную всякой растительности; на острове было всего три озера и

девять рек. Но по мере увеличения численности племени Парталона площадь страны постоянно расширялась. По мнению одних, это произошло чудесным образом, по мнению других — в результате неустанного труда племени Парталона. Как бы то ни было, за каких•нибудь триста лет после прихода этого племени число равнин на острове выросло с одной до четырех, появилось семь новых озер, что было весьма кстати, поскольку численность самого племени Парталона, несмотря на постоянные битвы с фоморами, возросла с сорока восьми человек до пяти тысяч.

Войны, разумеется, были неизбежными. Все, чем правят истинные боги, являет собой вечную противоположность деяниям и владениям не•богов — силам тьмы, зимней стужи, зла и смерти. Племя Парталона вступило в успешную борьбу со всеми этими темными силами. На равнине Итх Парталон нанес поражение их предводителю, гигантскому демону по имени Кихол Безногий, и разогнал толпы отвратительных исполинов и монстров. После этого наступил мир, продолжавшийся долгих триста лет. Затем, в тот же самый роковой день первого мая, на острове начался мор — таинственная эпидемия, продолжавшаяся неделю и уничтожившая все племя. Перед самым концом уцелевшие решили собраться вместе на той самой первой равнине, получившей название Сен Магх , что означает «старая равнина», чтобы живым было удобнее предавать земле умерших. Место погребения племени и сегодня нетрудно узнать по высокому холму в окрестностях Дублина, именуемому на картах «Таллахт», а в старину известному под названием Тамлехт Муинтре Партолайн , то есть «Чумная могила племени Парталона». Это, по•видимому, представляет собой развитие наиболее ранней версии легенды, в которой чума даже не упоминалась, а рассказывалось о том, что племя Парталона, проведя несколько веков в Ирландии, возвратилось в потусторонний мир. Здесь мы скорее всего имеем дело с последствием постепенной эфемеризации, то есть превращения древних богов в обычных земных людей.

Вслед за племенем Парталона в Ирландию пришло племя Немхеда, воспринявшее традиции, предания и даже занятия своих предшественников. В эпоху их владычества Ирландия вновь расширила свои земли; на ней появились двенадцать новых равнин и четыре озера. Как и племя Парталона, люди Немхеда вели упорную борьбу с фоморами и в четырех решающих сражениях одержали победу над ними. После этого Немхед и еще более двух тысяч людей племени умерли от таинственной эпидемии, а оставшиеся в живых подверглись жестоким гонениям со стороны фоморов. Два короля фоморов, Морк, сын Дела, и Конан, сын Фебара, воздвигли на острове Тори башню из стекла. Этот остров, который всегда был источником их силы и где до сего дня рассказывают предания об их деяниях, служил для них своего рода опорным пунктом, откуда они требовали со всех ирландцев ужасную дань, весьма напоминающую дань, о которой рассказывается в греческом мифе о критском Минотавре. Две трети детей, родившихся у племени Немхеда в течение года, должны были приноситься в жертву на празднике Самхейн. Доведенные до предела отчаяния, уцелевшие люди племени Немхеда осадили башню и захватили ее, убив самого Конана. Однако торжество их оказалось недолгим. Другой король фоморов, Морк, собрал войско и нанес людям Немхеда столь сокрушительное поражение, что из шестнадцати тысяч мужчин, участвовавших в штурме башни, в живых осталось не более трети. И уцелевшим пришлось вернуться, откуда пришли, или умереть, что на языке мифа означает одно и то же. Невозможно не заметить большое сходство между двумя этими мифическими вторжениями в Ирландию. Особенно показательно в этом отношении упоминание о загадочной эпидемии, погубившей все племя Парталона и почти всех людей Немхеда. Можно предположить, что эти легенды попросту дублируют друг друга и что первоначально существовало только одно предание, по•разному воспринятое и усвоенное мифологизированным сознанием иберийцев и кельтов. По•видимому, предание о Немхеде имеет кельтские корни, а легенда о племени Парталона возникла у аборигенов Ирландии. Имя Парталон, начинающееся на "п", является совершенно чуждым для гэльского языка. Более того, старинные хронисты приписывают Парталону

дальних предков, определенно неарийские имена которых всплывут впоследствии в именах вождей Фир Волга. Немхед появился в Ирландии значительно позже, чем Парталон, подобно тому как гэлы, «сыны Мил Эспэйна», или милесиане, пришли на остров позже, чем иберийцы, или «люди Фир Болг».

Люди Фир Болг упоминаются в мифах как вторые колонизаторы Ирландии. В различных преданиях говорится о том, что они пришли из Греции или «Испании», что, по•видимому, представляет собой постхристианский эвфемизм кельтского Гадеса, или Аида. Этот народ состоял из трех племен, именовавшихся «Фир Дхомхнанн», или «люди Домну», «Фир Гаилиоин», или «люди Гаилиоин», и «Фир Болг», или «люди Болг», но, несмотря на традицию, предписывающую называть весь племенной союз по имени первого племени, их обычно называли как раз наоборот — по имени последнего. Сохранилось немало любопытных историй об их жизни в Греции, о том, как они пришли в Ирландию, но все эти предания скорее всего вымышленные и не находят подтверждения в наиболее древних текстах.

Так, мы узнаем, что в годы их владычества люди Фир Болг поделили Ирландию между собой: клан Фир Болг правил в Ольстере, клан Фир Дхомхнанн, разделившийся на три отдельных королевства, занял Норт Мунстер, Саут Мунстер и Коннахт; а клан Фир Гаилиоин владел Лейнстером. Границы всех пяти этих провинций сходились на холме, именовавшемся в старину «холм Балора», а впоследствии получившем название «Уиснехский холм». Холм этот находится неподалеку от Ратхконратха в графстве Уэст Метх и, как считается, в глубокой древности отмечал собой самый центр Ирландии. Люди Фир Болг правили страной с момента ухода племени Немхеда и до появления племени богини Дану. Всего за этот период у них сменилось девять верховных королей. Когда в Ирландию прибыли боги клана Дану, островом правил король по имени Эохаидх, сьш Эрка, по прозвищу Гордый. Других свидетельств о существовании этого народа в Ирландии у нас практически нет. Однако совершенно очевидно, что первоначально это были не боги, а некое доарийское племя, которое, как обнаружили гэлы, высадившиеся в Ирландии, уже успело обосноваться на острове.

Существуют условия, при которых племя, стоящее на определенном этапе развития культуры, считают другие племена, находящиеся на более низкой стадии, либо полубогами, либо, напротив, полубесами. Страх и подозрительность, с которыми древние кельты относились к преуспевающим аборигенам острова, привели к тому, что они были наделены чертами «сверхчеловеков». Кельты очень боялись тех магических ритуалов, которые практиковали туземцы в своих хорошо укрепленных святилищах на холмах или труднодоступных островках посреди болотистых трясин. Гэлы, почитавшие себя детьми света, сторонились этих мрачных иберийцев, «детей тьмы». Да и сами названия их племен нередко давали для этого все основания. Так, существовали племена Корка•Оидки («Люди тьмы») и Корка•Дуибхни («Люди ночи»). Земли одного из племен западной Ирландии, так называемых Хи Дорхаиди («Сыны мрака»), именовались «страной ночи». Кельты, принесшие с собой в Ирландию своих собственных богов, отказывались верить, что даже клан богов, Туатха Де Данаан, мог без боя отобрать земли у столь искушенных колдунов и волхвов, как иберийцы.

Кроме того, эти племена, или кланы, считались каким•то образом связанными с пресловутыми фоморами. Подобно тому, как наиболее крупное иберийское племя именовало себя «люди Домну», фоморы назывались «богами Домну», а один из их царей, Индех, — «сыном Домну». Таким образом, совершаемая в вечности битва между богами — детьми Дану и гигантами, сынами Домну, служит своего рода перенесенным в потусторонний мир отражением памяти о реальных столкновениях и битвах между интервентами•кельтами и аборигенами•иберийцами. Эти образы получили свое отражение и в позднейшем цикле о героях. Племена, захватившие Ольстер, par excellence [15] арийцы и гэлы, вовсе не были столь свирепыми врагами, как кланы Фир Дхомхнанн из Мунстера или Фир Гаилиоин из Лейнстера. Некоторые ученые усматривают в поздних преданиях о смертельной борьбе между Верховным королем Ирландии и мятежными фианами [16] последний исторический или мифологический отголосок межплеменных конфликтов древности.

Наконец, вслед за такими интервентами, как клан Фир Болг или фоморы, в Ирландии появились Туатха Де Данаан, клан гэльских богов. Древнейшее, по всей видимости, предание гласит, что они появились прямо с небес. Впрочем, более поздние версии этого предания утверждают, что их обителью была земля. По мнению одних, они обитали на севере, другие полагали, что они жили «на островах на южной окраине света». Жили они в четырех мифических городах, именовавшихся Финиас, Гориас, Муриас и Фалиас, где изучали поэзию и магию (на взгляд архаического сознания, две весьма близкие дисциплины), и именно оттуда принесли в Ирландию четыре главных своих сокровища. Из Финиаса на остров попал меч Нуады, от ударов которого никто из живых не мог ни укрыться, ни спастись; из Гориаса — смертоносная пика Луга; из Муриаса — знаменитый котел Дагды, а из Фалиаса — «Файлский Камень», более известный как Камень Судьбы, который впоследствии попал в руки первых королей Ирландии. По легенде, этот камень, когда к нему прикасались справедливые короли Эрина, обладал магической способностью утишать плач и горе. Некоторые считали этим волшебным камнем тот самый грубый обломок скалы, который Эдуард I в 1300 году приказал перенести из Скоуна в Вестминстерское аббатство, где он и хранился вплоть до 1996 года, будучи вмонтированным в коронационный трон. В этой связи можно указать на любопытный факт: в то время как шотландские легенды уверяют, что этот таинственный камень попал в Шотландию из Ирландии, ирландские предания также утверждают, что он был принесен в Шотландию из Ирландии.

Эти свидетельства представляются вполне убедительными, однако ведущие специалисты по археологии полагают, что Стоунский камень и Тарский камень не являются и никогда не являлись одним и тем же камнем. Настоящий Лиа Файл (Файлский камень) всегда оставался в Ирландии и был перенесен со своего древнего места на вершине Тарского холма в 1798 году на могилу мятежников, похороненных возле кургана, известного в наши дни под названием «могила Кроппи».

Откуда бы — с небес или с края земли — ни пришли боги клана Туатха Де Данаан, они целой толпой высадились на берег Ирландии в тот самый мистический день первого мая, не встретив никакого отпора. Более того, туземцы, которых Харлейский манускрипт именует людьми клана Фир Болг, даже не заметили их. И чтобы и дальше оставаться не замеченными для аборигенов, Морриган, Бадб и Маха решили прибегнуть к помощи тех магических познаний, которыми они овладели в бытность в Финиасе, Гориасе, Муриасе и Фалиасе. Они рассеяли «дожди и густые непроницаемые „друидические“ туманы» по всем землям Ирландии, под воздействием которых на людей клана Фир Болг прямо из воздуха хлынули огонь и кровь, так что бедным туземцам пришлось три дня и три ночи прятаться в глухих убежищах. Однако у клана Фир Болг тоже были свои собственные друиды, и им в конце концов удалось остановить эту беду, прочитав ответные заклятия, в результате чего чары рассеялись и воздух опять стал чистым и прозрачным.

Тем временем клан Туатха Де Данаан, продвигаясь все дальше на запах, достиг места, именуемого «Морская равнина» в Лейнстере, где и встретились армии противников. Для начала оба войска выслали вперед по парламентеру для переговоров. Воины молча двинулись навстречу друг другу, зорко оглядывая один другого из•за края щита. Но затем, сойдясь поближе, они разговорились, проявляя особый интерес к оружию друг друга, так что стали почти друзьями.

Воин клана Фир Болг с восхищением взирал на «очень красивые, тонкие, легкие и остроконечные копья» бойца Туатха Де Данаан, а на посланника клана богини Дану не меньшее впечатление произвели пики Фир Болг, «тяжелые, толстые, без наконечников, но остро заточенные». Слово за слово воины решили обменяться оружием, чтобы каждая из сторон, осмотрев оружие противника, могла хотя бы приблизительно оценить его силу. Перед тем как расстаться, посланник Туатха Де Данаан предложил клану Фир Болг через его посла заключить мир и поделить страну на две равные половины.

Вернувшись к своим, посол Фир Болг посоветовал им принять это предложение, однако их король Эохаид не

пожелал этого. «Если мы отдадим этим чужеземцам половину, — заявил он, — они скоро потребуют и другую».

В то же время оружие клана Фир Болг произвело сильное впечатление на племя богини Дану. Воины Дану решили занять более удобную позицию для боя и, отступив к западу, на земли Коннахта и оказавшись на равнине, именовавшейся в древности Ниа, а в наши дни — Маг Туиред, что неподалеку от современной деревушки Конг, они решили построить свои ряды прямо перед перевалом Балтаган (современный Бенлеви), чтобы в случае поражения можно было спастись бегством.

Воины Фир Болг не отставали от них и расположились лагерем на противоположном краю равнины. Наконец Нуада, король клана Туатха Де Данаан, прислал парламентера с такими же предложениями, как и накануне. Однако клан Фир Болг вновь отверг их.

«Значит, — спросил их парламентер, — вы собираетесь дать нам бой?»

«Мы хотели бы заключить перемирие, — отвечали воины Фир Болг, — нам нужно починить оружие, почистить шлемы и наточить мечи. Кроме того, мы хотели бы сделать такие же копья, как у вас, а вы, наверное, тоже не прочь обзавестить такими пиками, как наши».

Итак, в результате этих по•рыцарски честных, но, на взгляд современных дипломатов, наивных переговоров было заключено перемирие, продолжавшееся сто пять дней.

Наконец в середине лета два противоборствующих войска сошлись на поле боя. Воины богини Дану, сомкнувшие «свои широкие, обитые красной материей щиты», представляли собой настоящий «огненный строй». Им противостояли воины Фир Болг, «сверкая и поблескивая мечами, копьями, кинжалами и дротиками». Бою предшествовали смертельные поединки, в которых трижды девять бойцов Туатха Де Данаан противостояли такому же числу воинов Фир Болг и все до одного пали в бою. Затем последовали новые переговоры, целью которых было решить, как сражаться дальше: каждый день или через день. Более того, Нуада получил от Эохаида заверения, что в битвах непременно будет участвовать одинаковое количество бойцов с каждой стороны, хотя это, как сообщает нам легенда, было «очень невыгодно для короля [клана] Фир Болг, поскольку его войско имело большой численный перевес». Последовавшие за этим боевые действия представляли собой множество отдельных поединков, напоминающих битвы греков с троянцами, описанные в «Илиаде». В конце каждого дня победители возвращались в свой стан и освежались и залечивали раны, погружаясь в ванны с отваром из целебных трав.

Итак, первая битва при Маг Туиред продолжалась четыре дня, и обе стороны понесли тяжелые потери. Герой клана Фир Болг, Сренг, сразившийся с Нуадой, королем богов, нанес ему страшный удар и отрубил королю руку и половину щита. Гораздо меньше повезло Эохаиду, королю клана Фир Болг: он поплатился жизнью. Жестоко страдая от жажды, он с сотней уцелевших воинов отправился на поиски воды. Враги преследовали их вплоть до берегов Бали•исадара в Слиго. Здесь король попытался отбиться от преследователей, но был убит, и на его могиле был насыпан курган. Оставшиеся в живых воины клана Фир Болг, числом не более трехсот, решили сражаться до последнего и не сдаваться. Однако бойцы Туатха Де Данаан предложили им во владение пятую часть Ирландии, какую они сами пожелают выбрать. Фир Болг согласились и выбрали Коннахт, ставший с тех пор их пристанищем на многие века, так что даже в XVII веке там можно было встретить людей, считавших себя потомками Сренга.

Письменные свидетельства об этом событии отличаются исторической достоверностью и, лишенные всякой мифологизации, резко контрастируют с описанием другой битвы того же названия, в которой Туатха Де Данаан сражались с полчищами фоморов. В Конге, расположенном неподалеку от места этой исторической драмы, сохранились архаические предания о них. На равнине «южной Маг Туиред» (как ее стали назвать, чтобы отличить от другой равнины — «северной Маг Туиред») сохранилось немало каменных кругов и курганов.

Особенно много каменных кругов в окрестностях самой деревни; местные предания утверждают, что в старину их было гораздо больше, но их камень пошел на постройку стен и дамб. На месте, считающемся ареной древней битвы, тут и там встречаются большие пирамиды из камней. Ирландский хирург и любитель древностей сэр Уильям Уайльд, отец знаменитого Оскара Уайльда, пишет в своей книге «Луг Корриб: камни и острова», что его буквально поразило неожиданное сходство между деталями описания легендарного сражения, представленного в одном старинном манускрипте, и сохранившимися до наших дней преданиями, связанными с этими курганами, кругами и пирамидами. Это сходство говорило лишь об одном: свидетельства преданий имели абсолютную историческую достоверность. Некоторые совпадения весьма любопытны. Уайльд считал, что «клан Фир Болг» представлял собой колонию племени белгов, а «Туатха Де Данаан» были племенем данов. Однако племя богини Дану имеет столь явные мифические черты, что бесполезно и бессмысленно пытаться искать реальный его прототип в земном мире. Поистине сверхчеловеческие черты резко отличают Туатха Де Данаан от клана Фир Болг. В эпическом цикле об их подвигах со всей определенностью говорится о том, что Туатха Де Данаан — существа божественно плана, тогда как кланы Фир Болг, Фир Дхомхнанн и Фир Гаилиоин — такие же смертные люди, как и прочие жители Ольстера. Позднейшие исторические свидетельства упоминают о милесианских королях и о том, что трем указанным кланам было разрешено — при непомерно высокой арендной плате — селиться также в других районах Ирландии, за пределами Коннахта. Именно они в античных и средневековых анналах и хрониках нового времени именуются древнейшими жителями этой страны. По•видимому, истина в данном случае заключается в том, что вся эта история войны между богами и кланом Фир Болг — плод домыслов сравнительно более позднего времени. В наиболее ранних документах есть упоминания лишь об одной битве при Маг Туиред. Появление своего рода «битвы•двойника», по всей вероятности, следует отнести к XI веку, а ее автор вполне мог воспользоваться легендами, повествующими о подлинном сражении, в котором в старину встретились два неизвестных войска, положив этот эпизод в основу своей компиляции. Она не имеет никакого отношения к подлинно мифологическому преданию о некой грандиозной битве, в которой Туатха Де Данаан, боги гэлов, сражались с фоморами, богами иберийцев.

Очень интересна и даже забавна легенда, сохранившаяся в Книге Бурой Коровы. Она озаглавлена «Легенда о Туан Мак Кэйрелле»; в ней излагается своя собственная версия вторжения иноземцев в Ирландию.

Согласно этой легенде, святой Финнен, ирландский аббат, живший в VI веке, отправился с мирной миссией к некоему вождю по имени Туан Мак Кэйрелл, жившему неподалеку от монастыря Финнена, в деревушке Мовилл, графство Донегал. Туан отказался принять его, и святой целое воскресенье терпеливо просидел на пороге у двери вождя, пока, наконец, суровый воин•язычник не впустил его в дом. Так между ними установились добрые отношения, и святой спокойно вернулся к своим монахам.

«Туан — человек добрый, — сообщил он им. — Он скоро придет к нам и поведает древние ирландские предания».

Этот понятный человеческий интерес к старинным мифам страны, по наблюдению многих исследователей, является характерной чертой, на которую постоянно указывают литературные памятники первых веков распространения христианства в Ирландии.

Вскоре после этого Туан действительно нанес святому ответный визит и пригласил его со своей братией посетить его крепость. Монахи спросили вождя, как его имя и откуда он родом, и были поражены его ответом. Вождь заявил: «Меня зовут Туан, сын Кэйрелла. Однако прежде я носил другое имя: Туан, сын Старна, сына Серы; мой отец, Старн, был братом Парталона».

«Поведай же нам историю Ирландии», — обратился к нему святой Финнен, и вождь начал свой рассказ. Парталон, по его словам, был первым человеком, поселившимся в Ирландии. После страшного мора удалось

выжить одному Туану, «ибо в старину никогда не бывало, чтобы после боя не оставалось хотя бы одного человека, который мог бы рассказать о случившемся». Туан остался один на всем острове, бродил от одной опустевшей крепости к другой, от скалы к скале, пытаясь найти укрытие от волков. Так он прожил в одиночестве целых двадцать два года, скитаясь по безлюдным пустыням, и в конце концов состарился и совсем одряхлел.

"В те времена Ирландию захватил Агноман, сын Немедха. Он [Агноман] был братом моего отца. Я видел его с вершины утеса и постарался держаться подальше от него. Я весь оброс волосами, поседел, стал морщинистым и дряхлым, был наг и страшен на вид, словно зверь. И вот однажды вечером я заснул, а когда проснулся утром, обнаружил, что превратился в оленя. Я снова стал молодым и полным жизненных сил и запел о приходе Немхеда и его клана и о своем собственном нежданном превращении: «Теперь я принял новый облик, и кожа у меня разгладилась; меня переполняет радость и чувство неожиданной победы: еще вчера я был и слаб, и беззащитен!»

Так Туан стал королем всех оленей Ирландии, и оставался им на всем протяжении правления Немхеда.

Затем он рассказал о том, что немедийцы отправились в Ирландию целым флотом, насчитывавшим тридцать две большие лодки, каждая из которых вмещала тридцать человек. Они провели в плаваниях долгих полтора года, большинство из них погибло от голода, жажды и кораблекрушений. Спастись удалось лишь девятерым: это были сам Немхед и еще четверо мужчин и четыре женщины. Они высадились в Ирландии, и со временем численность этого клана достигла 8600. Затем все они таинственным образом умерли.

К Туану опять вернулись старость и дряхлость, но его ожидало новое перерождение. "Однажды, когда я стоял у входа в пещеру, — я хорошо это помню, — мое тело внезапно преобразилось и приняло другой облик. Теперь я стал диким вепрем и запел новую песню:

«Теперь я вепрь — а было время, когда я сиживал в кругу людей и рассуждал о Парталоне. Сияло солнце, и звучала песня. О, как хвалили все мои слова! Как нравились они прекрасным девам! А колесница вдохновенья несла меня все дальше по царству красоты. Как сладостно звучал мой голос! Мой шаг был легок и тверд в бою. Лицо мое сияло от восторга. И вот теперь — увы! — я стал угрюмым черным вепрем. . . Да, так и есть. Я вепрем стал. Зато я вновь помолодел, стал сильным и счастливым. Стал королем всех кабанов и вепрей в Ирландии и, следуя обычаям своим, покинул свое новое пристанище, почуяв, что беспомощная дряхлость опять преследует меня, и возвратился вновь на земли Ольстера. Там, только там мне удавалось преобразиться, сбросив старый облик. Вот почему я поспешил туда, в тот край, где я смогу облечься в новую и молодую плоть».

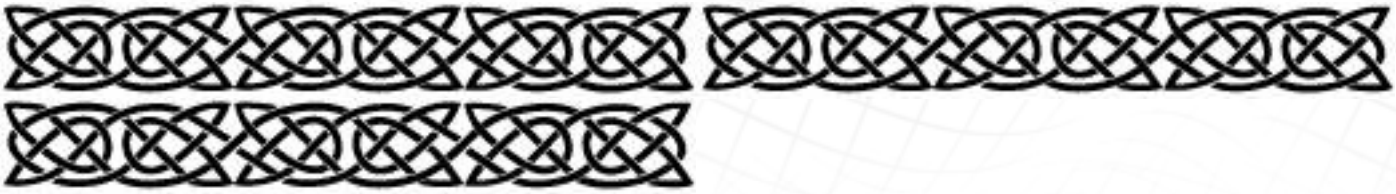
Затем Туан, продолжая свой рассказ, поведал, что на побережье Ирландии высадился Семион, сын Стариата, от которого и произошли впоследствии Фир Болг и другие кланы, заявившие о себе в более позднюю историческую эпоху. И опять к нему вернулись старческая слабость и дряхлость, а за ними последовало новое преображение: на этот раз он превратился в «огромного морского орла» и опять обрел молодость, свежесть и крепость сил. После, этого он рассказал монахам, что тут появились Туатха Данаан, племя Дану, «те истинные боги и мнимые божки, от коих, как известно всем и каждому, ведут свой род ученые мужи Ирландии». Вслед за ними появились сыны Мил Эспэйна, победившие Туатха Де Данаан и подчинившие их себе. В это время Туан пережил новое превращение; он крепился и не спал целых девять дней, но затем «на меня напал глубокий сон, и я нежданно стал лососем». Он долго жил в речных стремнинах, не раз спасаясь от сетей рыбачьих, но наконец попал в одну из них; ее забросила супруга Кэйрелла, который был у них вождем. «О, женщине ужасно не терпелось съесть целиком меня и без остатка, и скоро я попал в желудок к ней». Затем он родился опять, на этот раз став Туаном, сыном самого Кэйрелла, но в нем до сих пор сохранилась память о прежних жизнях, обо всех своих превращениях и славных эпизодах истории Ирландии, и он поспешил поделиться всеми этими воспоминаниями

с христианскими монахами, которые тотчас бережно записали его рассказы.

Это языческое предание, передающее атмосферу седой древности и детской средневековой веры в чудеса, напоминает превращения уэльского героя Талесина, также ставшего орлом, свидетельствуя о том, что идея о переселении душ крепко завладела воображением древних кельтов.

На главную | Оглавление

Кельтская мифология



Глава 7. ВОЗВЫШЕНИЕ БОГА СОЛНЦА

Основными источниками информации для нас в этой главе являются переводы текста Харлейского манускрипта, озаглавленного «Вторая битва при Мойтуре».

Потеряв в этом сражении с кланом Фир Болг руку, король Нуада получил прозвище Аргетламх, то есть «Серебряная Рука». Дело в том, что Диан Кехт, бог•врачеватель клана Туатха Де Данаан, сделал ему искусственную, серебряную, руку, двигавшуюся на особых сочленениях и действовавшую совсем как настоящая. С одной стороны это, конечно, было хорошо, но с другой — обернулось для Нуады бедой, ибо, согласно кельтским обычаям, калека и увечный не может занимать королевский трон. Поэтому Нуада был низложен, и весь клан Туатха Де Данаан собрался на совет, чтобы выбрать себе нового короля.

Участники совета согласились, что из политических соображений им разумнее всего заключить мир с фоморами, пресловутыми морскими гигантами, и даже вступить в союз с ними. Поэтому они послали письмо Бресу, сыну короля фоморов Элатхана, приглашая его прибыть в Ирландию и стать их повелителем. Брес, разумеется, принял это предложение, и хозяева тотчас женили его на Бригите, дочери Дагды. В то же время у Киана, сына Диан Кехта, целителя Туатха Де Данаан, был сын Луг, рожденный от Этлинн, дочери фомора Балора. Итак, Брес стал королем и вступил во владение всеми землями и дворцом, но, в свою очередь, поручился, что немедленно отречется и покинет престол, если его правление разочарует тех, кто избрали его королем.

Но, несмотря на все свои лукавые обещания, Брес, будучи как и все люди его племени, коварным и жестоким, немедленно обложил своих подданных огромной данью. Он требовал уплаты дани с каждого очага, с каждой тестомешалки и с каждой ручной мельницы и, кроме того, установил подушную подать в размере одной унции золота с каждого члена клана Туатха Де Данаан. Будучи могущественным колдуном, он отбирал себе молоко у всех их коров. Поначалу он потребовал отдать ему всех буро•коричневых и бесшерстных коров, и племя богини Дану покорно отдало их ему, однако Брес приказал прогнать весь скот Ирландии между двумя огромными кострами, вследствие чего их шкуры пообгорели, подпалились и лишились ворса. Таким образом, Брес завладел монопольным правом распоряжаться главным источником питания на острове. Чтобы заработать себе на пропитание, все боги Туатха Де Данаан, в том числе и верховные божества, вынуждены были гнуть спину на Бреса. Силач Огма был послан собирать дрова и хворост, а Дагда работал на строительстве крепостей и замков. Однажды, когда Дагда работал на стройке, к нему подошел его сын Оэнгус.

— Ты почти что закончил строительство этого замка, — сказал он. — Какую же награду ты надеешься получить от Бреса, когда окончишь свой труд?

Дагда отвечал, что он пока что не задумывался над этим.

— Позволь мне дать тебе один совет, — проговорил Оэнгус. — Попроси у Бреса позволения собрать весь скот Ирландии на одной равнине, чтобы ты смог выбрать одну из коров себе. Он наверняка согласится. И тогда выбери телку черной масти по кличке Океан.

Закончив строительство крепости, Дагда отправился к Бресу за наградой.

— Ну, чего ты хочешь за свой труд? — спросил король.

— Прикажи собрать весь скот Ирландии на этой равнине, чтобы я смог выбрать себе одну из коров — всего одну. Брес так и сделал, и Дагда выбрал телку черной масти, о которой говорил ему Оэнгус. Король, ожидавший, что Дагда запросит у него куда большую награду, рассмеялся, посчитав его наивным простаком. Однако Оэнгус, как стало ясно впоследствии, дал отцу очень мудрый совет.

Тем временем Брес все больше и больше угнетал племя богини Дану. Обычно короли щедро угощают всех приходящих к ним, но при дворе Бреса люди давно уже не отхватывали ножом куски сала, а запах эля и вовсе забыли. Никто — ни знаменитые поэты, ни искусные музыканты, ни ловкие жонглеры — не развлекал гостей своим искусством, ибо Брес был скуп и не терпел излишеств. Наконец он урезал до минимума и без того скудное пропитание, отпускавшееся богам. Они стали получать пищи так мало, что начали быстро слабеть от голода. Огма, вконец ослабев, стал приносить дров втрое меньше, чем требовалось для отопления домов, так что боги начали страдать не только от голода, но и от стужи.

Именно в это тяжелое время два целителя — Мидах, сын Диан Кехта, бога врачевания, и Эйрмид, его дочь, — тайком проникли в замок, где жил свергнутый король Нуада. Привратник Нуады, такой же калека (он лишился одного глаза), как и его господин, печально сидел у ворот. На коленях у него, свернувшись калачиком, спала кошка. Привратник спросил их, кто они и откуда.

— Мы — искусные врачеватели, — отвечали они.

— Ну, если так, — отозвался привратник, — не могли бы вы сделать мне новый глаз.

— Сколько угодно, — согласились врачеватели. — Мы можем взять один из глаз этой кошки и пересадить его тебе на место твоего вытекшего глаза.

— Я был бы вам очень благодарен, если бы вы это сделали, — отвечал он, и Мидах с Эйрмид тотчас вынули у кошки глаз и вставили его привратнику в глазницу черепа.

Далее в истории говорится о том, что эта операция оказалась для привратника не вполне удобной, поскольку пересаженный глаз сохранял все кошачьи повадки, и, когда его новый хозяин хотел спать по ночам, зоркий кошачий глаз упорно высматривал мышей, а днем был закрыт и дремал. Тем не менее привратник ужасно обрадовался, побежал и рассказал все Нуаде, который распорядился, чтобы врачевателей, совершивших столь волшебное исцеление, немедленно привели к нему. Войдя, врачи услышали, что бывший король стонет; оказалось, что у Нуады загноился один из суставов в том месте, где его искусственная серебряная рука соприкасается с телом. Мидах спросил короля, где же его настоящая рука, и услышал в ответ, что она зарыта глубоко в земле. Мидах выкопал ее, приладил на прежнее место к культяшке Нуады и сделал тугую перевязку, сказав: «Жилы с жилами, кости с костями, а ну•ка, срастайтесь!» И за три дня и три ночи рука прижилась, приросла на прежнем месте и стала действовать как и прежде, так что Нуада снова стал здоров.

Когда Диан Кехт, отец Мидаха, услышал об этом, он страшно разгневался при мысли, что его сын превзошел его самого в искусстве врачевания. Он тотчас послал за ним и, как только сын вошел, ударил его по голове мечом, пробив кожу, но не повредив мышц. Мидах с легкостью залечил эту ранку. Тогда Диан Кехт ударил его вновь, и на этот раз рана была уже до кости. Мидах излечил и эту рану. Когда же отец ударил его в третий раз, меч прорубил лобовую кость и задел мембрану мозга. Но Мидах и на этот раз смог залечить рану. Однако четвертым ударом Диан Кехт прорубил череп и рассек мозг надвое, и Мидах уже ничего не смог поделать. Он мгновенно умер, и Диан Кехт похоронил его. На его могиле выросло триста шестьдесят пять стебельков

травы, по одному для излечения всех болезней каждого из трехсот шестидесяти пяти нервов, имеющихся в человеческом теле. Эйрмид, сестра Мидаха, бережно сорвала их и разложила на своем плаще в соответствии с их лекарственными свойствами. Однако ее гневный и жестокий отец скомкал плащ и непоправимо перемешал травинки. Если бы он этого не сделал, замечает старинный переписчик, люди умели бы излечивать любые болезни и таким обазом обрели бы бессмертие.

Исцеление руки Нуады произошло как раз в то время когда племя богини Дану наконец убедилось, что жестокость и тиранию Бреса терпеть больше невозможно. Последней каплей, переполнившей чашу терпения богов, стало оскорбление, которое Брес нанес Кэйрбру, сыну Огмы, богу литературы. Это оскорбление нанесло удар по традиционным ценностям. Поэты всегда пользовались у кельтов особым почетом, и, когда Кэйрбр, бард Туатха Де Данаан, пришел в гости к Бресу, он ожидал, что его примут с подобающим почтением и усадят за стол рядом с королем. Однако вместо этого Брес отвел ему тесную, темную комнатку, где не было ни очага, ни постели и вообще никакой мебели, за исключением низенького стола. На столе стояло блюдо с маленькими кусочками засохшего хлеба; это и было угощение для знаменитого барда. На следующее утро Кэйрбр встал очень рано и покинул дворец, даже не увидевшись с Бресом. У поэтов существовал обычай: перед тем как покинуть двор короля, полагалось сложить хвалебные стихи в честь хозяина, однако оскорбленный Кэйрбр вместо панегирика сочинил едкую сатиру на Бреса. Это было первое сатирическое стихотворение, написанное в Ирландии; на наш взгляд, оно сохраняет характерные черты, говорящие о его древности. В переводе оно звучит примерно так:

Ни мяса на тарелках,
Ни молока в кувшинах;
Ни крова для бездомных,
Ни золота для бардов:
Пусть Брес подавится щедротами своими!

Столь резкая сатира, брошенная Кэйрбром в лицо королю, надо полагать, заставила последнего вспыхнуть от ярости. Она представляла собой несмываемый позор, и тот, на кого он ложился, не мог более занимать королевский трон. Клан Туатха Де Данаан обратился к Бресу и потребовал от него отречься и возвратить трон прежнему королю.

Брес был вынужден покориться. Он вернулся на родину в страну фоморов, укрытую морскими волнами, и обратился с жалобой к своему отцу, королю Элатхану, с просьбой собрать войско и помочь сыну возвратить себе трон, фоморы собрались на совет, на котором присутствовали Элатхан, Тетра, Балор, Индех и все прочие воины и вожди, и решили собрать огромное войско и отправиться в Ирландию. Они хотели с помощью магии опустить всю Ирландию под воду, на дно моря, где люди богини Дану ни за что не смогут отыскать ее.

В это же самое время в Таре, столице клана Туатха Де Данаан, собрался другой совет. Нуада праздновал свое возвращение на престол, устроив для простых людей богатый пир. Когда пир был в самом разгаре, в ворота дворца вошел некий незнакомец в одежде короля. Привратник спросил его, кто он и откуда.

— Мое имя — Луг, — отвечал незнакомец. — Я внук Диан Кехта; его сын, Киан, — мой отец; я прихожусь внуком и Балору, ибо его дочь Этлинн — моя мать.

— Но чем же ты занимаешься? — продолжал расспросы привратник. — Сюда может войти лишь тот, кто показал себя искусным в каком•нибудь деле или ремесле.

— Я плотник, — отвечал Луг.

— Ну, плотник нам не нужен. У нас уже есть отличный плотник. Его зовут Лухтэйн.

— Я хороший кузнец, — продолжал Луг.
— И кузнеца нам не надобно. Кузнец у нас тоже есть. Его имя — Гоибниу.
— Я — бывалый воин, — стоял на своем Луг.
— И воинов нам не нужно. У нас ведь есть знаменитый богатырь Огма.
— Я умею играть на арфе, — продолжал Луг.
— Ну, арфист у нас — лучше не бывает.
— Я — воин, полагающийся скорее на искусство, чем на грубую силу.
— И такой воин у нас уже есть.
— А еще я поэт и знаток всяких преданий, — сказал Луг.
— И таких нам не надо. Среди нас — самый знаменитый поэт и сказитель.
— Я еще и волшебник, — настаивал Луг.
— Чего•чего, а волшебников нам не надо. Чародеев и друидов у нас несметное множество.
— Ну, тогда я врачеватель, — отозвался Луг.
— Наш врачеватель — сам Диан Кехт!
— А я еще и виночерпий, — настаивал Луг.
— И виночерпии у нас есть, целых девять.
— Раз так, то я — медник.
— И медника нам не надо. Медник у нас просто замечательный. Его зовут Крейдхн.
— В таком случае спросите короля, — заявил Луг. — Спросите, есть ли у него человек, совмещающий в одном лице все эти ремесла и искусства; и если есть, то тогда я действительно не нужен в Таре.
Услышав это, привратник вошел во дворец и поведал королю, что пришел некий человек, именующий себя Луг Йолданах, или «Повелитель всех искусств»; он утверждает, будто знает все на свете ремесла.
Король распорядился пригласить своего лучшего шахматиста, чтобы тот сыграл с незнакомцем в шахматы. Луг легко обыграл его, изобретя при этом новую защиту, получившую название «защита Луга».
Тогда Нуада пригласил его во дворец. Войдя в зал, Луг уселся на кресло, именовавшееся «кресло сказителя», на которое обычно садились лишь мудрейшие мужи.
Силач Огма захотел показать свою силу. На полу зала лежал камень, настолько огромный, что сдвинуть его могли лишь четыре упряжки быков. И вот Огма толкнул эту глыбу в сторону двери и выбросил ее за порог. Тогда Луг, поднявшись с кресла, приволок камень обратно в зал. Однако этот громадный камень был лишь обломком куда более тяжелой глыбы, лежавшей на дворе дворца. Луг поднял и ее и тоже притащил в зал.
Тогда весь клан Туатха Де Данаан попросил его сыграть на арфе. Луг заиграл «усыпляющую мелодию», и король со всем своим двором заснули глубоким сном и проспали целые сутки, проснувшись на следующий день в тот же самый час. Затем Луг заиграл печальный мотив, и все боги горько заплакали. А напоследок он сыграл им веселую, жизнерадостную мелодию.
Когда Нуада воочию убедился в столь разнообразных и удивительных талантах Луга, он задумался — а не сможет ли столь щедро одаренный человек оказать ему решающую помощь в битве против фоморов.
Посоветовавшись с другими богами и выслушав их мнение, король уступил свой трон Лугу на тридцать дней, а сам уселся в кресло «сказителя».
Луг без промедления собрал всех богов Туатха Де Данаан на совет.
— Фоморы, вне всякого сомнения, скоро нападут на нас, — сказал он. — Что каждый из вас способен сделать ради общей борьбы с ними?
Первым отвечал Диан Кехт:
— Я берусь полностью излечить любого раненого, если только у него не отрублена голова, не поврежден мозг и

не сломан позвоночник.

— А я, — заявил кузнец Гоибниу, — клянусь заменить каждый сломанный дротик и меч на новые, даже если война будет продолжаться семь лет. Мои новые копья будут настолько грозными, что будут бить без промаха, всякий раз нанося смертельную рану. Дулб, кузнец фоморов, не сможет сделать ничего подобного. Клянусь, мои копья решат судьбу сражения.

— А я, — воскликнул медник Крейдхн, — сделаю прочные заклепки для копий и рукоятки для мечей, а еще шипы и оковку для щитов!

— А я, — проговорил плотник Лухтэйн, — сделаю щиты и древки для копий из самого прочного дерева. Силач Огма пообещал убить короля фоморов и трижды девять его приближенных, а еще захватить в плен треть войска фоморов.

— А ты, о Дагда, — спросил Луг, — чем поможешь ты?

— Я буду сражаться, — отвечал Дагда, — изо всех сил, никого не жалея. И когда два войска сойдутся на поле боя, буду крушить своей палицей кости фоморов до тех пор, пока они не захрустят, как галька под копытами коней.

— А что скажешь ты, о Морриган? — обратился к богине Луг.

— Я буду без устали преследовать их, когда они обратятся в бегство, — отвечала она. — А я всегда настигаю тех, за кем погналась.

— Ну а ты, о Кэйрбр, сын Этэйн? — обратился Луг к поэту. — Что будешь делать ты?

— Я буду возглашать быстродействующие заклинания против врагов. Своими сатирами я развею в прах их честь и доблесть, и они, заслушавшись меня, не смогут противостоять нашим воинам.

— А ты, о волшебник, чем поможешь нам ты?

— Мы прибегнем к нашему магическому искусству, — отозвался Матхган, главный виночерпий клана, — и обрушим на фоморов двенадцать горных вершин Ирландии. Этими горами будут Слив Лиг, Денна Улад, горы Моурн, Бри Рури, Слив Блум, Слив Снехта, Слемиш, Блай•Слиаб, Непхин, Слиаб Макку Белгодон, Сегайс [17] и Круахан Эйгл [18].

Наконец Луг спросил виночерпиев, чем они собираются помочь богам.

— А мы с помощью колдовства, — отвечали виночерпии, — спрячем от фоморов двенадцать самых больших озер и двенадцать главных рек Ирландии, чтобы враги нигде не смогли найти воду, даже когда их охватит сильная жажда. И тогда вода начнет сама ускользать от фоморов, так что они не получат ни капли ирландской воды; а племя богини Дану сможет пить вволю, сколько бы ни продолжалась эта война, даже если она продлится семь лет. Затем виночерпии поведали Лугу, что двенадцатью главными озерами Ирландии были Лох Дерг, Лох Луимнигх [19], Лох Корриб, Лох Ри, Лох Маек, Стрэнгфорд Лох, Лох Лэйг, Лох Нигх, Лох Фойл, Лох Тара, Лох Ригх и Мар•Курлью Хиллз между Роскоммоном и Слито. Гроаг Патрик. Устье Шэннона лох, а двенадцать главных рек острова — это Буш, Бойщ Банн, Нем, Ли, Шэннон, Мой, Слиго, Эрн, Финн, и Суйр.

А напоследок друид Фигол, сын Мамоса, заявил:

— Я направлю три огненных потока прямо в лицо фоморам, волшебными чарами отберу у них две трети их сил и мужества; племя же богини Дану, наоборот, с каждым вздохом будет набираться все больше и больше сил и храбрости, так что они не почувствуют ни малейшей усталости, даже если битва будет продолжаться целых семь лет.

И все боги решили готовиться к войне и постоянно советоваться обо всем с Лугом.

На главную	Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (9) →

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

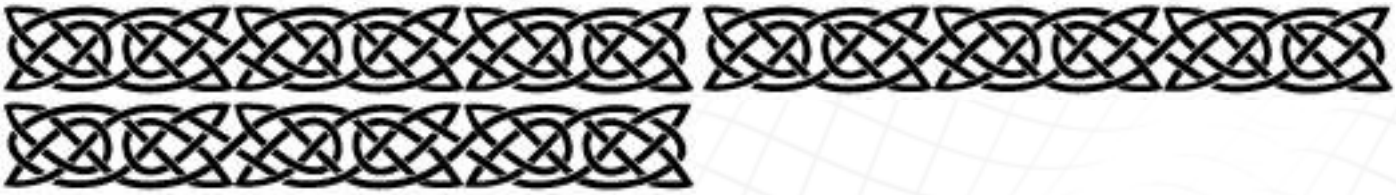
Ордена, медали, знаки до 1917 г.
на аукционе "Предметы военной истории" аукционного дома "Кабинет" 29.09.07
www.kabinet-auktion.com

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

На главную | Оглавление

Кельтская мифология



Глава 8. ГЭЛЬСКИЕ АРГОНАВТЫ

Приготовления к войне продолжались целых семь лет. В этот период имел место удивительный эпизод, который можно назвать аргонавтикой гэльской мифологии. Эта история упоминается в «Словаре Кормака» (IX в.), а также в различных ирландских и шотландских манускриптах, в том числе и в Леканской книге.

Несмотря на свержение Бреса, фоморы по•прежнему требовали от племени богини Дану уплаты ежегодной дани и присылали своих сборщиков податей, числом девять раз по девять. Те явились на «Балоров холм» и ожидали появления богов, приносящих им дань, но вместо этого увидели, как к холму приближается молодой мужчина. Он скакал верхом на Роскошной Гриве, жеребце Мананнана, сына Лира; на нем сверкали панцирь и шлем Мананнана, которые не могло пробить никакое оружие, а в руках у него были меч, щит и отравленные дротики. «Солнцу подобно, — гласит предание, — было лицо его и роскошь его облачения, так что глаза фоморов были не в силах выдержать это сияние». И неудивительно! Ибо это был сам Луг, Стреляющий далеко,

бог Солнца — новый бог гэльского пантеона. Он напал на сборщиков податей, присланных фоморами, и перебил их всех, оставив лишь девятерых, которым приказал вернуться к своим хозяевам и передать им, как расправляются боги с наглецами.

Это вызвало в подводном королевстве настоящий переполох.

— Кем же был этот грозный воин? — спросил Балор.

— О, уж я•то знаю, — отозвалась его жена. — Это, наверное, сын нашей дочери Этлинн; я даже могу предсказать, что, раз уж он решил связать свою судьбу с племенем своего отца, нам никогда больше не вернуть себе власть в Эрине.

Вожди фоморов поняли, что расправа со сборщиками податей, посланными ими в Эрин, означает, что клан Туатха Де Данаан умеет и будет сражаться насмерть. Чтобы обсудить план дальнейших действий, вожди собрали совет, в этом совете участвовали короли фоморов — Элатхан, Тетра и Индех, сам Брес, Балор Страшный Удар, Кетхлен Кривой Зуб, жена Балора, двенадцать белогубых сыновей, а также все друиды и вожди фоморов.

Тем временем Луг разослал гонцов по всему Эрину, призывая всех богов Туатха Де Данаан присоединиться к нему. На этот зов откликнулся даже отец самого Луга, Киан, представлявший собой солнечное божество второго плана и бывший сыном Диан Кехта, бога врачевания. Придя на равнину Муиртемне (или Муиртумне) [20], он заметил трех воинов в полном вооружении, направлявшихся в его сторону, к нему. Подойдя поближе, он узнал в них троих сыновей Туиреанна, сына Огмы. Их звали Бриан, Иухар и Иухарба. Между этими тремя братьями и самим Кианом, а также его братьями Кете и Ку по какой•то причине возникла скрытая вражда.

Киан понял, что очутился в трудном положении. «Если бы со мною были мои братья, — подумал он про себя, — мы задали бы этим наглецам хорошую трепку, а теперь я один, и мне лучше где•нибудь спрятаться от них». Оглядевшись по сторонам, он заметил стадо свиней, пасшееся на равнине. Киан, как и все прочие боги, обладал способностью принимать любой облик и, шлепнув себя волшебной палочкой, тотчас превратился в поросенка, юркнул в стадо и принялся мирно пастись рядом с остальными свиньями.

Однако сыны Туиреанна успели его заметить.

— Что же сталось с тем воином, который минуту назад направлялся в нашу сторону по равнине? — обратился к братьям Бриан.

— Да, мы тоже видели его, — отвечали они. — Но теперь мы и ума не приложим, куда он мог подеваться.

— Значит, вы не проявили должной бдительности, которая просто необходима на войне, — заметил старший брат. — Но я•то отлично знаю, что с ним сталось. Он шлепнул себя палочкой друидов и превратился в поросенка. Теперь он пасется вон в том стаде, уткнувшись рылом в землю, как и прочие свиньи. Я даже могу назвать его имя. Это не кто иной, как Киан, а он, сами знаете, наш давний недруг.

— Какая жалость, что ему вздумалось превратиться в свинью, — отвечали братья. — Ведь эти свиньи тоже принадлежат Туатха Де Данаан, и даже если мы захотим перебить их всех, Киан вполне может успеть ускользнуть от нас.

Тогда Бриан опять упрекнул своих братьев.

— Вы слишком невнимательны, — заявил он, — если не можете отличить волшебного оборотня от обычного зверя. Ну, ничего, я вас научу. — С этими словами он слегка шлепнул их своей собственной волшебной палочкой, после чего те превратились в огромных косматых псов и тотчас бросились к свиньям.

Псы— оборотни мигом нашли оборотня•поросенка и выгнали его из стада на открытое место. Затем Бриан поднял свое копье и метнул его в поросенка. Раненый оборотень принялся умолять о пощаде.

— Это настоящее злодеяние с твоей стороны — брать в руки копье! — закричал он человеческим голосом. — Ты ведь знаешь, что я вовсе не поросенок, а Киан, сын Диан Кехта. Отпусти меня!

Иухар и Иухарба были готовы отпустить его, но их свирепый брат уверял их, что с Кианом надо покончить, даже если он сумеет воскреснуть хоть семь раз. Тогда Киан решил прибегнуть к хитрости.

— Отпусти меня, — попросил он, — хотя бы для того, чтобы я смог принять человеческий облик, прежде чем вы меня убьете.

— С радостью, — отозвался Бриан. — Мне даже будет гораздо приятнее убить человека, чем свинью.

Тогда Клан прочитал особое заклинание, сбросил облик свиньи и предстал перед братьями в своем настоящем виде.

— Теперь вы должны сохранить мне жизнь, — заявил он.

— Даже и не подумаем, — возразил Бриан. — Ну, тогда для вас настанут самые тяжелые дни, которых вы еще не знали, — продолжал Киан. — Если бы убили меня в облике свиньи, вам пришлось бы всего•навсего заплатить цену свиньи, а если вы убьете меня сейчас, то уверяю вас, что никому и никогда еще в этом мире не приходилось платить такой огромный штраф за убийство, который придется уплатить вам за убийство меня.

Однако сыны Туиреанна не стали его слушать, сбили его с ног и принялись швырять в него камни до тех пор, пока его тело не превратилось в бесформенную массу. Шесть раз они пытались предать его тело земле, но земля в ужасе возвращала его обратно. На седьмой раз пашня все•таки приняла его, и братья придавили его камнями и кое•как засыпали землей. Похоронив Киана, они отправились в Тару. Тем временем Луг ждал, когда же вернется его отец. Однако тот все не приходил, и Луг решил сам отправиться на его поиски. Он нашел следы отца на равнине Муиртемне, а самого Киана нигде не было видно. И тогда вечная земля, которая была свидетелем убийства, заговорила с Лугом и поведала ему всю правду. Тогда Луг откопал тело отца и увидел, какую смерть пришлось ему принять. Затем он оплакал отца, опустил его обратно в землю, насыпал высокий курган [21] и поставил на нем каменный столб с памятной надписью на алфавите огам.

Вернувшись в Тару, Луг вошел в большой зал дворца. Зал был полон людей племени богини Дану, и Луг тотчас увидел троих сынов Туирсанна. Тогда Луг потряс «цепью вождя», с помощью которой гэлы взывали к вниманию собравшихся, и, когда все умолкли, произнес:

— Племя богини Дану, к вам обращаюсь я. Какую месть вы сочли бы достойной карой для убийцы вашего отца?

Присутствующие были поражены и не могли опомниться от изумления. И тогда король Нуада ответил за всех:

— Уж не твой ли отец убит?

— Увы, так оно и есть, — отозвался Луг, — более того, я вижу тех, кто это сделал, и они сами лучше меня знают, как все это случилось.

Тогда Нуада объявил, что он не удовлетворился бы ничем, кроме смерти убийц отца, и все остальные боги, в том числе и сами сыны Туиреанна, сказали то же самое.

— Итак, те, кто сделал это, подтвердили твои слова — воскликнул Луг. — Раз так, не выпускам их из зала, прежде чем они не расплатятся со мной за кровь моего отца!

— Если бы убийцей твоего отца был я, — заявил Нуада, — я посчитал бы, что дешево отделался, раз ты требуешь за убийство не смерти, а только расплаты.

Сыны Туиреанна шепотом посовещались между собой. Иухар и Иухарба склонялись признать свою вину, но Бриан опасался, что, если они признают себя виновными, Луг откажется от обещания взять с них только штраф и потребует их смерти. Стоя посреди зала, Бриан заявил, что хотя они и не убивали Киана, но из страха перед гневом Луга, который подозревает именно их, они согласны заплатить такой же штраф, как если бы убийцами были они.

— Разумеется, вам придется его выплатить, — проговорил Луг — А теперь я скажу вам, каким должен быть этот штраф. Слушайте: вы должны мне три яблока и свиную кожу, копье и двух коней с колесницей, и еще семь

свиней и собаку, и вертел для жаркого, и три вопля на холме. Такова моя цена, и если она кажется вам слишком высокой, могу кое•что сбавить, а если нет — платите, и поскорей.

— Даже если бы она была в сто раз более высокой, чем эта — отозвался Бриан, — мы и тогда не посчитали бы ее чрезмерной. Но она кажется настолько ничтожной, что я боюсь, как бы тут не крылась какая•нибудь хитрость.

— А мне она вовсе не кажется ничтожной, — возразил Луг. — Поклянитесь мне перед всеми богами Туатха Де Данаан, что заплатите ее сполна, и я готов поклясться, что не потребую с вас ничего больше.

И тогда сыны Туиреанна поклялись перед всеми богами Туатха Де Данаан уплатить Лугу все сполна. И как только они принесли положенные клятвы, Луг повернулся к ним.

— А теперь, — заговорил он, — я объясню вам, какой именно штраф вам придется мне заплатить, и тогда решайте сами, велик он или нет. — И сыны Туиреанна, у которых сердце так от страха и запрыгало в груди, приготовились слушать его.

— Три яблока, которые я потребую с вас, — начал Луг, — это яблоки из сада Гесперид, находящегося где•то на Востоке, на краю света. Яблоки эти величиной с головку месячного ребенка, имеют густо•золотой цвет и по вкусу ничем не отличаются от меда. Тот, кто отведает их, исцеляется от всех болезней и ран, и, сколько бы их ни есть, они не становятся меньше. Поэтому я не возьму никаких других яблок, кроме них. Но знайте: хозяева этих яблок неусыпно сторожат их, поскольку им было открыто пророчество, что трое молодых воинов с Запада попытаются забрать их силой, и, хотя вы и кажетесь лихими смельчаками, я сильно сомневаюсь, что вам удастся раздобыть эти яблоки. Свиная кожа, которую я потребую с вас, — это свиная кожа Туиса, царя Греции. Кожа эта славится двумя достоинствами: во•первых, она излечивает больных и страждущих от всех хворей, стоит им только хоть раз в жизни завернуться в нее; и, во•вторых, струйка воды, протекшая по этой коже, на целых девять дней превращается в вино. Я думаю, что вам удастся заполучить ее у царя Греции, даже если вы будете умолять его. Теперь что касается копья: вы не догадываетесь, какое именно копье я с вас потребую?

— Пока что нет, — пробормотали они.

— Так знайте, что это — отравленное копье Писира, царя Персии. Оно поистине неудержимо в бою и отличается такой свирепостью, что его приходится держать под водой, иначе оно уничтожит весь город, в котором оно оказалось. Скоро вы сами убедитесь, как трудно будет раздобыть его. А два коня и колесница, о которых я упоминал, — это два волшебных коня Добхара, царя Сицилии, одинаково быстро мчащиеся и по земле, и по воде. Никакие кони на всем свете не могут сравниться с ними, и ни одна карета или повозка не идут ни в какое сравнение с колесницей, которую я потребую с вас.

Семь поросят, которых вы должны раздобыть для меня, — это поросята Изала, царя Золотых Столбов. Если их заколоть вечером, наутро они бегают как ни в чем не бывало, и каждый, кто отведает их мяса, навсегда исцелится от любых болезней. Собака, которую вам придется достать для меня, — это собака царя страны Иоруаидх. Ее кличка — Фаилинис, и собака эта мигом настигает и душит любого дикого зверя, какого только увидит. И ее раздобыть вам будет ох как нелегко.

Теперь о вертеле. Вертел, который вы должны принести мне, — это один из вертелов женщин с острова Фианхуиве, лежащего на дне моря между Альбой и Эрином.

А еще я потребую с вас трех воплей на холме. Холм, на котором они должны прозвучать, — это холм, прозванный Кнок Миодхаоин [22], находящийся к северу от Лохланна [23]. Миодхаоин и его сыновья никому не позволяют кричать и нарушать безмолвие на этом холме. Кроме того, именно они обучали моего отца тонкостям военного искусства, и даже если бы я простил вас, они вас никогда не простят. Поэтому, даже если вам удастся каким•то образом раздобыть все требуемое, я просто уверен, что на этот раз у вас ничего не

выйдет.
Итак, теперь вы знаете, какова плата за убийство которую я требую с вас, — заключил Луг.
Сынов Туиреанна объяли страх и ужас".
Это предание, по всей видимости, представляет собой творение некоего староирландского сказителя, поставившего себе задачу с помощью нескольких источников создать более или менее полный рассказ о том, как гэльские боги стали обладателями своих легендарных сокровищ. Копье персидского царя Писира — это, вне всякого сомнения, то же самое оружие, что и копье Луга, которое, по свидетельству другого предания, попало к клану Туатха Де Данаан со своей прародины — города Гориаса. Фаилинис, собака царя страны Иоруаидх, — это, конечно же, «волшебный пес Луга», отличавшийся неукротимой свирепостью в бою и превращавший воду, в которой ему доводилось искупаться, в вино; последним даром он обязан контаминации со свиной кожей царя Туиса. А семь свиней (поросят) царя Золотых Столбов представляют собой тех самых бессмертных поросят, из мяса которых Мананнан Мак Лир приготовил на своем знаменитом пиру угощение, даровавшее богам вечную молодость (см. главу 6, «Прибытие богов»). Что же касается колесницы и коней, мчащихся по суше и по морю, то на них Мананнан обычно отправлялся из Эрина в кельтский Элизиум на дальнем Запасе, а яблоки, растущие в садах Гесперид, имеют то же небесное происхождение, что и яблоки, которыми утоляли голод обитатели страны бессмертных (см. главу 11, «Боги в изгнании»). Что касается вертела, то он напоминает о трех таких же предметах из Тары, сделанных Гоибниу и ассоциируемых с именами Дагды и Морриган.
Итак, бремя получения всех этих сокровищ было возложено на плечи трех сынов Туиреанна.
Братья, посоветовавшись друг с другом, решили, что им нечего и надеяться раздобыть все эти вещи, если они не обзаведутся волшебным конем Мананнана по кличке Роскошная Грива и волшебным челноком того же Мананнана, именуемым Усмиритель Волн, однако и коня, и челнок Мананнан, как на грех, отдал Лугу. И сынам Туиреанна пришлось обратиться с просьбой к самому Лугу. Коня бог Солнца им не дал, опасаясь, что им удастся слишком легко раздобыть для него все требуемое, а вот челнок взять позволил, потому что заранее знал, что копье Писира и кони Добхара вскоре потребуются богам в надвигающейся войне с фоморами. И братья, простившись с отцом, направились к берегу и вышли в открытое море, прихватив с собой и сестру.
— Ну, с чего же нам начинать уплату этой дани и что искать в первую очередь? — спросили братья Бриана.
— Нам придется искать и добывать их в том порядке, в котором Луг их перечислил, — отвечал он, и они направились в волшебном челноке к садам Гесперид и довольно скоро прибыли на место.
Высадившись на берегу, братья держали военный совет. Было решено, что лучше всего попытаться раздобыть яблоки, приняв облик соколов. У соколов достаточно крепкие когти, чтобы удержать в них яблоки, и быстрые крылья, чтобы ускользнуть от стрел, дротиков и камней из пращей, которые неминуемо обрушат на них стражники, охраняющие сад.
И братья, превратившись в птиц, легко проникли в сад сверху Все удалось как нельзя лучше, и они сорвали и унесли три яблока, ловко увертываясь от камней и стрел. Однако их беды на этом не кончились. Дело в том, что у царя той страны было три дочери, владевших колдовскими чарами. И царевны, волшебным образом превратившись в стервятников, бросились в погоню за соколами. Сыновья Туиреанна, первыми достигнув берега, превратились в лебедей и поспешили нырнуть под воду. Затем они незаметно подплыли к своему челноку и, взобравшись в него, поплыли в обратный путь.
Справившись с первым поручением, братья направились к царю Греции, чтобы попытаться раздобыть свиную кожу царя Туиса. Никто не мог проникнуть во дворец царя без уважительной причины или особой надобности, и братья решили притвориться поэтами, объявив привратнику, что они — барды из Эрина, ищущие милости у сильных мира сего. Привратник проводил их в просторный зал, где перед царем пели лучшие шиты Эллады. Когда они закончили свои песни. Бриан, поднявшись, попросил позволения показать свое искусство. Царь

милостиво разрешил, и Бриан запел:

О Туис, мы не скроем твоей славы:
Ты — словно дуб могучий над царями!
Хвала тебе! Одну свиную кожу
В награду я прошу за песню.
Густая мгла и бурные моря
Не помешали нам, воспеть тебя спешившим.
Ты щедр, о Туис! Лишь свиную кожу
В награду я прошу за песню.

— Песня неплохая, — заявил царь, — но только я не совсем понял ее.
— О, я все тебе объясню, — отозвался Бриан — Слова «Ты — словно дуб могучий над царями» означают, что подобно тому, как дуб царствует над всеми деревьями, так и ты, царь, превосходишь всех прочих царей благородством и родовитостью. Строка «Одну свиную кожу» имеет в виду ту самую свиную кожу, которой ты, царь, владеешь и которую я надеюсь получить от тебя в качестве награды за свою песню. А слова «Густая мгла и бурные моря//Не помешали нам, воспеть тебя спешившим» означают, что никакие препятствия не остановили нас, чтобы нам предстать пред троном того, кому преданы наши сердца.
— По правде сказать, твоя песня понравилась бы мне куда больше — отвечал царь, — если бы в ней не упоминалась свиная кожа. О поэт, ты поступил необдуманно. И тем не менее я прикажу отмерить этой кожей три груды красного золота, и все они будут твоими.
— Да благословят тебя боги за твою милость, царь! — воскликну Бриан. — Я знал, что получу щедрую награду!
Тогда царь послал за свиной кожей и приказал отмерить ею три груды золота. Увидев кожу, Бриан схватил ее левой рукой, а правой ударил слугу, державшего ее. Иухар и Иухарба мигом подхватили кожу, и братья поспешили к челноку, попутно убив и самого царя Греции.
— А теперь пойдем раздобудем копье царя Писира, — заявил Бриан. И братья, покинув Элладу, направились в своем челноке в Персию.
Идея притвориться странствующими поэтами настолько им понравилась, что братья решили воспользоваться ею опять. Прибыв в Персию, они тотчас направились во дворец царя Писира, как совсем недавно сделали это в Греции. Бриан для вида выслушал персидских поэтов, наперебой певших перед царем, а затем запел сам:

Ничто с копьем Писира не сравнится:
Во всех боях разит оно врагов.
Никто с Писиром не сравнится:
Он всех на свете победил.
Тис — благороднейшее из деревьев;
Его царем покорно все признали.
Копье из тиса промаха не знает.
Смертельные всем раны нанося.

— Что ж, твоя песня недурна, о далекий мой гость из Эрина, — произнес царь, — но с какой стати в ней

упоминается мое копье?

— Дело в том, великий царь, — отвечал Бриан, — что я хочу получить твое копье в награду за свою хвалебную песню.

— Ты слишком дерзок, — возразил царь. — И если, выслушав песню, я сохраню тебе жизнь, это будет вполне достаточная награда за твои труды.

Бриан держал в руке одно из волшебных яблок Гесперид; он как нельзя кстати вспомнил о его магическом свойстве — способности возвращаться, как бумеранг руки бросившего его. И Бриан тотчас метнул яблоко в голову царю, да так сильно, что из нее брызнул мозг монарха Персии. Воины схватились было за оружие, но сыны Туиреанна труда разбили их и заставили отдать волшебное копье.

Теперь братьям надо было поспешить на Сицилию, чтобы раздобыть там коней и колесницу царя Добхара, однако на этот раз они больше не решились выдавать себя за странствующих поэтов, опасаясь, что слухи об их проделках могли достичь и столь отдаленных краев. Поэтому они решили притвориться бродячими воинами•наемниками из Эрина, пришедшими к царю, чтобы наняться к нему на службу. Это, по их мнению, был самый удобный способ разузнать, где именно спрятаны кони и колесница. И братья, добравшись до царского дворца, встали во дворе прямо перед окнами царя.

Когда царь Сицилии услышал о появлении солдат•наемников, служивших у разных царей на свете, он пригласил их поступить к нему на службу. Те охотно согласились, но, несмотря на то что пробыли у него целый месяц и еще две недели, им так и не удалось увидеть коней или хотя бы выпытать, где они спрятаны. И тогда братья отправились к царю и объявили ему, что хотят попрощаться с ним.

— Но почему? — спросил царь, которому вовсе не хотелось отпускать столь славных воинов.

— Мы готовы все объяснить тебе, о царь! — отвечал за братьев Бриан. — Дело в том, что ты не оказал нам честь посвятить нас в свои секреты, как всегда поступали прочие цари, у которых мы служили. Всем известно, что ты владеешь лучшими в мире конями и самой быстрой колесницей, а нам даже ни разу не позволили взглянуть на них!

— Да я бы тотчас показал их вам, стоило вам только сказать мне об этом, — отозвался царь. — Раз так, пойдемте и посмотрим. Мне редко удавалось заполучить на службу таких воинов, как вы, и мне не хочется расставаться с вами.

С этими словами царь повел их на конюшню, показал коней и велел запрячь их в ту самую колесницу, чтобы сыны Туиреанна сами могли убедиться, с какой невероятной скоростью она может мчаться по суше и по морю. Бриан незаметно подал знак братьям, чтобы те были начеку и не упустили столь редкую возможность. И когда колесница проносилась рядом с ними, Бриан мигом вскочил в ее и сбросил с нее возницу. Затем, развернув коней, ударил царя Добхара копьем Писира и убил его наповал. Братья тотчас вскочили в колесницу и умчались прочь.

Когда сыны Туиреанна прибыли в страну Изала, царя Золотых Столбов, слухи о них уже достигли царского двора. Царь сам вышел встретить их в порту и спросил, правду ли говорят, что от их рук пало так много славных царей. Братья отвечали, что все это правда, но они не держали никакого зла на убитых. Просто им надо было любой ценой раздобыть у них предметы, перечисленные Лугом. Тогда царь Изал спросил их, зачем они пожаловали в его страну, и братья отвечали, что им надо заполучить у него семь поросят для уплаты штрафа за убийство. И тогда Изал решил, что лучше уж подобру•поздорову отдать им этих поросят и остаться друзьями с сынами Туиреанна, чем сражаться со столь опасными воинами. Сыны Туиреанна были очень рады этому, ибо уже успели порядком устать от сражений. Случилось так, что царь страны Иоруаидх, хозяин той самой страшной собаки, которую велел раздобыть им Луг, был мужем дочери царя Изала. Поэтому царь Изал не хотел, чтобы между мужем его дочери и сынами Туиреанна разгорелась кровавая вражда. Он

предложил Бриану и его братьям сопровождать их в страну Иоруаидх, чтобы попытаться убедить тамошнего царя добром отдать им его ужасную собаку. Братья охотно согласились, и вскоре все вместе ступили на "прекрасный, дивный берег страны Иоруаидх [24]", как именуется она в манускрипте. Однако царь этой страны, зять Изала, не пожелал слушать никаких доводов Он мигом собрал своих воинов и вступил в бой с братьями, но те разбили войско царя и потребовали отдать им собаку, угрожая в противном случае лишить его жизни.

Все эти трудные подвиги происходили на суше, но самое трудное ожидало их впереди. Ни один корабль, даже волшебный Усмиритель Волн Мананнана, не мог проникнуть на остров Фианхуиве, лежавший на дне моря между Эрином и Альбой. И тогда Бриан, оставив братьев в челне, надел «непромокаемый наряд и водрузил на голову поозрачный стеклянный шлем» — поистине удивительное поевнеирландское описание водолазного костюма. Облачившись в этот наряд, он погрузился на дно моря и провел там целых четырнадцать дней, пока не обнаружил остров. Но когда он наконец отыскал его и вошел в чертоги королевы, она со своими морскими девами были настолько очарованы мужеством Бриана, дерзнувшего проникнуть в их подводное царство, что без всяких возражений преподнесли ему вертел и поскорее отпустили обратно.

Тем временем Луг с помощью волшебных чар уже узнал, что сыны Туиреанна сумели раздобыть все, что он потребовал с них в уплату за кровавое злодеяние, совершенное ими. Он захотел, чтобы они поскорее вернулись в его владения, прежде чем его жертвы издадут три вопля на Миодхаоиновом холме. И Луг решил прибегнуть к друидическим заклинаниям, которые заставили братьев напрочь забыть о последней части штрафа и вернуться в Эрин. Вернувшись, братья поспешили к Лугу, чтобы отдать ему свои трофеи, но тот куда•то исчез, оставив приказание, чтобы они передали всю свою добычу Нуаде, царю Туатха Де Данаан И вот, когда братья, казалось, справились со своей невыполнимой задачей, Луг неожиданно вернулся в Тару и увидел, что сыны Туиреанна вернулись. Луг обратился к ним

— Разве вы забыли, что штраф следует уплатить полностью, не пропустив никакой малости? А вы что сделали? Разве вы испустили три вопля на Миодхаоиновом холме?

Тут с братьев мигом слетели магические чары забвения, и они сразу все вспомнили. Сыны Туиреанна со стыдом удалились, чтобы исполнить последнее приказание.

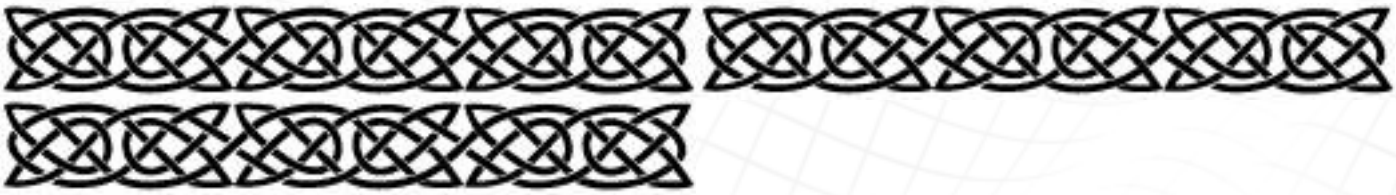
Миодхаоин сразу же заметил братьев, как только те высадились на берегу, и поспешил к ним навстречу. Бриан первым напал на него, и они долго сражались, проявляя ярость медведя и храбрость льва, наконец Миодхаоин пал.

Тогда трое сыновей Миодхаоина, Корк, Конн и Эдх, поспешили в бои, чтобы отомстить за смерть отца, но трое сынов Туиреанна пронзили своими копьями тела сыновей Миодхаоина.

Так погибли сыновья Миодхаоина, но на телах сынов Туиреанна зияли столь ужасные раны, что сквозь них свободно могла пролететь птица. Однако Бриан, собравшись с силами, поднялся на ноги и, поддерживая братьев, помог им встать, и все трое испустили слабые, едва слышные крики. Волшебный челнок принес их, едва живых, в Ирландию. Выбравшись на берег, они послали своего отца, Туиреанна, к Лугу, чтобы тот упросил бога дать им на время волшебную свиную кожу, чтобы она исцелила их раны.

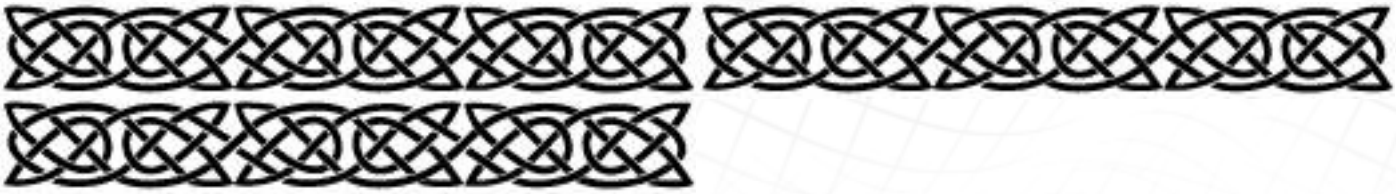
Однако Луг отказал им, посчитав их бой с сыновьями Миодхаоина настоящей местью за смерть своего отца, Клана. Так умерли сыны Туиреанна, а их отец спел над ними прощальную песнь, которая оказалась погребальной и для него самого, ибо он тоже умер с ними.

Так кончается эта знаменитая легенда, «Судьба сынов Туиреанна», известная как одна из «Трех скорбных преданий Эрина». Двумя другими являются «Судьба детей Лира», пересказ которой приводится в главе 11, и «Судьба сынов Усны», с которой читатель может познакомиться в главе 14.



На главную	Оглавление

Кельтская мифология



Глава 9. ВОЙНА С ГИГАНТАМИ

Тем временем кончились семь лет, отпущенных на подготовку к войне. За неделю до праздника Самхейн Морриган с помощью чар узнала, что фоморы уже высадились в Эрине. Она немедленно послала гонца, чтобы сообщить об этом Дагде, который тотчас приказал своим друидам отправиться к броду на реке Униус в Слиго и читать самые страшные заклинания против врагов. Как оказалось, племя богини Дану было не совсем готово к битве. Поэтому Дагда решил сам отправиться в лагерь фоморов в качестве парламентера и вступить с ними в переговоры, чтобы выиграть немного времени. Фоморы приняли его с подобающим почетом и учтивостью и устроили в честь его приезда пир, предложив Дагде кашу, до которой тот был большой охотник. Для этого фоморы влили в большой царский котел, огромный, как кулаки пяти великанов, четыре полных галлона [25] свежего молока, добавив соответствующее количество муки и свиных окороков. Сварив кашу, они вывалили содержимое котла в огромную яму. «Ну вот, — сказали они, — если ты не съешь ее всю без остатка, мы убьем тебя, ибо мы вовсе не хотим, чтобы ты, вернувшись домой, принялся рассказывать всем, что фоморы не сумели тебя как следует угостить». Однако фоморам не удалось испугать Дагду. Он преспокойно вытащил ложку, такую огромную, что в ней могли уместиться два человека, запустил ее в кашу и принялся вылавливать из нее куски солонины и половинки окороков.

— Если это варево так же хорошо на вкус, как на запах, — проговорил он, — я мигом управлюсь с ним. — И в доказательство своих слов Дагда дочиста съел всю кашу в яме. После этого он с трудом поднялся на ноги и поплелся спать под хохот и насмешки фоморов. Дело в том, что живот у него раздулся настолько, что бедняга едва мог двигаться. Живот кашееда стал больше самого большого котла, напоминая скорее парус, раздувшийся на ветру.

Зато эта насмешка над Дагдой, подстроенная фоморами, дала клану Туатха Де Данаан время, чтобы собрать свои силы. И вот накануне праздника Самхейн два войска сошлись лицом к лицу на поле боя. Но фоморы и представить себе не могли, что племя богини Дану окажет им столь упорное сопротивление.

— Как по•твоему, неужели они посмеют вступить в бой с нами? — обратился Брес к Индеху, сыну Домну.

— Если они не заплатят нам дань, мы соберем ее их же собственными костями, — отозвался тот.

Предание о битве богов и гигантов, естественно, отражает память о войнах гэлов, главное место в которых отводилось поединкам, своего рода дуэлям, богатырей. Оба войска преспокойно стояли и смотрели, как изо дня в лень кипели жаркие поединки между наиболее амбициозными воинами. Однако в таких поединках не принимали участие наиболее выдающиеся воины Туатха Де Данаан и фоморов.

Иногда в них побеждал бог, иной раз — гигант, по при этом исход поединков оценивался сторонами по•разному, что весьма удивляло фоморов. Если их собственные мечи или копья ломались, они никогда больше

не брали их в руки, а если их герои гибли, то гибли окончательно и уже больше не возвращались к жизни. У племени богини Дану все было совсем иначе. Оружие и доспехи, сломанные и поврежденные накануне, на следующий день опять как ни в чем не бывало сверкали в руках воинов Туатха Де Данаан, а воины, убитые в прошлой битве, вновь выходили на боя целыми и невредимыми, готовясь, если надо, вновь сложить свои головы.

Фоморы решили послать кого•нибудь разузнать тайну всех этих чудес. Роль разведчика они решили поручить Руадану, сыну Брес и Бригит, дочери Дагды, являвшемуся, таким образом, полубогом и полугигантом. Руадан притворился одним из воинов Туатха Де Данаан и отправился на поиски Гоибниу. Вскоре он отыскал бога•кузнеца в его кузнице. Рядом с ним трудились Лухтэйн, бог•плотник, и Крейдхн, бог•медник. Присмотревшись, лазутчик фоморов заметил, что Гоибниу выковывает наконечники копий тремя ударами молота, Лухтэйн вырезает древки для копий тремя взмахами топора, а Крейдхн прикрепляет наконечник к древку настолько плотно, что ему не приходится проковывать бронзовые заклепки. Вернувшись к фоморам, Руадан рассказал им обо всем, и те послали его опять, на этот раз — чтобы попытаться убить Гоибниу. Лукавый Руадан проник в кузницу и попросил себе дротик. Ничего не подозревавший Гоибниу протянул ему дротик, и, как только оружие оказалось в руках лазутчика, он тотчас вонзил его в туловище бога•кузнеца. Однако Гоибниу вырвал дротик из раны, отшвырнул врага в сторону и смертельно ранил его. Руадан, истекая кровью, поплелся к своим умирать, и его отец, Брес, и мать, Бригит, оплакали свое детище, пригласив для этого ирландского плакальщика. Зато Гоибниу ничуть не пострадал. Он отправился к Диан Кехту, богу врачевания, который вместе со своей дочерью Эйрмид неотступно пребывал у волшебного источника, именовавшегося «родник здоровья». Когда кто•нибудь из клана Туатха Де Данаан был убит или ранен, его приносили к богам•врачевателям, и те омывали его чудотворной водой и мигом возвращали ему здоровье и жизнь.

Однако племя богини Дану недолго пользовалось этим волшебным родником. О его существовании вскоре узнал молодой вождь фоморов, Октриаллах, сын Индеха. Он со своим другом решили ночью отправиться к роднику. Друзья прихватили с собой огромные камни со дна реки Дроувс. Подойдя к роднику, они сбросили в него эти камни, а сверху набросали других камней, так что расплескали всю целебную воду и наглухо заложили родник пирамидой из камней. Легенда называет это место по имени героя — «пирамида Октриаллаха».

Эта удача вдохновила фоморов на решающее сражение Они выстроили на поле боя все свое войско. В рядах фоморов не было ни одного воина, не облаченного в кольчугу и шлем и не имевшего при себе длинного копья, крепкой дубинки и тяжелого меча «Воинов•фоморов, сражавшихся в тот день, — пишет автор старинной повести, — можно было сравнить с тремя вещами: с человеком, бьющимся головой о скалу, с храбрецом, ныряющим прямо в пламя, и со смельчаком, держащим в руках змеиное гнездо».

Против фоморов выступили все великие воины Туатха Де Данаан, за исключением Луга. Совет богов решил, что его разнообразные дарования делают его жизнь слишком ценной, чтобы рисковать ею в бою. Таким образом, боги посоветовали ему держаться позади сражающихся, под охраной девяти воинов, но в последний момент Луг сумел ускользнуть от своих стражей и предстал на боевой колеснице перед своим войском. «Бейтесь храбро, — воскликнул он, — ибо пора покончить с вашим рабством! Лучше заглянуть в лицо смерти, чем жить в унижении, платя позорную дань». С этими ободряющими словами он развернул колесницу и помчался на возвышение, на котором его могли ви деть все воины Туатха Де Данаан.

Фоморы тоже увидели его и поразились.

— Меня очень удивляет, — обратился Брес к своим друидам, — что солнце сегодня восходит на западе, а не на востоке, как повелось от века.

— Для нас было бы лучше, если бы это и впрямь было так, — отвечали друиды.

— А что же тогда там так сияет? — спросил Брес.
— Это светится лик Луга Длинные Руки, — ответили они.
В этот миг оба войска издали громкий боевой клич. Копья ударили о щиты и послышалось тяжелое бряцание доспехов, звон и скрежет мечей, свист стрел и дротиков. Казалось, отовсюду грянул ужасающий гром.
Бойцы сражались, стоя так близко друг к другу, что головы, руки и ноги фоморов соприкасались с головами ногами воинов Туатха Де Данаан. Кровь лилась рекой, и вскоре бойцам стало трудно держаться на ногах: такой скользкой стала земля, напитавшаяся кровью. Битва была настолько яростной и жестокой, что вся река Унсенн наполнилась телами убитых.
В бою погибли многие выдающиеся вожди с обеих сторон. Огма, богатырь Туатха Де Данаан, убил наповал Индеха, сына бога Домну. Тем временем сам Балор Могучий Удар неистовствовал среди богов, сразив их царя Нуаду, а также Маху, одну из грозных женщин•воительниц. Наконец он встретился с Лугом. Бог Солнца громким голосом бросил вызов своему прадеду на родном языке фоморов. Балор услышал его и приготовился воспользоваться своим страшным смертоносным глазом. «Приподнимите мне веко, — приказал он своим оруженосцам, — чтобы я мог взглянуть на наглеца, дерзнувшего заговорить со мной».
Слуги с помощью особого крюка приподняли веко на ужасном глазу, и, если бы его губительный взгляд коснулся Луга, тот тотчас был бы испепелен. Но как только глаз врага приоткрылся наполовину, Луг метнул в него свой волшебный камень, который вышиб глаз и пробил голову Балора насквозь. Глаз вытек на землю прямо перед Балором и, падая, погубил трижды по девять воинов•фоморов, которых случайно коснулся его угасающий взгляд.
Приведем старинное стихотворение, рассказывающее о тайне этого магического камня. Камень этот носил название татлум, что означает «камень•мозг». В старину существовало поверье, что ирландские воины иногда сохраняли мозг убитых врагов, присыпав его известью.

О татлум, крепкий и тяжелый!
Как меток был бросок Де Данаан!
Он выбил глаз губительный Балора!
Встарь, в грозной битве двух великих войск
Кровь жаб и яростных медведей,
Кровь благородных львов
Кровь змей и Осмуиннова потомства•
Вот из чего был сделан татлум тот.
Песок со дна Арморианской хляби,
Свяшенный моря Черемного песок,
Просеянный, сверкающий, отборный •
Вот из чего был сделан татлум тот.
Бриун, сын Бетара, известный воин,
Что правил на брегах морей восточных, •
Вот кто сумел смешать все воедино,
Вот кто слепил тот самый татлум.
И татлум тот тотчас вручили Лугу, •
Тяжелый, твердый, а не мягче мха, •
И тот в сраженье при Маг Туиред
Своей рукой метнул его в Балора.

Ослепление Балора явилось поворотным моментом битвы; фоморы дрогнули, а знаменитая Морриган, явившись на поле боя, горячо воодушевляла воинов богини Дану песней, начинавшейся со слов «Цари сошлись на битву», и воины, почувствовав прилив сил и мужества, изгнали остатки армии фоморов, поспешивших вернуться в свое подводное царство. Так закончилась великая битва, именуемая по•ирландски Маг Туиредх на бфоморах, что в переводе означает «Равнина фоморских башен», или, в более известном варианте, «Битва при северной Маг Туиред», в отличие от другой знаменитой битвы при Маг Туиред, в которой Туатха Де Данаан сражались против клана Фир Болг значительно южнее от этого места. По свидетельству старинного манускрипта, фоморов в этом бою погибло больше, чем звезд на небе, песчинок на морском берегу, снежных хлопьев зимой, травинок, истоптанных копытами белого скакуна Мананнана Мак Лира, или волн на море, когда разгуляется буря. «Башни», или колонны, по преданию, служившие мятными знаками на могилах павших, до сих пор сохранились на равнине Кэрроумор неподалеку от Слиго. Они представляют собой замечательные образцы доисторических монументов. Среди них можно встретить мегалитические сооружения практически всех известных типов: пирамиды из камней с дольменами внутри, отдельно стоящие дольмены; дольмены, окруженные одним, двумя или даже тремя каменными кругами, такие же круги из камней без дольменов. Общее число этих памятников превышает сотню. Около шестидесяти таких же доисторических монументов находятся на возвышенном плато шириной не более мили [26], представляя собой величественные руины — последнее напоминание о битве при Маг Туиред. Мы, вероятно, никогда не узнаем, чью память они на самом деле увековечили, но вполне возможно, что на этой равнине в незапамятные времена разыгралась одна из самых славных битв древности, после которой на ней были воздвигнуты монументы на могилах павших героев. Исследователи обнаружили под ними истлевшие головни и полуобгоревшие кости людей и коней, а также различные изделия из кремня и кости. Таким образом, герои этой битвы были людьми Каменного века. Теперь трудно установить, были ли эти кони одомашненным скотом, погребенным вместе со своими всадниками, или дикими животными, съеденными на поминальной тризне. Память о реальном событии, имевшем место здесь в древности, была утрачена задолго до появления хроник и сохранения ее реликтов в виде преданий о битве богов и гигантов, дошедших до нас в гэльских мифах.

Боги Туатха Де Данаан, преследуя бегущих фоморов, захватили в плен самого Бреса. Тот обратился к Лугу, умоляя пощадить его.

— И какой же выкуп ты готов заплатить за это? — спросил Луг.

— Я сделаю так, что у всех коров в Ирландии никогда не переведется молоко, — пообещал Брес.

Прежде чем принять окончательное решение, Луг посоветовался с ирландскими друидами.

— Но что толку нам от этого, — решили те, — а Брес не продлит при этом жизнь самих коров?

Продлить им жизнь оказалось не во власти Бреса, и он сделал другое предложение.

— Скажи своим, — обратился он к Лугу, — что, если вы пощадите меня, у вас каждый год будет хороший урожай зерна.

Но те отвечали ему:

— У нас и без того есть весна, чтобы пахать и сеять, лето, чтобы растить урожай, осень, чтобы убирать его, и зима, чтобы съесть выращенный хлеб. Этого с нас довольно.

Луг передал их ответ Бресу.

— Если хочешь сохранить жизнь, тебе придется заплатить за нее куда более высокую цену, чем эта.

— И какова же она? — спросил Брес.

— Поведай нам, когда лучше пахать, когда лучше сеять и когда убирать урожай.

Брес тотчас отвечал:

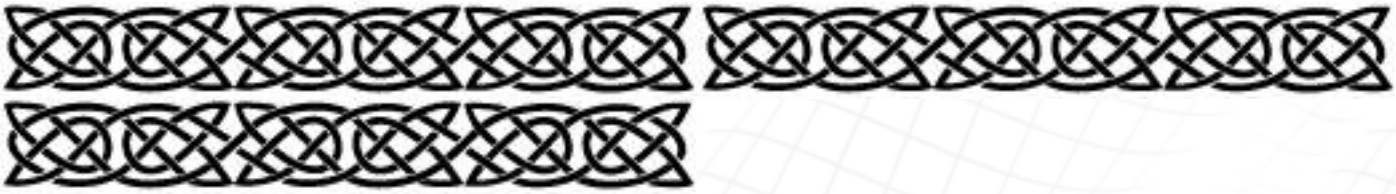
— Пашите всегда во Вторник, сейте во Вторник и убирайте урожай тоже во Вторник.
И этот ловкий ответ (гласит предание) спас Бресу жизнь.
Луг, Дагда и Огма продолжали преследовать фоморов, которые похитили волшебную арфу Дагды. Боги последовали за ними и в подводное царство, где жили Брес и Элатхан, и увидели арфу, печально висевшую на стене. Дело в том, что арфа Дагды не могла издать ни звука без позволения своего хозяина. И тогда Дагда запел:

Проснись же, древо двухголосое!
Воспрянь, четверозвучная десница!
Придите, лето и зима!
Гремите, флейты и волынки![27]

Дело в том, что арфа Дагды имела сразу два имени. Одно из них было «Древо двухголосое», а другое — «Четверозвучная десница».
Проснувшись и воспрянув, арфа сорвалась со стены, убила девять фоморов и покорно опустилась в руки Дагды. Дагда сыграл фоморам три мелодии, знакомых всякому искусному арфисту: печальную, веселую и усыпляющую. Когда он заиграл печальную мелодию, все присутствующие принялись рыдать. Когда Дагда исполнил веселую, все заулыбались и даже засмеялись, а когда он затянул усыпляющую, все тотчас уснули. И пока хозяева спали, Луг, Дагда и Огма преспокойно покинули дворец.
Кроме того, Дагда захватил с собой телку черной масти, которую он, по совету младшего сына Оэнгуса, потребовал от Бреса. В этом совете проявилась мудрость и проницательность Оэнгуса, ибо это была та самая телка, услыхав мычание которой весь скот племени богини Дану покорно следовал за ней. Стоило ей только подать голос, как весь скот, угнанный фоморами у клана Туатха Де Данаан, тотчас возвращался обратно. Однако силы фоморов были разгромлены не до конца.
Четверо из них еще оказывали сопротивление победителям, похищая у них зерно, плоды и молоко. Однако Морриган, Бадб, Мигхир и Оэнгус продолжали преследовать их и в конце концов навсегда изгнали с ирландской земли.
Наконец Морриган и Бадб добрались до вершин самых высоких гор Ирландии и провозгласили победу над фоморами. И все младшие боги, не участвовавшие в битве, собрались вокруг них, чтобы послушать новости. Бадб запела песню, которая начиналась так:

Мир воцарился на небе;
Небо нисходит на землю;
Земля простерта под небом,
И все исполнено сил…

Но конец песни потерялся и забыт.
Затем она произнесла пророчество, в котором предсказывала приближение конца века богов и начало новой эпохи, когда летом перестанут расцветать цветы, коровы не будут давать молока, женщины потеряют стыд, мужчины сделаются слабыми и дряхлыми, когда на деревьях перестанут расти плоды, а в море не будет рыбы, когда старики будут подавать глупые советы, а законники станут издавать несправедливые законы, когда воины начнут предавать друг друга, все люди сделаются ворами и лжецами и на земле не останется больше ни чести, ни добродетели.



На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (10) →

Издательство "Спецкнига"
Изготовление книг на заказ. Юбилейные, подарочные издания от идеи до тиража
www.specialbook.net · Москва

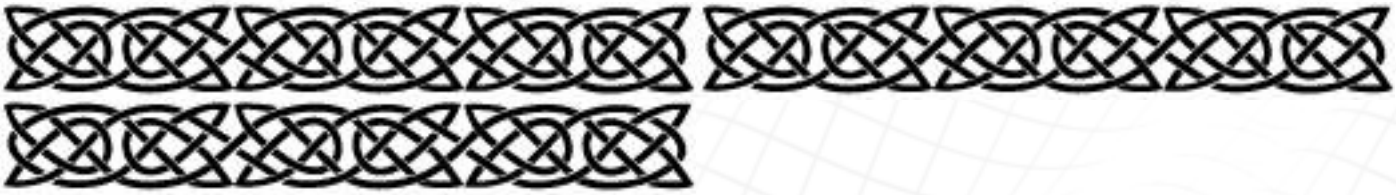
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

На главную | Оглавление

Кельтская мифология



Глава 10. ПОКОРЕНИЕ БОГОВ СМЕРТНЫМИ

У нас нет никаких сведений о том, что конкретно имела в виду Бадб, произнося это пророчество. Однако все, что она предрекала, исполнилось. Близился закат и упадок ирландских богов. Новый народ прибыл из•за моря, чтобы вступить в борьбу с племенем богини Дану за власть над Ирландией. И новые пришельцы оказались уже не богами, а такими же смертными, как мы с вами. Они и стали предками гэлов.

Эта история о покорении богов смертными, кажущаяся нам сегодня довольно странной, вполне типична для кельтов. Во всей полноте ее сохранила только гэльская мифология, но сама идея о таком покорении получила широкое распространение у всех кельтских народов. Правда, позор богов отчасти смягчает тот факт, что люди тоже считали себя потомками небожителей. Кельты верили, что люди произошли от бога смерти и впервые появились на земле из Страны Смерти, чтобы захватить власть в этом мире [28]. В своей книге «De Bello Gallico» [29], этом сжатом изложении истории галлов, Цезарь рассказывает, что галлы считали себя потомками Отца Диса, или Плутона, бога подземного мира. В гэльской мифологии роль Отца Диса выполнял

Бил, имя которого происходит от корня бел, означающего «умирать». Бог Бели в мифологии бриттов — это, без сомнения, тот же персонаж. Та же самая мысль выражена тем же корнем и в имени Балор, которое носил ужасный фомор взгляд которого приносил смерть всему живому.

Позднейшие христианские ирландские хронисты, пытаясь хоть как•то согласовать учение христианской церкви с еще живыми пережитками языческой мифологии, превращая языческих богов в древних царей, включали последних в качестве реальных персонажей в исторические анналы Ирландии и даже указывали конкретные даты их правления. Более того, они даже выдвигали собственную гипотезу событий, предлагая заменить название «Гадес» «Испанией» и создавая совершенно фантастическую версию о происхождении и странствиях своих предков. Для этого они использовали ирландские версии имен и названий, что было вполне оправданно. Согласно этим «историкам», первым ирландцем был… скиф по имени Фениус Фарса. Будучи свергнут со своего трона, он отправится в Египет, где его сын Ниул женился на дочери правившего тогда фараона. Дочь фараона звали Скота, и у нее родился сын по имени Гоидел, праправнук которого носил имя Эбер Скот [30].

Все это генеалогическое древо, по•видимому, было придумано специально для того, чтобы объяснить происхождение имен трех персонажей — Финна, Скота и Гойдела, к которым восходят самоназвания гэлов. Затем Фениус со своим семейством и кланом был изгнан из Египта за то, что отказался участвовать в избиении младенцев Израилевых, и долгих сорок два года скитался по Африке. Дорога странствий привела его к «алтарям филистимлян, к озеру Озириса». Затем, пройдя между Русикадой и холмистыми землями Сирии, клан Фениуса отправился в странствие по Мавритании, пока не вышел к Геркулесовым столбам. Оттуда будущие ирландцы переправились в Испанию, где прожили много лет, постоянно «плодясь и размножаясь» Тот же самый маршрут приводит английский историк XII века Гальфрид Монмутский в своей книге «Histona Britonum» [31], утверждая, что по нему прошли Брут и троянцы, прибывшие в Британию, чтобы колонизировать ее.

Единственное, что хоть как•то сближает эту версий с реальными историческими фактами, — это то, что она хорошо согласуется с выявленной этнологами западной ветвью миграции, носителями которой были, по любопытному стечению обстоятельств, не арийцы•кельты, а доарийские племена иберов.

Итак, этого нам вполне достаточно, чтобы найти первого жителя Испании, помня, что термин «Испания» заменяет собой кельтский Гадес, или Элизиум. В этой стране Брегон, отец двух сыновей, Била и Итха, воздвиг дозорную башню, с которой как•то раз зимним вечером Итх увидел далеко за морем землю, которую он прежде не замечал. «Именно зимним вечером, когда воздух особенно чист, человеческий глаз способен заглянуть дальше», — говорится; в старинном трактате, получившем название «Книга Завоеваний» и входящем в состав Лейнстерской книги, и в других не менее древних манускриптах, прямо утверждающих, что Итх увидел Ирландию из Испании.

Захотев осмотреть неведомую землю поближе, Итх вместе с трижды тридцатью воинами переплыл море и высадился незамеченным в устье реки Скене, именуемой в наше время Кенмар. Страна показалась ему необитаемой, и Итх со своими людьми отравился на разведку в северном направлении. В конце концов они достигли Эйлеаха, неподалеку от нынешнего города Лондондерри.

Здесь Итх встретил трех правящих царей племени богини Дану — Мак Куилла, Мак Кехта и Мак Грейна, сыновей Огмы и внуков Дагды. Они были наследниками Нуады Серебряная Рука, который погиб в сражении с фоморами. С почестями похоронив своего предшественника в кургане, именуемом Грианан Эйлеахский и высящемся в наши дни на полуострове Инисхоуен, между Лох Суилли и Лох Фойл, цари собрались, чтобы поделить царство между собой. Однако им никак не удавалось найти решение, которое удовлетворяло бы всех, и цари попросили чужеземца взять на себя роль судьи.

Совет Итха был скорее морального свойства, нежели практического. «Поступайте по законам

справедливости», — вот все, что он сказал спорщикам, но затем проявил неразумие, принявшись расточать неумеренные похвалы Ирландии за ее мягкий климат и изобилие плодов, меда, зерна и рыбы. Все эти восторги из уст иноземца цари клана Туатха Де Данаан восприняли как свидетельство его намерения отобрать у них страну. Посовещавшись между собой, они предательски убили Итха на месте, получившем с тех пор название «Равнина Итха». Однако они не сумели задержать его спутников, которые поспешили возвратиться в «Испанию», захватив с собой тело своего предводителя. Возмущение при известии о гибели Итха было настолько велико, что Мил, сын Била и племянник Итха, поклялся отомстить ирландцам за его смерть. Наскоро собравшись, Мил отправился в путь со своими восемью сыновьями, которые прихватили с собой своих жен. Их сопровождали тридцать шесть вождей, каждый из которых плыл на отдельном корабле с отрядом верных воинов. Благодаря магическим чарам своего друида, Амхэйргина Прекрасное Колено, они определили точное место высадки Итха на побережье Ирландии. Однако двоим из них не суждено было увидеть Ирландию. Жена Амхэйргина внезапно умерла во время плавания, а Аранон, сын Мила, взобравшийся на верхушку мачты, чтобы поглядеть, не видно ли земли, упал с нее в воду и утонул. Остальные 1 мая благополучно высадились на берег.

Первым сошел на берег Амхэйргин. Ступив правой ногой на землю Ирландии, он тотчас сложил песню, сохранившуюся в составе Деканской и Баллимотской книг, считающихся, наряду с тремя другими манускриптами, древнейшими ирландскими письменными текстами. Это превосходный образец пантеистической философии древних кельтов; он имеет весьма близкую параллель в одной ранневаллийской поэме под названием «Битва деревьев», приписываемой знаменитому барду Талесину. "Я — ветер, веющий над морем, — произнес Амхэйргин. — Я — океанская волна. Я — рокот волн. Я — семь дружин бойцов. Я — молодой орел, сидящий на скале. Я — первый солнца луч. Я — яростный кабан. Я — дикий вепрь. Я — самая прекрасная из трав. Я — молодой лосось в ручье. Я — озеро на солнечной равнине. Я — искушенный мастер всех искусств. Я — грозный воин, всех сражающий мечом. Я властен облик свой менять, как боги. Куда ж теперь лежит наш путь? Быть может, нам пора отправиться в долину или к вершинам гор? Где нам построить самый первый дом? Где отыскать страну прекраснее, чем край, в котором солнце за море садится? Куда направить нам стопы, чтоб обрести покой и мир? Кто, как не я, сумеет отыскать для вас источники воды хрустальной? Кто, как не я, расскажет вам о возрасте луны? Кто, как не я, окликнет рыбу из морских глубин? Кто, как не я, ее приманит к берегу? Кто властен изменять свой облик, как я, поднявшись на вершину гор? Я — бард, которого лихие мореходы призвали прорицание изречь. Да не узнает отдыха копье, свершающее месть за наши раны. Я предрекаю нам победу. А в заключенье песни я скажу: да сбудется пророчество благое!"

Валлийский бард Талесин, испытав такой же восторг, как и друид Амхэйргин, пел о единстве с природой и своей власти над всеми ее тварями, одушевленными и неодушевленными. «Я принимал различный облик, — говорит он, — пока не отыскал пригодный для меня. Я был клинком тяжелого меча. Я был и капелькой дождя, летящей в воздухе. Я был сияющей звездой. Я словом был, немотствующим в книге. Я был раскрытою старинной книгой. Я был звенящим светом фонаря, и это длилось год и целые полгода. Я был мостом, перелетевшим чрез три стремнины трех соседних рек. Я странствовал по небу в облике орла. Я был мечом в руке бойца. Я был щитом в бою. Я был звенящею струною арфы. Я действием волшебных чар был превращен в морскую пену, и это

продолжалось целый год. Поистине, на свете не осталось ничего, чем бы я не был».
Право, странно слышать из уст гэла и бритта песни почти дословно повторяющие мистическое учение древних кельтов, которые, пребывая еще на стадии архаического полуварварства, способны, подобно величайшим философам древности, видеть Единое во всякой твари, единую Высшую Сущность во всем многообразии форм жизни. Сыны Мил Эспэйна [32], или милесиане (ибо именно так, следуя наиболее ранним ирландским хронистам, принято называть первых гэльских переселенцев в Ирландии), двинулись походным маршем на Тару, столицу клана Туатха Де Данаан, которая в более ранние времена была крепостью клана Фир Болг, а впоследствии стала обиталищем верховных королей Ирландии. По пути к столице милесиане повстречали богиню по имени Банба, жену Мак Куилла. Она приветствовала Амхэйргина.
— Если вы пришли завоевать Ирландию, — проговорила она, — вы затеяли неправедное дело.
— Да, именно за этим мы и пришли, — отвечал Амхэйргин, не желая пускаться в рассуждения о моральной стороне этого дела.
— В таком случае пообещайте мне хотя бы одно, — попросила она.
— И что же именно? — отозвался Амхэйргин.
— Обещайте назвать остров моим именем.
— Так и сделаем, — отвечал Амхэйргин.
Пройдя еще несколько миль, милесиане встретили другую богиню, жену Мак Кехта, которая обратилась к ним с такой же просьбой и получила от Амхэйргина точно такой же ответ.
Наконец возле Уиснеха, что в самом центре Ирландии, им встретилась третья богиня•царица, Эриу, жена Мак Грейна.
— Добро пожаловать, воины! — воскликнула она. — Теперь этот остров будет принадлежать вам, пришедшие к нам издалека. Клянусь, что от заката и до востока нет и не было лучшей земли. А ваш народ станет самым прекрасным из всех народов, живших на свете.
— Поистине, мы слышим прекрасные слова и доброе пророчество, — заметил Амхэйргин.
— Но знайте, что к вам это пророчество не относится — возразила богиня. — Ибо ни вы сами, ни ваши потомки не смогут насладиться спокойной жизнью на острове. — Затем, повернувшись к Амхэйргину, богиня тоже попросила назвать остров именно ее именем.
— Что ж, пусть это будет его главное название, — пообещал Амхэйргин.
Так и случилось. Из трех древних названий Ирландии — Банба, Фотла и Эриу — возобладало последнее, приняв форму родительного падежа: «Эрин».
Наконец чужеземцы прибыли в Тару, носившую в древности название Друмкэйн, что означает «Красивый Холм». Встречать их вышли Мак Куилл, Мак Кехт и Мак Грейн, вместе со всем пантеоном гэльских богов. Как обычно, начались переговоры. Люди племени богини Дану возмущались, что они были захвачены врасплох, а сыны Мил Эспэйна отвечали, что заранее предупреждать жителей о вторжении — значит нарушать строгие куртуазные правила рыцарского ведения войны. Клан Туатха Де Данаан потребовал от интервентов, чтобы те покинули остров на три дня и за это время сами решили, сражаться ли им с властителями королевства или убраться подобру•поздорову, однако сыны Мил Эспэйна не обратили на эти слова никакого внимания, ибо они прекрасно сознавали, что, как только они покинут остров, боги Туатха Де Данаан с помощью друидических чар и заклинаний сделают все, чтобы они никогда больше не смогли высадиться на его берег. В конце концов Мак Куилл, Мак Кехт и Мак Грейн предложили пригласить на роль верховного арбитра Амхэйргина, собственного законоведа милесиан, предупредив его, что, если он вынесет заведомо необъективное решение, его ожидает неминуемая смерть от их руки. Донн спросил своего друида, готов ли он принять столь деликатное предложение. Амхэйргин отвечал, что готов, и вынес решение, которое и объявили во

всеуслышание в Ирландии сыны Мил Эспэйна.
"Люди, которых мы обнаружили на острове, владеют им по праву.
Поэтому вы должны выйти и море и удалиться от острова за девять зеленых волн;
И если вы после этого все же опять высадитесь на берегу,
вам придется вступить с ними в бой, и я присуждаю вам землю, на которой вы обнаружили их.
Я присуждаю вам эту землю, на которой они живут, по праву военной добычи.
И хотя вы, возможно, хотите заполучить землю, которой владеют эти люди, ваш долг — проявить справедливость. Я запрещаю вам проявлять несправедливость в отношении тех, кого вы встретите на этой земле, даже если вы захотите поскорее заполучить ее".
Это решение обе стороны признали справедливым. Сыны Мил Эспэйна сели на свои корабли и отошли в море на расстояние девятикратной длины волны от берега, ожидая сигнала к началу наступления, а клан Туатха Де Данаан, собравшись на берегу, собрался противостоять им, полагаясь на магические заклинания друидов. Наконец раздался сигнал к бою и сыны Миа Оспэйна налегли на весла, но их корабли почти не двигались с места. Тогда они заметили, что от берега в их сторону дует, сильнейший ветер, не давая им приблизиться к острову. Поначалу они подумали, что это обычный ветер, но Донн сразу догадался, что он вызван магическими чарами Он приказал одному из воинов взобраться на верхушку мачты, чтобы проверить, так ли сильно дует ветер наверху, как внизу. Спустившись на палубу воин рассказал, что там, наверху, «совсем тихо». Было совершенно ясно, что этот ветер вызван заклинаниями друидов. Однако Амхэиргин очень скоро справился с ним. Возвысив голос, он воззвал к земле Ирландии, то есть обращался к силе более могучей, чем боги, которые обитают на ней.

К тебе взываю я, земля Эриу!
Сверкающее, солнечное море!
И вы, о плодородные холмы!
И вы, лесистые равнины!
И вы, реки, изобильные водой!
И вы, озера, рыбы полные!

Таковы красочные образы этого древнего заклинания, одной из тех магических формул, вся сила которых, по мнению древних народов, заключалась в странных и непонятных словосочетаниях, а не в их прямом смысле. Для нас они кажутся полнейшей бессмыслицей, но совершенно иначе воспринимали их книжники, давшие своеобразную литературную обработку древнеирландским мифическим преданиям. Более поздний, расширенный их вариант звучит так:

Молю тебя, позволь нам править Эрином,
Нам, по крутым волнам к нему пришедшим!
Позволь нам править краем гор возвышенных,
Чьи родники прозрачны и бесчисленны,
Чьи дебри и леса полны земных плодов,
Чьи реки ослепительно прекрасны,
Чьи древние озера необъятны,
Где бьют ключи из недр холмистых!
Позволь нам править племенами здешними!

Пусть наш король на трон воссядет в Таре!
Да будет Тара главной резиденцией
Для наших королей на все века грядущие!
Пускай милесиане завоюют всех!
Пусть наши корабли теснятся в гаванях!
Пусть только мы здесь будем торговать!
Пусть Эремон наш станет королем!
Пускай потомки Эбера и Ира
Прославленными станут королями!
Молю тебя, позволь нам править Эрином.
Молю тебя!

И заклинание подействовало. Земля Ирландии благосклонно приняла эту мольбу, и ветер, поднятый друидами тотчас утих.
Однако добиться желаемого оказалось вовсе не так просто, как рассчитывали милесиане. Мананнан, сын моря и владыка нагорий, тряхнул своим магическим плащом и поднял из морских глубин грозную бурю. Суденышки сынов Мил Эспэйна, словно скорлупки, запрыгали в волнах и многие пошли ко дну со всеми сидевшими в них. В числе погибших был и Донн; тем самым исполнилось пророчество Эриу. Погибли и еще трое сыновей Мила. В конце концов, уцелевшие корабли завоевателей прибило волнами к берегу, и сыны Мил Эспэйна высадились на сушу в устье реки Бойн. Едва ступив на берег, друид Амхэйргин обратился с мольбой к морю, подобно тому, как он недавно обращался к земле Ирландии.

Моря полны рыбой!
Земля плодородна!
Кишмя кишит рыба!
Мелькает повсюду!
Подводные птицы!
Огромные рыбы!
Вон — грозные крабы!
Вон — славные рыбы!
Моря полны рыбой!

Эта мольба, принятая столь же благосклонно, как и предыдущая его просьба, по всей видимости, имела следующий смысл:

Пусть рыбы морские теснятся косяками в наших бухтах!
Пусть волны морские прибьют к берегам множество рыбы.
Пусть лососи в обилии попадаются в наши сети!
Пусть всякую рыбу неустанно приносит нам море!
Пусть камбала почаще попадается в наши сети!
Эту песню сложил я на бреге морском,
В нашей бухте, где в изобилии водится всякая рыба.

Затем, собрав уцелевших воинов, сыны Мил Эспэйна походным маршем устремились на племя богини Дану. Произошли две решающие битвы, первая — в Гленн Фаизи, в долине у подножия гор Слив Миш, что к югу от Трэйли, а вторая — при Тэйлтиу, сегодня носящем название Теллтаун. В обех битвах боги Туатха Де Данаан потерпели поражение. Все их цари были убиты тремя оставшимися в живых сынами Мила: Мак Куилла поразил Эбер, Мак Кехта — Эремон, а Мак Грейна убил сам друид Амхэйргин. Побежденные и разгромленные, боги уныло скрылись в подземном царстве, оставив землю во владение захватчикам.

С того дня, по словам древних хронистов, начинается настоящая история Ирландии. Поскольку старший сын Мила, Донн, погиб, царская власть по закону перешла в руки второго сына — Эремона. Однако третий сын, Эбер, при поддержке своих сторонников, потребовал от брата своей доли владений, и Ирландия была разделена на две равные части. И тем не менее в конце того же года между братьями вспыхнула война. Эбер был убит в бою, и полновластным царем Ирландии стал Эремон.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

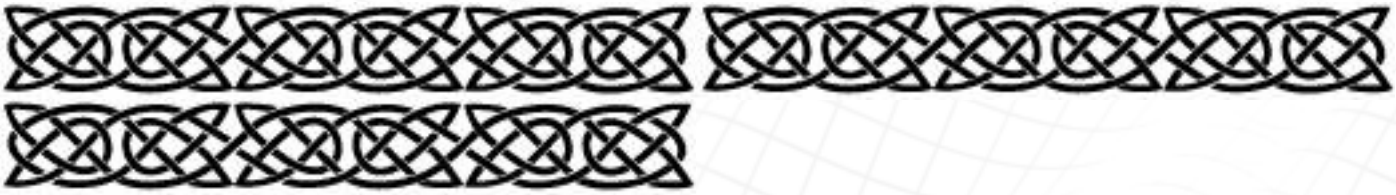
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 11. БОГИ В ИЗГНАНИИ

Однако, хотя смертные и одержали над богами победу, не имеющую прецедентов в мифологических системах других народов, им не удалось полностью подчинить их себе. Потерпев поражение на поле боя, племя богини Дану нисколько не утратило своих божественных атрибутов, благодаря которым бывшие боги могли либо помогать людям, либо причинять им зло. «Велика была сила и власть Дагды, — говорится в трактате, дошедшем до нас в составе Лейнстерской книги, — над сынами Мила; сохранилась она и после покорения Ирландии, ибо боги лишили людей молока и зерна, так что смертным пришлось заключать мир с Дагдой. Лишь после этого, заручившись поддержкой богов, они смогли собирать урожай и пить молоко от своих коров». В основе этого странного договора лежало представление о том, что, хотя боги Туатха Де Данаан и удалились в подземное царство, они должны были получать от своих преемников дары и приношения. В стихотворении, приписываемом Диннсенхусу из Маг Слехт, говорится, что

С самого начала
Правленья доблестного Эремона
Здесь поклонялись идолам.
Так было Вплоть до прихода Патрика из Махи[33].

Лишившись реальной власти над земле, боги отправились на поиск нового пристанища. Они даже устроили совет, но его участники разделились на два лагеря. Некоторые боги хотели отрясти со своих осиротевших ног прах Ирландии и отправиться за море на поиски блаженных краев, затерянных в неведомой дали. Там, на крайнем западе, не доступный никому, кроме немногих избранных смертных, находился остров, своего рода гэльский мифический аналог места вечного блаженства бриттов. Вспомним Теннисона:

…тот остров — Авильонская долина,
Где не бывает ни дождей, ни снега,
Ни даже ветра резкого. Она
Лежит в лугах медвяных и садах
И с морем радугой обручена [34].

Короче, это край вечного наслаждения и отдохновения, называемый в разных источниках по•разному: Тир Таирнигириб («Земля обетованная»), Маг Мелл («Равнина блаженства»), Тир•нам•Бео («Страна [вечной] жизни»), Тир•на•Ог («Страна молодости») и Хай•Брезал («Остров Врезала»). Кельтская мифология буквально переполнена описаниями красот и чудес этой волшебной страны, предания и легенды о которой никогда не умирали в памяти поколений. Хай•Брезал постоянно фигурировал на старинных картах как реально существующий остров, так что некоторые первооткрыватели испанских морей были убеждены, что наконец•то нашли его, дав вновь открытой стране название Бразилия. Впрочем, любители старинных преданий утверждают, что зоркий наблюдатель, если только он запасется терпением и будет долго•долго, не отрываясь, глядеть на запад с крайней западной оконечности Ирландии, может (разумеется, если ему посчастливится) увидеть далеко•далеко на западе очертания южных островов Эдема, лежащих в темно•пурпурных сферах морей.
Главным из этих «небожителей•эмигрантов», конечно же, почитается Мананнан Мак Лир. Хотя ему на долю и выпал жребий отправиться далеко за море, он не упустит случая побывать в Ирландии. Согласно старинной поэме датируемой VII веком, к нему присоединился древнеирландский король Бран, сын Фебала, сопровождавший Мананнана в его плавании в земной рай и обратно. Бран плыл на лодке, а Мананнан правил колесницей, гребням волн, и пел:

Бран сказочно красив, скользя
В челне своем по зеркалу морей.
А я в своей любимой колеснице
Лечу по волнам, словно по цветам.
О, как сверкает море
Прозрачное под Брановым челном!
А я несусь по сказочной равнине
В заветной двухколесной колеснице!
Бран видит пред собой

Бесчисленные волны на просторе,
А предо мной лежат луга Маг Мон [35]
И красные цветы бутоны клонят.
Везде, куда ни кинет Бран свой взор,
Коньки морские весело играют,
А там, в краю Мананнана Мак Лира,
Ручьи текут вином и медом.
В сиянье, в коем утопаешь ты,
Морская пена блещет и белеет,
Но золотом и багрецом цветет
Земля, простертая передо мною.
Лососи вылетают из утробы
Морей, распахнутых перед тобой,
Они — телята глупые, ягнята,
Что дружелюбно тешатся друг с другом.
И хоть возница колесницы
Цветов немало видит на Маг Мелл [36]
Он видит и коней на той равнине.
Которых ты не в силах разглядеть.

...

Как по верхушкам сказочного леса,
Челнок твой мчится по волнам.
Да— да, волшебный лес плодовый
Плывет под днищем твоего челна.
Тот дивный лес •в бутонах и плодах,
Готовых брызнуть соком и вином,
О, лес тот увядания не знает,
И золотом горит его листва.

И после этой поистине уникальной поэтической формулировки философского и мистического учения о том, что все сущее, при всем невообразимом разнообразии его форм и образов, восходит к единой сущности, Мананнан продолжает рассказывать Брану о всевозможных красотах и блаженствах кельтского Элизиума. Однако были и другие боги — точнее говоря, их оказалось куда больше, чем «небожителей•эмигрантов», которые не пожелали покидать землю Ирландии. Поэтому им было необходимо найти для себя новое пристанище, и их король, Дагда, решил выделить каждому богу, остающемуся в Ирландии, по сидху. Эти сидхи представляли собой курганы, или искусственные холмы, каждый из которых имел особые врата, ведущие в подземное царство бесконечного наслаждения и невиданной роскоши, что вполне соответствовало примитивным представлениям древних кельтов. До нас дошло описание одного из таких сидхов, который Дагда взял себе и которым обманным путем завладел его собственный сын Оэнгус. Этот сидх был своего рода образцом для всех остальных. Под ним росли пышные яблони, на которых никогда не переводились яблоки, там всегда было два поросенка, один из которых — живой, а другой — уже зажаренный, и, кроме того,

неиссякаемый запас эля. Желающие могут побывать в Ирландии и запросто наведаться в гости к богам, ибо до наших дней сохранилось немало таких сидхов . Местонахождение их хорошо известно, и древняя традиция паломничеств, можно сказать, никогда не прерывалась. Так, Лир получил Сидх Фионнахаидх, известный в наши дни под названием «Холм белого поля», находящийся на возвышенности Фуад неподалеку от Ньютаут Гамильтон в графстве Армагх. Бодб Диргу достался сидх , названный его собственным именем, то есть Сидх Бодб, находящийся чуть южнее от Портумны в Голвэе. Мидхир получил сидх в Бри Лейт, носящий в наши дни название Слив Голри, что неподалеку от Ардагха в графстве Лонгфорд. Сидх Огмы носил название Эйркелтрэй. Лугу выделили сидх Родрубан. Сыну Мананнана, Илбхриху, достался Сидх Эас Аэдха Руаидх; сегодня это курган Маунд Муллахши неподалеку от Баллишеннона в Донегале. Фионнбхар получил курган Сидх Мидха, ныне носящий название «Кнокма» и расположенный в пяти милях к западу от Туама; там Фионнбхар, сделавшись со временем королем эльфов, как рассказывают местные жители, живет и сегодня. Известны обители и других, менее значительных богов. Для себя самого Дагда отвел целых два кургана; оба они находятся неподалеку от реки Бойн в Мите, и лучшим из них, безусловно, является знаменной Бруг•на•Бойн. Таким образом, никто из богов клана Туатха Де Данаан не остался без приюта. Никто, кроме одного… Именно в те времена гэльские боги получили имена, под которыми они известны нам и сегодня, например, Аэс Сидхи, «Люди из холма», или, в более кратком варианте, Сиди. Каждый бог или гном именуется Фер•Сидхи, «мужчина из холма», а богиня — Бин•Сидхи, то есть «женщина из холма», или банши популярных народных преданий. Наибольшей известностью среди таких холмов, населенных гномами и феями, пользуются холмы в пяти милях от Дрогхеды. Холмы эти сохранили до наших дней имена богов Туатха Де Данаан, хотя они считаются уже не обителями этих древних божеств, а их могильными курганами и усыпальницами. На северном берегу реки Бойн высятся семнадцать курганов, три из которых — Кноут, Доут и Ньюгрэндж — заметно больше остальных. Последний из них сохранился лучше прочих; его диаметр достигает 300 футов [37], а высота — 70 футов; на вершине холма устроена своею рода платформа шириной 120 футов в поперечнике. В кургане проводились археологические раскопки, в ходе которых в нем были найдены древнеримские монеты, золотые украшения, медные булавки и железные кольта и ножи. Увы, мы уже никогда не узнаем, что еще было скрыто в нем в древности, поскольку Ньюгрэндж, так же и Кноут и Доут, еще в IX веке был беззастенчиво разграблен датскими гробокопателями. Проникнуть в курган можно через квадратный портал, каменная кладка которого украшена причудливым орнаментом из переплетающихся спиралей. За порталом начинается каменный подземный ход длиной более 60 футов, постепенно расширяющийся и ведущий во внутреннюю камеру с коническим куполом высотой около 20 футов. По сторонам этой центральной камеры устроены неглубокие ниши, в которых находятся овальной формы чаши, вытесанные из каменных глыб. Огромные плиты, из которых сложено это древнее сооружение, украшены такими же спиральными орнаментами, что и портал.

Происхождение этого изумительного доисторического монумента остается загадкой; существует предположение, что его воздвиг некий народ, обитавший в Ирландии еще до прихода кельтов. Глядя на величественные руины Нью•грэндж, начинаешь понимать строки старинного ирландского поэта Мак Ниа, дошедшие до нас в составе Баллимотской книги:

Взгляни на Сидх, стоящий пред тобою,
И ты поймешь, что это — царский дом,
Построен в древности могучим Дагдой;
Поистине, сей холм — дворец чудес.

Однако с именем самого Дагды принято связывать не Ньюгрэйндж и даже не Кноут или Доут, а совсем другой сидх . Это — небольшой курган на берегу реки Бойн, известный под названием «Могила Дагды». В старинном стихотворении, датируемом XI веком, говорится, что боги Туатха Де Данаан использовали холмы (ирл. бруги) в качестве усыпальниц. Именно в ту эпоху мифология Ирландии бы переосмыслена в качестве своего рода духовной истории страны. Поэма, получившая название «Хроника гробниц» не только упоминает «Монумент Дагды» и «Монумент Морриган», но и прямо указывает места погребения таких персонажей, как Огма, Этэйн, Кэйрбр, Луг, Боанн и Оэнгус.

Кстати, сегодня мы склонны воспринимать образ Оэнгуса далеко не в столь мрачном свете. В самом деле, в одной из старинных историй, сохранившихся в составе Лейнстерской книги, он предстает куда более живым персонажем. Оказывается, когда боги делили между собой сидхи , «Сына Молодости» на месте не оказалось: он где•то странствовал. Вернувшись, он тотчас потребовал у своего отца, Дагды, отдельный сидх для себя. Дагда отвечал, что все сидхи уже розданы и свободных больше не осталось. Оэнгус запротестовал было, но что он мог поделать? Честным путем — ничего, а вот с помощью хитрости — все, что угодно. Хитрец Оэнгус сделал вид, что покорился судьбе, и принялся умолять отца, чтобы тот позволил ему остаться в сидхе Бруг•на•Бойн (Ньюгрэйндж) всего на один день и одну ночь. Дагда тотчас согласился, вероятно, радуясь в душе, что так легко выпутался из столь затруднительного положения. Однако, когда день и ночь миновали и он пришел напомнить Оэгусу, что пора и честь знать, тот наотрез отказался уходить из кургана. В свое оправдание он заявил, что ему было позволено остаться здесь на день и ночь, а ведь именно дни и ночи и составляют вечность; поэтому он имеет полное право остаться в этом сидхе навечно. Логика, прямо скажем, для современного сознания не слишком убедительная, но Дагда, как гласит предание, вполне удовлетворился таким объяснением. Он покинул лучший из своих дворцов, оставив его во владение сыну, который с радостью обосновался в нем. Именно тогда этот холм и получил название Сидх, или Бруг «Сына Молодости».

После этого эпизода Дагда практически перестал играть сколько•нибудь заметную роль в истории племени богини Дану. Мы узнаем, что именно тогда состоялся совет богов, на котором было решено избрать нового правителя. На вакантный трон царя было достаточно претендентов: Бодб Дирг, Мидхир, Илбрих, сын Мананнана, Лир и сам Оэнгус, хотя последний, как гласит легенда, не испытывал особого желания стать правителем, поскольку предпочитал вольную жизнь бремени царских дел и забот. Боги Туатха Де Данаан принялись обсуждать кандидатуры претендентов, и в результате долгих дебатов их выбор пал на Бодб Дирга, что объясняется тремя причинами: во•первых, его собственным желанием, во•вторых, волей его отца, Дагды, и, в•третьих, тем, что он был старшим сыном Дагды. Остальные участники совета богов поддержали это решение — все, кроме двух. Мидхир наотрез отказался отдавать Бодб Диргу залог, как того требовал обычай, и удалился со своими приверженцами в "пустынный край в окрестностях горы Маунт Лейнстер в графстве Кэрлоу, а Лир, рассерженный не меньше его, ушел в Сидх Фионнахаидх, отказавшись признать нового царя и тем более повиноваться ему.

Причину столь резкого неудовольствия Лира и Мидхира понять нелегко, ибо оба они принадлежали к верховным богам кельтов. Куда легче объяснить причину безразличного поведения Оэнгуса. Он ведь был своего рода гэльским Эротом, и у него и без того хватало увлечений. В ту пор предметом его страсти была девушка, явившаяся ему однажды ночью во сне и тотчас исчезнувшая, как только он простер было руки, чтобы обнять ее. Весь следующий день, говорится в истории под Названием «Сон Оэнгуса», входящей в состав манускрипта XI века, Оэнгус наотрез отказывался от пищи. Следующей ночью бесплотная леди опять явилась ему и даже пела и играла на арфе. Весь следующий день Оэнгус опять ничего не ел. Так продолжалось целый год, и Оэнгус весь истаял от любви, так что от него осталась лишь тень. Наконец врачеватели Туатха Де Данаан собрали совет

и заявили бедняге, что эта страсть может плохо кончиться для него. В ответ Оэнгус попросил послать за его матерью, Боанн, и когда та явилась, он поведал ей о своей несчастной любви и обратился к ней за помощью. Боанн поспешила к Дагде и принялась умолять его, чтобы тот, если он не хочет, чтобы его сын так и умер от неразделенной страсти, недуга, который не могут исцелить ни снадобья Диан Кехта, ни магические чары Гоибниу, помог найти эту злополучную красавицу из сна. Увы, Дагда сам уже не мог ничего поделать, но отправил гонца к Бодб Диргу, и новый царь богов разослал повеление всем младшим божествам Ирландии тотчас начать поиски возлюбленной Оэнгуса. Ее пришлось искать еще целый год, и наконец печальный влюбленный получил весточку, в которой говорилось, что, если он хочет увидеть предмет своей страсти, пусть он поспешит взглянуть на ту самую деву из сна. Оэнгус бросился в указанное место и тотчас узнал ее, хотя ее и окружали трижды пятьдесят нимф. Звали эту деву Гэр, она была дочерью Этала Анубала, сидх которого находился в окрестностях Уамана в Коннахте Бодб Дирг потребовал, чтобы отец отдал ее в жены Оэнгусу, но тот заявил, что он не властен распоряжаться ее судьбой. Она была девой•лебедью, пояснил он, и каждый год на исходе лета отправлялась со своими подругами•спутницами на озеро, именуемое «Драконья Пасть», на берегах которого они и превращались в лебедей. Получив отказ, Оэнгус решил терпеливо ждать этого волшебного превращения и отправился на берег озера. Там он вновь увидел Гэр в окружении трижды пятидесяти лебедей: она тоже превратилась в лебедь, сохранив всю свою прелесть и чистоту. Оэнгус заговорил с ней, признался в любви и назвал свое имя, и гордая красавица пообещала стать его невестой, если он тоже превратится в лебедя. Оэнгус тотчас согласился, и дева, признеся волшебное слово, превратила пылкого влюбленного в белого лебедя, и они вспорхнули и полетели рядом. Поднявшись в небо, они направились… к своему сидху, в котором вновь приняли человеческий облик и, вне всякого сомнения, жили счастливо и долго, как только могут жить столь изменчивые бессмертные существа, как языческие божества.

Тем временем племя богини Дану сильно разгневалось на Лира и Мидхира. Бодб Дирг пошел войной на Мидхира, засевшего в своем сидхе, и в ожесточенной войне с обеих сторон пали многие боги. Что же касается Лира, то против него новый царь богов не пожелал воевать, поскольку между ними существовала давняя дружба. Бодб Дирг много раз пытался вернуть прежнее расположение Лира, посылая ему разные подарки, но его старание долго оказывалось безуспешным.

Наконец, к великой скорби морских божеств, умерла жена Лира. Как только Бодб Дирг узнал эту весть, он тотчас направил к Лиру гонца, предложив ему в жены одну из своих приемных дочерей — Аобх, Аоифе и Эйлбх, дочерей Эйлиолла из Аррана. Тронутый этим, Лир решил навестить царя в его собственном сидхе, а заодно и взять в жены Аобх. «Она самая старшая из сестер, а значит, и самая родовитая», — рассуждал он. Царь с радостью поженил их и устроил в честь новобрачных пышный пир, а затем отпустил приемную дочь в обитель мужа — Сидх Фионнахаидх.

Аобх не обманула ожиданий Лира, родив ему четверых детей. Первой у них родилась дочь Фионуала, а затем — сын, названный Аэдом. Еще два сына были близнецами; их звали Фиахтра и Конн; но вскоре после родов Аобх умерла.

Тогда Бодб Дирг предложил Лиру в жены другую приемную дочь, и тот остановил свой выбор на второй из сестер — Аоифе. Каждый год Лир с Аоифе и четырьмя детьми от первой жены отправлялись на установленный Мананнаном «Пир», который проводился по очереди в разных сидхах. И четверо его малышей стали настоящими любимцами племени богини Дану.

Однако сама Аоифе оказалась бездетной и начала ревновать Лира к детям, опасаясь, что он любит их больше, чем ее. Задумав недоброе, она сперва надеялась, что они умрут, а затем стала искать случая погубить их. Сначала она попыталась уговорить слуг убить малышей, но те наотрез отказались. Тогда она отвела детей к озеру Лейк Дарвра (сегодня оно носит название Лох Дерраваргх в Вест Мите) и послала их в воду, якобы чтобы

помыться. Дети послушно пошли, а она, прочитав магическое заклинание, коснулась каждого из них волшебной палочкой друидов и превратила в лебедей.

Но хотя Аоифе и была способна изменять облик людей, превращая их в другие существа, она не могла лишать их разума и дара речи. Фионуала, став лебедью, принялась грозить мачехе гневом Лира и Бодб Дирга, которые покарают ее, как только узнают об этом злодеянии.

Аоифе ожесточила сердце свое и отказалась расколдовать детей. Тогда, потеряв всякую надежду, дети Лира спросили ее, как долго она намерена продержать их в таком виде.

— Для вас самих было бы лучше, — отвечала мачеха — если бы вы не спрашивали меня об этом, но раз так, я вам все скажу. Вы проведете в таком виде триста лет на озере Лейк Дарвра, другие триста лет — на море Мойл [38], лежащем, между Эрином и Альбои, и еще триста лет — на Иррос Домнанн [39] и острове Глора в Эррисе [40]. Однако у вас будет и несколько утешении в скорбях. У вас сохранится человеческий разум, и вы не будете страдать от сознания, что вас превратили в лебедей, и вместо этого станете петь такие нежные и чистые песни, которых вы никогда бы не услышали в этом мире.

Сказав это, Аоифе ушла, бросив детей на произвол судьбы. Возвратившись к Лиру, она рассказала ему, что с детьми на Лейк Дарвре произошел несчастный случай и они утонули.

Однако Лир не поверил ее словам и поспешил к озеру, чтобы попытаться найти следы малышей. Там, у самого берега, он увидел четырех лебедей, разговаривавших друг с другом человеческими голосами. Когда он подошел поближе, лебеди вышли из воды навстречу ему. Они поведали отцу обо всем, что сделала с ними Аоифе, умоляя вернуть им их прежний облик. Однако магическая сила Лира оказалась не столь всемогущей, как у его жены, и он ничего не смог поделать.

Столь же бессильным оказался и Бодб Дирг (к которому Лир тотчас обратился за помощью), несмотря на свой громкий титул царя богов. Никто на всем свете не мог исправить или изменить злодеяние Аоифе. Однако ее следовало сурово наказать за это, Бодб приказал своей приемной дочери предстать перед ним и, когда та явилась, велел ей принести клятву в том, что она будет говорить только правду, и спросил, «какое существо из всех сущих на земле под землей вызывает у нее наибольшее омерзение и в кого она более всего не хотела бы превратиться». Аоифе поневоле пришлось признаться, что более всего она боится сделаться демоном воздушных стихий. И тогда Бодб Дирг прикоснулся к ней волшебной палочкой, и Аоифе с воплем поднялась в воздух, превратившись в того самого демона.

Все боги Туатха Де Данаан отправились к озеру Лейк Дарвра, чтобы взглянуть на бедных четырех лебедей. Сыны Мил Эспэйна тоже услышали об этом и тоже отправились к озеру, ибо незадолго до этого утихла давняя вражда между богами и смертными. Такие походы к озеру стали ежегодными праздниками, но по истечении первых трехсот лет детям Лира пришлось покинуть Лейк Дарвру и перебраться на море Мойл, чтобы провести там вторую часть своего изгнания.

Итак, лебеди попрощались с людьми и богами и улетели. С тех пор сыны Мил Эспэйна приняли закон, по которому отныне и навечно никто в Ирландии не должен причинять никакого вреда лебедям. Дети Лира в бурном море Мойл ужасно страдали от стужи и сырости, а более всего — от одиночества. За все долгих триста лет изгнания им лишь однажды удалось повидать своих старых друзей. Целое посольство клана Туатха Де Данаан, возглавляемое двумя сыновьями Бодб Дирга, прибыло повидаться с лебедями и рассказать обо всем, что случилось на земле Эрина за время их отсутствия.

Наконец томительное изгнание окончилось, и лебеди отправились на Иррос Домианн и Иннис Глору, чтобы провести там последний этап своей ссылки. Как раз в это время в Ирландию пришел святой Патрик, навсегда положивший конец власти древних богов и их заклятий. Боги были изгнаны и уничтожены, и дети Лира получили свободу и поспешили вернуться в родные места. В их родной Сидх Фионнехаидхе царила мерзость

запустения, ибо сам Лир пал от руки Каоилте, кузена Финна Мак Кумала (см. главу 15 — «Финн и фианы»).
В конце концов, после долгих и тщетных поясков оставшихся в живых сородичей, дети Лира прекратили попытки найти их и вернулись в Иннис Глору. Там у них остался друг, Одинокий Журавль из Инниски [41], который жил на этом острове с самого сотворения мира и наверняка останется на нем до самого Судного дня. Однако на этот раз на острове никого не оказалось, пока однажды там не появился некий незнакомец. Незнакомец поведал им, что он — не кто иной, как св. Кемхок [42], и что он слышал об их печальной истории. Он тотчас повел детей в свою церковь, изложил им сущность новой веры, и они приняли веру Христову и пожелали восприять крещение. Оно окончательно разрушило древние языческие чары, и дети опять обрели человеческий образ. Увы, после этого они предстали друг другу дряхлыми, согбенными стариками. На месте прекрасных лебедей стояли три древних старца и сгорбленная старуха. Вскоре они скончались, и св. Кемхок, еще недавно крестивший их, похоронил их всех в одной могиле.
Однако, рассказывая эту историю, мы пропустили целых девятьсот лет — период более чем значительный даже для истории богов. Поэтому нам придется вернуться назад, если не к дням Эремона и Эбера, сынов Мила и первых королей Ирландии, то уж, во всяком случае, к началу христианской эры.
В то время верховным королем Ирландии был Эохаидх Эйремх, правивший в Таре; его вассалами были такие монархи, как Конхобар Мак Несса, правитель Красной Ветви Ольстера, Ку Рой Мак Дэйр, король Мунстера, Месгедра, король Лейнстера, и Эйлилл, правивший Коннахтом вместе со своей знаменитой супругой — королевой Медб.
Незадолго до этого, правда, в царстве богов, Оэнгус Сын Молодости похитил Этэйн, жену Мидхира. Он посадил ее в стеклянную беседку, которую повсюду возил с собой, запретив Этэйн покидать это укрытие из опасения, что Мидхир может забрать ее у него. Тем не менее гэльский Плутон все же сумел узнать, где находится его жена, и стал строить планы возвращения жены, но случилось так что у самой Этэйн появилась соперница, которая сумела отвлечь Оэнгуса от бдительной охраны беседки и тем самым освободила ее прелестную пленницу. Однако, вместо того чтобы вернуть несчастную богиню Мидхиру, жена коварно превратила ее в муху и повелела ей взлететь в воздух, где та оказалась во власти ветров и бурь.
Спустя семь долгих лет сильный порыв ветра принес бедняжку на крышу дома Этэйра, одного из вассалов Конхобара, устроившего званый пир. Несчастная муха, то есть бедная Этэйн, через трубу дымохода спустилась в дом, оказалась в камине и без сил шлепнулась прямо в золотом кубок с пивом, который собралась выпить жена хозяина дома. И женщина по рассеянности проглотила Этэйн вместе с пивом.
Однако это означало для Этэйн не гибель — ибо боги вообще не способны умереть, — а начало новой жизни. Вскоре после этого Этэйн родилась вновь, на этот раз — дочерью жены Этэйра, и никто не знал, что она — из рода бессмертных. Повзрослев и став девушкой, она превратилась в первую красавицу Ирландии.
Когда ей исполнилось двадцать лет, слава о ней долетела и до верховного короля, и тот прислал послов взглянуть — действительно ли она так прекрасна, как рассказывает о ней молва. Послы, увидев ее, вернулись к королю и принялись расточать ей самые громкие похвалы. И тогда Эохаидх решил сам посетить девушку. Его визит к ней описан в предании, дошедшем до нас в составе Эгертонского манускрипта, относимого к XV веку, хотя сама эта история, конечно, восходит к гораздо более ранним источникам. Итак:
«Она держала в руке сверкающий серебряный гребень, гребень тот был украшен золотом, а рядом с ней стояла большая серебряная чаша для умывания, на которой были изображены четыре райские птицы, а по краям сверкали небольшие яркие геммы. На красавице была свободная пурпурная мантия, под которой виднелось еще более нарядное одеяние, украшенное вышивкой и серебряной бахромой; верхняя мантия была скреплена на груди золотой брошью•застежкой. Еще на деве красовалась длинная туника с капюшоном, позволяющим свободно покрывать голову. Она была из зеленого шелка, и ее украшала вышивка красными и золотыми нитями; рукава

туники были схвачены на запястьях золотыми и серебряными браслетами дивной красоты, так что видевшие ее еще издали замечали сияние зеленого шелка и золота. На голове у нее красовались две витые косы золотистых волос, каждая из которых была сплетена из четырех косичек, и на конце каждой из них сверкало по золотому шарику. Рядом с красавицей стояла девушка•служанка, помогавшая ей распустить волосы, ибо та собиралась мыть голову и как раз продела руки в короткие рукава накидки. Руки у девы были ослепительно белыми, словно снег, выпавший с вечера, а щечки сияли румянцем, словно цветы наперстянки. Зубки у девы были мелкими и сверкали, словно жемчужинки. Очи ее сияли голубизной, словно то были не очи, а гиацинты. Губы ее были розовыми и нежными; белою и атласной была кожа на плечиках девы. Мягкою и упругой была кожа у ней на запястьях; пальчики были длинными и ослепительно белыми, а ноготки розовели и сверкали, словно жемчужины. Шея у девы была белоснежной, как пена морская; длинной и стройной была она и лоснилась, как шелк. Белыми и округлыми были колени красавицы, а лодыжки — прямыми, словно плотничья линейка. Ножки красавицы были стройны и белы, как пена морского прибоя; очи так и сверкали, а брови были ночи черней и переливались муаровой чернью, словно панцирь жука. Не бывало на свете девы прекраснее, чем она, и более достойной чистой любви; стоило только увидеть ее, как все тотчас понимали, что она — из их же созданий, что обитают в курганах или пещерах фей». Король тоже пленился ею, взял ее в жены, и увез с собой в Тару.

Случилось так, что у короля был брат по имени Эйлилл. Увидев Этэйн, он был настолько поражен, что в нем вспыхнула непреодолимая страсть; он даже заболел от любви и был близок к смерти. Как раз в это время Эохаидх совершал свой королевский обход всей Ирландии. Уезжая, он оставил брата — о причинах его болезни он даже не догадывался — на попечение своей жены, Этэйн, приказав ей ухаживать за больным, а если тот скончается — похоронить его с подобающими почестями и воздвигнуть на его могиле резной камень с памятной надписью. Этэйн поспешила к брату короля. Она спросила его о причине его внезапной болезни. Больной сначала заговорил загадками, но затем, привлеченный ее ласковым обхождением и не и силах более сдерживаться, признался королеве в своей страстной любви к ней. То, как он описывает страдания неразделенной любви, — это поистине лирический шедевр невероятного напряжения духа «Это ближе собственной кожи, — воскликнул он. — Это совсем как бой с собственной тенью и оглушает, словно бурный поток. Это — оружие в пучине морской. Это — страсть, ждущая отклика» Под словами «оружие в пучине морской» поэт имел в виду, что любовь подобна одному из тайных сокровищ богов в царстве Мананнана, ибо столь же чудесна и недостижима, как они.

Этэйн обуревали противоречивые чувства, но в конце концов она, по наивной доброте душевной, решила, что, хотя она и не испытывает любви к Эйлиллу, она не вправе равнодушно смотреть на то, как он умирает от страсти к ней, и пообещала принадлежать ему. Здесь мы должны понимать, что она действовала под влиянием своей божественной природы, презирающей добро и зло и движимой только наслаждениями или страданиями. В этой связи надо особо отметить, что в кельтской мифологии этот, мягко говоря, извращенный взгляд на проблемы морали является превалирующим как среди богов Туатха Де Данаан, так и среди смертных. И те, и другие совершенно равнодушны к моральной стороне дела.

Так вот, Этэйн назначила Эйлиллу свидание в небольшом домике подальше от Тары, ибо ей вовсе не хотелось совершать столь «блистательное преступление» в королевском дворце. Однако Эйлилл накануне назначенного дня внезапно заснул глубоким сном и так и не пришел на свидание. Тем не менее на свидание к Этэйн все же пришло некое создание, принявшее его образ. Оно весьма холодно поговорило с королевой, посетовало на болезнь и поспешно откланялось. Когда Эйлилл и королева увиделись вновь, ситуация коренным образом изменилась. В волшебном сне, в который погрузился Эйлилл, его несчастная любовь к королеве бесследно улетучилась. Этэйн, в свою очередь, поняла, что, помимо обычных событий, существуют и некие загадочные явления, остающиеся для нее совершенно непонятными.

Однако вскоре все объяснилось само собой. Существом, являвшимся к королеве в образе Эйлилла, был не кто иной, как Мидхир, ее собственный супруг в мире богов Туатха Де Данаан. На этот раз он предстал перед ней в своем настоящем облике, прекрасный, облаченный в роскошные одежды, и напомнил Этэйн, кто она на самом деле и что в мире богов она по•прежнему остается его супругой. Он просил ее покинуть короля и вернуться вместе в ним в сидх возле Бри Лейт, но Этэйн наотрез отказалась.

— Неужели ты думаешь, — отвечала она, — что я решусь бросить верховного короля и уйти невесть куда с человеком, о имени и доброте которою я могу судить лишь по его собственным словам?

Бог удалился, решив выждать более удобный момент. Однажды, когда король Эохаидх, как обычно, восседал на своем троне, в зал дворца вошел незнакомец. Он был одет в пурпурную тунику, волосы его сверкали золотом, а глаза сияли как свечи.

Король приветствовал его:

— Кто ты, чужестранец? — произнес он. Я тебя что•то не узнаю.

— Зато я давно знаю тебя, — отвечал незнакомец.

— Тогда как твое имя?

— О, оно не столь громкое, как твое, король. Я — Мидхир из Бри Лейт.

— Зачем ты пришел к нам?

— Чтобы предложить тебе сыграть партию в шахматы!

— Тогда знай, что я сильный игрок, — отозвался король, пользовавшийся славой лучшего шахматиста во всей Ирландии.

— Я уверен, что обыграю тебя. — возразил Мидхир.

— Видишь ли, шахматная доска, как на грех, находится в покоях королевы, а она еще спит, — заметил король.

— Ну, это не беда. — отвечал Мидхир. — Я как раз прихватил с собой шахматную доску. Она ничуть не хуже твоей.

С этими слонами он достал доску и показал ее королю, который вынужден был признать, что его гость сказал правду. Шахматная доска Мидхира была сделана из серебра и украшена драгоценными камнями, а фигуры из чистого золота.

— Ну, начинай! — обратился Мидхир к королю.

— Я никогда не играю без ставок, — возразил тот.

— И какова же должна быть ставка? — удивленно спросил Мидхир.

— Какой угодно, — отвечал король.

— Прекрасно! — воскликнул Мидхир. — В таком случае проигравший должен будет отдать победителю все, что тот у него ни потребует!

— Да, такая ставка вполне приличествует короля согласился Эохаидх.

Они сыграли партию, и Мидхир проиграл. Как они и договаривались, Эохаидх потребовал от него, чтобы Мидхир и его вассалы проложили дорогу через всю Ирландию. Тот согласился, и король сам наблюдал за тем, как идут работы, как слуги Мидхира запрягают быков в упряжки, укрепляя ярмо не на рогах животных, как это обычно делали гэлы, а на плечах, что было гораздо крепче. Король тотчас перенял этот способ, за что и получил прозвище Эйремх, что означает «Пахарь».

Спустя год Мидхир возвратился и опять предложил королю сыграть в шахматы на таких же условиях. Эохаидх охотно согласился, и они сели за доску. Однако на этот раз король проиграл. — Я мог бы обыграть тебя и в первый раз, но не захотел, — заявил Мидхир. — и вот теперь слушай. Твоя ставка — Этэйн,твоя королева. Донельзя изумленный король, который уже не мог отказаться от своего слова, попросил Мидхира подождать один год. Тот согласился и заявил, что вернется через год в тот же самый день. Эохаидх посовещался со своими

верными воинами,, и они решили в назначенный Мидхиром день до самого заката никого не пропускать в королевский дворец. Дело в том, что Эохаидх решил, что если Мидхир не сумеет заполучить Этэйн в назначенный день, значит, его обещание теряет силу.

И вот в заветный день воины сомкнули ряды у дверей дворца, но внезапно оказалось, что Мидхир уже проник в зал. Он встал рядом с Этэйн и запел сложенную специально для нее песню, в которой описывались прелести жизни среди богов в недрах заколдованных холмов.

О госпожа! Пойдешь ли ты со мною
В ту сказочную, дивную страну,
Где волосы людей сверкают златом,
А кожа их бела, как первый снег?
Там не бывает скорби и печали,
И зубки там у всех — как жемчуга;
Там брови словно ночь, глаза — как звезды,
И на щеках у всех не вянет наперстянка.
Там на лугах прекрасные цветы
Пестрят, как яйца черного дрозда;
Как ни прекрасны долы Инисфэйла [43],
Им не сравниться с нашими лугами!
Хоть инисфэйлский эль и кружит голову,
Наш эль гораздо крепче и пьяней;
И лишь моя страна достойна восхищенья •
У нас не знают старости и смерти.
В стране моей журчат и плетут реки,
Текущие то медом, то вином;
О, наш народ не ведает позора,
Любовь его чуждается греха.
Мы видим обитателей земли,
А нас из них никто не может видеть;
Туман Адамова грехопаденья
Не позволяет им увидеть нас.
О госпожа, пойдем в мои дивный край,
Где золотом заблещут твои косы.
Свинина, пиво, молоко и эль •
Все ждет нас в изобилии. Пойдем!

Затем Мидхир поклонился Эохаидху и объявил, что он пришел забрать с собой Этэйн, как они уговаривались. И пока король со своими воинами бессильно взирали на него, Мидхир положил руку на плечо своей избранницы, и они вместе исчезли. После этого со всех находившихся в заде слетели волшебные чары, и король с воинами бросились к дверям, но увидели в их проеме лишь двух улетающих лебедей.

Однако король не захотел уступить богу. Он разослал гонцов во все концы Ирландии, чтобы узнать, не появлялась ли там Этэйн, но его посланцы вернулись ни с чем: им так и не удалось отекать ее. Наконец один из друидов, по имени Дадан, с помощью магических знаков огам, начертанных на тисовых стенах, узнал, что

королева скрывается в Бри Лейт — сидхе Мидхира. Эохаидх тотчас поспешил к сидху со всем своим войском и приказал воинам начать раскопки, чтобы проникнуть в обитель богов, своего рода порталом которого и был тот самый холм•сидх. Мидхир, подобно греческому богу Аиду, о котором рассказывается в «Илиаде», насмерть перепуганный тем, что земля вот•вот раскроет свое чрево и в его владения проникнет солнечный свет, послал к Эохаидху пятьдесят прекрасных дев•фей, каждая из которых была точь•в•точь вылитая Этэйн. Но король потребовал выдать ему настоящую королеву, и Мидхиру, чтобы спасти свой сидх, пришлось в конце концов отпустить ее. Так она и прожила до конца своих дней во дворце короля Ирландии.

Однако Мидхир не забыл нанесенного ему оскорбления. Он решил выждать целых три поколения, потому что у потомков Эохаидха и Этэйн были наследники мужского пола. Наконец, в четвертом поколении у них не было сыновей, а родилась только дочь, названная в честь своей прародительницы — Этэйн. У этой второй Этэйн родилась дочь по имени Месс Буахалла, у которой, в свою очередь, был сын Конэйр, по прозвищу Мор, что означает «Великий» Мидхир и ею вассалы•боги сплели вокруг Конэйра сеть судьбы, попав в которую он и его люди погибли жестокой смертью.

История, в которой рассказывается о смерти Конэйра, представляет собой одну из наиболее древних и варварских легенд среди всех преданий Ирландии, а по величественной мощи полета воображения древних бардов она вообще не имеет себе равных. В этой поистине огромной легенде история Этэйн и Мидхира выполняет роль некоего введения, или, как это называется по•ирландски, приомскела, то есть «вступительной истории», что указывает на глубокую древность описываемых в ней событий.

В истории о Конэйре впервые упоминается о законе или обычае гейса, игравшем с тех пор весьма и весьма важную роль в ирландских легендах, в которых нарушение гейса или его игнорирование очень часто становилось поворотным моментом в трагическом развитии сюжета. Слово гейс, или, в другом варианте, гис, означает запрещение, табу, некий магический запрет, нарушение которого неизбежно влекло за собой несчастье или даже смерть каждого ирландского вождя и вообще сколько•нибудь значительного персонажа существовали свои собственные гейсы, относящиеся непосредственно к нему, которые он не мог нарушать. Такие гейсы иной раз могли вызывать ассоциации с кодексом рыцарской чести; так, у Диармэйда, к которому обратилась Грайнне, моля вырвать ее из рук Финна, был особый гейс: никогда не оказывать покровительства женщине. Иной раз такие гейсы могли носить совершенно фантастический или откровенно суеверный характер; так, например, Конэйру один из его гейсов запрещал двигаться по дороге вслед за тремя всадниками в красном; он также не имел права убивать птиц (это объясняется тем, что его главным тотемом была птица). Гейс Фергуса, одного из героев Ольстера, заключался в том, что он не имел права отказываться от приглашения на пир. что и послужило причиной «Трагедии сынов Усны» (см. главу 14 «Старинные гэльские истории о любви»). Не вполне ясно, как именно возникали такие гейсы, кто их налагал на героев и как те узнавали, в чем именно заключается их личный гейс. По всей видимости, это было прерогативой друидов. Тем не менее такие запреты рассматривались как безусловно обязательные, и самые худшие беды и несчастья, которые только могли обрушиться на людей, считались следствием нарушения гейсов. Первоначально эти запреты, вне всякого сомнения, имели своей целью установить некую магическую связь между человеком и потусторонним миром.

Дочь Этэйн, Этэйн Ойг, вышла замуж за Кормака, короля Ольстера. Она родила мужу только одну дочь. Разгневанный бесплодием жены и озабоченный отсутствием наследников, король отправил Этэйн в ссылку и приказал бросить ее дочь в яму (темницу). «И тогда двое его рабов бросили девочку в яму, а она на прощанье улыбнулась им ласковой улыбкой». После этого рабы просто не смогли оставить девочку на верную смерть; они решили отнести ее к пастуху Этерскела, короля Тары, который удочерил и воспитал ее, так что со временем «она стала искусной вышивальщицей, и во всей Ирландии не было королевны прекрасней ее». Отсюда, кстати,

происходит и ее имя, Месс Буахалла, что означает «приемное дитя пастуха».
Опасаясь, чтобы девушку не узнали, пастух поселил ее в домике без окон, в котором было одно•единственное отверстие в крыше. Однако один из любопытных приближенных короля Этерскела набрался смелости, взобрался на крышу, заглянул в это отверстие и увидел самую прекрасную девушку во всей Ирландии. Он тотчас рассказал обо всем королю, который приказал проделать в стене проем, через который можно было взглянуть на красавицу. Дело в том, что король этот тоже был бездетным, и к тому же один из друидов поведал ему пророчество о том, что некогда незнакомая дева неведомого племени родит ему сына. Увидев ее, король воскликнул:
— Это — та самая дева, о которой говорится в пророчестве!
Перед самым ее освобождением к Месс Буахалле наведался Немглан, бог птиц, проникший к ней сквозь то же отверстие в крыше. Спорхнув прямо на пол, он сбросил с себя одеяние из перьев и предстал перед девой прекрасным юношей. И та, как и Даная, и Леда, и Этлин, дочь Балора, воспылала любовью к богу. Перед тем как попрощаться, Немглан поведал деве, что скоро она выйдет замуж за короля, но родит своему возлюбленному из клана Туатха Де Данаан (то есть, другими словами, самому Немглану) сына, наречет ему имя Конэйр и строго запретит ему охотиться на птиц.
Так появился на свет Конэйр. Повзрослев, он стал мудрым и благородным юношей, и его усыновил местный лорд по имени Деса, трое правнуков которого были в детстве любимыми друзьями Конэйра. Их звали Ферли, Фергар и Феррогaн, и Конэйр, гласит предание, очень любил их и охотно делился с ними мудростью.
Тем временем король Этерскел скончался, и предстояло выбрать его преемника. Его старший сын не унаследовал трона и титула, на которые имел полное право; дело в том, что клан решил выбрать королем самого одаренного и умного представителя королевского рода. В легенде рассказывается, что выборы происходили посредством гадания. Для этого был устроен «бычий пир»: клан заклал могучего быка, и гадатель должен был «съесть его внутренности и выпить мясной отвар», а затем отправиться спать, причем во время сна над ним должны быть прочитаны магические заклинания. Тот, кого он увидит во сне, и должен стать королем. Итак, гадатель заснул и громким голосом воскликнул, что видит обнаженного мужчину, идущего в Тару, который держит камень в праще.
Бычий пир был устроен в Таре, но Конэйр в это время вместе с тремя приемными братьями играл на равнине Плэин Лиффи. Затем они расстались, и Конэйр направился в Дублин, но внезапно увидел на дороге стаю огромных птиц с удивительно красивым оперением, переливающимся всеми цветами радуги Он помчался за ними на своей колеснице, но птицы ускользали от наконечника его копья и улетали все дальше и дальше, не позволяя ему приблизиться к ним Так продолжалось до тех пор, пока они не оказались на берегу моря Туг Конэйр спрыгнул с колесницы, выхватил пращу и попытался было поразить их, но птицы неожиданно превратились в вооруженных воинов и двинулись на него, угрожающе поблескивая мечами и копьями. Однако один из них поспешил прикрыть его своим щитом и заявил:
— Я — Немглан, король птиц твоего отца; тебе же было запрещено убивать птиц, и все, кого ты здесь видишь, — твои родичи
— До нынешнего дня я не знал этого, — отвечал Конэйр. — Сегодня ночью отправляйся в Тару, — продолжал Немглан. — Там состоится бычий пир, на котором тебя выберут королем. Запомни: обнаженный мужчина, который перед самым рассветом окажется на дороге, ведущей в Тару, и будет держать в руке пращу с камнем — «именно он станет королем»
Послушавшись его, Конэйр сбросил с себя одежду и нагим побрел ночью по дороге, ведущей в Тару, в окрестностях которой вожди зорко вглядывались в темноту, пытаясь заметить человека, о котором говорилось в пророчестве гадателя. Увидев Конэйра, они поспешно бросились нему, одели его в лучшие одежды, привели в

Тару в королевский дворец и провозгласили новым королем.
Затем Конэйру вручили длинный список гейсов, который, как гласит предание, составил для него Немглан. "Правление птицы должно быть благородным, — сказал тот, — а поэтому — вот твои гейсы:

Ты не должен обходить Тару справа, а Бреджию[44] — слева,
Ты не должен охотиться на злобных зверей из Керны.
Ты не должен покидать Тару каждую девятую ночь.
Ты не должен спать в доме, в котором после заката горит огонь, и в доме, огонь в котором виден со двора.
Ты не должен следовать за тремя всадниками в красном, в сторону дома Красного.
Во время твоего правления не должно случиться никаких грабежей и похищений.
Ни один мужчина и ни одна женщина не должны входить после заката в дом, в котором ты будешь находиться.
Ты не должен вмешиваться в спор, вспыхнувший между двумя твоими рабами.

Наконец Конэйр вступил на престол, и начало его правления было отмечено прекрасной погодой и богатым урожаем, что всегда ассоциировалось с правлением доброго короля. В порты Ирландии то и дело прибывали иностранные корабли. Каждую осень на дубах поспевало столько желудей, что свиньи бродили по колено в них. В реках кишмя кишела рыба. «Во время его [Конэйра] правления в Эрине не было совершено ни одного преступления, и для жителей Эрина голос короля звучал слаще звона струн лютни. Начиная с середины и весны и вплоть до самой середины осени никакой ветерок не тревожил коровьих хвостов».
Однако волнения все же были, причем — с самой неожиданной стороны. Конэйр быстро покончил с грабежами и разбоем, и это очень не понравилось трем его сводным братьям, которые были прирожденными разбойниками. Творя злые дела на путях гордыни и властолюбия, они в конце концов были пойманы с поличным, когда их руки еще были обагрены кровью жертвы. Однако Конэйр не стал приговаривать их к смерти, как того требовал простой народ, а просто решил обезопасить от них свое королевство. Братья были высланы из Эрина, и им было приказано отправиться за море и, если пожелают, продолжать свои набеги там. В изгнании они встретили другого вождя, Ингкела Кеха, то есть Одноглазого, сына короля Британии присоединились к его отряду и вместе с ним напали на крепость, в которой а это время гостили отец Ингкела а также его мать и братья. В ту же ночь вся королевская семья была перебита. После этого Ингкел, в свою очередь, предложил братьям напасть на земли Эрина, и они, собрав в свою дружину разбойников и всякий сброд, в том числе и семерых Манов, сынов Эйлилла и Медб из Коннахта, а также Ферли, Фергара и Феррогана, совершили набег на Ирландию, захватив земли у побережья Дублина возле Хоата.
Тем временем Конэйр, под влиянием происков его недоброжелателей из клана Туатха Де Данаан, стал нарушать один за другим свои гейсы. Так, он вмешался в ссору между двумя своими слугами в Мунстере, а возвратившись в Тару, увидел, что все ее окрестности объяты заревом и окутаны дымом пожаров. Король и его приближенные решили, что это грабит столицу войско, вторгшееся с севера, и чтобы поскорее освободить ее от насильников, Конэйр со своим отрядом поспешил обойти Тару с правой стороны, а затем обогнуть равнину Бреджия с левой. Однако, как оказалось, и зарево, и дым пожарищ на самом деле были лишь наваждением, иллюзией, вызванной чарами богов Туатха Де Данаан, которые сосредоточили все свои силы на том, чтобы погубить неугодного короля. На пути к Бреджии Конэйр начал было преследовать «злобных зверей

из Керны», которых на самом деле не было, «но так ничего и не увидел до тех пор, пока не прекратил погоню». Затем Конэйр решил где•нибудь переночевать и обнаружил, что он находится неподалеку от приюта Да Дерги, лорда Лейнстера. Приют этот дал название одной из знаменитых песен бардов — «Разрушение приюта Да Дерги». Во время прибытия Да Дерги в Тару Конэйр успел породниться с ним и поэтому посчитал себя вправе воспользоваться законом гостеприимства и обратиться к новому родственнику. Да Дерга жил в огромном доме с семью дверьми, находившейся неподалеку от современного Дублина, скорее всего — в Доннибруке, на большой дороге, ведущей в город с юга. И когда его отряд направился к этому приюту, произошел странный случай: Конэйр увидел впереди себя трех всадников, облаченных в красные одежды и скакавших на конях красной масти. Король тотчас вспомнил свой гейс о «трех всадниках в красном» и послал вдогонку за ними гонца с повелением вернуться и уступить дорогу. Но хотя гонец едва не загнал коня, ему так и не удалось приблизиться к трем красным всадникам ближе чем на бросок боевого копья. Тогда он крикнул, что король повелевает им вернуться, но один из всадников, обернувшись и смерив его насмешливым взглядом, с издевкой посоветовал гонцу поспешить в «приют, где его ожидают важные новости». Узнав об этом, король вновь и вновь посылал гонцов за всадниками, обещая им большую награду, если те пропустят короля вперед и не будут маячить перед ним. Наконец один из них пропел грозное магическое заклинание: «О сын мой! У нас важные вести… Измучились кони, на коих мы скачем, — кони из сказочных пещер. Хотя мы и живы, мы уж давно мертвы. Сын мой, какие грозные знаки: головы сложить, стервятников накормить, воронов угостить, смертельный удар получить, лезвия мечей кровью живой обагрить… Видишь — щиты пробиты насквозь на закате. Горе, о сын мой, горе!» После этого всадники поскакали вперед, соскочили со своих красных коней, привязали их у входа в приют Да Дерги и, войдя в него, уселись напротив дверей. Кстати сказать, «Дерга» означает «Красный». Таким образом, оказалось, что Конэйр скакал по дороге следом за тремя всадниками в красном в сторону дома Красного. "Увы, — печально заметил Конэйр, — получается, что я в один вечер нарушил все свои гейсы.

С этого момента история Конэйра приобретает характер сверхъестественной и мистической притчи, что, согласно логике ее автора•барда, указывает на приближение развязки. Наступила ночь, и на берегу Дублинского залива высадился разбойничий отряд Ингкела. Грабители еще издали услышали приближение королевской кавалькады и послали сотоварища, отличавшегося острым зрением, взглянуть, что там такое. Вернувшись, тот рассказал, что вслед за Конэйром в приют вошел многочисленный отряд хорошо вооруженных воинов. Затем раздался громкий скрежет. Ингкел спросил Феррогана, что бы это могло быть. Оказалось, что это воин•великан Мак Кехт бьет кремнем о железо, спеша высечь искру и развести огонь, чтобы приготовить ужин для короля. «Боже! И зачем только король оказался здесь этой ночью! — воскликнули сыны Десы. — Какая досада, что он попал в руки врагов». Однако Ингкел тотчас напомнил им, что он в свое время помог им расправиться со своим собственным отцом и братьями и что теперь они не вправе отказываться участвовать в нападении на короля в приюте, которое он давно задумал. Свет от костра, разведенного Мак Кехтом. помог отряду разбойников: они заметили блеск металлических спиц на колесах колесниц, стоявших у дверей приюта. Так был нарушен еще один гейс Конэйра.

Ингкел со своими подручными сложили большую пирамиду из камней. Каждый из разбойников положил в нее по камню, так что в итоге получился памятный знак в честь будущей битвы и в то же время своего рода счеты, для подсчета числа убитых. Дело в том, что каждый оставшийся в живых после битвы забирал свой камень обратно.

Теперь место действия опять переносится в приют, куда прибыл королевский отряд, намеревавшийся переночевать там. К дверям подошла незнакомая женщина и, постучав, попросила впустить ее. «Голени у нее были длинными, словно брусья ткацкого станка, и черными, как панцирь жука•оленя. На ней была серая

шерстяная накидка. Ее волосы ниспадали до самых колен. Рот ее был перекошен на один бок, к самому уху». Это была сама Морриган, богиня смерти и разрушения клана Туатха Де Данаан. Перегнувшись через порог, она злобно поглядела на короля и его воинов.

— Послушай, женщина, — заговорил Конэйр. — ты ведьма•пророчица, скажи, что нас ждет.

— Вас ждет беда, — отвечала та, — знайте, что ни одна крупица вашей плоти не сможет покинуть дома, в который вы сами пришли, кроме того, что унесут в когтях стервятники.

Затем Морриган опять попросила впустить ее. Конэйр заявил, что его гейс запрещает ему впускать в свой дом после заката одинокого мужчину и одинокую женщину.

— Ну что ж, — вздохнула та, — раз в доме короля для бедной женщины не найдется ни угла, ни постели, ни куска хлеба, значит, все эти блага будут отняты у него и переданы кому•нибудь более достойному и родовитому.

— Раз так, впустите ее, — приказал Конэйр, — впустите, хоть это и будет нарушением гейса.

Далее в предании следует длинный, блестящий пассаж с описанием того, как сам Ингкел отправляется разузнать, что происходит в приюте. Заглянув украдкой в дом сквозь колеса колесниц, он тотчас запомнил все и, вернувшись, описал сынам Деса облик и вооружение каждого из принцев и воинов из ближайшего окружения Конэйра, а Феррогaн и его братья сразу же узнали их и сообщили ему, чем каждый из них может быть особенно опасен в предстоящем сражении. Это — Кормак, король Ольстера, честный и доблестный правитель; эти трое чернокожих мужчин в черных одеждах — воины•пикты; этот грозный муж с блестящими волосами — управляющий самого короля, мигом прекращающий любые раздоры: стоит ему только возвысить голос, как наступает полная тишина, так что слышно даже упавшую иголку; и помощники у него под стать ему самому — все как на подбор ростом с мельничный жернов. Там — грозный воин Мак Кехт; когда он лежит на спине, его полусогнутые ноги напоминают два холма, глаза похожи на озера, нос — на горный кряж, а его огромный меч сверкает, словно река на солнце. Рядом с Конэйром — трое его сыновей; золотоволосые, в шелковых одеждах, любимцы всего королевского двора; им свойственны «манеры девушки•невесты, сердца любящих братьев и свирепость Медведей». Услышав о них, Феррогaн разрыдался и не смог справиться с собой, пока не кончилась ночь. Кроме них, в приюте были и трое фоморов поистине ужасного вида, и Коналл Кирнах со своим кроваво•красным щитом, и Дуфтах Ольстерский со своим волшебным копьем, которое в паузах между битвами приходилось держать в отваре из усыпляющих трав, чтобы оно не вспыхнуло на древке и не усвоило вокруг настоящую резню. Тут же были и трое великанов с острова Мэн, которым взрослые жеребцы едва доставали до лодыжек. Странный, неземной колорит проступает и в описании трех обнаженных фигур, повисших на веревках под самым потолком: это — дочери Бадб (второе имя старухи Морриган, богини воины), «три ужасных создания», которые, как весьма загадочно сказано в повести, «получают раны и гибнут в каждом бою». По всей вероятности, они представляют собой призрачные существа, этакие олицетворения войны и смерти, видение которых дано только Ингкелу. Весь дом и все его многочисленные покои переполнены воинами, виночерпиями, музыкантами, играющими на всевозможных инструментах, шутами и фокусниками, показывающими разные чудеса, а сам Да Дерга со своими слугами подает гостям съестное и хмельные напитки. Сам Конэйр описан так: «Он обладал решительностью и энергией истинного короля и мудростью, необходимой для совета, одеяние, которое я видел на нем, клубилось, словно туман в майский день, и было прекрасней и четче всех прочих нарядов». Подле короля красовался его меч с золотой рукоятью, на треть выдвинутый из ножен, так что приоткрытое лезвие сверкало и искрилось, словно луч света. «Это был самый добрый, благородный и мудрый правитель из всех, когда•либо приходивших в сей мир; это был Конэйр, сын Этерскела… поистине, доброта и мягкость этого спящего героя не знали границ, пока его влекли к себе подвиги чести и доблести. Но если бы его мужество и отвага успели проснуться в нем, как в героях Эрина и

Альбы, бывших с ним рядом в доме, разрушение не стало бы столь долгим и полным… конец его правления был печальным».

Тогда Ингкел и сыновья Десы бросились в атаку и обнаружили приют.

— Тише вы там! — воскликнул Конэйр. — Что это такое?

— Герои в своих покоях, — проговорил Коналл Кирнах.

— Для них здесь найдутся воины, — отозвался Конэир.

— Видно, они понадобятся уже этой ночью, — подхватил Коналл.

Тем временем один из сыновей Десы первым ворвался в приют. Голова его тотчас слетела с плеч и выкатилась обратно за порог. В приюте вспыхнул было пожар, но воины Конэйра тотчас потушили его вином и прочими напитками, какие только нашлись в доме. Конэийр и его воины тотчас бросились вперед, мигом сокрушив добрую сотню нападавших, так что разбойники на какой•то миг заколебались. Но тут Конэйр, бывший прекрасным и непобедимым воином, почувствовал страшную жажду и не мог продолжать битву, пока не напьется. Дело в том, что нападавшие, по совету своих волхвов, перекрыли реку Доддер, протекавшую прямо под приютом, а все напитки, имевшиеся там, ушли на тушение пожара.

Король, буквально умиравший от жажды, попросил Мак Кехта принести ему хоть глоток воды, и великан бросился к Коналлу спросить — сбегает ли тот за водой сам или останется прикрывать короля, пока он. Мак Кехт, отправится за водой

— Предоставь нам самим защищать короля, — отвечал Коналл, — и поспеши на поиски воды, ибо он попросил достать ее именно тебя

Тогда Мак Кехт, схватив золотую чашу короля, опрометью бросился из дома, топча уворачивавшихся врагов, и помчался искать воду. Тем временем Коналл, Кормак Ольстерский и другие герои тоже ринулись вперед, разя и сокрушая врагов. Одни из них были ранены и с трудом присоединились к маленькому отряду, оборонявшему приют, а другие сумели пробиться сквозь плошое кольцо нападавших. Коналл, Сенха и Дуфтах бились рядом с Конэйром до самого конца, но Мак Кехт все никак не возвращался. Наконец Конэйр умер от жажды, и трое героев, бросившись на врагов, вырвались из кольца, израненные, изнемогающие и истекающие кровью".

Тем временем Мак Кехт громадными скачками носился по Ирландии в поисках воды. Но, увы, феи и эльфы, эти олицетворения стихийных сил природы, наглухо напечатали все источники, и он нигде не мог найти воду. Мак Кехт попытался было набрать воды в Кесэйрском ключе в Уитлоу, но напрасно; он бросился к большим рекам, Шэннону и Слэйни, Банну и Бэрроу, но они исчезали из виду, едва только он приближался к ним. Озера также не давали ему воды. Наконец он отыскал в Роскоммоне одно озеро. Лох Гара, не успевшее вовремя спрятаться от него, и набрал полную чашу воды. Наутро он вернулся в приют со своей драгоценной добычей, стоившей таких громадных трудов, но обнаружил, что все защитники были перебиты, а двое нападавших даже затеяли между собой драку за голову Конэйра. Мак Кехт одним ударом отрубил голову одному из них, а в другого, пытавшегося было убежать, унося с собой голову Конэйра, метнул огромную каменную глыбу; Ройник умер на месте, а Мак Кехт, подняв голову несчастного короля, влил ей в рот воду из чаши. И голова ожила и заговорила, поблагодарив героя за этот прощальный подвиг.

Через какое•то время на поле боя появилась женщина. Она увидела, что Мак Кехт лежит без сил, истекая кровью.

— О женщина подойди ко мне, — позвал ее Мак Кехт.

— Я не смею тронуться с места, — отвечала та, — ибо ужасно боюсь тебя, грозный воин.

Но он продолжлал умолять ее, проговорив:

— Видишь ли, я не знаю, кто там — овод, муха или равен — пьет мою кровь и грызет рану…

Приглядевшись женщина увидела огромного волка, по самые плечи вгрызшегося в рану героя. Она схватила его

за хвост и потянула прочь, так что у того вмиг оторвались челюсти.

— Поистине, — заметила женщина, — если это и муравей, то из Страны Великанов.

Мак Кехт тотчас схватил волка за горло, а другой рукой ударил его в лоб, так что тот издох на месте.

Конец этой истории исполнен поистине героического напряжения. Коналл Кирнах, как мы уже знаем, после смерти короля сумел прорваться сквозь кольцо врагов и поспешил в Тетлин. Там он увидел своего отца, Аморгина, в саду перед его дуном. На руке Коналла, в которой он держал щит, было трижды по пятьдесят ран от копий. Герой вернулся в Татлин с половинкой щита, мечом и сломанными копьями.

— Да, ловки волки, так отделавшие тебя, сынок, — заметил отец.

— Всему виной, о почтенный герой, злоба и старинная вражда между нами, воинами, — отвечал Коналл.

— А твой господин жив? — спросил Аморгин.

— Увы, его больше нет среди живых, — отозвался сын.

— Клянусь богом, как клянутся все славные воины Ольстера: тот трус и предатель, кто покидает поле боя живым, оставив своего господина в лапах смерти.

— Взгляни, почтенный герой: на моих ранах еще не высохла кровь, — возразил Коналл. Он показал отцу свою истерзанную руку, со следами трижды пятидесяти ран от копий. Другая рука, не прикрытая щитом, была сплошь из рублена, изрезана и окровавлена и не отделилась от тела героя лишь благодаря его крепким сухожилиям. — Да, эта рука недавно потрудилась на славу, сын, мой, — заметил Аморгин.

— Да, это правда, — отвечал Коннал Победоносный— Многих она напоила смертным вином нынче ночью у врат приюта.

Так кончается история Этэйн, разгрома Страны Фей и их беспощадной мести праправнуку Верховного короля Эохаидха.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

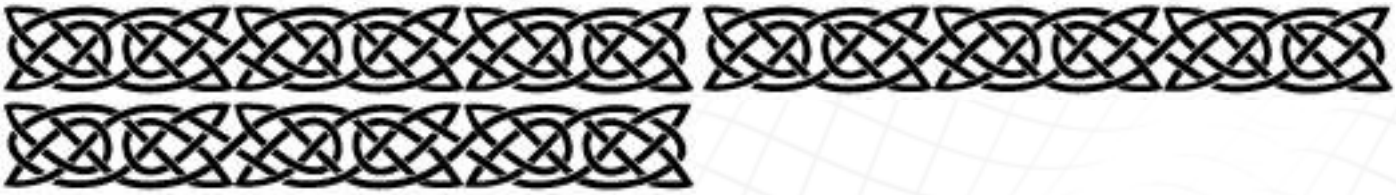
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 12. ИРЛАНДСКАЯ ИЛИАДА

Эбер и Эремон, сыновья Мил Эспэйна и победители богов, открывают собой новый ряд персонажей гэльских преданий — ранних ирландских королей•"милесиан". И хотя монахи•хронисты не жалели усилий, пытаясь явить реальную историческую основу в преданиях о героях, они выглядят столь же мифическими, как и боги клана Туатха Де Данаан. Первым из них, имевшим наименее ощутимую связь с действительными событиями, Тайгермас, правивший спустя добрую сотню лет после прихода сынов Мил Эспэйна. Он был из числа тех героев, которых принято именовать «королями — носителями культуры», и сыграл для Ирландии примерно такую роль, какую сыграл Тесей для Афин или Минос для Крит. В годы его правления на острове появилось девять новых озер, и целых три реки вырвались из подземных глубин, чтобы напоить своей водой Эрин. Под его покровительством жители Эрина научились выплавлять золото, делать роскошные украшения из золота и серебра и окрашивать ткани в самые разные цвета. Согласно легенде, он таинственным образом исчез вместе с тремя четвертями своих воинов во время друидического моления перед идолом Кромм Круахом на поле Маг

Слехт. По словам Диннсенхуса Маг Слехт,

Явился Тайгермас,
Тот самый принц•правитель Тары,
На Хэллоуин со множеством людей;
Но дело плохо кончилось для них.
И пали люди Банбы,
Не проявив ни мужества, ни силы,
Вкруг Тайгермаса, что явился с севера,
Жестоко поплатившись за почитанье Кромм Круаха.
Как я узнал от стариков,
За исключеньем четверти последней,
Никто из гэлов, в западню попавших,
Не вырвался живым из пасти смерти.

В образе Тайгермаса мы, по всей вероятности, имеем дело с великим мифическим королем, который, как, впрочем, и аналогичные персонажи в истории и мифологии большинства народов мира, знаменует собой окончание собственно мифологической эпохи и открывает новую эру, для которой характерны образы, имеющие уже не божественный, а скорее апокрифический статус.

Однако, несмотря на официальное почитание богов клана Туатха Де Данаан, установленное Эремоном, мы видим, что наиболее ранние цари и герои Ирландии обращались с этими богами весьма свободно, если не сказать фамильярно. Так, Эохаидх Эйремх, верховный король Ирландии, считался наиболее подходящим поклонником для богини Этэйн и смог отвергнуть домогательства бога Мидхира, этого гэльского Плутона (см. главу 11, «Боги в изгнании»). А современники Эохаилха — Конхобар Мак Несса, король Ольстера, Ку Рой Мак Дэйр, король Мунстера, Месгедра, король Лейнстера, и Эйлилл и Медб, король и королева Коннахта — оказывались вовлеченными в любовные интриги и военные подвиги обитателей сидхов.

Все эти персонажи второго гэльского цикла (посвященного героям Ольстера и особенно их великому богатырю Кухулину), по утверждению ирландских преданий, жили в самом начале христианской эры. Так, знаменитый Конхобар, по преданию, страшно разгневался, когда узнал о смерти Христа.

Однако такие свидетельства представляют собой несомненные интерполяции, внесенные в первоначальный текст христианскими монахами•переписчиками. Большинство ученых придерживаются иной точки зрения, согласно которой легендарными персонажами кельтских героических циклов являются не реальные люди, а боги. Однако в таких эпосах стороны нередко могут меняться местами. Итак, были ли король Конхобар и его ольстерские богатыри, Финн и его фианы, король Артур и его рыцари реальными людьми, жившими в глубокой древности, образы которых со временем обрели атрибуты богов, или все они, напротив, представляют собой древнейшие божества, поменявшие имена и утратившие свой божественный статус, чтобы стать более близкими для своих почитателей, живших в более позднюю эпоху? История это или чистая мифология? По всей вероятности — и то и другое. Имя Кухулин вполне мог носить один из реальных гэльских воинов, однако весьма подозрительно, что он во многом похож на бога Солнца, который, по преданию, был его отцом. Король Конхобар, прежде чем стать небожителем, точнее — гэльским богом неба, вполне мог быть реальным вождем одного из кланов ирландских кельтов. Впрочем, это та же самая проблема, с которой мы сталкиваемся при изучении героических преданий Древней Греции и Рима. В самом деле, кто такие Ахилл, Агамемнон, Одиссей, Парис, Эней? Боги это или все•таки люди? Поэтому давайте будем называть их — независимо от того, имеем

ли мы дело с греческими или троянскими героями, богатырями Красной Ветви, или спутниками гэльского Финна или Артура у бриттов, — полубогами. Даже в этом случае они резко отличаются от старинных богов, статус которых был гораздо выше.

В самом деле, ничто не мешает нам называть их полубогами, поскольку богатыри Красной Ветви были потомками клана Туатха Де Данаан. Кухулин, величайший герой Ольстерского цикла, занимает особое положение, поскольку с материнской стороны он был правнуком Дагды, а отцом его, по преданию, считался Луг Длинные Руки. Его матерью была Дехтире, дочь Маги, дочери «Сына Молодости» Оэнгуса; она приходилась единокровной сестрой королю Конхобару и в знаменитой Лейнстерской книге названа богиней. Не менее высокое и знатное происхождение имели и все прочие центральные персонажи. Поэтому, неудивительно, что в старинных манускриптах все они именуются земными богами и богинями; так, в Книге Бурой Коровы Конхобар называет себя земным богом Ольстера.

Термин «земные» относится лишь к сфере их действия, тогда как сами их поступки носили явно сверхчеловеческий характер. В самом деле, по сравнению с более скромными подвигами героев «Илиады» их деяния скорее напоминали подвиги гигантов. Там, где греческие воины побеждают десятки врагов, их кельтские собратья ведут счет убитых на сотни. После своих славных подвигов они возвращаются домой настолько разгоряченными, что от их прикосновения закипает вода. Придя на пир, они в один присест поедают целых быков, запивая их бочками меда. Предаваясь военным забавам, они одним ударом своих любимых мечей отсекают вершины огромных холмов. Сами боги не в силах совершить большего, и нетрудно понять, почему в те давние времена не только сыны богов благосклонно взирали на дочерей смертных и находили их прекрасными и достойными своей любви, но и бессмертные богини не отличались излишней гордыней и нередко заключали браки со смертными мужами.

Ко времени создания Ольстерского цикла некоторые стародавние божества уже успели забыться и изгладиться из памяти. По крайней мере, они в нем не упоминаются. Почивший Нуада отдыхает в Грианане Эйлехском. Огма спит вечным сном в Сидх Эйркетрай, а Дагда, отодвинутый на задний план своим собственным сыном Оэнгусом, почти не вмешивается в дела Эрина, и в последний раз мы слышим о нем как о . . . главном поваре Конэйр Мора, мифического короля Ирландии. Зато неистовая Морриган ничуть не утратила своей неукротимости, вдохновляя на бой людей или героев•полубогов с той же страстью, с какой вселяла воинственный дух в сердца племени богини Дану в битве при Маг Туиред. Боги, чаще всего появляющиеся в цикле Красной Ветви Ольстера, — это те же самые существа, которые действовали в незапамятной древности. Луг Длинные Руки, Оэнгус из Бруга, Мидхир, Бодб Дирг и Мананнан сын Лира — все это славные божества, отодвинутые на задний план историей, главные роли в которой играют теперь смертные персонажи. Однако для восполнения утраты некоторых ключевых божественных персонажей древнего пантеона был значительно повышен сакральный статус других богов более низкого ранга. Так, члены клана богини Дану приобрели все черты и атрибуты богов подземного царства. В частности, гоблины [45], духи и демоны воздушных стихий, собирающиеся во время битвы над полем боя, объединены в Лейнстерской книге под общим названием Туатха Де Данаан.

Что касается фоморов, то эти персонажи утратили свои прежние имена, хотя их и сегодня считают обителями морских глубин, которые время от времени совершали разбойничьи набеги на побережье, вступая в бой с героями•вассалами Конхобара, правителя Эмайн Махи.

Этот, говоря современным языком, административный центр, традиционным местоположением которого считается обширное доисторическое укрепление, так называемый Наван Форт, в окрестностях Армагха, был древним центром Ольстера, границы которою простирались значительно дальше к югу, до берегов реки Бойн. Правитель этого укрепления собрал вокруг себя такую плеяду выдающихся ирландских воинов, которой не

знала земля Эрина ни в прежние, ни в последующие времена. Эти воины называли себя «Богатырями Красной Ветви», и среди них не было ни одного, кто не являлся бы знаменитым героем. Однако все они кажутся всею лишь карликами по сравнению с исполинской фигурой Кухулина, имя которого означает «Пес Куланна». Один исследователь назвал его «ирландским Ахиллом», другие усматривают в нем черты гэльского Геракла. Как и Ахилл, Кухулин был общепризнанным героем своего народа, непобедимым в бою, и его «ранняя смерть повергла в скорбь множество людей». Подобно Гераклу, его жизнь представляла собой непрерывный ряд волшебных подвигов и деяний. Однако это мало о чем говорит, ибо жизненные пути столь выдающихся героев неизбежно несут в себе немало общего.

Число ирландских саг и преданий, так или иначе связанных с образом Кухулина, превышает сотню, причем многие из этих преданий существуют в нескольких вариантах, возникновение которых объясняется тем, что они были переведены в разное время разными книжниками.

Ахилл и Геракл были, как полагают некоторые, персонификациями Солнца, то же самое можно сказать и о Кухулине. Многие из его атрибутов, встречающихся в наиболее ранних преданиях, несомненно, представляют собой солярные символы. Поначалу он казался небольшим и малозначительным, но, когда он достиг полного расцвета своих сил, никто не мог выдержать сияния его лица, а от тела его исходил настолько сильный жар, что на расстоянии целых тридцати футов вокруг него таял снег. Погружаясь в ванну, которой ему служило море, он краснел и шипел. На своих врагов он обрушивал поистине ужасные бедствия непроницаемую мглу, ураганы, штормы и солнечные затмения. В такое время, как гласит «Тайн Бо Куальгне» («Похищение быка из Куальгне»), «среди воздушных облаков, витавших над его головой, были видны ослепительно сверкающие искры и струи пламени, взлетавшие высоко в небо от его неукротимого гнева. Волосы его поднимались дыбом на голове, словно то были кусты огненно•красного терновника… Толще и длиннее мачты самого огромного корабля была огненная струя его густой крови, хлеставшая прямо вверх из самой середины его пылающею лба, и стоило ему повернуться на четыре стороны света, как вокруг нею возникал волшебный туман, напоминавший туманный покров, укрывающий его обитель всякий раз, когда король на закате зимнего дня приближайся к ней». Появление на свет столь сказочного существа, естественно, не могло не быть столь же волшебным. Его мать, Дехтире, была выдана замуж за одною из вождей Ольстера по имени Суалтам и восседала на свадебном пиру. В зтот момент в ее кубок упала муха•однодневка, и невеста по рассеянности проглотила ее вместе с вином. Вечером того же дня она впала в глубокий сон, во время которого ей явился бог Солнца Луг и поведал ей, что она нечаянно проглотила именно его и теперь он пребывает в ней. Затем он повелел ей вместе с ее пятьюдесятью служанками следовать за ним и вскоре превратил их всех в птиц, невидимых для простых смертных. Больше о них никто ничего не слышал. Наконец однажды, спустя несколько месяцев, в Эмайн Махе прямо с неба спустилась стая прекрасных птиц, и воины короля бросились преследовать их на своих боевых колесницах.

Они гнались за птицами до самой ночи, пока не обнаружили, что находятся в Бруг•на•Бойн, где обитали верховные боги. Воины принялись оглядываться по сторонам, пытаясь найти себе ночлег, и неожиданно заметили и роскошный дворец. Из дворца вышел высокий муж в богатом одеянии, приветствовал воинов и пригласил их пойти. В главном зале дворца воины увидели красивую, благородного вида женщину в окружении пятидесяти дев. На столах красовались богатые яства и вина и все прочее, что необходимо для угощения гостей. Так воины провели во дворце ночь, а около полуночи услышали во дворце плач новорожденного ребенка. Наутро муж поведал воинам, кто он такой, и заметил, что эта благородная женщина — не кто иная, как Дехтире, единокровная сестра Конхобара. Затем он повелел воинам забрать ребенка с собой и отвезти его в Ольстер. Те послушались и взяли его, а заодно и его мать с ее пятьюдесятью служанками. В Ольстере Дехтире наконец стала женой Суалтама, и все вожди, богатыри, друиды, поэты и законоведы Ольстера

приветствовали ее и поздравляли с рождением столь необыкновенного ребенка. Поначалу новорожденному дали имя Сетанта. Вот как это произошло. Еше в детстве он превосходил силой всех подростков в Эмайн Махе, побеждая их во всех играх. Как•то раз он играл в хэрлинг [46] одной рукой и легко обыгрывал всех своих соперников. В это время король Конхобар со свитой из самых знатных придворных направлялся на пир, устроенный в его честь Куланном, главным кузнецом богатырей Ольстера. Увидев мальчика, Конхобар окликнул его, пригласив на пир, а тот отвечал, что обязательно придет, как только кончится игра. Когда же богатыри Ольстера вошли в зал замка Куланна, кузнец обратился к королю с просьбой позволить ему спустить с цепи своего ужасного сторожевого пса, силой и свирепостью превосходившего целую свору собак, и Конхобар, забыв, что скоро в замок должен прийти и мальчик, разрешил хозяину спустить пса. Оказавшись на свободе, пес увидел, что Сетанта приближается к замку, и тотчас бросился на него, разинув пасть. Однако мальчик не растерялся, запихнул в грозную пасть пса мяч для игры, а самого пса схватил за задние лапы и с размаха ударил о камень, так что злобный зверь тотчас испустил дух.

Кузнец Куланн был страшно разгневан гибелью своего пса, ибо на всем свете не было другого столь же верного стража, охранявшего замок и двор. Поэтому Сетанта пообещал рассерженному кузнецу подыскать для него другую такую же, если не лучшую, собаку, а до тех пор, пока такой не найдется, он будет сам охранять дом Куланна, как если бы он был собакой. Вот почему он получил второе имя — Кухулин, что означает «Пес Куланна», и друид Катбад тотчас изрек пророчество, что со временем это имя будет на устах у всех. Вскоре после этого Кухулин нечаянно услышал, как Катбад давал друидические наставления, и один из учеников спросил его, для чего благоприятен сегодняшний день. В ответ Катбад сказал, что молодой человек, впервые взявший в руки оружие в этот день, затмит своей славой всех прочих героев, но жизнь его окажется недолгой. Услышав это пророчество, мальчик поспешил во дворец короля Конхобара и потребовал, чтобы ему дали оружие и колесницу. Конхобар удивленно спросил его, кто заронил ему в голову столь дерзкую мысль, и Кухулин отвечал, что он слышал пророчество друида Катбада. Тогда Конхобар приказал выдать ему оружие, доспехи и колесницу вместе с колесничим и отослал его от себя. В тот же вечер Кухулин принес королю отрубленные головы трех грозных витязей убивших немало славных воинов Ольстера. Тогда ему только что исполнилось семь лет.

После этой победы женщины Ольстера воспылали к Кухулину такой любовью, что воины потребовали поскорее подыскать ему жену. Но Кухулин оказался весьма разборчивым. Ему понравилась только Эмер, дочь Фогалла Лукавого, самая прекрасная девушка в Ирландии, обладавшая сразу шестью дарами; даром красоты, даром прекрасного голоса, даром нежной речи, даром искусного вышивания, даром мудрости и даром целомудрия. Но когда он отправился к ней, девушка лишь посмеялась над ним, ибо он был совсем еще ребенком. И тогда Кухулин поклялся всеми богами своего народа, что он добьется, чтобы его имя стало известным всем и каждому и чтобы о его деяниях рассказывали как о подвигах героев, а Эмер, в свою очередь, пообещала стать его женой, если ему удастся похитить ее из воинственного семейства ее отца. Когда Форгалл, ее отец, узнал об обещании своей дочери, он придумал план, который должен был раз и навсегда положить конец притязаниям Кухулина. Для этого он отправился к королю Конхобару в Эмайн Маху. Прибыв во дворец, он притворился, будто впервые слышит о Кухулине, и собственными глазами увидел, как тот творит поистине удивительные дела. После этого Форгалл во всеуслышание заявил, что, если бы только этот многообещающий юноша осмелился отправиться на остров амазонки Скатах, лежащий к востоку от Альбы [47], и поучился бы у нее воинскому искусству, ему не было бы равных на всем белом свете. Попасть на остров Скатах было очень трудно, а еще труднее — вернуться с него живым, и Форгалл отлично что, если Кухулин отправится туда, он почти наверняка найдет там свою смерть.

После этого никакая сила не могла помешать Кухулину отправиться на волшебный остров. Двое его друзей, Лаогхэйр Буадах, что означает «Победитель в битве», и Коналл Кирнах, то есть Коналл Победоносный,

заявили, что они хотят отправился вместе с ним. Но затем, не успев отъехать далеко от Ольстера, они дрогнули, испугались и вернулись обратно. Кухулин продолжал путь в одиночестве и вскоре оказался на Равнине Неудачи, по которой невозможно было проехать, не угодив в одно из ее бездонных болот или жидких трясин. Размышляя, как ему быть дальше, Кухулин заметил молодого мужа, направлявшегося к нему. Лицо незнакомца сияло как солнце [48]. Вид его вселил в сердце Кухулина надежду и уверенность в своих силах. Между тем незнакомец вручил ему колесо и приказал пустить его по равнине и поспешить за ним туда, куда оно покатится. Кухулин тотчас пустил колесо, и то покатилось, сверкая оболом, то и дело испускавшим солнечные стрелы. Жар, исходивший от колеса, мигом высушил дорожку посреди топи и Кухулин смог безо всякой опаски пройти по ней.

Миновав Равнину Неудачи и едва избавившись от злобных зверей в Лощине Опасностей, он направился к Скальному Мосту, за которым лежала страна Скатах. На другом берегу он увидел множество сыновей знатных принцев и вельмож Ирландии, пришедших в эти края, чтобы поучиться воинским искусствам у самой Скатах, и они решили сыграть на зеленой лужайке в хэрлинг. Среди юношей был и старый приятель Кухулина, Фердия, сын Фир Волга, и Даман, и они попросили его рассказать им последние новости из Эрина. Когда Кухулин подробно рассказал им обо всем, он в свою очередь спросил Фердию, как ему удалось попасть в сумрачный Скатах. Дело в том, что Скальный Мост был очень высоким и узким и пролегал над глубокой пропастью. На дне ее бурлили и пенились волны морские, в которых плавали все возможные чудовища. — Никто из нас не проходил по этому мосту, — отвечал Фердия, — ибо существуют два подвига, с которыми Скатах знакомит в последнюю очередь. Один из них — умение перескочить через мост, а другой — удар Га•Болга [49]. Дело в том, что если кто•нибудь ступит на один конец моста, его середина приподнимается и отбрасывает смельчака назад, а если какой•нибудь смельчак отважится перескочить через него, он рискует сорваться и упасть в воду, где его поджидают кровожадные чудища.

Но Кухулин решил подождать до вечера, чтобы немного отдохнуть и восстановить силы после долгого пути, а затем попытаться перебраться через мост. Трижды он, собрав все свои силы, пытался перескочить через середину моста, и трижды она приподнималась и отбрасывала его назад, а его товарищи, стоя рядом, посмеивались над гордецом, не пожелавшим обратиться за помощью к Скатах. Наконец, на четвертый раз он допрыгнул на самую середину моста, а следующим прыжком преодолел вторую его половину и очутился перед грозной крепостью самой Скатах. Суровая амазонка была изумлена его мужеством и отвагой и позволила ему стать ее учеником. Кухулин провел в учении у Скатах год и один день, легко освоив все те приемы и подвиги, которым научила его амазонка, так что в конце концов она решила научить его владеть Га•Болгом и даже вручила ему это сказочное копье, поскольку, по ее словам, до прихода Кухулина она не встречала ни одного богатыря, достойного владеть им. Дело в том, что метать Га•Болг надо было особым образом, а именно — ногой, и, когда копье попадало в тело врага, его зазубрины проникали во все жилы и мышцы. Пока Кухулин жил у Скатах, его самым любимым другом во всех бедах и невзгодах был Фердия, и, перед тем как проститься, они поклялись в верности, обещая помогать друг другу до конца своих дней.

Итак, оказавшись в Стране Теней, Кухулин узнал, что Скатах ведет войну с подданными принцессы Аоифе, которая была самой сильной и свирепой воительницей на свете, так что даже сама Скатах опасалась попасть ей в руки. Отправляясь на войну, Скатах подмешала к питью Кухулина сонное зелье, так что он не мог проснуться целых двадцать четыре часа, за которые войско Скатах успело отойти далеко от крепости. Скатах боялась, как бы с мальчиком•богатырем не стряслась какая•нибудь беда до тех пор, пока он не станет взрослым воином. Однако усыпляющее зелье, которое на добрые сутки лишило бы чувств любого другого мужчину, заставило Кухулина проспать всего лишь час. Проснувшись, он схватил оружие и доспехи и поспешил вслед за войском на своей колеснице и вскоре нагнал воинов Скатах. Увидев его, Скатах, как гласит предание,

грустно вздохнула, ибо она прекрасно понимала, что ей не удастся помешать ему вступить в бой.
Когда войска сошлись на поле битвы, Кухулин и двое сыновей Скатах совершили поистине великие подвиги, убив шестерых самых грозных богатырей принцессы Аоифе, а после этого Аоифе послала к Скатах вестника и вызвала ее на поединок. Но Кухулин заявил, что вместо Скатах сразиться на поле боя с прекрасной фурией должен именно он. Еще он попросил сказать ему, что Аоифе ценит более всего на свете. «Больше всего, — отвечала Скатах, — Аоифе любит пару своих скакунов, колесницу да еще колесничего». После этого противники сошлись на поле боя, и все их приемы и уловки оказались напрасными: соперники оказались равными по силам. Наконец неожиданным ударом Аоифе разрубила меч Кухулина до самой рукоятки. Тогда Кухулин воскликнул:
— Смотрите! Кони и колесница Аоифе упали в пропасть! — Аоифе в испуге оглянулась, а Кухулин, воспользовавщщсь этим, подскочил к сопернице, схватил ее за пояс, закинул себе на плечо и потащил в лагерь Скатах. Там сбросил Аоифе наземь и приставил ей к горлу свой кинжал. Та умоляла пощадить ее, и Кухулин обещал сохранить ей жизнь при условии, что она заключит вечный мир со Скатах и представит залог в доказательство серьезности своих обещаний. На том и порешили, и вскоре Кухулин и Аоифе стали не только друзьями, но и любовниками.
Перед тем как покинуть Страну Теней, Кухулин вручил Аоифе золотое кольцо, сказав, что, если у нее родится сын, она должна отослать его к отцу, в Ирландию, как только он сможет надеть на палец это кольцо. А еще Кухулин сказал: "Скажи ему, что его гейсы заключаются в том, что он не должен никому открывать своего имени, не должен уступать дорогу никому на свете, не должен отказываться от поединка с кем бы то ни было. А еще нареки ему имя Конла".
После этого Кухулин возвратился в Ирландию и поспешил на своей любимой колеснице в замок Форгалла. Он преодолел тройные стены вокруг замка и убил всех, кто пытался ему помещать. Сам Форгалл принял жестокую смерть, пытаясь спастись от гнева Кухулина. Наконец Кухулин отыскал Эмер, посадил ее в свою колесницу и помчался прочь. Всякий раз, когда воины Форгалла, бросившиеся в погоню за ним, приближались к колеснице, Кухулин тотчас разворачивался и убивал добрую сотню преследователей, а остальных обращал в бегство. Так он благополучно вернулся в Эмайн Маху, и они с Эмер поженились.
После этого слава о подвигах Кухулина и красоте Эмер распространилась по всей Ирландии, так что мужи и женщины Ольстера стали наперебой приглашать их (Кухулина — воины, а Эмер — их жены) на все пиры и праздники, отмечавшиеся в Эмайн Махе.
Но все эти славные деяния, совершенные Кухулином прежде, не идут ни в какое сравнение с его подвигами на великой войне, которую вся остальная Ирландия под предводительством Эйлилла и Медб, короля и королевы Коннахта, начала против Ольстера, чтобы завладеть Бурым Быком из Куальгне. Бык этот был одним из двух существом поистине волшебного происхождения. Поначалу они были свинопасами двух богов: Бодба, короля Мунстерского Сидха, и Охалл Охне, короля Коннахтского Сидха. Будучи свинопасами, они постоянно враждовали друг с другом. Чтобы им было удобнее враждовать и ссориться, они решили превратиться в воронов и дрались друг с другом ровно год. Затем они превратились в водяных чудищ, терзавших друг друга один год в Суире, а второй — в Шенноне. Наконец они вновь приняли человеческий облик и долго сражались, как два настоящих богатыря, а затем вдруг превратились в угрей. Затем один из этих угрей оказался в реке Круинд в Куальгне, что в Ольстере, где его нечаянно проглотила корова, принадлежавшая Дэйре из Куальгне. Другой угорь очутился в ручье Уаран Гарад в Коннахте, где попал в брюхо корове из стада королевы Медб. Обе коровы принесли телят. Так появились на свет эти знаменитые существа — Донн Куальгне, Бурый Бык из Ольстера, и Финнбенах, Белорогий Бык из Коннахта.
Однако Белорогий Бык оказался слишком горд и не пожелал унизиться до того, чтобы принадлежать какой•то

женщине. Он поспешил перебраться из стада самой Медб в стадо ее супруга, Эйлилла. И когда однажды Эйлилл и Медб, забавы ради, решили пересчитать свои владения и имущество, оказалось, что их богатства — украшения и одежды, домашняя посуда и утварь, овцы и лошади, свиньи и коровы — совершенно одинаковы, а вот быков Медб недосчиталась. Не хватало одного — того самого, Белорогого, оказавшегося в стаде Эйлилла. Не желая уступать мужу ни в чем, даже в таких пустяках, гордая королева тотчас отправила геральдов с дарами и уверениями в дружбе к Дэйре, прося его уступить ей Бурого Быка хотя бы на год. Дэйре охотно исполнил бы ее просьбу, если бы его слуга случайно не услышал, как один из посланцев Медб шептал на ухо другому, что, если Дэйре не отдаст своего Бурого Быка добром, Медб придет и заберет его силой. Слуга поспешил рассказать обо всем Дэйре, и тот поклялся, что королева никогда не получит его злополучного Быка. Послы возвратились к ней ни с чем, и королева Коннахта, разгневанная этим отказом, заявила, что в таком случае она отнимет Быка силой.

Решив выступить в поход против Ольстера, она собрала войска из всей Ирландии и поставила во главе своей армии Фергуса Мак Рота, знаменитого ольстерского богатыря, давно враждовавшего с королем Конхобаром. Все рассчитывали на легкую победу, ибо воины Ольстера в то время находились во власти волшебных чар. Дело в том, что они каждый год помногу дней кряду страдали ужасной слабостью; это было следствием заклятия, наложенного на них много лет тому назад некой богиней, которой один из предков Конхобара нанес страшное оскорбление. Медб призвала Габалглину, пророчицу своего клана, чтобы та предсказала ей победу.

— Какими ты видишь наших врагов? — спросила ее королева.

— Я вижу на них розовое. А еще — красное, — отвечала пророчица.

— Но ведь воины Ольстера сейчас не в силах подняться от слабости, — удивилась королева. — Ну а какими же тебе видятся наши воины?

— Я вижу их розовыми. А еще — красными, — отозвалась та. Затем она пояснила изумленной королеве, ожидавшей совсем другого предсказания: — Дело в том, что я вижу некоего юношу, совершающего невиданные воинские подвиги, хотя его гладкая кожа сплошь покрыта ранами. Вокруг головы героя сияние; о, это лучи победы! Он облачен в богатые одежды, молод, скромен и прекрасен собой, но в бою он неукротим, как дракон. По внешности и мужественным манерам я узнаю его: это — Кухулин из Муиртумне. Каков в бою знаменитый «Пес Куланна», я не знаю, зато отлично вижу, что все наше войско поляжет в бою от руки этого юноши. Да, он явно собирается битву. О, он перебьет всех твоих слуг! Сеча, которую устроит нам, запомнится людям навсегда. О, многие женщины восплачут над телами павших от рук Пса Куланна, которого я вижу как наяву.

Дело в том, что Кухулин по какой•то непонятной причине был единственным мужчиной в Ольстере, на которого не действовали колдовские чары слабости, и поэтому ему предстояло защищать Ольстер в одиночку против целого войска королевы Медб.

Однако, несмотря на оскорбление, нанесенное ему королем Конхобаром, Фергус по•прежнему любил свою родину. Он не захотел вероломно напасть на богатырей Ольстера и тайно послал к ним гонца, чтобы предупредить их. И пока герои Красной Ветви все до единого не могли подняться от слабости, Кухулин еще издали заметил приближение армии врага.

С этого момента начинается история аристейи гэльского героя. Аристейя — это, следуя традиционной эпической манере, череда следующих один за другим поединков, в каждом из которых Кухулин одержал верх над своими противниками. Воины Медб один за другим поднимали на него оружие, и никто из них не смог устоять против Кухулина. В паузах между этими бесконечными «дуэлями» Кухулин поражал врагов из своей пращи, убивая по сотне воинов в день. Кроме того, он убил любимую собаку, птичку и белку и, в конце концов, навел на врагов такой ужас, что никто из них не смел и шагу ступить из лагеря. Сама Медб чудом осталась в живых, ибо одна из ее служанок, надевавшая на королеву сверкающую золотую диадему, была убита камнем, выпущенным

из пращи Кухулина.

Тогда великая королева решила своими собственными глазами взглянуть на этого сказочного героя, преградившего путь всему ее войску. Она послала ему приглашение на переговоры. Кухулин согласился, и королева, увидев юношу, была очарована им. Она просто не могла поверить, что этот безбородый юнец, которому не исполнилось и семнадцати лет, был тем самым героем, перебившим ее богатырей и заставившим трепетать все ее грозное воинство. Она предложила ему свою дружбу, всевозможные почести и обширные имения в Коннахте, если он покинет Конхобара. Кухулин наотрез отказался, но королева настаивала, предлагая свои условия вновь и вновь. Наконец Кухулин раздраженно заявил, что если кто•нибудь еще хоть раз обратится к нему с подобной просьбой, пусть пеняет сам на себя. Однако на одну уступку он все•таки пошел. Он объявил, что готов сражаться с одним ирландским воином в день и, пока продолжается их поединок, войско Медб может двигаться куда захочет, но, как только Кухулин убьет очередного противника, все воины королевы должны остановиться до следующего дня. Мебд пришлось согласиться на это, ибо она посчитала, что пусть уж лучше погибнет один ирландский воин в день, чем целая сотня. Тогда королева обратилась к самым знаменитым воинам, обещая им награды и почести, если они выступят против Кухулина. В награду за голову непобедимого витязя она обещала руку своей дочери, Финдабайр. Но, несмотря на столь заманчивые предложения, никто из ее приближенных не посмел поднять меч на Кухулина. В довершение всех несчастий Финдабайр, узнав, что ее каждый день предлагают в жены очередному бойцу, умерла от стыда. Но пока Кухулин бился в этих бесконечных поединках, Медб не теряла времени даром. Она разослала своих людей по всему Ольстеру, и те, обшарив все закоулки, нашли Бурого Быка и вместе с пятьюдесятью телками угнали в лагерь королевы.

Тем временем боги клана Аэс Сидх, добрые обитатели сидхов, с восторгом следили за подвигами отважного героя, полубога•получеловека, восхищаясь его славными победами. Его мужество вселило пылкую любовь к нему в свирепое сердце Морриган, великой богини•воительницы. Однажды уснувшего Кухулина разбудил оглушительный вопль, донесшийся с севера. Вскочив на ноги, он приказал своему вознице, Лаэгу, запрячь коней в колесницу, чтобы поскорей отправиться поглядеть, кто это кричал. Вскочив в колесницу, они поспешили в ту сторону, откуда донесся крик, и вскоре встретили женщину на колеснице, в которую был впряжен красный конь. У этой странной женщины были красные веки и брови, на ней красовались богатые красные одежды и длинный огненно•красный плащ. В руке она держала огромное серое копье. Кухулин спросил женщину, кто она и как ее имя, и она отвечала, что она — дочь царя, что полюбила его, пленившись слухами о его славных подвигах. В ответ Кухулин возразил, что у него другое мнение о такой любви. Та отвечала, что всегда помогала ему во всех его подвигах и будет помогать и впредь, на что Кухулин возразил, что не нуждается в помощи женщины. «Ну что ж, — вздохнула женщина, — раз ты отвергаешь мою любовь и помощь, ты заслуживаешь вражды и ненависти. Отныне в каждом бою, в котором ты будешь сражаться, как ты это отлично умеешь, я буду действовать против тебя в самых разных обличьях, буду всячески мешать тебе, так что твой соперник получит преимущество над тобой». Кухулин в гневе выхватил меч, но увидел перед собой лишь хмурую ворону, сидевшую на ветке. И тогда он понял, что та красная женщина на колеснице, явившаяся ему, была великая королева богов. На следующий день против Кухулина выступил воин по имени Лох. Поначалу он отказывался сражаться с безбородым юнцом, и Кухулину пришлось намазать подбородок черничным соком, чтобы со стороны казалось, будто у него выросла борода. Пока Кухулин бился с Лохом, Морриган трижды представала перед ним в разных обличьях. В первый раз она явилась в виде телки, попытавшейся было боднуть его, затем — в виде угря, извивавшегося между ног Кухулина, когда тот сражался стоя в воде, и, наконец, в виде волка, собравшегося укусить его за правую руку. Однако Кухулин сломал телке ногу, раздавил угря и выколол волку один глаз; и пока он отвлекался на это, Лох сумел трижды ранить его. Наконец Кухулин пронзил Лоха своим не

знающим промаха копьем по прозвищу Га•Болг [50] — особой формы гарпуном, сделанным из кости морского чудища и снабженным тридцатью зазубринами. Затем Морриган опять явилась Кухулину в образе старухи, попросив его исцелить ее раны, ибо никто на всем свете не мог этого сделать. И Кухулин в самом деле залечил ее раны, после чего Морриган опять подружилась с ним и стала помогать.

Однако постоянные сражения настолько измотали Кухулина, что ему некогда было спать, и он лишь изредка позволял себе ненадолго задремать, положив голову на руку, ту — на другую руку, другую руку — на копье, а копье — на колени. Наконец, его отец, Луг Длинные Руки, сжалился над ним и явился ему в образе высокого, стройного мужа в зеленом одеянии и шелковой, расшитой золотыми нитями рубахе; в руках он держал черный щит и копье с пятью наконечниками. Луг на целых три дня и три ночи погрузил сына в глубокий сон и, пока тот отдыхал, приложил к его ранам всевозможные целебные травы друидов, так что сын, проснувшись, обнаружил, что раны совершенно зажили, и почувствовал себя свежим, как в самом начале войны. Кроме того, пока он спал, целое войско юношей из Эмайн Махи, старых приятелей Кухулина, сражалось вместо него, трижды пополняя свои ряды, но, увы, юноши все до единого пали в бою.

На следующий день Мебд принялась уговаривать Фергуса Мак Рота, приемного отца Кухулина, вступить в бои и сразиться с ним. Фергус отвечал, что он никогда не будет биться со своим собственным приемным сыном. Но Медб все упрашивала и упрашивала его, так что старый воин в конце концов согласился выйти на поле боя, но — своего знаменитого меча.

— Фергус, отец мой, — произнес Кухулин, узнав его. — Ты очень рискуешь, выходя в бой со мной без меча

— Даже если бы я взял меч, — отвечал тот, — и все равно не поднял бы его на тебя.

После этих слов Фергус попросил Кухулина, ради всего того добра, что он сделал для него в детстве, лишь притвориться, что он сражается с отцом, а затем пуститься наутек. Кухулин отвечал, что ему очень стыдно обращаться в бегство от кого бы то ни было. Тогда Фергус обещал Кухулину, что если тот завтра бежит с поля боя от него, то он, Фергус, сделает то же самое, когда только Кухулин этого пожелает. На это Кухулин согласился, ибо понимал, что это — во благо всего Ольстера. Таким образом, они с Фергусом немного помахали оружием для вида, и Кухулин неожиданно обратился в бегство и вскоре скрылся из виду на глазах у изумленного войска Медб. Фергус вернулся к своим, и королева уже больше не могла просить его сражаться с Кухулином.

Однако Медб упорно искала способ одолеть Кухулина. Договор, заключенный между ними, предусматривал, что против него будет сражаться всего один воин в день. Но в один из дней королева выставила против Кухулина своего знаменитого волхва Калатина с двадцатью семью его сыновьями, заявив: «На самом деле все они все равно что один, ибо они — порождения плоти Калатиновой». Сыновья волхва без промаха поражали врагов своими копьями с отравленными наконечниками, и всякий, кто получал удар таким копьем, неизбежно умирал, если не сразу, то спустя неделю. Услышав об этом, Фергус страшно разгневался и послал воина по имени Фиаха, такого же ольстерского изгнанника, как и он сам, наблюдать за боем и подмечать, как он будет протекать. Сам Фиаха не собирался принимать участие в сражении, но, когда он увидел, что Кухулин предательски окружен целой толпой, состоявшей из двадцати девяти врагов и силы явно неравны, он не смог удержаться. Он поспешно выхватил меч и бросился на помощь Кухулину, и они вместе предали смерти Калатина и всех его сыновей.

Решив прибегнуть к последнему средству одолеть Кухулина, Медб послала за Фердией, который был великим богатырем «мужей Домну», сражавшихся на стороне королевы в войне за право владеть Бурым Быком из Куальгне. Фердия был приятелем Кухулина, и, кроме того, они вместе учились у Скатах, и поэтому он не пожелал сражаться с другом. Однако упрямая Медб заявила, что, если он не выйдет на поле боя, ее поэты напишут на него такие язвительные сатиры, что он умрет со стыда, а его имя будет навсегда опозорено.

Кроме того, она пообещала щедро наградить Фердию, если тот победит Кухулина, и в подтверждение своих обещаний принесла шесть страшных клятв. В конце концов Фердии пришлось согласиться.

Увидев его, Кухулин радостно приветствовал приятеля, но Фердия объявил, что на этот раз он пришел не как друг, а как воин, чтобы сразиться с ним. В школе Скатах Кухулин был младшим учеником, подручным Фердии, и он умолял его в память о старой дружбе отказаться от боя, но Фердия просто не мог так поступить. Наконец бой начался; противники сражались целый день, и никто из них не мог одолеть до самою заката. Тогда они поцеловались на закате и отправились каждый в свой лагерь. Фердия отослал Кухулину половину своих кушаний и напитков, а тот в ответ прислал другу половину целебных трав и притираний. Кони героев мирно паслись рядом, а возницы воинов спали у одного костра. То же самое повторилось и на второй день. Но к концу третьего дня друзья расстались в печали, понимая, что назавтра один из них обречен пасть от руки друга. Поэтому кони их провели ночь уже не в одном стойле, как прежде, а в разных, и возницы их спали у разных костров. На четвертый день Кухулин сумел поразить Фердию своим знаменитым копьем Га•Болг, нанеся неожиданный удар снизу. Но как только Кухулин увидел, что друг умирает, ожесточение боя тотчас оставило его, и он поднял старого друга на руки и перенес его через реку, на берегах которой они так долго сражались, чтобы его мертвое тело покоилось среди героев Ольстера, а не попало к воинам Ирландии. Затем он оплакал друга и сказал: «До прихода Фердии все эти бои были всего лишь детской забавой и потехой. . . О, Фердия! Твоя смерть навсегда покроет меня облаком скорби. Еще вчера ты был больше самой большой горы. И вот сегодня ты меньше легкой тени».

После этого боя все чело Кухулина было покрыто ранами до такой степени, что он не мог вынести прикосновения одежды к своей коже. Он подсунул под одежду тоненькие ореховые прутики, а пространство между ними заполнил мягкой травой. На его теле не осталось местечка величиной с иголку, на котором не было бы ран, за исключением разве что левой руки, державшей щит.

Однако Суалтан, официальный отец Кухулина, узнал, как страдает его сын.

— Что я слышу? — воскликнул он. — Может раскололись небеса или шумит бурное море, или это земля треснула от печали? А может, это вздыхает мой сын?

Суалтам тотчас поспешил к нему и увидел, что все тело Кухулина покрыто ранами и кровью. Однако Кухулин не позволил отцу плакать и тем более пытаться отомстить за него.

— Лучше ступай в Эмайн Маху, — проговорил он и скажи Конхобару, что я больше не в силах без всякой помощи защищать Ольстер от воинов всех четырех провинций. Скажи ему, что на моем теле не осталось ни клочка кожи, которая не была бы покрыта ранами, и что если Конхобар хочет спасти свое королевство, пусть поспешит на помощь.

Суалтам вскочил на боевого коня Кухулина, Серого из Махи, и галопом поскакал в Эмайн Маху. Там он трижды возгласил громким голосом: «В Ольстере мужчины гибнут, а женщин и скот угоняют!» Дважды он не услышал в ответ ни звука. На третий раз друид Катбад, стряхнув с себя оцепенение тяжелой летаргии, спросил, кто это там дерзает рушить покой короля. Дрожа от негодования, Суалтам дернул за поводья знаменитого Серого и развернул его с такой силой, что краем своего щита коснулся собственной шеи и мигом лишился головы. Испуганный конь помчался дальше к замку Конхобара, а голова Суалтама, упав на землю, продолжала громко взывать: «В Ольстере мужчины гибнут, а женщин и скот угоняют!»

Столь ужасного чуда оказалось достаточно, чтобы мужи Конхобара сбросили оцепенение сна. Сам Конхобар поклялся грозной клятвой: «Небеса — над нами, земля у нас под ногами, а море окружает нас со всех сторон. И пока небо не обрушится на нас со всеми своими звездами, пока земля не поглотит нас своей необъятной утробой, а море не затопит сушу, клянусь вернуть весь скот в загоны и всех женщин в их дома!»

Затем он немедленно послал гонцов ко всем воинам Ольстера, и те поспешно собрались и выступили против

мужей Эрина. И закипела такая битва, которой никогда еще не видела земля Ирландии. Удача попеременно склонялась то на одну, то на другую сторону, пока, наконец, Кухулин не услышал шум сражения, поднялся на ноги, превозмогая боль от ран, и ринулся в бой.

Оказавшись в самой гуще схватки, он громким голосом воззвал к Фергусу Мак Роту, напомнив ему о данном им обещании и крикнул, что настало время сдержать слово. И Фергус, верный своему слову, обратился в бегство. И когда войско Медб увидело, что их предводитель покинул поле боя, все воины как один повернулись и побежали следом за ним.

Но Донн Куальгне направился со своим войском в Коннахт, нашел быка Эйлилла, Финнбенаха и растерзал его, отдирая мясо от костей и жилы от кожи. Чресла его он швырнул в Атлон, а печень — в Трим. Затем он поспешно вернулся в Куальгне и лишился рассудка, убивая каждого, кто встречался ему на пути. Наконец сердце его лопнуло от злости, и он пал замертво.

Так окончилась эта знаменитая война, получившая звание «Тайн Бо Куальгне», что означает «Похищение быка из Куальгне [Кули]».

Однако эти битвы, как это ни странно, — далеко не самые волшебные подвиги Кухулина. Подобно прочим солнечным божествам и героям кельтских мифов, он направился в мрачное царство Аида. На этот раз местом действия его фантастических деяний стал остров под названием Дун Скайх, то есть «Город Теней», и, хотя король этого острова и не назван по имени, есть все основания полагать, что им был Мидхир и что Дун Скайх — это одно из названий острова Фалга или Мэн. Эта история, изложенная поэме «Призрачная колесница», дошла до нас в составе Книги Бурой Коровы. Она повествует о вторжении сил света и особенно солнечных божеств в царство Аида; массу параллелей ей можно найти в мифах бриттов (см. главу «Победы сил света над тьмой»).

Те же самые непримиримые соперники сошлись подземном мире, стараясь сокрушить друг друга. В самом центре Дун Скайх находилась яма, в которой извивался огромный клубок змей. Не успели Кухулин и его спутники•богатыри перебить змей, как им предстал «дом, полный гадов», которые тотчас набросились на воинов («. . . мерзкие твари с острыми клювами», — говорит поэма), пытаясь клюнуть их своими ужасными носами. Затем вместо гадов появились свирепые драконы. Однако герои в конце концов победили их всех, и им досталась поистине сказочная добыча: три коровы, обладавшие волшебными свойствами, и огромный котел, в котором никогда не переводилась пища; в придачу ко всему котел этот был всегда полон серебром и золотом. Забрав всю эту добычу, герои отправились домой, в Ирландию, на волшебном челноке, а следом за ними плыли три коровы, к шеям которых были привязаны кожаные мешки с сокровищами. Однако боги Аида подняли на море страшную бурю, которая мигом разбила утлое суденышко богатырей Эрина, и тем пришлось добираться до родных берегов вплавь. Здесь, как никогда прежде, и пригодилась невероятная, сверхчеловеческая сила Кухулина. В поэме сказано, что он посадил на каждую руку по девять спутников, тридцать воинов поместилось у него на голове, а еще восемь плыли сами, держась за него, как за спасательный круг.

Вскоре после этого с Кухулином случилась настоящая трагедия: не узнав своего единственного сына, он убил его. Эта история весьма распространена в мифах арийских народов и встречается не только в гэльских преданиях, но и в мифах германцев и персов. В этой связи надо напомнить, что Кухулин разбил Аоифе, соперницу амазонки Скатах, своей наставницы, и потребовал от побежденной выкупа. Затем у героя родился от Аоифе сын, которого он велел наречь Конлой, завещав, чтобы, как только мальчик подрастет, его отправили в Ирландию, к его настоящему отцу. Аоифе обещала так и сделать, но затем до нее дошли слухи, что Кухулин женился на Эмер. Потеряв рассудок от гнева и ревности, она решила послать сына, чтобы тот убил своего отца и тем самым отомстил ему за мать. Она обучила его всем тонкостям военного искусства, так что ему уже стало более нечему учиться у нее, и отправила его в Ирландию. На прощание она наложила на

него три гейса. Первый заключался в том, что он не должен возвращаться назад, второй запрещал ему отказываться от вызова на бой, а третий предписывал ему никогда не открывать своего настоящего имени.
Итак, сын прибыл в Дундилган, современный Дундалк, родину Кухулина. Воин Коннал, вышедший встретить его, спросил, как его имя и откуда он родом. Юноша отказался назвать себя, и это привело к стычке между ними, в которой Коннал был обезоружен и убит. Тогда на дворе показался Кухулин, задавший сыну тот же самый вопрос и получивший такой же ответ.
— Если бы на меня не был наложен запрет называть свое имя, — отвечал Коннал, не знавший, что он говорит со своим собственным отцом, — на всем свете не нашлось бы человека, которому я открыл бы его охотнее, чем тебе, ибо мне по нраву твое лицо.
Но даже столь галантный комплимент не смог предотвратить поединок, ибо Кухулин считал своей обязанностью покарать ослушника, не пожелавшего назвать свое имя. Разгорелась упорная битва, и непобедимый Кухулин почувствовал такое возбуждение, что вокруг него воссиял ослепительный «ореол героя» и лицо его преобразилось. Увидев это, Коннал понял, кто его соперник, и нарочно бросил копье мимо, чтобы оно не поразило отца. Но Кухулин, еще не догадавшись, на кого он поднимает руку, уже метнул свой ужасный Га•Болг. Умирая, Коннал все•таки открыл свое имя, и горе Кухулина, понявшего, что он убил своего единственного сына, было настолько велико, что мужи Ольстера стали опасаться, что он, обезумев, сокрушит все и вся вокруг себя. Они поспешно позвали друида Катбада, чтобы тот наложил на Кухулина колдовские чары. Катбад тотчас превратил волны морские в некое подобие войска, и Кухулин принялся рубиться с ними, пока не обессилел и упал от изнеможения.
Описание всех прочих подвигов Кухулина заняло бы слишком много времени. Поэтому будет лучше, если читатель (или читательница) сам обратится к этой дивной ирландской саге и внимательно прочтет ее. А мы вкратце изложим ее трагический финал, повествующий о смерти Кухулина.
Медб, королева Коннахта, так никогда и не простила ему, что он не позволил ее войску разграбить Ольстер и убил множество ее приближенных и союзников. Она тайно обратилась ко всем, чьи близкие и друзья пали от руки Кухулина (а таких нашлось больше чем достаточно), призывая их отомстить герою.
Кроме того, она послала трех дочерей волхва Калатина, появившихся на свет уже после гибели их отца от руки Кухулина, на Альбу и в Вавилон, чтобы они изучили все тонкости чародейства. Когда они возвратились в Эрин, они уже овладели всеми тайнами магии и колдовства и с помощью волшебных заклинаний легко могли создать илюзию сражения.
Заручившись поддержкой столь грозных союзников, Медб принялась терпеливо дожидаться того момента, когда мужи Ольстера вновь окажутся во власти магических чар слабости и Кухулину вновь будет неоткуда получить помощь.
Лугайд, сын Ку Роя, короля Мунстера, убитого Кухулином из•за Блатнад, дочери Мидхира, собрал всех славных мужей Мунстера. Эрк, отец которого также пал от руки Кухулина, собрал мужей Мита. Король Лейнстера тоже привел свое войско, и вся эта огромная армия во главе с Эйлиллом и Медб и героями Коннахта опять вторглась в Ольстер и принялась грабить и разорять его.
Конхобар созвал своих верных воинов и друидов на совет, чтобы решить, не смогут ли каким•то образом отсрочить войну до тех пор, пока не будут в состоянии встретить врага. Он не хотел, чтобы Кухулин опять в одиночку вступил в бой против всей остальной Ирландии, ибо понимал, что, если этот великий герой падет в бою, с ним навсегда погибнет и надежда на процветание Ольстера. И поэтому, когда Кухулин опять появился в Эмайн Махе, король послал всех своих придворных красавиц, бардов, певцов и поэтов развлекать его, стараясь отвлечь его мысли от войны до тех пор, пока воины Ольстера не восстановят свои силы.
Но когда Кухулин сидел во «дворце солнца», беседуя с красавицами и поэтами, на лужайке перед дворцом

появились три дочери Калатина и тотчас начали собирать травы, цветы и всякие колдовские корешки, превращая их в мнимых воинов призрачных армий. С помощью все той же магии они сделали так, что вокруг дворца раздавались всевозможные крики и истошные вопли, звуки труб и звон оружия сражающихся войск, словно на лужайке шла неистовая битва.

Кухулин вскочил на ноги, весь красный от стыда, думая, что сражение началось и давно идет без него, и поспешно выхватил свой меч, но сын Катбада схватил его за руки. Все друиды Ольстера поспешно объяснили ему, что все эти звуки — не более чем наваждение, вызванное колдовскими чарами дочерей Калатина, которые хотят во что бы то ни стало погубить его. Но все их слова оказались напрасными; это было все равно что пытаться удержать Кухулина, когда он видел призрачные армии и слышал грохот жестокой сечи.

Тогда они решили, что будет лучше, если отослать Кухулина из Эмайн Махи в Гленн•на•Бодхар, «Долину Мертвых», до тех пор, пока не развеются магические чары дочерей Калатина. Долина эта обладала одним удивительным свойством: даже если бы все мужи Ирландии одновременно закричали бы во все горло, в ней не было бы слышно ни единого звука.

Но дочери Калатина не успокоились; они последовали за Кухулином и туда и вновь набрали всевозможных трав, листьев и кореньев и придали им некое подобие вооруженных воинов, так что стало казаться, будто вокруг долины не осталось ни клочка земли, на которой бы не кипела ожесточенная битва. Кроме того, они вызвали даже видимость зарева пожаров и жалобных криков женщин. Все, кто слышал эти вопли, — это относилось не только к мужчинам и женщинам, но и собакам, — буквально цепенели от ужаса.

И хотя придворные дамы и друиды тоже закричали изо всех сил, пытаясь заглушить эти дикие вопли, им не удалось сделать так, чтобы Кухулин их не услышал.

— Ну вот! — воскликнул он. — Я слышу, как радостно вопят воины Ирландии, грабя нашу провинцию. Мой триумф — ничто. Вся моя слава пошла прахом. Ольстер, мой Ольстер погиб навсегда!

— Подожди немного, — отвечал Катбад. — Это всего лишь наваждение, магические чары, вызванные коварными дочерьми Калатина, которые хотят заманить тебя в ловушку и погубить. Оставайся с нами и не обращай на них внимания.

Кухулин послушался его, и дочери Калатина еще долго продолжали сотрясать воздух ужасными воплями и шумами битвы, пока в конце концов не устали, убедившись, друиды и придворные дамы на этот раз победили их.

Они долго не могли ничего поделать, пока одна из не приняла облик возлюбленной Кухулина и не явилась перед ним, крича, что Дундилган сожжен, Муиртумне разрушен, а весь Ольстер — во власти грабежа и насилия.

Тогда Кухулин вскочил, схватил свое оружие и доспехи и, несмотря ни на какие уговоры друидов и дам, приказал Лаэгу подать колесницу.

Вокруг героя, отдавшегося власти чар, тотчас раздались вопли — еще более печальные, чем вопли плакальщиц, звучавшие в доме Одиссея. Его знаменитый боевой конь, Серый из Махи, не позволял запрячь себя в колесницу, а из глаз его вместо слез катились крупные капли крови. Мать Кухулина, Дехтире, принесли ему полный кубок вина, и вино трижды превращалось в кровь, едва только он подносил его к губам. У первого же брода, который ему пришлось миновать, он увидел деву из сидха, стиравшую одежду и омывавшую доспехи, и она поведала ему, что это — одежда и доспехи Кухулина, который скоро должен погибнуть. Затем ему встретились три старухи•ведьмы, жарившие собаку на рябиновом вертеле; они пригласили героя присоединиться к их трапезе. Тот отказался, ибо помнил свой гейс, запрещавший ему есть мясо своего тезки, но ведьмы принялись стыдить и укорять его, сутея, что он ест только за столами богачей, а гостеприимством бедных пренебрегает. Кухулин решил отведать их угощение, и не успел он проглотить первый кусок запретного мяса, как у него отнялась половина тела. В этот момент он увидел, что враги

приближаются на колесницах и окружают его со всех сторон.

У Кухулина было три боевых копья, и о каждом из них пророчество предсказывало, что им будет убит король. К герою по очереди подошли три друида, и каждый из них вопросил дать ему копье, ибо отказать друиду считалось очень недобрым предзнаменованием. Первый из них по явился перед ним, когда Кухулин бился с врагами, залив долину их кровью.

— Отдай мне одно из своих копий, — заявил он, — не то я опозорю тебя за твою жадность.

— Что ж, возьми, — отозвался Кухулин. — Меня никто не собирался покрыть позором за то, что я отказал ему в каком•нибудь даре. — С этими словами он метнул копье в друида и убил его на месте. Но Лугайд, сын Ку Роя, дернул копье из его раны и поразил им Лаэга. Лаэг был королем всех колесничих Ирландии.

— Дай и мне одно из своих копий, Кухулин, — обратился к нему второй друид.

— Оно мне самому понадобится, — возразил герой.

— Тогда я покрою несмываемый позором весь твой Ольстер, если ты не дашь мне копья.

— Я вовсе не обязан давать больше одного дара в день, — отозвался Кухулин, — но Ольстер никогда не будет терпеть позор из•за меня. — Сказав это, он метнул копье во второго друида, и оно насквозь пробило ему голову. Но Эрк, король Лейнстера, извлек копье из раны и смертельно ранил им Серого из Махи, короля коней Ольстера.

— Дай копье и мне, — потребовал третий друид.

— Я уже отдал все, что мог, и за себя, и за Ольстер, — возразил Кухулин.

— Если ты не дашь мне его, я жестоко высмею тебя, — стоял на своем друид.

— Хоть я уже и не вернусь домой, мне не хочется быть причиной насмешек, — отвечал Кухулин. Он метнул свое последнее копье в просителя и убил его наповал. Но Лугайд выдернул копье из тела друида и ударил им самого Кухулина, нанеся ему смертельную рану.

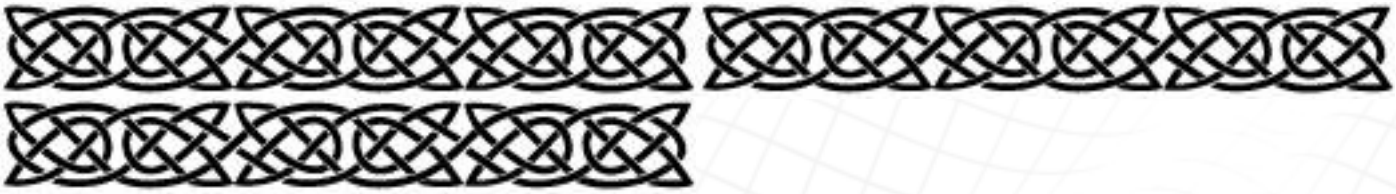
Во время агонии умирающего героя мучила невыносимая жажда. Он обратился к врагам с просьбой, чтобы те от пустили его к озеру: он ляжет у самой воды и будет пить и пить, чтобы утолить свою ужасную жажду, а потом сам вернется к ним.

— Если же я не смогу вернуться, придите и заберите меня, — проговорил он, и те отпустили его.

Кухулин долго пил и купался в озере и наконец вышел из воды. Тут он почувствовал, что не может больше идти, и окликнул врагов, чтобы те забрали его. У самой воды высился стоячий камень, и Кухулин, подойдя к нему, привязал себя к нему ремнем, чтобы умереть не лежа, а стоя, как подобает герою. Его смертельно раненный конь, Серый из Махи, сам отправился в битву, чтобы отомстить за Кухулина, и насмерть загрыз пятьдесят воинов, а каждым из копыт поразил еще по тридцать врагов. Но «сияние славы» уже замерло на лице Кухулина, и оно осталось бледным, как «свежий снег, выпавший с вечера», а на плечо героя с криком опустился ворон. — Правду говорят, что птицы не садятся на стоячие камни, — заметил Эрк.

И только тогда, когда стало ясно, что Кухулин мертв, враги собрались вокруг него, и Лугайд отрубил ему голову, чтобы отвезти и показать ее Медб. Но скоро последовала расплата: пришел Коналл Кирнах и беспощадно расправился с убийцами Кухулина.

Так погиб величайший гэльский герой; ему было всего двадцать семь лет, и с ним не осталось и следа от прежнего могущества Эмайн Махи и Красной Ветви Ольстера.



На главную	Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

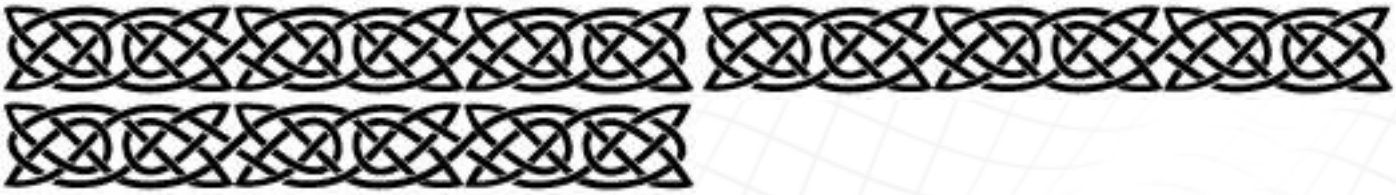
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 13. СТРАНА КАРЛИКОВ

Из всех легенд о мужах Ольстера, не связанных непосредственно с образом Кухулина, одна из наиболее интересных — легенда о Фергусе Мак Леде и короле карликов. В этой истории Фергус предстает королем Ольстера, но поскольку он жил в одно время с Конхобаром и в «Тайн Бо Куальгне» сказано, что он последовал за Конхобаром на войну, мы вправе считать его, как и Кухулина, чем•то вроде младшего короля. Действие легенды происходит в Файлинне, или Стране карликов, среди племени эльфов, представляющих собой забавную пародию на обычные общественные отношения. Эти существа очень малы (подобно всем карликам и литературах архаических народов), но наделены волшебной властью и силой. Иубдан, король Файлинна, упившись на пирах волшебным вином, в полной мере ощущал величие и непобедимость своих войск; в самом деле, разве среди его воинов не было знаменитого силача Гловера [51], способного одним ударом топора перерубить стебель чертополоха? Однако Эйсирт, придворный бард короля, слышал кое•что о племени гигантов, обитающих в Ольстере; один их воин способен уничтожить целый отряд или даже войско карликов.

Бедный бард имел неосторожность рассказать об этом надменному королю, и тот приказал немедленно заключить его в темницу до тех пор, пока тот не поклянется отправиться в страну грозных великанов и не привезет туда какие•нибудь доказательства справедливости своей истории.

Эйсирт покорно отправился в страну великанов, и в один прекрасный день король Фергус со своими лордами заметил у ворот своего дуна какое•то крошечное существо, облаченное в пышные одежды королевского барда. Существо потребовало впустить его, и Аэда, любимый карлик и бард короля, осторожно посадил гостя на ладонь и внес его в зал. Там малыш совершенно очаровал всех придворных своими мудрыми и остроумными суждениями, удостоился особой милости сидеть рядом с первыми поэтами и благородными мужами Ольстера и был отпущен обратно в Файлинн. Ему было позволено увезти с собой в гости и карлика Аэду, увидев которого карлики сочли его «фоморским великаном», но Эйсирт объяснил своим собратьям, что в Ольстере средний мужчина вполне может носить его под мышкой, как ребенка. Итак, Иубдан убедился в существовании великанов, но Эйсирт поведал ему под страхом гейса об особом правиле рыцарского этикета, заключавшемся в том, что никто из ирландских вождей, под страхом оказаться опозоренным, не имел права, подобно Эйсирту, самочинно явиться во дворец Фергуса и отведать королевской каши. Увидев Аэду собственными глазами, Иубдан порядком перепугался, но все же решил сам поехать в страну великанов и даже попросил свою жену, Бебо, сопровождать его.

— Ты, видно, совсем рехнулся, — отвечала та, — когда приказал запереть Эйсирта в тюрьму, — но и то сказать: во всем свете не найдется никого, кто смог бы убедить тебя выслушать здравые доводы.

Итак, они все же отправились, и волшебный скакун Иубдана мигом перенес их через море, так что царственные карлики оказались в Ольстере и около полуночи появились на пороге королевского дворца.

— Давай поскорее отведаем королевской каши, как собирались, — предложила Бебо, — и убежим подобру•поздорову, пока не настало утро.

Итак, они тихонько проникли во дворец и обнаружили горшок с кашей. Иубдану удалось дотянуться до края горшка, только встав на спину своего коня. Поднявшись на цыпочки, чтобы зачерпнуть каши, король карликов потерял равновесие и упал в горшок. Там он накрепко прилип к густой каше, и наутро повара Фергуса обнаружили его в горшке с кашей, возле которого заливалась горючими слезами бедная Бебо. Повара тотчас вытащили Иубдана и отнесли его к Фергусу, который был немало удивлен, увидев у себя во дворце нового крохотного гостя, да еще в придачу и не одного, а с женой. Он милостиво принял их, но наотрез отказался отпустить их, сколько они ни умоляли его. Далее история развивается уже совершенно в духе сочного раблезианского юмора, описывая всевозможные приключения, а затем приводится замечательное стихотворение, написанное, по•видимому, в форме совета слуге Фергуса, разводящему огонь в очаге. В нем сравниваются свойства разных деревьев. Приведем несколько выдержек из него:

«Не жги в очаге прекрасную яблоню с опущенными ветвями, сплошь покрытую белыми цветками, к нежным бутонам которых все мужчины протягивают руки. Не руби на дрова благородную иву, это прелестное украшение лучших поэм: из цветков ее пчелы пьют нектар, раскидистые ветви дают прохладную тень… Лучше уж жги рябину со всеми ее кистями: это нежное, воздушное дерево, любимец мудрых друидов. Но избегай тонкоствольных деревьев, не руби зеленый орешник… Не бросай в очаг и ясеня с черными почками — дерево, из которого вытачивают колеса, мчащие воинов в битву; древки копий у них сделаны тоже из ясеня».Наконец, обитатели Страны карликов огромными толпами прибыли в Ольстер, умоляя освободить Иубдана. Когда же король отказал им, они напустили на землю Ирландии всевозможные бедствия и моры, похищали зерно из колосьев, сделали так, что у коров пропало молоко и телята умирали от голода, отравили родники и так далее. Но Фергус бы неумолим. Тогда карлики, вспомнив о своем статусе земных богов, del terrem, обещали устроить так чтобы равнины перед дворцом Фергуса ежегодно сами собой, без пахоты и сева, покрывались

толстым слоем зерна, но все было напрасно. Наконец Фергус согласился отпустить Иубдана, но взамен потребовал в качестве выкупа самые удивительные из его сокровищ. Иубдан поспешно принялся перечислять их: котел, который никогда не пустеет, арфа, играющая сама собой, и, наконец, упомянул о паре удивительных башмаков, надев которые можно идти по воде так же свободно, как по суше. Фергус выбрал эти башмаки и отпустил Иубдана.

Однако для смертных очень опасно требовать от богов выкупа и тем более лучших сокровищ; дело в том, что в магических дарах часто присутствует скрытая месть. Так оказалось и на этот раз. Получив башмаки, Фергус надел их и никак не мог остановиться, исходив вдоль и поперек все озера и реки Ирландии. Однажды, на озере Лох Рури, ему встретилось ужасное водяное чудовище — Муирдрис, или речной конь, обитавший в озере, и незадачливый Фергус едва ноги унес от него. Лицо его от ужаса так и осталось перекошенным, но, поскольку человек с телесным изъяном не мог править и оставаться королем, королева и приближенные поспешили убрать из дворца все зеркала, чтобы король не увидел себя со стороны и не испугался. И все же как•то раз, когда он принялся распекать служанку за какую•то оплошность, девушка обиженно воскликнула: «Уж лучше бы ты, Фергус, отомстил за себя тому проклятому речному коню, который перекосил тебе лицо, чем проявлять свое геройство с девушками!» Фергус тотчас потребовал подать ему зеркало и заглянул в него. «Да, это правда, — проговорил он, — во всем виноват тот самый речной конь из Лох Рури».

Окончание этой истории прекрасно описано в поэме сэра Сэмюэля Фергюсона. Фергус сбросил заколдованные башмаки, схватил свой старый меч и поспешил к озеру Лох Рури:

На целый день и ночь
Под волны он ушел и скрылся прочь,
И все увидели, как вновь и вновь
Бурлит вода и в ней алеет кровь.
На третий день король из волн восстал •
В руке он голову Муирдриса держал!
И спали чары! Все его черты
Вновь обрели покой державной красоты,
И каждый, кто узрел его таким.
Не в силах был не любоваться им.
И Фергус, на берег швырнув трофей,
Воскликнул: «Вот и я!» — и сел скорей.

Явно ироническая трактовка сказочного элемента в этой истории позволяет отнести ее к позднему периоду формирования ирландских легенд, однако ее трагическая и благородная развязка со всей определенностью говорите ее принадлежности к памятникам литературы бардов Ольстера. Содержание истории вполне вписывается в тот круг идей, который сложился едва ли не в ту же эпоху, что и легенды о Кухулине.

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

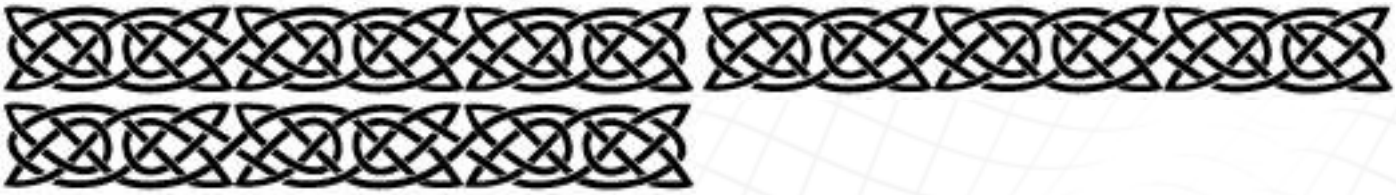
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 14. СТАРИННЫЕ ГЭЛЬСКИЕ ИСТОРИИ О ЛЮБВИ

Однако следует отметить, что эпоха ирландских героев вовсе не была сплошной кровавой оргией битв, как могло показаться читателю по прочтении главы 12. В ту эпоху нашлось место не только для ирландских Ахилла и Гектора, но и гэльских Елены и Андромахи. Герои тех славных времен находили время не только для постоянных войн, но и для любви. Более того, легенды об их любовных похождениях и приключениях часто несут на себе печать романтической прелести, не встречающейся в других памятниках ранней кельтской литературы. Женщины могли сами выбирать себе возлюбленных и пользовались большим уважением у своих поклонников. В самом деле, исследователи уже не раз отмечали тот факт, что именно мифологические любовные истории кельтов породили основной круг идей рыцарских романов средневековой Европы. В них, как ни в каких других литературных памятниках той эпохи, мы находим совершенно рыцарское отношение к противнику (легенда о поединке Кухулина с Фердией) или поразительное по своей деликатности обращение к женщине (история о сватовстве к Эмер, сохранившаяся во фрагменте Книги Бурой Коровы). А диалог между

мужчиной и девушкой, когда Кухулин прибыл на своей колеснице, чтобы нанести визит Эмер в дун Форгалл, благодаря своей странности кажется сошедшим со страниц современных женских романов.
Эмер подняла свое прелестное личико, узнала Кухулина и сказала: «Да благословит Бог пути твои!»
— А тебя, — отвечал тот, — да сохранит Он от всякою зла!
Эмер спросила героя, откуда он прибыл, и тот ответил. Затем Кухулин задал ей такой же вопрос.
— Я — Тара среди женщин, — отвечала та, — самая белоснежная из всех дев, которая может смотреть на всех, но никто не вправе глядеть на нее; я — порыв, за которым никто не может угнаться; я — неисхоженная тропинка Я не знаю равных в старинных добродетелях, в искусном обхождении, в соблюдении приличий, в величавой грации, подобающей королеве, в гармоничности облика, и во мне одной можно найти благородные черты самых знатных Эрина.
В более хвастливом тоне Кухулин рассказывает о своем собственном рождении и деяниях. Он ведь был призван, двору Конхобара не как крестьянский сын, но как один из героев и богатырей, шутов и друидов. Даже совсем выбившись из сил, он может сражаться с двадцатью воинами; обычно же он один выходит против сорока; а под его защитой чувствует себя в безопасности добрая сотня.
Нетрудно представить, какая насмешливая улыбка заиграла на губах Эмер, когда она слушала всю эту похвалу:
— По правде сказать, — заметила девушка, — все подвиги, достойные безусого мальчишки, а не воина на боевой колеснице!
Вполне современным представляется и описание сцены, в которой девушка напоминает своему поклоннику, что ее старшая сестра пока еще не замужем. Но когда герой сам говорит ей об этом, девушка дает ему ответ, мягкий и одновременно достойный. Ее можно покорить не словами, а только благородными подвигами.
Человек, за которого она согласится выйти замуж, должен добиться того, чтобы его имя было на устах у всех и упоминалось всякий раз, как только речь заходит о подвигах славных героев.
— Ради тебя я сделаю все, что ни прикажешь, — отвечал ей Кухулин.
— В таком случае я принимаю твое предложение и обещаю сдержать слово, — поклялась Эмер.
Очень жаль, что после столь благородного ухаживания Кухулин не сохранил верность невесте, руку которой он сумел завоевать. Но таков уж удел всех славных героев, которых не только смертные женщины, но и богини нередко соблазняют сойти с пути добродетели. Так, в истории под названием «Кухулин на одре болезни» рассказывается о том, как Фанд, жена Мананнана Мак Лира, покинутая богом моря, поручила своей сестре, Ли Бан, роль посланницы любви и отправила ее к Кухулину. Поначалу тот отказывался заглянуть к богине и приказал своему колесничему, Лаэгу, отправиться с Ли Бан в Маг Мелл, «Долину Счастья», чтобы осмотреть ту страну. «Если бы мне принадлежала вся Ирландия, — заявил он по возвращении своему господину, — и я был бы верховным правителем над всеми ее племенами, я без малейшего сожаления бросил бы ее и поселился в том дивном дворце, который мне довелось повидать».
Тогда Кухулин сам поспешил к богине и целый месяц провел в этом кельтском парадизе с Фанд, самой прекрасной женщиной в сидхе. Перед возвращением в страну смертных он условился с богиней, что вскоре встретится с ней в своей собственной стране, под старым тисом на берегу Байле.
Однако Эмер каким•то образом услышала об этом и сама отправилась на место свидания вместе с пятьюдесятью служанками, каждая из которых захватила с собой нож, чтобы убить соперницу своей госпожи. Придя на берег, они застали там Кухулина с Лаэгом и Фанд.
— Что заставило тебя, Кухулин, — начала Эмер, — опозорить меня перед женщинами Эрина и всеми достойными людьми? Я вошла в твой дом, положившись на твою верность, и вот теперь ты ищешь повода поссориться со мной.
Но Кухулин, этот прославленный герой, никак не мог понять, почему его жена не желает делить его с другой

женщиной. Та ведь не собирается отнять его насовсем; к тому же она так прекрасна и происходит из рода богов. Далее мы узнаем, с каким поистине королевским пафосом отвечает ему Эмер.

— Я не стану мешать этой женщине, раз ты пылаешь к ней страстью, — проговорила она, — ибо я знаю, что новое и свежее порой кажется самым прекрасным, а привычное и знакомое — надоевшим. Доступное перестает быть желанным, и все, что мы имеем, — не бережем И все же, Кухулин, вспомни, что и я была желанной для тебя. Как бы мне хотелось опять стать ею.

В сердце героя проснулась совесть.

— Клянусь, — с трудом произнес он, — что ты и сейчас желанна мне и останешься такой до конца моих дней.

— В таком случае позволь мне уйти, — заметила Фанд.

— Нет, уж лучше уйду я. — возразила Эмер.

— Нет и нет, — возвысила голос Фанд, — уйти должна я и только я. Я ухожу, но сердце мое разрывается от скорби. Я куда больше хотела бы остаться с Кухулином, чем жить в солнечном дворце богов. О Эмер, он твой, и ты поистине достойна его. Но того, чего не вправе коснуться мои руки, будет вечно желать мое сердце. Поистине, самое горькое — это любовь без ответа Лучше уж вообще отречься от любви, чем не встретить взаимности. Как же тебе не стыдно, о прекраснокудрая Эмер, убивать несчастную Фанд…

И пока богиня и смертная женщина состязались друг с другом в готовности к самоотречению, Мананнан Мак Лир узнал о печальных похождениях Фанд и принялся горько сожалеть, что покинул ее. Затем он, невидимо для простых смертных, явился богине. Он попросил у нее прощения, но она не могла забыть, как еще недавно была счастлива с «всадником, скачущим по волнам» и вполне могла бы вновь обрести счастье с ним. Тогда бог попросил ее выбрать одного из двух, и, когда богиня направилась к герою, Мананнан взмахнул своим плащом между нею и Кухулином. Одно из волшебных свойств его плаща заключалось в том, что тем, между кем бог взмахнул им, было не суждено больше увидеться. Фанд поневоле вернулась к своему супругу•богу в страну бессмертных, а друиды Эмайн Махи напоили Кухулина и Эмер чудодейственным напитком забвения, так что герой тотчас забыл свою любовь, а Эмер — обиду и ревность.

Одна из сцен этой легенды перекликается с другой, не менее очаровательной любовной историей. Тот самый «старый тис на берегу Байлс» вырос на могиле Байле Медоточивая Речь, напоминая облик Эйлинн. возлюбленной Байле. Эти гэльские Ромео и Джульетта происходили из королевского рода Байле был наследником короны Ольстера, а Эйлинн — дочерью сына короля Лейнстера. Однако разлучила их не вражда между Монтекки и Капулетти, а чары злых духов. Влюбленные условились встретиться в Дундилгане, и Байле, прибывшего на место свидания первым, почтительно приветствовал некий странник.

— Ну, какие вести ты принес мне? — спросил Байле.

— Никаких, — ответил странник, — разве что Эйлинн из Лейнстера хотела было отправиться на свидание со своим возлюбленным, но мужи лейнстерские заставили ее вернуться, и тогда сердце ее разбилось от горя. — Услышав это, сам Байле пал бездыханным на бреге — и его сердце разбилось, гонец же тем временем улетел на крыльях ветра на родину Эйлинн, которая еще не успела отправиться в путь. — Откуда ты? — спросила его девушка.

— Из Ольстера, с беретов Дунлилтана, где я видел, как люди воздвигают могильный камень над телом только что скончавшегося мужа, и на камне том я прочитал имя Байле. Он прибыл на свидание со своей возлюбленной, но им не суждено было встретиться вновь при жизни. От этой вести Эйлинн тоже пала замертво и вскоре была похоронена; далее мы узнаем, что на ее могиле выросла яблоня, а ее яблоки напоминают лик Байле. А на могиле Байле широко раскинул ветви старый тис, в очертаниях которого угадывается облик Эйлинн. Вероятно, эта легенда — часть общеарийского наследия — бытует в фольклоре народов, населяющих обширные территории от Ирландии до Индии. Гэльская версия, однако, содержит

концовку, не встречающуюся в других вариантах легенды. Два дерева, с которыми она связана, были срублены, и друиды сделали из них волшебные палочки, на которых барды Ольстера и Лейнстера записали или, точнее говоря, вырезали старинным алфавитом огам песни о любовной трагедии, разыгравшейся встарь на землях этих двух провинций Эрина. И даже этим безмолвным свидетелям любви Байле Эйлинн не суждено было разлучиться друг с другом. Два века спустя Эйрт Одинокий, верховный король Ирландии повелел перенести их в свой дворец в Таре, и, как только обе волшебные палочки оказались рядом, они тотчас срослись друг с другом, так что не было ни силы, ни возможности разделить их вновь [52]. Тогда король приказал хранить их наравне с другими реликвиями в сокровищнице двор в Таре.

Однако ни одна из подобных историй не приобрел столь же широкой известности, как та, которую мы только что привели здесь. Она сохранилась в гэльском фольклоре во множестве вариантов, наиболее ранний из которых дошел до нас в составе Лейнстерской книги, тогда как самыми полными ее версиями следует признать тексты, входящие в состав двух манускриптов, находящихся ныне в Адвокатской библиотеке в Эдинбурге. Приводимая нами версия взята из одного из них, так называемого манускрипта Гленн Масайна.

Несомненно, для многих всю совокупность старинных гэльских любовных историй можно обозначить одним словом — Дейрдр. Это — легенда о гэльской Елене Прекрасной, легенда, которую так любили варьировать на все лады поэты современной кельтской школы, а сказители веками рассказывали ее у торфяных костров Ирландии и Хайленда. И ученых, и крестьян можно в равной мере считать хранителями этого предания, возраст которого не поддается точному определению, поскольку оно было записано в Лейнстерской книге (XII в.) и считается одной из «самых ранних историй», которую каждый уважающий себя бард мог цитировать по памяти. Наряду с «Судьбой сынов Туиреанна» и «Судьбой детей Лира» она является одной из «Трех печальных преданий Эрина».

Столь популярная и любимая легенда, естественно, не могла не претерпеть изменений на протяжении многих поколений, но ее основное содержание сводится к следующему.

Король Ольстера Конхобар устроил пышный праздник в доме одного из бардов, по имени Федлимид. Жена Федлимида только что родила дочь, и по тому случаю друид Катбад произнес пророчество. Он предсказал, что новорожденное дитя со временем станет самой прекрасной девушкой на свете, равных которой еще не бывало, но красота ее станет причиной смерти многих героев и принесет Ольстеру много горя и бед. Услышав это, воины Красной Ветви потребовали немедленно предать ее смерти, но Конхобар отказался поступить так и вверил ребенка попечению верной служанки, поселив их в тайном месте до тех пор, пока малышка не достигнет возраста, когда ее придется отдавать замуж.

И служанка унесла Дейрдр (это имя дал девочке сам король) в уединенный приют, о местонахождении которого не знал никто в Ирландии, за исключением самого Конхобара. Здесь она оказалась под присмотром няни, воспитателя и наставницы и не видела вокруг себя никого, если не считать лесных зверей и птиц, порхающих с холма на холм.

Как— то раз воспитатель зарезал теленка, чтобы приготовить пищу для девочки, и на алую кровь бедного детеныша, обагрившую снег, тотчас прилетел черный ворон.

— Вот если бы на свете был юноша, — проговорила Дейрдр, — чьи волосы были бы черны, как вороново крыло, а щеки алели, словно кровь этого теленка, то за такого я согласилась бы выйти замуж.

— Такой юноша есть, — задумчиво отвечал воспитатель. — Это Наоиз, один из сынов Усны, героя из того же королевского рода, что и сам король Конхобар.

Любопытная Дейрдр тотчас стала умолять привести Наоиза, чтобы она могла поговорить с ним. И как только дева увидела юношу, она, не теряя времени, предложила ему свою любовь и попросила увезти ее из владений короля Конхобара.

Очарованный красотой Дейрдр, Наоиз послушался ее. В сопровождении двух своих братьев, Артана и Эйнле, и их приближенных он увез Дейрдр на Альбу, где заключили союз с одним из тамошних королей и принялись странствовать по его владениям, охотясь на оленей и сражаясь на стороне короля в многочисленных битвах. Оскорбленный Конхобар воспылал жаждой мести. Однажды, когда герои Красной Ветви собрались в Ольстере на какой•то праздник, король спросил их, доводилось ли им слышать о более славном и благородном воинстве, чем они сами. Герои тотчас отвечали,что в мире нет другой такой армии.

— Увы, — заметил король, — наши ряды не совсем полны. Трое сынов Усны способны защищать Ольстер против любой другой провинции Ирландии, и очень жаль, что из•за какой•то женщины их сегодня нет среди нас. Как бы я был рад повидать их!

— Мы сами, — отвечали богатыри Ольстера. — давно собирались вернуть их, но не смели сделать этого без твоего приказа, король!

— В таком случае я пошлю за ними одного из моих лучших богатырей, — проговорил Конхобар. — Я имею в виду Коналла Кирнаха, Кухулина, сына Суадтама, и Фергуса Мак Рота. Хотел бы я посмотреть, кто из них троих больше любит меня.

Первым он тайным знаком вызвал Коналла.

— Ну, Коналл, что бы ты сделал, — спросил его король, — если бы тебя послали за сынами Усны и если бы они, несмотря на твою охрану, на обратном пути были убиты?

— Поистине, во всем Ольстере не найдется человека, — отвечал Коналл, — который дерзнул бы совершить и избежал смерти от моей руки.

— Итак, я вижу, что ты не считаешь меня самым дорогим человеком на всем свете, — проговорил Конхобар.

Отпустив Коналла, он позвал Кухулина и задал ему тот самый вопрос.

— Даю слово чести, — отвечал Кухулин, — что если бы такое произошло с твоего ведома, о Конхобар, то я не удовлетворился бы никаким воздаянием, кроме твоей собственной головы!

— Все ясно, — отвечал король, — Значит, и тебя нельзя посылать за ними.

Наконец Конхобар обратился к Фергусу, и тот ответил, что если бы сыны Усны находились под его покровительством и погибли, то он отомстил бы любому, за исключением одного только короля.

— В таком случае тебя•то я и пошлю за ними, — решил Конхобар. — Отправляйся сегодня же и не мешкай в пути, и, когда ты вернешься в Ирландию в Дун Борраха, что бы с тобой ни случилось, тотчас отправь сынов Усны вперед.

На следующее утро Фергус со своими сыновьями, Илланном Прекрасным и Бунине Рыжим, отправился на собственной галере на Альбу и вскоре достиг Лох Этайв, на берегу которого поселились сыновья Усны. Наоиз, Эйнле и Ардан сидели за шахматами, как вдруг до их ушей донесся крик Фергуса. — Это кричит кто•то из мужей Эрина, — заметил Наоиз.

— Да нет, — отозвалась Дейрдр, сразу почуявшая недоброе. — Не обращай внимания: это всего лишь голос жителя Альбы. — Но сыны Усны думали иначе и послали Ардана на берег, где он и увидел Фергуса и его сыновей, приветствовал их, узнал, ради чего они прибыли на Альбу, и повел их к братьям.

В тот же вечер Фергус уговорил сынов Усны возвратиться в Эмайн Маху. Дейрдр же, которой интуиция подсказывала обратное, убеждала их остаться на Альбе, но беглецы страшно соскучились по родным местам и не разделяли ее опасений. И когда они вышли в море, Дейдр запела свою знаменитую песню «Прощание с Альбой», страной, которую ей не суждено было больше увидеть.

Любимая восточная земля,
О Альба, ты — волшебная страна!

Я б никогда тебя не увидала,
Когда б не Наоиз, избранник мой!
Любимые Ду•Фолга и Дун•Финн
И крепости и замки вокруг них!
Как задушевен Инис•Драйгенде
И сказочно прекрасен Дун•Суибни!
О Кайл Куан,
В котором Эйнле навсегда исчез!
Как быстро время пронеслось на Альбе
Для нас с любимым Наоизом!
Гленн Лайд!
Как часто я спала там под утесом;
Барсучий жир, форель и оленина •
Вот моя доля там, в Гленн Лайд.
О Гленн Этайв!
Там высится мой первый дом.
Прекрасны там леса, и даже стадо
Восход встречает в Гленн Этайв…
Гленн Да•Руад!
Отдать готова сердце,
Тому из смертных, кто тобой владеет!
Как сладок ранний крик кукушки,
Звучащий над холмами Гленн•Руад.
Прекрасен Драйген
И белые пески в его волнах;
Я ни за что бы не ушла с Востока,
Когда б не дорогой избранник мой.

Наконец они переправились через море и прибыли дун Борраха, жители которого приветствовали их возвращение в Ирландию. Однако король Конхобар тайно послал Борраху приказ устроить пир в честь Фергуса по случаю возвращения с Альбы. Здесь надо отметить, что в старинных ирландских легендах на разных героев и персонажей часто налагались самые странные табу, или гейсы *. Одним из гейсов Фергуса было запрещение посещать пиры.*

Получив приглашение на пир, Фергус, как гласит предание, «рассвирепел от макушки до пят». Однако он не мог уклониться от пира и обратился к Наоизу с вопросом как же ему поступить. И тогда Дейрдр бросила: «Значит, ты хочешь спросить, не бросить ли тебе сынов Усны на произвол судьбы ради этого пира? Что ж, если ты и впрямь покинешь их, это вполне хорошая цена за гейс».

Однако Фергусу удалось найти компромиссное решение. Хотя сам он не мог отклонить приглашение, чтобы не оскорбить гостеприимного хозяина, Борраха, он решил без промедления отослать сынов Усны в Эмайн Маху под охраной своих собственных сыновей, Илланна Прекрасного и Бунине Рыжего. Так он и поступил, несмотря на возражения самих сынов Усны и ужас, объявший Дейрдр. Ей были посланы грозные видения. Так, она видела трех сынов Усны и Илланна, сына самого Фергуса, обезглавленными. Кроме того, она видела, как их окутало облако крови. Дейрдр умоляла их переждать в каком•нибудь безопасном месте, пока Фергус не вернется с пира. Но

Наоиз, Эйнле и Ардан только посмеялись над ее страхами. Они благополучно прибыли в Эмайн Маху, и Конхобар приказал предоставить в их полное распоряжение дворец Красной Ветви.

Вечером король призвал к себе Леваркам, старую наставницу Дейрдр.

— Ступай во дворец Красной Ветви, — проговорил Конхобар, — и принеси мне весть о том, какой стала любимица Дейрдр; сохранила ли она свою прежнюю красоту или, напротив, утратила ее?

Леваркам тотчас оправилась во дворец Красной Ветви, и поцеловав Дейрр и трех сынов Усны, тайно сообщила им, что Конхобар задумал какое•то злодеяние против них. Затем она вернулась к королю и печально объявила ему, что житейские скорби, которые перенесла Дейрдр в горах Альбы, погубили ее прежнюю красу и она более не заслуживает внимания Конхобара.

Услышав это, ревнивец Конхобар немного успокоился и даже засомневался, стоит ли ему нападать на сынов Усны. Но затем, выпив целый кувшин вина, он послал вперед гонца, чтобы проверить, правду ли сказала ему Леваркам о красоте Дейрдр.

Гонец, на этот раз — мужчина, поспешил ко дворцу и заглянул в окно. Дейрдр, заметив его, окликнула Наоиза; тот метнул в дерзкого одну из шахматных фигур и выбил ему глаз. Однако тот сумел вернуться к Конхобару и передал тому, что, хотя он, гонец, и лишился одного глаза, не жалеет об этом, потому что удостоился видеть красоту Дейрдр.

Тогда взбешенный Конхобар приказал мужам Ольстера поджечь дворец Красной Ветви и убить всех находящихся в нем, кроме Дейрдр. Те послушно разожгли костры углам дворца, но Бунине Рыжий выскочил, затушил огни, и мигом убил нескольких из нападавших. Тогда Конхобар обратился к нему, пригласил его на переговоры и предложил ему «целую сотню» земель и свою дружбу, если он бросит сынов Усны на произвол судьбы". Буинне поверил ему и предал своих друзей, но земля, которую ему дал король, оказалась бесплодной, не желая приносить зерна до тех пор, пока ею владеет такой коварный предатель.

Но не таким оказался другой сын Фергуса. Он выскочил из дворца с факелом в руке и сразил на месте нескольких мужей Ольстера, так что уцелевшие опасались приближаться к дворцу. Конхобар не решился предлагать герою выкуп и поспешил вручить своему сыну, Фергусу, свое волшебное оружие, в том числе и знаменитый Стенающий, который обычно начинал стенать, когда владельцу угрожала опасность, и послал его в бой против Илланна.

Поединок их оказался на редкость жестоким; Илланн оказался сильнее Фиахи, так что тому ничего не оставалось, как закрыться щитом, который взывал о помощи. Коналл Кирнах услышал вопли щита и издалека поспешил в Эмайн Маху, думая, что его королю угрожает опасность. Прибежав на поле боя, он без лишних размышлений ударил Илланна своим копьем, знаменитым Сине•зеленым, и пробил того насквозь. Умирая, сын Фергуса успел объяснить Коналлу обстоятельства их поединка, и тот, посетовав на свою ошибку, поразил заодно и Фиаху.

После этого сыны Усны до самого утра обороняли дворец против воинов Конхобара. Когда же настал день, им пришлось выбирать — спастись бегством или обречь себя на верную смерть. Собравшись вокруг Дейрдр и прикрыв ее щитами, сыны Усны внезапно распахнули двери и выбежали из дворца.

Они наверняка сумели бы пробиться сквозь кольцо окружения, если бы Конхобар не приказал друиду Катбаду прочесть против них магические заклинания и пообещать сохранить им жизнь. И Катбад создал вокруг сынов Усны призрак бушующего моря. Наоиз поспешно подхватил Дейрдр и посадил ее себе на плечо, но колдовские волны подымались все выше и выше, так что братьям пришлось побросать оружие и пуститься вплавь.

И тогда воинам Конхобара предстало странное зрелище: они увидели людей, отчаянно барахтавшихся на суше, воображая, что борются с волнами. И не успели колдовские чары слететь с сынов Усны, как воины короля напали на них сзади и взяли в плен.

Несмотря на свое обещание, данное друиду Катбаду, король приговорил их к смерти. Однако никто из мужей Ольстера не пожелал взять на себя роль палача. В конце концов вперед вышел один чужеземец, родом из Норвегии, отец которого пал от руки Наоиза, и предложил обезглавить пленников. Каждый из них умолял казнить первым именно его, чтобы не быть очевидцем гибели любимых братьев. Но затем Наоиз окончил это состязание в благородстве, протянув добровольному палачу меч, прозванный Карателем, который он сам некогда получил от Мананнана Мак Лира. Братья встали плечом к плечу, и знаменитый меч бога одним ударом снес головы всем троим…

Что касается Дейрдр, то различные предания описывают ее смерть по•разному, однако все они сходятся на том, что она пережила сынов Усны всего на несколько часов. Но перед кончиной она успела написать скорбную элегию в их память. Этой элегии присущи удивительный трагический пафос и очарование, весьма редко встречающиеся в стихах из Лейнстерской книги:

Как долог день без вас, о дети Усны!
Как я хочу уйти за вами вслед!
О дети короля, по вам рыдают плакальщицы,
Три льва, сошедшие с Холма Пещеры!…
Три светоча британских жен,
Три сокола из Слив Гвильон;
О дети короля, питомцы славы,
Как вас любили старые бойцы!
Печаль мою по Наоизу
Ничто унять не сможет.
А после Эйнле и Ардана,
На этом свете я не задержусь.
О первый мой супруг, владыка Ольстера,
Я так горда любовью Наоиза.
Недолго я его переживу:
Вот только справлю погребенье с тризной.
Без них троих мне более не жить •
Без трех богатырей, спешивших в битву
Богатырей, одолевавших беды,
Трех витязей, не избегавших боя…
О ты, могильщик, роющий могилу
Для милого супруга моего:
Ты выкопай ее пошире, чтобы
И я могла улечься рядом с ним.

Однако эта победа не принесла Конхобару радости. Дейрдр, прекрасная Дейрдр, навеки скрылась от него, уйдя в могилу. Да и его соблазненные сторонники так и не простили королю этого злодейства. Фергус, вернувшись с пира Борраха и узнан, что произошло в Эмайн Махе, убил сына Конхобара и многих его воинов и бежал к одним их самых заклятых врагов Ольстера, Эйлиллу и Медб, правителям Коннахта. А друид Катбад наложил грозное проклятие на короля и его королевество, моля богов, чтобы в Эмайн Махе никогда больше не правил никто из потомков Конхобара.

Так и случилось. Столицу Ольстера удалось ненадолго спасти лишь благодаря отваге и стойкости Кухулина. А когда погиб и он, она очень скоро стала такой, какой мы видим ее и сегодня. Сегодня на ее месте высится курган, заросший травой.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

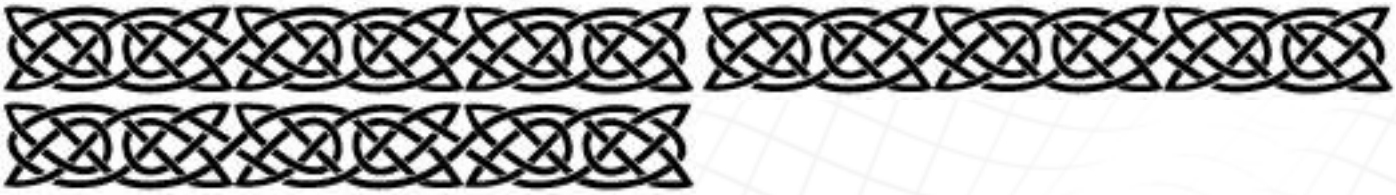
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 15. ФИНН И ФИАНЫ

Вслед за эпохой правителей Эмайн Махи, согласно анналам древней Ирландии, наступило время череды шествующих монархов, которые, будучи столь же мифическими, как и король Конхобар и его двор, тем не менее со временем приобретали более земной, человеческий облик. Этот период продолжался около двух веков, достигнув своей кульминации в годы правления династии, с которой связано куда больше легенд, чем со всеми ее непосредственными предшественниками. Итак, эта последняя династия, по утверждению старинных хронистов, началась в 177 г. н. э., когда на трон вступил знаменитый Конн Сотня Воинов", и вплоть до правления его знаменитого внука, Кормака Величественного, и она непосредственно связана с третьим циклом гэльских преданий — циклом, повествующим о подвигах Финна [53] и его фианов. Все эти короли имели те или иные контакты с национальными богами кельтов. Легенда, сохранившаяся в старинном ирландском манускрипте XV века и именуемая «Пророчество героя», рассказывает о том, как Конну однажды явился сам бог Луг, облек его магическим туманом, увлек за собой в некий заколдованный дворец и там поведал ему

пророчество о будущем его потомков, о продолжительности их правления и причинах смерти или гибели каждого из них. Другое предание повествует о том, как сын Конна, Конла [54], был соблазнен некой богиней и, подобно знаменитому Артуру мифов соседей•бриттов, перенесся в волшебной стеклянной ладье в Земной Рай, находящийся за морем. Еще одна легенда связывает женитьбу самого Конна с именем Бекумы Прекрасная Кожа, жены того самого Лабрайда Скорого на Меч, который, как сказано в другом предании, был женат на Ли Бан, сестре Фанд, возлюбленной самого Кухулина. Бекума появляется в интриге с Гайаром, сыном Мананнана, и, будучи изгнана из «земли обетованной», переплыла через море, разделяющее бессмертных и смертных, чтобы предложить Конну руку и сердце. Король Ирландии, разумеется, взял ее в жены, но брак их обернулся несчастьем. Дело в том, что богиня воспылала ненавистью к Эйрту, сыну Конна от первой жены, и потребовала отправить его в изгнание, но затем было решено, что они сыграют партию в шахматы, чтобы решить, кто из них должен уйти, и Эйрт выиграл. Затем этот Эйрт, прозванный Одиноким, ибо он лишился своего родного брата, Конлы, стал после смерти Конна королем, но в легендах он больше известен как отец Кормака.

Немало старинных ирландских легенд посвящено воспеванию славных подвигов и деяний Кормака, которого принято изображать великим законодателем, этаким кельтским Соломоном. Некоторые предания даже утверждают, что он первым на Британских островах принял более возвышенное духовное учение, чем традиционный кельтский языческий политеизм, и якобы даже пытался запретить друидизм. За это друид по имени Маэлкен наслал на него злого духа, который заставил кость лосося встать королю поперек горла, и тот как сидел за столом, так и принял за ним смерть. Но в целом ряде других преданий король, напротив, провозглашается любимцем тех же самых языческих божеств. Сам Мананнан Мак Лир настолько дорожил его дружбой, что перенес его в страну чудес и даровал ему волшебную ветвь. На этой ветви росли золотые и серебряные яблоки, и стоило только ее потрясти, как раздавалась столь сладостная и нежная мелодия, что раненый забывал о боли, а страждущий — о скорби и печали и тотчас погружался в глубокий умиротворяющий сон. Кормак всю жизнь берег это сокровище как зеницу ока, но после его смерти дивная реликвия вернулась к богам.

Король Кормак был современником Финна Мак Кумалла, которого он назначил предводителем так называемых Фианна Эйринн, более известных как фианы. Вокруг Финна и его фианов со временем сложился обширным круг легенд, который пользовался одинаковой популярностью среди гэльских кланов Ирландии и Шотландии. Легенды и поэмы об их подвигах мы читаем в древнейших ирландских манускриптах, в Ирландии и Вест Хайлендс имена этих героев и предания о них веками сохранялись в народной памяти. В XVIII веке замечательный шотландский поэт Джеймс Макферсон активно использовал эту живую фольклорно•эпическую традицию, сохранившуюся в народных балладах, для создания образа древнего барда Оссиана.

Сегодня уже невозможно установить, в какой мере Финна и его приближенных воинов можно считать историческими персонажами. Между тем сами ирландцы издавна полагали, что легендарные фианы были чем•то вроде отрядов народной полиции, а сам Финн — их предводителем. Этой точки зрения придерживаются авторы наиболее ранних исторических сочинений. Так думал, в частности, хронист Тьерна из Клонмакноиса (ум. в 1088 г.), а «Анналы Четырех Владык», представляющие собой позднюю (возникшую между 1632•м и 1636 гг.) компиляцию материалов старинных хроник и вообще игнорирующие короля Конхобара и его богатырей как персонажей, которым нен места в серьезных документах, считают Финна вполне реальным героем, скончавшимся около 283 года. Один из исследователей, Юджин О'Карри, ясно и недвусмысленно говорит о том, что Финн, коего принято считать «вымышленным либо совершенно мифическим персонажем», на самом деле был «вне всякого сомнения, реальным историческим лицом; по всей вероятности, он жил около того времени, которое указано в анналах; точно так же, как Юлий Цезарь жил именно в то время, на которое

указывают авторитетные римские историки».

Однако этой точке зрения явно противоречат взгляды позднейших исследователей кельтов. На первый взгляд родословная Финна, сохранившаяся в составе знаменитой Лейнстерской книги, может показаться веским аргументом в пользу гипотезы о реальности его существования, но после более внимательного исследования оказывается, что имена как самого Финна, так и его отца восходят к куда более древним прототипам. Финн, или Фионн, что означает «прекрасный», — это имя одного из мифических предков гэлов, а имя его отца, Кумалл, что означает «небо», практически тождественно с именем Камулуса, галльского бога неба, в свою очередь, отождествляемого с древнеримским Марсом. Весьма маловероятно, что его потомки могли иметь земную, человеческую природу. Скорее их можно сопоставить с Кухулином и другими богатырями Эмайн Махи. В самом деле, их подвиги носят ничуть не менее сказочный характер. Как и богатыри Ольстера, они находятся, так сказать, в неформальном общении с древними божествами. «Фианы Эрина, — говорится в трактате под названием „Агаламх•на•Сеньорах", то есть „Диалоги старейшин", сохранившемся в составе рукописей XIII — XIV веков, — чаще и свободнее общались не с простыми смертными жителями, а с богами клана Туатха Де Данаан». Оэгунс, Мидхир, Лир, Мананнан и Бодб Дирг со всеми своими бесчисленными сыновьями и дочерьми занимают в так называемых «Оссиановых» песнях столь же заметное место, как и сами фианы. Они сражаются на их стороне или, наоборот, против них; они берут их в жены выходят за них замуж.

Другой исследователь, Джон Рис, также полагает, что фианы принимали самое активное участие в знаменитой воине между богами Туатха Де Данаан и фоморами. Наиболее часто в роли антагониста Финна и его фианов выступают племена (кланы) захватчиков, прибывшие из•за моря и именуемые в преданиях под общим названием лохланнах. Эти «мужи Лохланна» обычно отождествляются с племенами, которые в легендах фиановского цикла принято называть отрядами норвежцев, опустошавших и грабивших в IX веке побережье Ирландии. Однако в наиболее раннем ядре преданий о фианах набеги скандинавов явно являются позднейшими вставками, и смертные враги в них просто•напросто заняли место бессмертных богов, страна, или Лохланн, которых находилась не за морем, а под его волнами.

Наиболее ранние ирландские хронисты с готовностью сообщают даты и факты, связывающие само возникновение института фианов как таковых с деятельностью и личностью Финна. Так, сообщается, что впервые отряды фианов были организованы королем Фиахадом в 300 году до н. э., а ликвидированы или, точнее говоря, истреблены Кэйрбром, сыном Кормака Мак Эйрта, в 284 году н.э. Далее мы узнаем, что эти формирования состояли из трех подразделений, образцом для которых послужили римские легионы. В каждом из этих подразделений в мирное время насчитывалось до трех тысяч воинов, но во время военных действий они получали значительное подкрепление. Главной задачей этих формирований была охрана побережья Ирландии и вообще всей страны; их немедленно перебрасывали в графство, подвергшееся вооруженной агрессии интервентов. В течение шести месяцев в зимнее время воины этих отрядов ставились на постой к местным жителям, а в летнее время должны были сами добывать себе пропитание, что они и делали, занимаясь охотой или рыбалкой. Жили они в лесах и на глухих болотах, закаляя организм столь суровыми бытовыми условиями. Места их огромных лагерных кострищ на долгие века сохранили название «очаги фианов».

Однако стать членом этих знаменитых отрядов было нелегко. Кандидат должен был быть не только искусным воином, но и поэтом и вообще образованным человеком. Он практически навсегда отрекался от своего клана или, по крайней мере, приносил клятву, что не будет мстить за своего убитого родича, а тот не должен мстить за него. Он добровольно налагал на себя многочисленные запреты, или гейсы , например, никогда не отказывать в покровительстве всем, кто бы ни попросил его об этом, не поворачиваться в бою спиной к врагу, не оскорблять женщину и не требовать приданого за женой. Кроме того, он должен был успешно выдержать достаточно трудные физические испытания. В самом деле, образы фианов, дошедшие до нас и

приукрашенные и без того щедрой фантазией кельтских бардов, наделяются совершенно сказочными и сверхчеловеческими чертами. Так, в «Фианна Эйринн» мы узнаем, что претендент на вступление в ряды фианов должен был стать на колени в яме, вырытой для него, и иметь при себе только шит и палку из орешника, а девять воинов, вооруженных длинными копьями, становились на расстоянии девяти грядок земли от него и обращали оружие против него. И если претенденту не удавалось отразить их натиск, его со стыдом изгоняли прочь. Если же он выдерживал это первое испытание, ему приказывали встать на расстоянии высоты дерева, а затем воруженные воины начинали преследовать его по всему лесу. И если хотя бы одному из них удавалось ранить претендента, доступ в ряды фианов был для него закрыт. Но даже если ему удалось остаться целым и невредимым, но во время бега распускалась хотя бы одна прядь его волос, а сам он переломил хоть одну ветку или оружие просто дрожало и звенело в его руках, его также изгоняли. После всех этих испытаний кандидат должен был перепрыгнуть через ветку, находившуюся на уровне его лба, и на всем бегу проскочить под другой веткой, находившейся на уровне его колена, и ни разу не задеть ее; на бегу вытащить терновый шип из пятки, не замедлив бега. Ясно, что ряды фианов пополнялись исключительно выносливыми и сильными атлетами.

А теперь самое время перейти к более подробному описанию всех этих богатырей. Они тоже составляют славное сообщество, ни в чем не уступающее знаменитым мужам Ольстера. Первый из фианов — это, конечно же, Финн, пусть и не самый большой силач среди них, но зато самый верный, мудрый и добрый, благородный в общении с женщинами, справедливый в отношении мужчин и доверяющий всем без исключения. Если он может помочь, то никогда и ни за что не покинет людей в беде или нищете. «Если бы все сухие листья в лесу превратились в золото, а белая пена морей и рек — в серебро, Финн без сожаления роздал бы все это золото и серебро нуждающимся».

У Финна было двое сыновей: Фергус и более известный из них, Ойсин. Фергус Сладостные Речи был бардом фианов, а также, во многом благодаря дару вкрадчивой и медоточивой речи, их дипломатом и посланником на всех переговорах. Однако по иронии судьбы не ему, а его брату Ойсину (то есть Оссиану), вообще не упоминаемому и ранних легендах в качестве поэта, шотландский поэт Джеймс Макферсон приписал авторство песен, получивших широкую известность под названием «Оссиановых баллад». Матерью Ойсина была Садб, дочь Бодб Дирга. Ревнивая богиня•соперница превратила ее в лань, что объясняет происхождение имени самого Ойсина, которое означает «молодой олень». Благодаря столь необычайному происхождению он бегал так быстро, что легко мог догнать красного оленя и схватить его за ухо, хотя его бег и не отличался такой мягкостью, как у его кузена Каоилте Тонкого Мужа. Однако он не мог сравниться силой со своим собственным сыном Оскаром, самым известным силачом среди всех фианов, который в юности был настолько болезненным, что воины даже отказывались брать его с собой в походы. Однако им пришлось переменить свое мнение о нем после того, как он однажды тайно последовал за ними и в стычке с врагом, когда герои•фианы совсем было бросились наутек, бросился к ним на помощь и в одиночку остановил целый отряд врагов, вооружившись огромным бревном, как нельзя более кстати подвернувшимся ему под руку на поле боя. После этого подвига Оскар был провозглашен самым великим воином среди фианов. В первом своем бою он убил сразу трех королей, а затем в пылу сражения по ошибке сразил и своего друга, Линне. После этой победы он получил под свою команду целый отряд, и его знаменосец, по имени Грозная Метла, всегда становился в самом центре войска, ибо о нем было известно, что он никогда не отступал ни на шаг назад. Другими видными фигурами среди фианов были Голл Мак Морна, поначалу ярый враг Фианов, но впоследствии их верный боец, муж, искусный в военном деле, так и в учении. И хотя он был одноглазым, в книге далее говорится, что он пользовался большим успехом у женщин, правда, не таким оглушительным, как кузен Финна, Диармайд уа Дуибхне, роковая красота которого не оставила равнодушным даже сердце Грайне, обрученной невесты Фиана. Роль комического

персонажа среди фианов выполнял Конан, которого представляют старым, сутулым, вспыльчивым и раздражительным мужем, хвастливым, как шекспировский Пистоль, и самонадеянным, как Тирсит, и тем не менее, после того как его однажды уличили в плутовстве, человеком честным и мастером на все руки. Таковы основные персонажи фиановского цикла, исполнители главных ролей в этих преданиях.

Эпический цикл о фианах начинается еще до рождения главного героя, с битвы между двумя соперничающими кланами, каждый из которых объявил себя, и только себя, единственными настоящими фианами Эрина. Этими кланами были Кланн Морна, во главе которого стоял Голл Мак Морна, и Кланн Баоизгне, возглавляемый Кумаллом, отцом Финна. Битва между ними разгорелась в Кнухе (современный Каслнок в окрестностях Дублина), и Голл убил Кумалла, после чего воины Кланн Баоизгне были разбиты. Однако жена Кумалла родила после его смерти сына, которого тайно отослала в горы Слив Блум, опасаясь, что враги его отца могут найти мальчика и предать его смерти. Мальчик, которому поначалу дали имя Демна, вырос и стал превосходным стрелком, неутомимым пловцом, стремительным бегуном и удачливым охотником. Позднее он, подобно Кухулину, получил второе, более известное имя. Все видевшие его спрашивали, кто этот «прекрасный» юноша. И тогда он сделал этот постоянный возглас своим вторым именем и стал именовать себя Демна Финн.

Однажды, бродя по брегам Бойна, он встретил прорицателя по имени Финегас, жившего возле глубокого пруда в окрестностях Слэйн, так называемого Фекс Пул. Старик надеялся поймать одного из «лососей познания» и, съев его, обрести всепроницающую мудрость. Он оставался у пруда вот уже целых семь лет, и все напрасно; однако он знал, что существует пророчество, согласно которому лосося суждено было поймать юноше по имени Финн. И когда к нему приблизился один из сынов Кумаллы, фиан•прорицатель принял его за слугу. Вскоре он наконец поймал долгожданного лосося и вручил его старику, который распорядился сварить рыбу, но ни в коем случае не есть ни кусочка от нее.

— Ну что, наверное, отъел порядочный кусок, а? — спросил он мальчика, когда тот подал ему вареную рыбу.

— Да нет же, даже не попробовал, — отвечал тот, — Но когда я варил ее, мне на руку брызнула капля отвара и обожгла кожу: на ее месте вздулся волдырь, и я пальцем сковырнул его, а затем сунул палец в рот, чтобы заглушить боль.

Старик в недоумении уставился на него:

— Ты говоришь, что тебя зовут Демна, верно? Но нет ли у тебя другого имени? — Да, есть. Меня еще иногда называют Финном.

— Достаточно, — с досадой прервал его прорицатель. — Ешь этого лосося сам, ибо ты, как я вижу, один из тех, о ком говорится в пророчестве. Финн послушно съел лосося познания, и с тех пор ему достаточно было лишь слегка прикусить зубом свой палец, совсем как он сделал это, когда обжегся, чтобы получить какое•нибудь предсказание или магический совет от духов [55].

Обладая этим бесценным даром, Финн стал настоящей находкой для Кланн Морна. Весьма любопытны легенды, повествующие о том, как он предстал перед старыми воинами своего отца, с помощью волшебных чар победил всех врагов и превратил их в своих верных слуг. Даже Голл Крепкий Удар вынужден был подчиниться ему. Постепенно он примирил два враждовавших клана, объединив их в рамках ополчения фианов, предводителем которого он был назначен, брал дань с королей разных земель Ирландии сражался с фоморами из Лохланна, сокрушал всевозможных великанов, змей и чудовищ, обитавших на острове, и наконец распространил свою мифическую власть на всю Европу.

Среди поистине бесчисленных историй о подвигах Финна очень трудно выбрать наиболее яркую. Все они проникнуты духом героизма, романтики, дикой простоты и буйной фантазии. Во многих из них важную роль играют древние боги клана Туатха Де Данаан. Одна из таких историй связана с ранним мифологическим эпизодом, уже упоминавшимся в главе 11, «Боги в изгнании». Читатель, наверное, помнит, что, когда Дагда

утратил власть повелителя бессмертных, на его место появилось сразу пять претендентов. Из этих пяти соискателей — в числе которых были Оэнгус, Мидхир, Лир, Илбрих, сын Мананнана, и Бодб Дирг — королем стал последний; Лир, не пожелавший признать его, впоследствии помирился с новым королем, а вот Мидхир, поднявший такой же мятеж, удалился в «пустынную страну в окрестностях горы Лейнстер», что в графстве Карлоу, и каждый год между его воинством и армией остальных богов происходили ожесточенные битвы, ибо богам очень хотелось смирить и наказать мятежников. Эти войны продолжались и во времена Финна, и Мидхир оказался не настолько горд, чтобы пренебречь его помощью. Однажды Финн вместе с Ойсином, Каоилте и Диармайдом охотился в Донегале, и их собаки вспугнули прекрасного молодого оленя, который, подпуская преследователей совсем близко и все•таки всякий раз ускользая от них, привел их к самой горе Лейнстер. Здесь он внезапно исчез, как сквозь землю провалившись на склоне холма. Тем временем повалил густой снег, «под тяжестью которого ветви дубов сгибались словно ивовые лозы», и фианам пришлось искать крова. Они внимательно оглядели то самое место, на котором пропал олень. Оно вело в величественный сидх, расположенный в глубине холма. Войдя в сидх, герои встретили прелестную деву•богиню, которая приветливо поздоровалась с ними и поведала им, что перед ними — дочь самого Мидхира и что она нарочно приняла облик оленя, чтобы заманить их сюда в надежде, что они помогут ей оборонять сидх от полчища врагов, которые вот•вот готовы напасть на нее. Финн поспешно спросил, кто ей угрожает, и богиня отвечала, что это грозный Бодб Дирг со своими семью сыновьями, Оэнгус Сын Молодости с семеркой своих сынов, Лир из Сидх Фионнехаидх с двенадцатью сыновьями и Фионнбар из Сидх Мидха с семнадцатью сыновьями, а также множество других, не столь известных божеств, собравшихся из сидхов не только со всей Ирландии, но и Шотландии и прибрежных островов. Тогда Финн пообещал помочь ей, и буквально на закате того же дня перед сидхом богини появились полчища врагов и приступили к его осаде. Сражение продолжалось всю ночь и окончилось для богов потерей «десяти мужей, десяти раз по двадцать и десяти сотен». Сам Финн, Оскар и Диармайд, а также большинство воинов Мидхира были жестоко изранены, но целитель Лабра мигом излечил все их раны.

На самом деле фианы далеко не всегда искали столь благородного и необычайного повода, чтобы начать военные действия против обитателей холмов. Одна из так называемых «Оссиановых баллад» носит название «Охота на заколдованных свиней Оэнгуса из Бруга». Оэнгус — это, разумеется, «Сын Молодости», а Бруг — его знаменитый сидх на берегу реки Бойн, из которого он некогда изгнал своего собственного отца, Дагду. Следуя неписаному этикету общения богов с героями, он пригласил Финна и добрую тысячу его сподвижников на праздничный пир в Бруг. Те явились на пир в своих самых нарядных одеждах, и «кубки и чаши переходили из рук в руки, а разносчики не поспевали за гостями». В конце концов беседа коснулась сравнения всевозможных удовольствий и наслаждений, в частности — застольных. Оэнгус решительно заявил, что «жизнь богов, этот сплошной вечный пир», куда прекрасней, чем охотничьи радости фианов, но Финн столь же твердо возразил ему. Затем Финн позвал своих собак, и Оэнгус заявил, что лучшие из них не станут убивать его свиней. На это Финн раздраженно возразил, что его большие псы, Бран и Сгеолан, растерзают любую свинью, которая только попадется им на дороге. И тогда Оэнгус объявил, что он может показать Финну такую свинью, которую его собаки и охотники ни за что не сумеют поймать или убить. Тут между богами и героями, как и положено в легендах, вспыхнула жаркая ссора, но распорядитель пира решительно вмешался в нее и заявил, что всем пора ложиться спать. На следующее утро Финн покинул Брг, ибо ему вовсе не хотелось с горсткой своих воинов сражаться против всего волшебного воинства Оэнгуса. Прошел целый год, прежде чем он вновь услышал о них; наконец от Оэнгуса прибыл вестник, напомнивший ему о его обещании поохотиться со своими людьми и собаками на Оэнгусовых свиней. Итак, фианы расположились на вершинах холмов, и каждый держал на привязи своего любимого пса. Внезапно им предстало невиданное зрелище: на восточной стороне долины они

насчитали целых сто одну свинью, да притом таких, каких никому из фианов еще никогда не приходилось видеть. Каждая из этих свиней была ростом с доброго оленя и притом черной, как уголь в кузнице; щетина у них на загривке была густой, как лесная чаша и толстой, словно корабельные мачты. Однако доблесть фианов была такова, что они все же убили всех свиней до единой, но каждое из этих чудищ унесло с собой жизни десяти воинов и множества собак. Тогда Оэнгус заявил, что фианы предали смерти его сына и многих богов клана Тултха Де Данаан, которые просто приняли на время облик свиней. Тут стороны принялись осыпать друг друга упреками и обвинениями, и под конец фианы, выведенные из себя, собрались было начать штурм Бруг•на•Бойн. Только после этого Оэнгус пошел на попятный, и Финн, по совету Ойсина, заключил мир с коварным богом и его волшебным племенем.

Однажды Финн со своими воинами, отдыхай после сытного обеда, увидел, что к нему приближается странное существо ростом с башню. Существо это оказалось девушкой•великаншей, которая представилась героям и поведала, что она — Бебионн, дочь Треона, из Тир•на•Мбан, Страны Дев. Золотые кольца, поблескивавшие на ее перстах, были толщиной с бычье ярмо, а сама она была поистине прекрасна. Когда дева сняла свой золотой шлем, сплошь усыпанный драгоценными каменьями, ее золотистые волосы рассыпались по плечам, словно волны, и финн, залюбовавшись ею, воскликнул: «Велики боги, которым мы поклоняемся, велики чудеса Кормака и Этне, но женщины фианов отдали бы все, чтобы только увидеть Бебионн, прекрасную дочь Треона!» Дева рассказала фиаиам, что ее против воли выдали за немилого поклонника по имени Аэда, сына короля соседних земель, и что, когда она услышала от одного рыбака, приставшего в бурю к ее берегу, о славе и благородстве Финна, она поспешила к нему, чтобы попросить у него покровительства. Пока она говорила с фианами, те внезапно заметили, что к ним приближается еще одно громадное существо. Это был юноша•великан, стройный и удивительно красивый; в руках он держал багрово•красный щит и огромное копье. Не говоря ни слова, он подошел совсем вплотную к изумленным фианам и, прежде чем те успели помешать ему, ударил деву своим копьем, пробив ее тело насквозь, и поспешно удалился. Финн, вне себя от ярости из•за гибели человека, попросившего у него защиты, приказал своим воинам найти и пре дать смерти убийцу. Фианы, бросившиеся вдогонку за великаном, заметили его на морском берегу и поспешили за ним к кромке прибоя, но он направился прямо в море, где его ожидала громадная галера. На ней он и уплыл в неведомые края. Вернувшись с пустыми руками к Финну, они увидели, что дева умирает. Перед смертью она раздарила им все свое золото и драгоценные камни, и фианы погребли ее под огромным курганом, а на его вершине воздвигли надгробный памятник, написав на нем ее имя старинным письмом огам. С тех пор это место носит название Гряда Мертвой Женщины. "В этой истории, помимо всевозможных чудес, важную роль играет красота. Это весьма характерная особенности; кельтской литературы того периода, и хотя иной раз может возникнуть впечатление, что герои этих историй неизвестно откуда появляются и неведомо куда уходят, на самом деле они уходят в царство снов, где нет никаких бедствий, в Сказочную страну, где самые грозные битвы не имеют никакого отношения к реальным земным нуждам, где любые существа и предметы способны исчезать в магических лучах, принимая, подобно утреннему туману, любой облик, и тем не менее их волшебное очарование помогло им многие века жить в народной памяти, когда сказители, сидя у очага, из поколения в поколение передавали их из уст в уста.

Таковы наиболее колоритные образцы легенд, составляющие цикл саг о подвигах фианов. Самая характерная их деталь — охота, ибо фианы, разумеется, были искусными охотниками, но существа, которых они преследовали, отнюдь не всегда были созданиями из плоти и крови. Колдуны и волхвы, желавшие фианам зла, всегда могли принять облик оленя или дикого вепря, чтобы удобнее погубить их; и многие истории о деяниях фианов начинаются с рассказа о вполне невинной охоте, а заканчиваются описанием кровавой битвы. Но фианы, как об этом с гордостью заявляет Ойсин, «благодаря своей верности, силе и крепким рукам всегда

выходили победителями из таких перипетий».

Но объектом самой знаменитой погони стали все олень и не дикий вепрь, а смертные мужчина и женщина — обрученная жена Финна и его собственный племянник, Диармайд. Не знавший поражений в военных походах, Финн был на редкость несчастлив в семейной жизни. Собравшись жениться в достаточно почтенном возрасте, он отправил послов к Грайне, дочери Кормака, Верховного короля Ирландии. Сам король Кормак и его дочь дали согласие на этот брак, и послы Финна возвратились с приглашением посетить королевский дворец на следующий вечер и повидаться с будущей невестой. Финн отравился к королю с отрядом стражников, и ему был оказан подобающий прием в главном зале дворца в Таре. В честь жениха был устроен торжественный пир, во время которого дочь короля, Грайне, увидев одного из спутников Финна, что называется, положила глаз на него. У Диармайда, этого кельтского или, точнее сказать, фианнского Адониса, на щеке красовалась удивительная родинка, увидев которую ни одна из женщин не могла остаться равнодушной и тотчас воспламенялась любовью к герою. И Грайне, несмотря на все свое королевское происхождение, тоже не стала исключением. Принцесса попросила придворного друида рассказать ей поподробнее столь почтенных гостях. Друид поведал ей их имена и перечислил их подвиги. Тогда Грайне приказала подать ей украшенный самоцветами рог для питья, наполнила его усыпляющим вином и послала его гостям, приказав пить из него по очереди всем, кроме Диармайда. Никто из них не посмел отказаться от чести выпить вино из рук принцессы. Итак, все выпили и тотчас заснули глубоким сном.

Грайне же, поспешно поднявшись, направилась к Диармайду, призналась ему в пылкой любви и потребовала взаимности.

— Я не могу полюбить обрученную невесту своего вождя, — отвечал юноша, — не могу, не смею, если бы даже и захотел. — Затем он принялся восхвалять добродетели Финна и всячески принижать свою собственную славу. Однако Грайне спокойно отвечала, что она налагает на него гейсы (запреты, которые не вправе нарушать никто из героев), предписывающие похитить и увезти ее, и вновь уселась на свое кресло, прежде чем вся благородная компания очнулась от волшебного сна.

После ужина Диармайд направился к своими друзьям и с глазу на глаз поведал им о Грайне, внезапно воспылавшей к нему страстью, и о том, что она наложила на него гейс, согласно которому он должен увезти ее из Тары. Затем он спросил каждого из фианов, что же ему теперь делать. Те единодушно отвечали, что герой не вправе нарушать гейс, возложенный на него женщиной. Диармайд обратился даже к самому Финну, утаив от него имя Грайне, и тот дал ему точно такой же совет, как и все остальные. В ту же ночь он с Грайне покинул Тару, направившись к Шэннонскому броду в Атлоне, перебрался через него и поспешил в некое глухое место, именуемое Лес Двух Шатров. Там Диармайд и сплел из ветвей лоз хижину для пылкой Грайне.

Тем временем Финн узнал об их бегстве, и гневу его не было предела. Он тотчас послал своих вассалов, воинов Кланн Неамхуайн, в погоню за беглецами. Те последовали за ними в лес, и один из них, взобравшись на высокое дерево, увидел вдалеке хижину, обнесенную крепким частоколом с семью воротами, а внутри хижины — Грайне и Диармайда. Когда фианы узнали эту новость, они очень опечалились, поскольку их симпатии были на стороне Диармайда, а вовсе не Финна. Они попытались было предупредить его, но он не обратил на их слова никакого внимания, поскольку решил сражаться, а не спасаться бегством. Даже когда прибыл сам Финн и, подойдя к частоколу, окликнул Диармайда, спросив, здесь ли его Грайне, тот отвечал, что она здесь, но никто не должен входить в ворота без его, Диармайда, позволения.

Выйдя на двор, Диармайд, как некогда Кухулин в войне за независимость Ольстера, увидел, что он один противостоит целому войску, но тут у него, как и у Кухулина, нашелся небесный покровитель. Любимец клана Туатха Де Данаан, он был учеником Мананнана Мак Лира еще в бытность в Тир Таирнигириб, Земле Обетованной, а его воспитателем был сам Оэнгус из Бруга. Мананнан вручил ему два своих копья, Красный

Дротик и Желтое Древко, а также два меча, прозванные Большая Фурия и Малая Фурия. Кроме того, Оэнгус сам явился взглянуть на своего воспитанника и облачил его в свой волшебный плащ, делавший его невидимым. Такой плащ обычно надевали только боги. Затем он посоветовал Диармайду и Грайне завернуться в этот плащ, выйти из хижины и незамеченными проскользнуть мимо врагов. Диармайд упорно отказывался спастись бегством и попросил Оэнгуса взять Грайне под свою защиту. Накинув на красавицу свой волшебный платок, бог незаметно для фианов вывел принцессу из кольца врагов.

Тем временем Финн приставил своих воинов сразу ко всем семи воротам частокола. Диармайду пришлось по очереди перебегать от одних к другим. У первых ворот его ждали Ойсин, Оскар и воины Кланн Баоизгне. Они предложили ему свою защиту. У вторых ворот стояли Каоилте и воины Кланн Ронан, пообещавшие сражаться за него до последней капли крови. За третьими воротами Диармайда поджидали Конан и воины Кланн Морна, тоже оказавшиеся его друзьями. У четвертых стояли Куан и фианы Мунстера, родной провинции Диармайда. У пятых ворот его ждали фианы Ольстера, точно так же пообещавшие оказать ему помощь в бою с Финном. Зато у шестых ворот его ждала встреча с воинами Кланн Неамхуайн, ненавидевшими его, а у седьмых стоял сам Финн!

— Вот через твои•то ворота, о Финн, я и выберусь! — воскликнул Диармайд. Финн тотчас приказал своим воинам немедленно окружить Диармайда, как только тот выйдет за ворота, и убить его. Однако тот расшвырял частокол, перепрыгнул через головы врагов и бросился наутек, да так быстро, что осаждающие никак не могли угнаться за ним. А тот бежал все дальше и дальше, пока не добрался до того места, куда, как он знал, Оэнгус перенес Грайне. Благосклонный к нему бог, покидая героя и его возлюбленную, дал им несколько советов: никогда не прятаться в дереве с одним стволом, не искать укрытия в пещере с одним•единственным входом, не останавливаться на острове, попасть на который можно только одним путем, не есть ужин на том же месте, где они приготовили его, и ни в коем случае не ночевать дважды на одном и том же месте. Благодаря такой хитроумной тактике они смогут провести вместе еще какое•то время, прежде чем Финн сумеет их обнаружить.

Однако тому наконец удалось найти беглецов, и Финн послал за ними своих богатырей с огромными и страшными псами, приказав схватить влюбленных или прикончить их. Но Диармайд одолел всех своих противников.

Тем не менее Финн упорно продолжал преследовать его, и Диармайд, в очередной раз пытаясь спастись от погони, укрылся под волшебным деревом — старой рябиной на которой росли алые, как кровь, ягоды, амброзия богов. Дерево это выросло из одной•единственной ветки, брошенной в землю кем•то из богов клана Туатха Де Данаан и когда те узнали, что по недомыслию даровали смертным небесный источник пищи бессмертия, они тотчас послали одноглазого великана, фомора по имени Сербам, охранять заветную рябину, чтобы никто не смог отведать хотя бы ягодку с нее. Целый день истукан стоял на страже под деревом, а ночью спал на его ветвях, и один вид его бьы настолько страшен, что ни фианы ни местные жители не решались приблизиться к рябине ближе чем на несколько миль.

Однако Диармайд решил договориться с фомором по•доброму в надежде заполучить надежное укрытие для Грайне. Он храбро подошел к великану и попросил его позволить им поселиться здесь и охотиться по соседству с ним. Фомор угрюмо отвечал, что он может жить и охотиться где угодно, в том числе и здесь, если не будет трогать алых ягод рябины. Обрадованный Диармайд мигом построил возле родника уютную хижину, и они с Грайне поселились в ней, охотясь на диких животных и питаясь их мясом.

Но вскоре Грайне, которая к тому времени забеременела, как на грех, появилось непреодолимое желание отведать ягод рябины, и она поняла, что не успокоится до тех пор, пока не исполнит свою прихоть. Поначалу она скрывала это пагубное желание, но затем была вынуждена признаться во всем своему спутнику по

изгнанию. Диармайд не испытывал ни малейшей охоты ссориться с грозным фомором и потому сам поспешил к нему, рассказал о положении, в котором оказалась Грайне, и попросил дать ей горсть ягод.

Однако суровый фомор отвечал: «Клянусь, что даже если бы жизнь принцессы и ее будущего ребенка не могло спасти ничто другое, кроме ягод с моей рябины, и даже если бы она осталась последней женщиной на земле, то и тогда она не получила бы ни единой ягодки». После этого Диармайду не оставалось ничего другого как вступить в бой с Сербаном, и после долгой и изнурительной битвы он убил мрачного исполина.

До Финна тотчас донеслась весть о гибели грозного стража волшебной рябины, и он сразу же предположил, что его убил не кто иной, как Диармайд, и вождь во главе семи отрядов фианов отправится в те места. Тем временем Диармайд с женой покинули свою хижину у ручья и поселились в хижине самого Сербана, выстроенной на ветвях заколдованнои рябины. В ней вечный изгнанник и сидел с Грайне, когда Финн со своими воинами подошел к самой рябине и приказал разбить лагерь под ее ветвями, чтобы переждать дневную жару, а с наступлением вечерней прохлады продолжили поиски беглецов.

Чтобы скоротать время, Финн приказал принести шахматы и предложил своему сыну, Ойсину, сыграть партию•другую. Игра началась, и она оказалась очень упорной, и в конце концов Ойсину предстояло сделать последний ход.

— Всего один ход может принести тебе победу — обратился Финн к сыну, — итак, приглашаю тебя и всех фианов найти этот ход.

Оказалось, что ход этот смог найти только Диармайд, наблюдавший сверху сквозь ветви за игроками. И он, не удержавшись, бросил одну•единственную ягодку рябины на то самое поле, на которое должен был поставить свою фигуру Ойсин, чтобы одержать победу над отцом. Затем они сыграли и вторую, и третью партии, и всякий раз повторялась га же самая картина И тогда Финн решил, что ягоды, указывающие Ойсину путь к победе, бросает с дерева тот же Диармайд. Финн немедленно окликнул его, спросив Диармайда, он ли это, и благородный герой никогда никому не лгавший, отвечал, что он самый. Тогда воины плотным кольцом окружили рябину, подобно тому как они некогда брали в кольцо ту самую лесную хижину. Но и на этот раз все повторилось вновь, ибо мгновенно явился Оэнгус из Бруга и вынес из окружения Грайне, закутав ее в волшебный плащ, сделавший ее невидимой. А сам Диармайд, пройдя по толстой ветке за пределы кольца воинов, спрыгнул на землю у них за спиной и благополучно спасся бегством.

Таков конец знаменитой «Погони», ибо бог Оэнгус взяв на себя роль посланника, явился к Финну и предложит ему простить беглецов. Все лучшие воины•фианы принялись упрашивать своего господина сменить гнев на милость. Так Диармайд и Грайне получили прощение, было позволено вернуться на родину. Но Финн так никогда и не простил Диармайду этой обиды и вскоре после примирения послал его на охоту за диким вепрем из Бенн Гулбан [56]. Диармайд сразил страшного зверя, оставшись цел и невредим, ибо, подобно древнегреческому герою Ахиллу, он был неуязвим, так что поразить его можно было только в пяту. Финн, знавший об эгом, приказал герою снять с вепря кожу и измерить ее длину босыми ступнями. Диармайд так и поступил. И тогда Финн, заявив, будто герой неправильно измерил ее, велел еще раз промерить ее с другого конца. На этот раз Диармайду пришлось идти против щетины, и одна из ядовитых щетинок, пронзив кожу на его пятке, нанесла ему рану, которая оказалась смертельной.

Легенда «Погоня за Диармайдом и Грайне», которую мы позволили себе изложить здесь столь подробно, в известной мере свидетельствует об упадке былого могущества фианов, которое явно клонилось к неминуемому концу. Друзья Диармайда никогда не простили Финну того коварства, посредством которого он обрек его на верную смерть — а неприкрытое соперничество между Голлом и его Кланн Морна, с одной стороны, и Финном и его Кланн Баоизгне — с другой, вскоре переросло в откровенную вражду. Между фианами и королями Ирландии начались вооруженные столкновения, кульминацией которых явиюсь полное уничтожение

фианов в битве при Габхре. Битва эта, по преданию, произошла в 284 году. Правда, сам Финн отошел в мир иной за гол до нее Он пал в бою с мятежными фианами у брода Бре на реке Бойн. Вместе с ним погиб и король Кормак Мак Эйрт, отец Грайне. Главными врагами в этой битве были внук Финна Оскар и сын Кормака Кэйрбр. Это мифическое сражение отличалось такой же свирепостью, как и последний бой Артура при Камлуане. Оскар сразил Кэйрбра и сам пал от его копья. Эйдин, жена Оскара, умерла от горя после его гибели, и Ойсин, отец Оскара, похоронил ее со всеми подобающими почестями в Бен Эдаре (Хоут) и воздвиг над ее могилой офомный дольмен, стоящий там до сего дня. В битве погибли почти все фианы и было уничтожено все войско Кэйрбра. В живых остались лишь двое видных фианов. Одним из них был Каоилте, которому спасло жизнь его замечательное умение бегать совсем бесшумно, когда для фианов все уже было потеряно. Знаменитый памятник, известный под названием «Диалоги старейшин», изображает его, спустя несколько веков, беседующим со св. Патриком, повествуя тому о славных подвигах фианов. Потеряв всех своих друзей, оставшихся в той героической эпохе, он, как гласит предание, сошелся с богами клана Туатха Де Данаан. Так, он участвовал на стороне Илбреха, сына Мананнана, в сражении против самого Лира и своими руками убил древнего бога моря. Легенда рассказывает, что он даже завладел прекрасным дворцом Лира в Сидх Фионнехаидх; после этого мы больше почти ничего не знаем о нем, за исключением того, что он остался в памяти ирландцев как один из правителей сидхаДругим был Ойсин, не участвовавший в битве при Габре, ибо задолго до этого он отправился в путешествие в дальние края. Такие путешествия совершают многие герои архаических мифов, но в отличие от простых смертных они всегда возвращаются из них. Как и Кухулин, Ойсин отправился туда по приглашению богини. Фианы, как обычно, охотились в окрестностях озера Лейк Килларни, когда перед ними явилась некая женщина поистине неземной красоты и поведала им, что она — Ниам, дочь Бога Моря. Гэльский поэт Майкл Комин, создавший в XIX веке немало поэтических переложений старинных исторических преданий, описывает ее почти также, как сделали бы это знаменитые барды прошлого [57]:

На голове ее сиял венец,
И мантия из дорогого шелка,
Вся в золоте, влачилась по земле,
Когда она ступала по траве.
Как жар горели кольца золотые
На каждом локоне златых ее кудрей;
Глаза ее синели, словно небо,
Как капельки росы на листьях мака.
Алее алой розы были щеки;
Она плыла, как лебедь на волне,
И губы девы были слаще меда,
В душистом растворенного вине.
Богатой позолоченною сбруей
Бряцал ее роскошный белый конь;
Седло под нею было золотым,
И левою рукой она узду держала.
Горели на копытах скакуны
Четыре лучших золотых подковы:
Серебряная перевязь на гриве…
О, то был лучший в целом свете конь!

Такой предстает пред нами Ниам Златокудрая, дочь самого Мананнана, и неудивительно, что, когда она остановила свой выбор на Ойсине, сыне простого смертного, все прежние подвиги фианов не шли для него ни в какое сравнение с ее любовью. Он мигом взлетел на круп коня позади нее, и они поскакали через всю страну к берегу моря, а потом помчались прямо по гребням волн. И пока они летели над волнами, красавица описывала своему возлюбленному прекрасную страну богов почти в тех же выражениях, в каких сам Мананнан воспевал ее красоты перед Краном, сыном Фебала, в каких Мидхир живописал ее для Этэйн, ибо всякий, кто отправляется туда, жаждет поделиться ее очарованием с остающимися в земном мире.

На свете нет прекраснее страны;
Величественней края нет под солнцем.
Там на ветвях — бутоны и плоды.
И золото листвы горит на ветках.
Там изобилье меда и вина,
Всего, чего твой глаз ни пожелает;
И эта роскошь времени не знает:
Ни смерти там, ни увяданья нет.

Итак, влюбленные отправляются в страну чудес, и вскоре их глазам предстают прекрасные дворцы, тенистые беседки, беломраморные стены, высящиеся прямо посреди морских волн. У одной из них они останавливаются, и Ойсин, по повелению Ниам, нападает на свирепого вида фомора, живущего в ней, изгоняет его прочь и освобождает прелестную деву из клана Туатха Де Данаан, которую фомор долго томил в заключении. Затем они видят безрогого оленя, прыгающего с волны на волну, пытаясь спастись от странных белых собак с кроваво•красными ушами, которые так часто встречаются на страницах кельтских мифов. Наконец влюбленные достигают берегов Тир на Ог, Страны молодости, и там Ойсин целых триста лет предается блаженству с Ниам, пока не вспоминает об Эрине и фианах. В нем просыпается непреодолимое желание вновь увидеть свои родные края и жителей тамошних мест, и Ниам, отпуская его, дарит ему своего прекрасного скакуна, но при этом берет с возлюбленного всего одну клятву — ни в коем случае не ступать ногой на землю. Ойсин, пообещав ей не делать этого, мигом достигает берегов Ирландии на крыльях ветра. Однако, как и дети короля Лира после долгих скитаний, он видит, что Эрин изменился до неузнаваемости. Он пытается разузнать что•нибудь о Финне и фианах, и ему отвечают, что это — имена людей, живших много веков назад, чьи деяния описаны в старинных книгах. За это время произошла славная битва при Габре, в Ирландию приходил св. Патрик и переменил прежние обычаи и веру. Изменился даже внешний облик людей: они измельчали, стали почти карликами по сравнению с великанами, жившими в его время. Увидев, как добрых три сотни человек изнемогают, пытаясь поднять мраморную плиту, Ойсин по доброте душевной помогает им, легко подняв ее одной рукой. Но при этом от усилия под его седлом лопнул богатый золотой ремень, и герой, соскользнув с седла, ступил ногой на землю. Волшебный конь тотчас исчез, а сам Ойсин тотчас утратил свою вечную молодость и богоподобную красоту, превратившись в слепого, седого, сгорбленного старика.
В целом ряде вдохновенных старинных баллад, известных под названием «Диалоги Ойсина со св. Патриком», рассказывается о том, как Ойсин, странствуя в глубокой старости по земным пределам и будучи не в силах от дряхлости раздобыть себе хлеб насущный, встретил св. Патрика и тот отвел его к себе в дом. Затем святой принялся яркими красками живописать перед ним картины царства небесного, в которое Ойсин может войти, если обратится в новую веру, и мрачные призраки кромешного ада, в котором претерпевают вечные муки его

прежние друзья, умершие язычниками. На все эти доводы, убеждения и угрозы святого Ойсин отвечает на удивление спокойно и твердо. Он не может поверить, чтобы царство небесное было закрыто для фианов, если они только пожелают войти в него, и, наоборот, уверен, что сам господь бог гордился бы своей дружбой с фианами. А если это не так, то какой же ему, Ойсину, прок от вечной жизни, если в ней не будет ни охоты, ни любезничанья с хорошенькими женщинами, ни старинных преданий и нежных песен? Нет, уж лучше он отправится к фианам, сидящим за пиром у жаркого очага, и умрет, как и жил.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

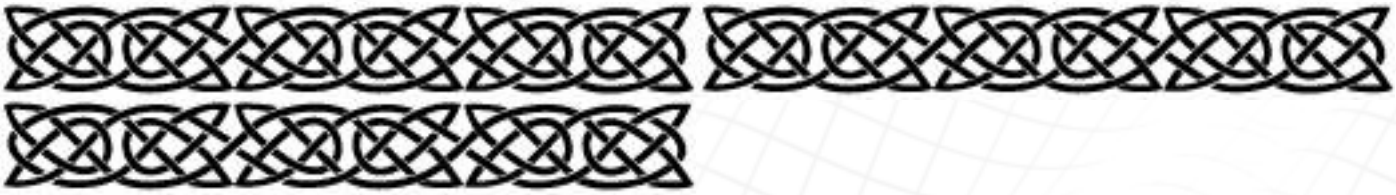
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 16. УПАДОК И НИЗВЕРЖЕНИЕ БОГОВ

Однако, несмотря на широкую популярность баллад, написанных в форме диалогов между Ойсином и св. Патриком, некоторые предания упорно утверждают, что святому удалось•таки обратить славного героя в христианскую веру. Другой великий воин фианов, Каоилте, также предстает человеком, который с радостью отрекается от своих языческих суеверий ради спасения, обещанною ему новой верой. Эти же следы позднейших влияний мы видим и в поздних версиях легенд о богатырях Красной Ветви Ольстера. Такой была стратегическая линия действий раннехристианских миссионеров в Ирландии, стремившихся во что бы то ни стало приписать наиболее любимым и уважаемым героям эпических преданий, бывшим закоренелыми язычниками, принятие новой, спасительной веры. Так, предания о Конхобаре и Кухулине после соответствующей редактуры в христианском духе должны были свидетельствовать о том, что эти языческие витязи в конце своих дней чудесным образом приняли проповедь новой веры. Поздняя легенда, носящая название «Призрачная колесница» и сохранившаяся в составе Книги Бурой Коровы, повествует о том,

что знаменитый герой был воскрешен из мертвых св. Патриком специально для того, чтобы свидетельствовать об истинности христианского вероучения перед Лаогхайром, Вторым, королем Ирландии, и отстаивал новую веру с таким вдохновенным пафосом и красноречием, что убедил скептически настроенного монарха принять ее.

Более того, не раз предпринимались попытки превратить языческих богов Туатха Де Данаан в христианских святых, однако они оказались далеко не столь успешными, как аналогичные усилия в отношении героев, имевших гораздо более земные, человеческие черты. Особенно хорошо это удалось в отношении одного, точнее — одной из них. Дело в том, что Бригит, кельтская богиня огня, поэзии и домашнего очага, сегодня почитается в качестве св. Бригитты, или Брид. И хотя она является едва ли не самой популярной среди ирландских святых, в ней легко угадываются черты дочери Дагды. Ее христианские атрибуты, большинство которых так или иначе связано с огнем, с полной определенностью указывают на ее языческое происхождение. Так, Бригитта родилась на восходе; в доме, в котором она жила, вспыхнул настолько грозный пожар, что его языки достигали неба; когда святая набрасывала на голову покрывало, из ее головы исходил огненный столб; а дыхание ее воскрешало мертвых. Как и Сулис, богиня древних бриттов, центром почитания которой был Бат, та самая Сулис, которая, по свидетельству Полигистора, латинского автора III века н. э., «была повелительницей всех горячих источников, и на ее алтаре пылал вечный огонь, никогда не превращавшийся в пепел, а, напротив, отвердев, становился камнем». Бригитта имела собственный культовый центр — монастырь в Килдаре, на жертвеннике которого никогда не гасло священное пламя. Однажды, в XIII в., пламя погасло, но его тотчас зажгли вновь, и оно постоянно поддерживалось вплоть до самого закрытия монастырей при Генрихе VIII. Кроме того, уголья этого священного огня нельзя было раздувать нечистым человеческим дыханием. Монахини монастыря на протяжении целых девятнадцати ночей пытались раздуть его, а на двадцатую ночь оно вспыхнуло и разгорелось чудесным образом. И поскольку черты и ритуалы прежнего культа Бригитты изменились весьма незначительно, неудивительно, что те полухристиане•полуязычники, какими были древние ирландцы, с готовностью почитали древнюю богиню, принявшую облик христианской святой.

Тщательное изучение ирландской агиологии [58], по всей вероятности, позволит выявить немало других святых, имена и сакральные атрибуты которых свидетельствуют об их прежней «карьере» в качестве языческих богов. Однако их «воцерковление» и почитание в новом качестве не означало отказа от других мер борьбы с сохраняющимся влиянием обширного пантеона гэльских богов. Так возникла целая школа эвгемеристов [59], утверждавших, что древние боги были отнюдь не святыми, а простыми смертными людьми, искома жившими и правившими в Эрине. Ученые монахи, не жалея сил и стараний, трудились над хрониками, возводящими историю Ирландии ко временам всемирного потопа. Так, весьма заманчивой представляется генеалогия, составленная Юджином О'Карри на основании различных родословных древних королей, составленных и включенных монахами в знаменитые компендиумы: Баллимотскую, Леканскую и Лейнстерскую книги. Генеалогия эта показывает, что христианизаторы объявляли потомками Ноя не только богов клана Туатха Де Данаан, но клан Фир Болг, и фоморов, и сынов Мил Эспэйна, и народы Парталона и Немеда. Иафет, сын патриарха Ноя, был отцом Магога, от которого произошли две генеалогические линии; потомками первой объявлялись сыны Мил Эспэйна, а от второй произошли все остальные расы и народы. После того как ячыческие божества превратились в персонажей сперва всеобщей истории, а затем и истории Ирландии, совсем уж нетрудным делом стало наделение их датами рождения и смерти и указание мест их обитания, правления и погребения. Так, предания и хроники сообщают нам точные сроки правления в Таре Нуады, Дагды, Луга и других мифических королей. Курганы на берегах реки Бойн стали вполне достойными их усыпальницами. Враги богов, фоморы, были превращены в неких реальных интервентов, с которыми бывшие

божества вступали в настоящие сражения. Такова, по мнению последователей этой школы, реальная подоплека мифов о богах и героях.

Справедливости ради надо признать, что у этих старомодных эвгемеристов существуют ученики и последователи. Среди авторов, пользующихся широким авторитетом в этой области, есть немало людей, которые, изучая историю Ирландии или этнический состав коренных жителей Британских островов, заявляют, будто им удалось обнаружить реальных людей — прототипов персонажей, упоминаемых в гэльской мифологии. К сожалению, единственное, в чем авторы таких «открытий» сходятся друг с другом, — это то, что сыны Мил Эспэйна на самом деле были арийцами•кельтами. А вот в вопросе о прототипе клана Фир Болг мнения ученых резко расходятся: одни видят в них доарийские племена, тогда как другие, опираясь в первую очередь на их самоназвание, считают их белгами, то есть бельгийскими галлами. Что же касается чисто мифических народов, то тут ученые дают полный простор своей фантазии. Так, богов клана Туатха Де Данаан в разное время отождествляли с гэлами, пиктами, данами, скандинавами, лигурийцами и финнами, а в фоморах многие склонны были усматривать иберийцев, мавров, римлян, тех же финнов, готов или германцев. Зато народы Парталона и Немхеда уверенно именовались племенами эпохи палеолита. Впрочем, этого невообразимого хаоса суждений и мнений удалось счастливо избежать архаически•наивным хронистам, которые вообще не задавались вопросом о происхождении тех или иных народов, объявляя всех их выходцами из «Испании».

Разумеется, были и исключения, ибо далеко не всех ученых удовлетворяла всеобщая мания превращения божеств в реальных людей. Еще в X веке кельтский поэт по имени Эохаид О'Флинн, писавший о клане Туатха Де Данаан, испытывал известное затруднение — говорить ли о них как о богах или как о людях — и в конце концов решительно отказал им в статусе божеств. В своей поэме, вдодящей в состав Баллимотской книги, он пишет:

Хотя они и прибыли к нам в Эрин
Без всяких кораблей, игрушек волн,
Никто на свете нам не мог ответить,
Откуда они — с неба иль земли.
Ведь если это были злые демоны,
Они бы влачили злой удел изгнания [60]
А если это люди плоть от плоти,
Тогда они потомки Беотаха.

Затем поэт перебирает все известные ему племена, и в конце концов восклицает:

И хоть я всех их вспомнил по порядку,
Я и не думал поклоняться им.

Можно с высокой степенью вероятности предположить, что миряне скорее склонны согласиться с поэтом, чем с монахом. Благочестивые насельники монастырских обителей могли переписывать все, что им заблагорассудится, но мирян было не так•то просто убедить, что их стародавние боги были такими же людьми, как и они сами. По всей вероятности, они не стремились разглагольствовать об этом, а просто втайне следовали идеалам, унаследованным от своих предков. Допустим, ради сохранения мира они готовы были признать, что Гоибниу был простым смертным; однако его имя по•прежнему считалось исключительно

действенным во всевозможных заклинаниях. Сказанное в равной мере относится и к Диан Кехту, и обращения к ним обоим содержатся в стихах, написанных неким ирландским монахом XI века в качестве маргиналий на полях старинного манускрипта, хранящегося в Галле, Швейцария. Кстати сказать, до нас дошли некоторые рецепты Диан Кехта, но надо иметь в виду, что они резко отличаются от аналогичных снадобий, назначавшихся в таких случаях средневековыми медиками Европы. Может быть, неудачно смешав друг с другом разные травы, выросшие из тела незадачливого Мидаха, главный медик Туатха Де Данаан пустился в рискованные эмпирические опыты. Так, он изобрел особую кашу (поридж) «для облегчения при воспалениях тела, например при простудах, обильной мокроте, кашле, а также если в теле водятся различные живые твари вроде червей». В ее состав входили почки орешника, одуванчики, песчанка, мокричник, щавель и овсяная мука. Принимать ее следовало утром и вечером. Он также составил снадобья против порчи и колдовства, а также от сорока различных желудочных недугов. Гоибниу, помимо своей главной функции — бога•кузнеца и чародея, — пользовался у ирландцев и репутацией мастера еще одного ремесла, а именно — строительного дела. В этой ипостаси он был известен под именем Гобан Саэр, что означает «Гоибниу Зодчий», и о его волшебном искусстве по всей Ирландии ходили самые фантастические легенды.

То был Гобан Саэр, и чудеса
Его не канули в былых веках;
Он в горы уходил, под небеса,
И реки в дол спускал с кайлом в руках.
Шил для судов громадных паруса
И знанье поселял в людских умах,

— писал ирландский поэт Томас Д'Арси М'Ги. Именно ему в первую очередь приписывается возведение в Ирландии круглых башен, а христианские клирики еще более увеличили его и без того широкую популярность, провозгласив его зодчим бесчисленных церквей. Согласно легенде, он любил странствовать по родной стране, как и его греческий коллега Гефест, которого он весьма напоминает, отравляясь в рубище кузнеца на поиски приключений. Его работы сохранились во многих кафедральных соборах и церквах Ирландии, а что касается приключений, то среди местных жителей бытует множество самых неверных легенд.

Некоторые из них, как того и можно было ожидать, представляют собой нечто вроде не вполне вразумительного коллажа из фрагментов старинных мифов. В них, в качестве вполне земных персонажей, действуют древние; но еще не забытые боги — Луг, Мананнан и Балор; правда, теперь эти имена носят друиды, герои и короли Ирландии, жившие в глубокой древности.

Впрочем, одна•две из таких легенд заслуживают более подробного разговора. Уильям Лармини, занимавшийся еще в XIX веке собиранием памятников фольклора на острове Ахилл, записал со слов одного престарелого крестьянина предание, излагающее, правда, в несколько странной версии, эпизод, который можно по праву назвать центральным событием всей гэльской мифологии: рассказ о таинственном рождении бога Солнца от родителей•демонов, а также об убийстве им своего собственного прадеда.

В этой истории рассказывается о том, как Балор Крепкий Удар послал за Гобаном Зодчим и его сыном, Гобаном•младшим, чтобы те возвели для него роскошный дворец. И они построили для Балора дворец на диво, и решил не выпускать зодчих живыми за пределы своего королевства, опасаясь, что они могут возвести столь же прекрасный замок для кого•нибудь еще. И вот, когда ничего не подозревавшие зодчие находились на самой крыше здания, Балор приказал слугам убрать от него все строительные леса, чтобы Гобан с сыном не могли спуститься вниз, и так и умерли от голода. Но те, разгадав его коварный замысел, начали разбирать дворец

прямо с крыши, так что Балор бы вынужден позволить им спуститься вниз.

Тем не менее он наотрез отказался позволить им вернуться в Ирландию. И тогда хитроумный Гобан придумал план. Он заявил Балору, что повреждения, устроенные на крыше дворца, невозможно устранить без специальных инструментов, а они, как нарочно, забыли их дома. Упрямый Балор отказался отпустить их обоих; не пожелал он отпустить и старика Гобана, предложив тому послать за инструментами своего собственного сына. Тогда Гобан дал сыну Балора подробные наставления, и тот поспешил в путь. Вскоре он увидел дом, у дверей которого высилась груда зерна. Войдя в дом, он обнаружил однорукую женщину и одноглазого ребенка.

Сын Балора узнал по приметам дом кузнеца и попросил женщину дать ему инструменты. Женщина давно поджидала его, ибо между Гобаном и его женой было условлено, что ей надо будет сделать, если Балор не пожелает отпустить его. Она подвела сына Балора к огромному сундуку и сказала, что нужные инструменты лежат на самом дне его, так что она просто не может до них дотянуться; и если гость хочет, то пусть сам и достает их оттуда. Но как только наивный посланник забрался в сундук, хозяйка тотчас захлопнула крышку, заперла ее на замок и объявила, что он будет оставаться там до тех пор, пока его отец не отпустит старого Гобана с сыном домой и не выплатит им сполна награду за труды. Затем она послала такое же письмо самому Балору, и они договорились об обмене пленниками. Балор обязался отпустить Гобана с сыном, выплатить им награду за труды и дать корабль, чтобы они могли вернуться на родину, а жена Гобана, в свою очередь, обещала выпустить из сундука сына Балора. Но перед тем как отпустить зодчих, Балор спросил их, кого ему лучше нанять, чтобы починить крышу дворца. Старый Гобан ответил, что после него самого лучшим строителем во всей Ирландии считается Гавидьен Го.

Как только Гобан вернулся в Ирландию, он тотчас отправил к Балору Гавидьена Го, но при этом дал ему совет — в качестве платы за труды потребовать знаменитую корову Балора, дающую двенадцать бочек молока за один удой. Балор согласился на такие условия, но, передавая Гавидьену Го корову перед его возвращением в Эрин, потребовал вернуть ему веревку с шеи коровы — единственное, что могло удержать корову от возвращения к своему прежнему хозяину.

Между тем серая корова доставила Гавидьену Го столько неприятностей, что ему пришлось приставить к нему одного из своих богатырей•воинов, чтобы тот неусыпно следил за ней днем, а к ночи пригонял домой. При этом Гавидьен условился с воином, что в уплату за труд он дастему лучший меч, а если потеряет корову, то поплатится головой.

В конце концов пастух•воин по имени Киан допустил оплошность, и корова убежала от него. Опомнившись, бросился по ее следам к берегу, гнался за ней до самой кромки волн, но далее ее следы исчезли под водой. Киан в отчаянии принялся рвать волосы на голове, как вдруг увидел незнакомца, плывущего в челноке. Незнакомец, оказавшийся самим Мананнаном Мак Лиром, подплыл ближе к берегу и спросил, что стряслось с Кианом. Киан обо всем рассказал ему.

— А что бы дал тому, кто укажет тебе, где находится твоя злосчастная корова? — поинтересовался Мананнан.

— Сам видишь, мне нечего дать ему, — вздохнул воин.

— Ну, тогда я попрошу у тебя, — заявил Мананнан, — половину награды, которую ты получишь по возвращении домой. Киан охотно согласился на такое условие, и Мананнан пригласил его сесть с ним рядом в челнок. В мгновение ока он домчал воина в королевство Балора и высадил его на берег в краю обитателей севера, которые не жарят мясо, а поедают пищу сырой. Киан же не привык к такой пище, он развел костер и принялся готовить на нем еду Увидев костер, Балор поспешил к нему, отведал жареного мяса, что оно настолько понравилось ему, что он тотчас назначил своим главным хранителем очага и поваром.

У Балора была дочь, Этлинн, которой один друид изрек пророчество, что она должна родить сына, который убьет своего деда. Поэтому король, подобно Акризию греческой легенды, запер дочь в высокой башне, охранять которую поручил женщинам, повелев им следить, чтобы Этлинн не виделась ни с кем из мужчин, кроме него самого. Как•то раз Киан увидел, как Балор входит в башню. Выждав, когда король выйдет назад и удалится к себе, он тоже решил заглянуть в башню. Дело в том, что он имел особый дар: перед ним сами собой открывались любые двери и тотчас закрывались за его спиной. Войдя в башню, он развел огонь, и это новшество так понравилось дочери Балора, что она пригласила его наведываться к ней в гости. И после этого — как гласит сакраментальная формула жителей острова Ахилл — «он стал приходить к ней, пока у нее не родился ребенок». Родив дитя, дочь грозного Балора поспешно отдала его Киану, чтобы тот спрятал ребенка в надежном месте. А чтобы малыша было чем кормить, она дала Киану ту самую веревку с шеи серой коровы. Теперь Киану угрожала смертельная опасность, ибо Балор все же узнал о появлении ребенка. Киан отыскал серую корову, привязал ей на шею веревку и погнал ее к берегу моря. Там он стал ждать Мананнана. На прощание сын Лира [61] сказал Киану, что, если тот попадет в затруднительное положение, пусть упорно думает о нем, Мананнане, и он обязательно явится ему. Так вот, Киан принялся мысленно взывать к Мананнану, и бог тотчас появился перед ним в своем волшебном челне. Киан поспешно уселся в челн вместе с ребенком и загнал в него серую корову. Едва они отчалили от берега, как у воды показался взбешенный Балор. Прочитав страшные заклинания, он поднял на море ужасную бурю. Но Мананнан, друидический статус которого был гораздо выше, мигом усмирил волны. Тогда Балор превратил море в сплошное пламя, но Мананнан одним огромным камнем потушил его.

Когда они благополучно возвратились в Ирландию, Мананнан потребовал с Киана обещанное вознаграждение.

— Я так и не получил ничего, кроме мальчика, — отвечал тот, — и не могу разделить его пополам, поэтому и готов отдать его тебе целиком.

— Именно об этом я всегда и мечтал, — удовлетворенно заметил Мананнан. — Когда он подрастет, на всем свете не будет воина, равного ему.

Взяв мальчика, Мананнан тотчас окрестил его в воде, дав малышу имя Ду•Дауна. Имя это, означающее «Слепое упорство», представляет собой забавно искаженную версию первоначального имени Йолданах, то есть «Владыка всякого знания». Когда мальчик вырос, он отправился к берегу моря. Мимо как раз проплывал корабль, на котором плыл некий муж.

Предания, связанные с Доннибрук Фэйр, явно носят доисторический характер, ибо мальчик без каких•либо затруднений спросил незнакомца, кто он такой, а затем, «вытащив из кармана дротик», метнул его в незнакомца и убил того. Мужем на корабле оказался не кто иной, как Балор. Так исполнилось пророчество о том, что он погибнет от руки своего собственного внука. И хотя в предании имя внука не называется, нет никаких сомнений, что это Луг.

Другой вариант этой легенды, записанный ирландским ученым О'Донованом на побережье Донегала, прямо напротив острова Тори, излюбленного места охоты Балора, интересен тем, что существенно дополняет только что рассказанную историю. В этом предании знамени знаменитый Гоибниу носит имя Гавида; он выступает в роли одного из трех братьев, которых зовут Мак Кинели и Мак Самтайн. Они втроем были вождями Донегала, где жили кузнецы и крестьяне, а Балор считался разбойником, грабившим побережье, устраивая опустошительные набеги из своей крепости — острова Тори. Хозяином волшебной серой коровы был Мак Кинели, и Балор сумел похитить ее. Хозяин решил отомстить обидчику и, зная пророчество о смерти Балора от руки его собственного внука, упросил одну добрую фею даровать ему женский облик и перенести в Тор Мор, где жила в заключении дочь Балора. В результате этой авантюры на свет появился не просто сын, которому суждено было исполнить проророчество, а целых трое. Впрочем, столь щедрая плодовитость

оказалась весьма кстати, ибо Балору удалось утопить двух из трех малышей, а последнего успела унести за море та самая добрая фея, которая невольно способствовала его появлению на свет. Она передала малыша его отцу, Мак Кинели, чтобы тот воспитал его. Вскоре после этого Балору удалось схватить Мак Кинели и в отместку за все то зло, что тот причинил ему, приказал отрубить ему голову на огромном белом камне, известном среди местных жителей под названием «камень Кинели».

Удовольствовавшись этим и не подозревая, что у его дочери был еще один сын, спасенный от смерти и воспитывающийся теперь у кузнеца Гавиды, Балор продолжал предаваться грабежам и разбою, время от времени наведываясь к славному кузнецу, чтобы починить оружие или заказать новое. Как•то раз, в отсутствие Гавиды, он принялся хвастаться перед мальчиком — подручным кузнеца, как лихо он сумел расправиться с Мак Кинели. Однако закончить этот гнусный рассказ ему не удалось, ибо Луг — а именно таково было имя мальчика•подручного — выхватил из горна раскаленную железную полосу и вонзил ее Балору прямо в глаз, так что даже насквозь пробил тому голову.

Таким образом, в этих двух легендах, записанных в разных районах Ирландии разными исследователями и к тому же в разное время, сохранилось множество характерных мифологических деталей, которые можно встретить только в старинных манускриптах, в состав которых входят еще более ранние тексты. В них, в частности, можно найти имена целых шести персонажей древнего гэльского пантеона, каждый из которых уходит корнями в седую древность. Так, Гоибниу не утратил свой древней функции кузнеца; Балор по•прежнему остался царем фоморов, обитавшего в северных районах моря; его дочь Этлинн, воспылав любовью к Киану, родила от него сына, став, таким образом, матерью бога Солнца Луга, который сохранил к тому же свой старинный титул Йодданах (хотя сохранившаяся версия этого имени донесла до нас его забавно искаженную форму, меняющую его смысл на противоположный) и был воспитан самим богом Мананнаном, сыном Моря, а в конце убил•таки своего деда, нанеся ему роковой удар в самое страшное его место — смертоносный глаз.

По•видимому, в данном случае мы имеем дело с очень архаической версией предания о фоморах, жене Гобана и ее ребенке, а также о серой корове и ее волшебной веревке, причем эта корова явно перекликается со знаменитой телкой черной масти богатыря Дагды.

Вообще сохранилось немало преданий о Луге. Оэнгусе и прочих древних богах Эрина. Но все же рядом с Гобан Саором высится фигура еще одного бога, пользующегося необычайной популярностью и обладающего поистине безграничной властью, — фигура великого Мананнана. Мананнан, почитание которого было распространен необычайно широко, славился как бог•защитник, всегда готовый прийти на помощь людям, почему•либо отказывавшимся поклоняться ему. Вплоть до появления св. Колумбы Мананнан считался особым покровителем ирландцев в чужих краях, защищая их от всяческих бед и напастей и помогал благополучно возвратиться домой. Крестьянам он посылал благоприятную погоду и помогал вырастить богатый урожай. Пока усталые земледельцы спали, его подданные•феи рыхлили и удобряли землю. Но однажды этому благоденствию раз и навсегда настал конец. Как•то раз святая Колумба, разбив золотой потир, отдала его слуге, чтобы тот отнес его в починку. На пути тому встретился незнакомец, спросивший слугу, куда он направляется. Слуга рассказал ему, как было дело, и показал потир.

Тогда незнакомец слегка дохнул на нее, и разбитые осколки тотчас срослись. После этого он подал потир слуге, попросил передать его хозяйке и на прощание сказал, что Мананнан, сын Лира (а это оказался он), починивший потир, хотел бы спросить у св. Колумбы, может ли и он рассчитывать когда•нибудь попасть в рай небесный. "Увы — отвечала неумолимая святая [62], — нет и не может быть прощения человеку, совершающему подобные деяния!" Слуга вернулся и передал Мананнану ответ святой, и тот, услышав его слова, разразился горестными рыданиями. «Горе мне, бедному Мананнану Мак Лиру! Долгие годы я помогал всем людям Ирландии, но больше я не буду этого делать до тех пор, пока они не станут слабыми и податливыми, как вода. Пойду я

лучше в седые волны на Хайландс, в Шотландию!» С этими словами он исчез.
Однако он до сих пор не забыт на своем собственном острове Мэн, местные предания которого гласят, что именно там обитал знаменитый бог. Мананнан считался его королем, с помощью магических чар охранявшим остров or вторжения иноземцев. Он, например, мог в любой момент вызвать непроглядный туман, скрывающий остров, мог с помощью тех же заклинаний сделать так, что один воин казался врагам целой сотней, а стружки, брошенные на воду, — грозным боевым кораблем. Неудивительно, что ему удавалось охранять свое королевство от всех набегов до тех пор, пока не окончилось действие его чар. Он, как и все прочие старые гэльские боги, утратил свое могущество после прибытия в Ирландию св. Патрика. После этого сакральный статус Мананнана резко снизится, и он стал заурядным великаном, любящим для забавы перепрыгивать из своего замка Пил Касл прямо в Контрари Хед или швырять огромные каменные глыбы, на которых до сих пор остались отметины его могучих рук. По преданию, он не брал от своих поклонников и почитателей никаких подношений, кроме пучков зеленых веток, которые те каждый раз накануне дня летнего солнцестояния и приносили ему на два горных пика, один из которых в старину носил название Уоррефилд [63]. а в наши дни — Саут Бэррул [64]. Другой же, именовавшийся Мэн, сегодня пока не поддается идентификации. Могила же великана, достигающая в длину почти тридцати ярдов, находится поблизости от замка Пил Касл. Пожалуй, самая любопытная легенда, связанная с именем великана, сообщает о том, что у него было целых три ноги, благодаря которым он передвигался с невероятной скоростью. Как он это делал, нетрудно себе представить, если взглянуть на остров с отрогов гор, представляющих собой как бы три громадные конечности великана, расходящиеся из одной точки, словно спицы в колесе.
Ирландское предание гласит, что Мананнан, покинув Ирландию, перебрался в Шотландию, а вакантный трон короля богов или фей, к великому неудовольствию тех, кто знал и помнил самого Мананнана, занял один из мужей клана Мак Мойнканта. По всей вероятности, это неудовольствие и послужило причиной свержения Мак Мойнканты, ибо в конце концов королем всех фей и гномов Ирландии стал тот самый Фионнбар, которому еще Дагда выделил сидх Меадха после свержения клана Туатха Де Данаан войском сынов Мил Эспэйна и который с тех пор стал играть весьма заметную роль в историях о подвигах фианов. Авторитет этого старинного предания в Ирландии настолько велик, что холм Меадха, именуемый в наши дни Кнокма, и ныне считается обителью самого Фионнбара и его жены, королевы Оонаг. О Фионнбаре сложено множество легенд и преданий, в том числе, конечно же, и одно из любимых кельтских преданий о похищении невесты и ее вызволении из рук феи после долгой осады и даже подкопа под сидх, в котором она томилась в подземной темнице. Фионнбар, как и Мидхир из Бри Лейт, похитил смертную женщину, Этэйн, которая к тому же была не супругой Верховного короля, а всего лишь женой одного ирландского лорда. Тем временем Эохаид Эйремх, услышав неведомый голос, поведавший ему, куда тот должен отправиться, чтобы отыскать свою похищенную невесту, собрал всех своих слуг и работников и приступил к разрушению холма Кнокма. К концу каждого дня осаждающим удавалось почти полностью разрушить его, но за ночь феи и карлики Фионнбара вновь и вновь восстанавливали курган. Так продолжалось целых три дня, после чего лорд догадался, что работы по раскопке надо освятить, посыпав отвалы земли освященной солью. Разумеется, это средство подействовало как нельзя лучше. Фионнбару пришлось выдать украденную невесту, находившуюся в беспамятстве с того дня, как он вверг ее в темницу. Глубокие траншеи, уходящие в глубь холма и, кстати сказать, сохранившиеся до наших дней, должны убедить всех сомневающихся в достоверности этой истории. Однако справедливости ради надо признать, что Фионнбар далеко не всегда предстает в столь неприглядной роли. Так, он, по преданию, проявлял особо трогательную заботу о семействе Кирванов из замка Касл Хакет, расположенного на северном склоне холма. Благодаря его покровительству кладовые замка никогда не пустовали, а вкус старинных вин нисколько не портился от времени. Присматривал он и за конюшнями замка, и именно благодаря отличной выучке коней,

которых по ночам дрессировали феи и эльфы Фионнбара, скакуны Джона Кирвана так часто побеждали на скачках в Курраге. То, что такие истории отражают реальные факты, — а это, без сомнения, имеет место в данном случае, — свидетельствует о том, в сколь поздние времена могли бытовать и даже обогащаться новыми деталями памятники древней мифологии.

Сегодня Фионнбар считается верховным правителем бесчисленного племени фей и эльфов. У многих из них, в свою очередь, есть свои собственные вассалы•вожди, образующие кланово•племенную иерархию — наподобие той, которая существовала в Ирландии во времена кельтов. Фионнбар и Оонаг были верховными королем и королевой, их вассалом считалась Клиодна, королева клана Мунстера, правившая своими владениями из сидха возле Мэллоу в графстве Корк, вассалами которой, в свою очередь, были Аоибхинн, королева фей Северного Мунстера, и Эйне, королева фей Южного Мунстера. Эти имена — всего лишь один из примеров. Таким образом, можно без особого труда составить целую карту владений фей в Ирландии и с почти дипломатической точностью обозначить границы владений обитателей сидхов . Куда труднее проследить происхождение и, так сказать, генетическую преемственность этих существ. Некоторые из них могут быть отождествлены с отдельными древними богами и богинями. Так, в восточной части Ирландии «банши» (правительницами) фей почитались Бадб и ее сестры, повелевавшие жизнью и смертью жителей Эрина, причем даже не обязательно в битвах. Айния, самая могущественная фея Ольстера, и Эйне, королева Южного Мунстера, — это, по•видимому, один и тот же персонаж, таинственная и грозная богиня, некогда почитавшаяся под именем Ану или Дану. Из двух ее позднейших инкарнаций главной хранительницей традиций и атрибутов культа древней Ану стала Эйне, пользовавшаяся, по свидетельству поэмы «Выбор имен», особым почитанием в Мунстере в качестве богини благополучия, материального достатка и изобилия. На протяжении многих веков в ее честь совершались магические ритуалы накануне дня святого Ионнна Крестителя [65], целью которой было обеспечить плодородие всего живого в наступившем году. Крестьяне, жившие в окрестностях ее сидха Кнок Эйне (Кнокаини), приносили с собой зажженные пучки сена или соломы и водружали их на шесты и столбы, стоявшие на вершине холма. Затем Крестьяне разбрасывали их пепел по окрестным полям, а шестами обмахивали посевы и скот. Считалось, что эти ритуалы должны задобрить богиню и, более того, расположение к людям. И независимо от того, была ли праматерью всех богов или нет, ее почитали н качестве прародительницы полутора дюжин наиболее знатных ирландских родов.

В числе ее потомков был и знаменитый эрл [66] Джералд, сын богини от союза с четвертым графом Десмондом, по прозвищу Колдун. Как и в известной легенде о девах, превращенных в лебедей, граф•колдун, согласно преданию, похитил плащ Эйне, пока та купалась, и отказался вернуть его ей, если она не станет его невестой; в конце концов он отпустил ее. Тогда Эйне предупредила мужа, чтобы тот не удивлялся ничему, что бы ни сделал их сын, но один живительный подвиг, совершенный мальчиком, заставил графа нарушить это условие, и Эйне, по законам фей, была вынуждена покинуть его. Однако, потеряв мужа, она не пожелала расстаться с сыном, который после смерти переселился в царство фей и живет сегодня в глубинах озера Лох Гур в графстве Лимерик, ожидая, как и герой бриттов Артур, часа освобождения, когда он вместе со своими воинами явится, чтобы изгнать чужеземцев из Ирландии. Но это произойдет лишь тогда, когда герой, раз в семь лет пускаясь вскачь по поверхности озера, начистит серебряные подковы своего коня настолько, что они сделаются тонкими, как кошачье ухо.

Итак, феями и эльфами стали не только бывшие боги клана Туатха Де Данаан, но и герои многих других мифических циклов. Так, Донн, сын Мила, утонувший, так и не ступив на землю Ирландии, живет в так называемом «чертоге Донна» — гряде песчаных холмов и курганов на полуострове Дингл в Керри, а в XI веке мы встречаемся с ним в стихах одного местного поэта, упоминающего его имя наполовину в шутку, наполовину всерьез. Правда, героям Ольстера не нашлось места в стране фей, зато их соперница, Медб, удостоилась даже

королевского титула, поселившись в знаменитом Сидхе, и, по мнению многих исследователей, стала прототипом легендарной «королевы Маб». Каоилте, последний из фианов, несмотря на всю свою официальную склонность к христианству, вполне удачно вписался в круг Туатха Де Данаан, чего нельзя сказать ни о ком из его родственников — ни об Ойсине, ни об Оскаре и уж тем более о самом Финне. Однако врата богов не были закрыты для новых исторических персонажей, даже из числа простых смертных. Так, Барри, владелец поместья в Балл и море, по преданию, обитал в заколдованном дворце в Кноктьерне, одном из холмов гряды Нэйгл Хиллз. Не менее знаменитый герой О'Донахью, владения которого находились в окрестностях Килларни, сегодня обитает в глубине вод того самого озера, и его, как гласит предание, даже можно увидеть в ясную погоду, но всего один раз в год — первого мая.

Помимо славных персонажей, встречающихся нам и в мифах, и на страницах исторических хроник, есть и такие, всякие письменные свидетельства о которых давно утрачены, что не мешает им пользоваться широкой популярностью, и даже такие, чье происхождение восходит к другим, явно неарийским корням, характерным для подавляющего большинства фей. Их скорее можно отождествить с эльфами и троллями скандинавов или силенами и сатирами древнегреческих мифов. Таковы Лепрехаун, который шил феям башмачки и умел находить спрятанные сокровища, Ган Кенах, или «любезник», нашептывающий на ухо девушкам нежные любовные речи и истории, когда, по мнению простых смертных, они должны бы заниматься полезными делами; Пока, который вынуждает путников сбиться с пути или, приняв образ осла или мула, увозит их на собственной спине в горы, чтобы те окончательно заблудились; Дулахан, скачущий без головы верхом на коне, и многие и многие другие дружественные или злобные духи и призраки. Откуда они пришли в Ирландию? Ответ напрашивается сам собой. До прихода ариев и еще долго после их появления на всей территории Европы существовало многочисленное доарийское население, у которого непременно были свои собственные боги и божества, культы и почитание которых сохранялись на протяжении многих и многих поколений, будучи крепко укорененными на местном почве. И разве не могли все эти бесчисленные и затерянные во мгле веков ирландские Лепрехауны, Поки и Дулаханы, вместе с шотландскими Клуриканами, Брауни и их сородичами, являть собой не просто «порождения народной фантазии», а своего рода уменьшенные копии пресловутых темных богов «темных иберов»?

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

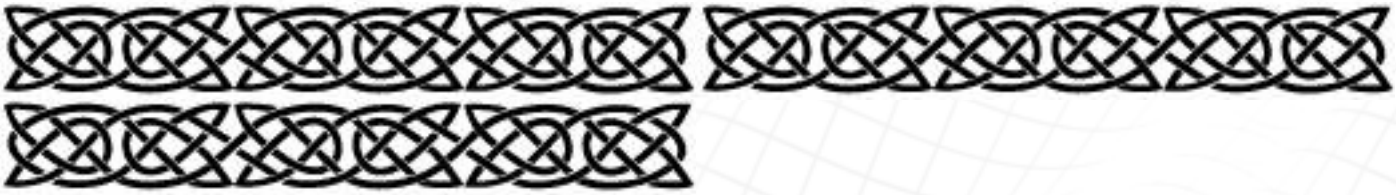
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 17. ИРЛАНДСКАЯ ОДИССЕЯ: СТРАНСТВИЯ МЭЛ ДУИНА

Помимо легенд, так или иначе сложившихся вокруг имен выдающихся героев прошлого и имеющих некое отношение к истории или хотя бы претендующих на таковое, существует великое множество больших и малых преданий, повествующих о подвигах и приключениях, относящихся к сфере романтического вымысла, чистой фантазии и происходящих за рамками земных координат пространства и времени. В качестве примера таких легенд можно назвать «Странствия Мэл Дуина» — блестящий образец занимательной фантазии, сохранившийся в составе Книги Бурой Коровы и других более ранних источников. Это лишь один из памятников старинной ирландской литературы, описывающих удивительные странствия; считается, что он является наиболее ранним из них и послужил как бы моделью для последующих произведений этого жанра. Эта легенда или, лучше сказать, сага в более современном и литературно обработанном варианте легла в основу сюжета поэмы «Странствия Мэлдьюна» Теннисона, под пером которого она стала настоящим пиршеством ритма и красок, совершенным воплощением аллегории на тему истории Ирландии. Как увидит

ниже читатель, мы находимся в достаточно странном и неловком положении, ибо нам известно имя автора этого замечательного памятника примитивной архаической литературы, хотя он сам и не претендует на роль автора, а лишь говорит, что просто «расположил по порядку» разрозненные эпизоды «Странствий».К сожалению, мы не знаем, когда он жил и творил; по всей вероятности, это имело место в IX веке. Атмосфера этого произведения — вполне христианская, а само оно не имеет сколько•нибудь существенной ценности в качестве мифологического памятника, за исключением разве что утверждения о том, что простым смертным следует повиноваться пророчествам волхвов. В представленном ниже пересказе этого памятника переданы все приключения со всеми их подробностями, чтобы читатель смог получить более цельное представление об этом обширном и заметном разделе ирландской мифологии.

Начинаются «Странствия Мэл Дуина», как это часто имеет место в ирландских легендах, с рассказа о предыстории героя. Жил в старину некий именитый муж из септа [67] Оуэнов Аранских, по имени Эйлилл Край Битвы; и вот однажды он отправился со своим королем в набег в чужие земли. Однажды они остановились на ночлег возле церкви и женского монастыря. В полночь Эйлилл, оказавшийся ближе всех к церкви, увидел, что из монастыря вышла некая монахиня, собиравшаяся позвонить в колокола и собрать сестер на всенощное бдение, и тотчас набросился на нее. В старину в Ирландии религиозные лица не пользовались особым уважением, тем более во время войны, вот и Эйлилл тоже не слишком церемонился с монахиней и овладел ею. На прощание она спросила его: «Из какого ты племени, как твое имя?» Герой отвечал: "Имя мое — Эйлилл Край Битвы, а родом я из клана Оуэнов Аранских, что в Томонде.

Вскоре после этого Эйлилл был убит разбойниками Лейкса, которые сожгли церковь Дуклуна прямо над его могилой.

Спустя положенное время у монахини родился сын, которого она назвала Мэл Дуин. Затем она тайно отослала его к своей близкой подруге, королеве тамошних земель, и она усыновила Мэл Дуина. Мальчик был поистине прекрасен, и едва ли какое•нибудь создание из плоти и крови могло с ним сравниться. Он вырос, стал юношей, молодым воином и начал учиться владению оружием. Был он юноша очень веселого и шутливою нрава. Он превосходил своих друзей во всех играх: в метании мяча, беге, поднимании тяжелых камней и верховой езде.

И вот однажды один надменный воин, которого юноша одолел в поединке, сказал ему, что тот и сам не знает, какого он, Мэл Дуин, роду•племени и кто его настоящие родители. Тогда Мэл Дуин возвратился к своей приемной матери и заявил:

— Я больше не стану ни пить, ни есть, пока ты не расскажешь мне, кто были мои настоящие мать и отец.

Королева изумленно взглянула на него.

— Я и есть твоя мать, — отвечала она, — ибо ни одна мать на всем свете никогда не любила своего сына сильней, чем я.

Однако Мэл Дуин стоял на своем, и в конце концов королеве пришлось отправить его повидаться со своей настоящей матерью, монахиней, которая и поведала сыну, что его отец Эйлилл из клана Оуэнов Аранских.

Тогда Мэл Дуин отправился к своим родичам, и те хорошо приняли его. Вместе с ним в качестве гостей поехали и его любимые сводные братья — трое родных сыновей короля и королевы, воспитавших его.

Прошло время. Однажды Мэл Дуину случилось оказаться в компании молодых воинов, которые пытались поднять упавший могильный камень на кладбище той самой Церкви в Дуклуне. И вот, когда Мэл Дуин вместе со всеми взялся за тяжеленный камень, его нога случайно наступила на треснувшую и обгоревшую надгробную плиту, и монах, случайно оказавшийся рядом, заметил:

— Лучше бы уж ты отомстил за человека, покоящегося под этой плитой, чем топтать ногами его обгоревшие кости.

— А кто здесь похоронен? — поинтересовался Мэл Дуин.

— Эйлилл, твой родной отец, — отвечал монах.
— Но кто же его убил? — опять спросил юноша.
— Разбойники из Лейкса, — ответил монах, — они предали его смерти на этом самом месте.
Услышав это, Мэл Дуин бросил возиться с камнем, завернулся в походный плащ и поспешил домой. Вернувшись, он первым делом спросил, как ему попасть в Лейкс. Домашние отвечали, что добраться туда можно только по морю.
Тогда Мэл Дуин, по совету старого друида, решил построить себе лодку или, лучше сказать, челнок из шкур, наложенных одна поверх другой. Затем друид поведал ему, что того должны сопровождать семнадцать воинов, а еще сказал, в какой именно день Мэл Дуин должен начать строительство лодки, когда ее надо будет спустить на воду и когда ему лучше всего выйти в море.
Наконец к Мэл Дуин со своими спутниками подготовил все как нельзя лучше и собрался было поднять парус, но в этот момент на берег прибежали трое его сводных братьев и принялись упрашивать его, чтобы он взял в плавание и их. — Ступайте лучше домой, — возразил Мэл Дуин — ибо я не могу взять ни единого человека сверх числа, названного друидом.
Однако пылкие юноши не захотели отставать от Мэл Дуина; они бросились в море и поплыли за лодкой. Чтобы они ненароком не утонули, Мэл Дуину пришлось остановиться и взять их на борт. Впоследствии они, как мы видим, погибли из•за собственного упрямства, а Мэл Дуин, ослушавшийся запрета, был осужден скитаться до тех пор, пока не искупит свою вину.
Творения ирландских бардов обычно весьма традиционны по композиции. Вот и в данном случае вслед за описанием мизансцены начинается собственно действие. В дальнейшем сага рассказывает, как Мэл Дуин, увидев на указанном острове убийцу своего отца, но не имея возможности высадиться на берег, был вынужден вернуться со своими спутниками в открытое море. Там они повидали немало больших и малых островов, и с ними произошли самые невероятнее приключения. С этого момента история становится своего рода мозаикой или вереницей приключений и происшествий, некоторые из них не представляют особого интереса, тогда как в других, в частности, в приключениях на Острове Серебряных Столбов или на Острове Огненного Вала, а также в эпизоде, в котором участвует орел, нашли выражение представления кельтов о прекрасном, романтическом и таинственном, причем сделано это с такой яркостью и изяществом, которые не имеют равных в других памятниках литературы.

ОСТРОВ УБИЙЦЫ

Мэл Дуин со своими спутниками налегали на весла весь день и добрую половину ночи и наконец увидели перед собой два небольших, лишенных всякой растительности островка, на которых высились две крепости. С островов доносился шум битвы. «Держись подальше от меня, — крикнул один из них, — ибо я — воин куда лучше тебя. Это я убил Эйлилла Край Битвы и сжег над его трупом церковь в Дуклуне, и никто из его родичей так и не посмел отомстить мне. Вот и ты тоже не сможешь сделать ничего подобного!»
Услышав это, Мэл Дуин собрался было высадиться на острове, а Герман и Диуран•Рифмач воскликнули даже, что это сам бог привел их сюда. Однако внезапно поднялся страшный ветер и унес их лодку в открытое море, и Мэл Дуин заявил своим сводным братьям: «Это все из•за вас; это вы напросились ко мне в лодку, нарушив заклятье друида!» Те ничего не ответили и молча опустили глаза.

ОСТРОВ МУРАВЬЕВ

Затем их лодку носило по волнам еще три дня и три ночи, Мэл Дуин со своими спутниками не знал, куда им плыть дальше. Наконец на рассвете четвертого дня они услышали шум прибоя и, когда поднялось солнце, направились к неведомому острову. Не успев еще высадиться на его берегу, они заметили рои свирепых муравьев, каждый из которых был величиной с теленка. Муравьи спешили к берегу и даже забредали в воду, собираясь схватить людей, так что те поспешили убраться подальше от этого злосчастного острова и еще три дня опасались приблизиться к суше.

ОСТРОВ ОГРОМНЫХ ПТИЦ

На берегах этого острова были устроены террасы, на террасах росли раскидистые деревья, а на их ветвях сидели огромные птицы. Мэл Дуин первым ступил на берег и осторожно осмотрел остров, опасаясь какой•нибудь коварной беды, но так ничего и не нашел. Тогда его спутники поспешили за ним, убили и съели множество птиц, а остальных забрали с собой в лодку.

ОСТРОВ СВИРЕПОГО ЧУДОВИЩА

Это был огромный песчаный остров, на котором мореходы заметили странное чудовище, похожее на коня с кривыми, как у собаки, лапами. Чудовище бросилось на незваных гостей, но те успели вовремя отплыть подальше от берега, и вдогонку за ними полетели камни из•под лап странного зверя.

ОСТРОВ ГИГАНТСКИХ КОНЕЙ

Это оказался обширный, плоский, как стол, остров, и первыми на разведку на него отправились Герман и Диуран. Они увидели просторную зеленую степь, покрытую следами конских копыт. Каждый из этих следов был величиной с парус, а вокруг валялись скорлупки от орехов не менее громадных размеров. Разведчики перепугались и поспешно возвратились на свою немало повидавшую лодку. Отплыв подальше от берега, они увидели табун гигантских коней и услышали оглушительное ржание. Кони в том табуне были белые и каурые, и неслись они быстрее ветра [68]. Мелькнув на берегу, кони тотчас скрылись из глаз, так что можно было подумать, будто это не животные, а рой демонов.

ОСТРОВ КАМЕННОЙ ДВЕРИ

Проплавав по морю еще целую неделю, путешественники наткнулись на большой, высокий остров, на берегу которого возвышался некий дом. Дверь этого дома была сделана из камня и открывалась прямо в море, так что через нее в дом свободно заплывали лососи и, пенясь, врывались волны. Мэл Дуин и его спутники также вошли в странный дом и обнаружили, что в нем нет ни души. В углу стояла громадная кровать, предназначавшаяся Мэл Дуину, постели поменьше, каждая — для троих его приближенных. У каждой кровати был накрыт стол, уставленный все возможными яствами и напитками. Мэл Дуин и его друзья основательно выпили и подкрепились, а затем поспешно вышли в море и продолжили свой путь.

ОСТРОВ ЯБЛОК

Перед тем как пристать к этому острову, путники долго носились по волнам и порядком устали. К тому же у них кончились запасы пищи, и они сильно изголодались. Берега этого острова были покрыты густыми зарослями, опускавшимися к самой воде. Проплывая мимо скал, Мэл Дуин сорвал одну из веток и положил ее в лодку. Три дня и три ночи он со своими спутниками искал бухты, чтобы пристать к берегу острова, но так ничего и не нашел. К тому времени на сорванной ветке успели чудесным образом вырасти три невиданных яблока, каждого из которых бедным странникам хватило на целых сорок дней.

ОСТРОВ УДИВИТЕЛЬНОГО ЧУДИЩА

Этот остров со всех сторон был обнесен каменной оградой, внутри которой металось некое странное чудище. Оно вновь и вновь взбиралось на самую вершину острова и проделывало невероятный трюк, а именно быстро•быстро вращалось всем телом внутри собственной кожи, которая оставалась совершенно неподвижной, а затем, наоборот, вращало кожу вокруг тела. Увидев мореплавателей, чудище бросилось к ним, но тем удалось спастись, и они поспешили отплыть от берега. Вслед им полетели камни, и один из них, пробив щит Мэл Дуина, ударился о киль лодки.

ОСТРОВ КУСАЮЩИХСЯ КОНЕЙ

На этом острове путники увидели множество огромных тварей, похожих на коней. Эти кони то и дело кусались вырывая друг у друга из крупов огромные куски мяса, так что весь остров был залит кровью. Мэл Дуин и его спутники поспешно удалились от его берегов, сетуя, что им никак не удается найти верный путь и некому указать им его.

ОСТРОВ ОГНЕННЫХ СВИНЕЙ

Изнемогая от усталости, голода и жажды, они подплыли к берегам десятого острова. На нем росло множество деревьев, ветви которых были сплошь покрыты золотыми яблоками. Под этими деревьями путники заметили огненно•красных тварей, похожих на огненных свиней. Свиньи что было сил били копытами по стволам, яблоки так и сыпались с ветвей, и свиньи тотчас пожирали их. Однако на рассвете, когда с острова взмывали в небо тучи птиц, улетавших в море, эти твари скрывались под землю и проводили там весь день, а с наступлением вечера они возвращались на берег и всю ночь пожирали яблоки.
Мэл Дуин и его спутники, высадившиеся на берег ночью, почувствовали, что земля у них под ногами так и пышет жаром. Там, под землей, в своих глубоких норах рылись свиньи. Путники поспешно набрали огромную груду этих яблок, отлично утолявших не только голод, но и жажду, доверху наполнили ими свою лодку и, подкрепившись, вышли в море.

ОСТРОВ КРОШЕЧНОЙ КОШЕЧКИ

Наконец яблоки кончились, и бедные мореплаватели подплывая к берегам одиннадцатого острова, чувствовали сильнейший голод и жажду. На этом острове высилась огромная белоснежная башня из сверкающего известняка, достававшая почти до облаков, а вокруг нее стояли высокие здания, сверкавшие, как первый снег. Путники вошли самый большой из этих домов и не встретили внутри ни единой живой души, кроме крошечной кошечки, игравшей на четырех каменных столбах, ловко перепрыгивая с одного на другой. Она искоса поглядела на ирландских воинов, но резвиться не перестала. На стенах в три ряда висели удивительные вещи. Первый ряд составляли золотые и серебряные броши, второй — золотые и серебряные ожерелья, каждое из которых было не меньше обруча с бочки, а третий — огромные мечи с золотыми и серебряными рукоятками. Кроме них, в комнате грудами лежали одежды и сверкающие доспехи, а на столах лежали жареный бык, груды окороков и целые бочки эля.
«Выходит, ты приготовила все это для нас, а?» — обратился Мэл Дуин к кошечке. Та опять покосилась на него, а затем продолжала играть. Тогда ирландские витязи наелись до отвала, упились ликером и улеглись спать, припрятав остатки провизии. На следующее утро, когда гости собрались покинуть кошечкин дом, самый младший из сводных братьев Мэл Дуина сорвал со стены одно из ожерелий и собрался было унести его, но тут кошечка внезапно метнулась в него, словно огненная стрела, и пронзила его насквозь, так что незадачливый похититель тотчас превратился в золу и замертво рухнул на пол. После этого Мэл Дуин строго•настрого запретил прикасаться к драгоценностям, успокоил кошечку, вернул ожерелье на место, а затем вместе со своими спутниками он похоронил на берегу прах своего товарища, и они в печали покинули остров.

ОСТРОВ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ОВЕЦ

На этом острове они обнаружили высокую медную изгородь, по одну сторону которой паслось стадо белых овец, а по другую — черных. Вдоль изгороди прохаживался человек огромного роста, присматривавший за стадами. Время от времени он брал белую овцу и сажал ее к черным, и та вскоре становилась черной, или, наоборот, пускал черную овцу к белым, и та тотчас превращалась в белую. Мэл Дуину вздумалось просто ради опыта выкрасить белой краской стену на стороне черных овец, и та мигом почернела. И тогда

путешественники в страхе покинули странный остров.

ОСТРОВ ОГРОМНЫХ КОРОВ

Вскоре путники увидели большой, просторный остров, на котором паслось стадо свиней. Они тотчас убили самого маленького поросенка и изжарили его на вертеле, ибо он оказался слишком велик, чтобы тащить его на лодку. Остров оказался гористым; над ним высоко в небо уходила ослепительная вершина, и Диуран с Германом отправились на нее, чтобы оглядеть сверху весь остров. На пути им встретилась широкая река. Решив проверить, насколько она глубока, Герман опустил в реку копье, и вода, оказавшаяся жидким огнем, мигом спалила его до половины. На другом берегу они увидели некоего великана, охранившего стадо каких•то существ, похожих на огромных быков Он угрожающе крикнул путникам, чтобы они не трогали его телят, и те не заставили себя ждать и спешно покинули остров.

ОСТРОВ МЕЛЬНИЦЫ

На этом острове спутники Мэл Дуина увидели огромную, странного вида мельницу, а рядом с ней стоял мельник•исполин, засыпавший на ее жернова зерно. «На этой мельнице, — заявил он, — я мелю добрую половину зерна в нашей стране. Здесь постоянно возникают всякие свары и недовольства». Велики и тяжелы были жернова мельницы, и вся мука, выходившая из•под них, тотчас увозилась куда•то на запад. И путники, осенив себя крестным знамением, поспешили выйти в море.

ОСТРОВ ЧЕРНОКОЖИХ ПЛАКАЛЬЩИКОВ

На этом острове путешественники заметили множество чернокожих людей, рыдавших и сетовавших на жизнь. Один из двух сводных братьев Мэл Дуина поспешно выскочил на берег и тотчас сам стал черным, как уголь, и принялся рыдать, как и все прочие. За ним последовали еще двое спутников, и их ожидала точно такая же участь Четверо других обмотали головы плащами, чтобы никого не видеть и не дышать воздухом тех мест, и поспешили к двум своим товарищам, схватили их и силой увели прочь. Что же касается сводного брата Мэл Дуина. то его вернуть не удалось. Двое спасенных никак не могли объяснить по чему они вели себя столь странным образом, сказав только, что им пришлось поневоле делать то же самое, что и все остальные.

ОСТРОВ ЧЕТЫРЕХ ИЗГОРОДЕЙ

Этот остров был разделен на четыре части четырьмя стенами из золота, серебра, меди и хрусталя. В одной его части жили короли, в другой — королевы, в третьей — воины, а в четвертой — девы. Как только

путешественники вышли на берег, одна из дев угостила их какой•то пищей, похожей на сыр и имевшей такой вкус, который более всего нравился каждому из вкушавших ее. Вместо питья дева принесла им сладкий ликер, выпив которого они на целых три дня погрузились в сон. Когда же они наконец проснулись, они обнаружили, что лежат на лодке, покачивающейся посреди моря, а сам остров и его странные обитатели давным•давно скрылись из виду.

ОСТРОВ СТЕКЛЯННОГО МОСТА

На этом острове путников ожидала едва ли не самое странное приключение за все время их скитаний. На острове высилась старинная крепость с медными воротами, к которым вел удивительный стеклянный мост. Но как только путники попытались ступить на него, мост тотчас отбрасывал их назад. Из крепости вышла женщина, державшая в руке ведро. Приподняв откидную крышку моста, она спустила с него на веревке ведро, зачерпнула воды и неторопливо вернулась в крепость. Путники постучали в медные прутья подъемной решетки, прося впустить их, звон кованой решетки, раздавшийся в ответ на эти удар оказался настолько пугающим, что бедные скитальцы никак не могли опомниться до следующего дня. И тем менее они трижды стучали в решетку, и всякий раз женщина с насмешкой отказывала Мэл Дуину. На четвертый она все же вышла к путникам. На ней красовалось длинное белое одеяние, в волосах ее сверкала золотая диадема, розовых ножках поблескивали серебряные сандалии, а руках шелестели тончайшие прозрачные шелка.
— Мой привет тебе, о Мэл Дуин, — проговорила женщина, а затем поочередно приветствовала всех его спутников, назвав каждого из них по имени. Затем она проводила их, как дорогих гостей, во дворец и предложила отдельную кровать для самого Мэл Дуина и по одной кровати каждого из трех его спутников. Хозяйка досыта накормила и напоила их, подавая каждому одно и то же волшебное ведро, в котором каждый находил для себя все, что только мог пожелать. И когда она собралась было попрощаться ними, спутники спросили Мэл Дуина, не хочет ли он ее в жены.
— Но кто же возьмет на себя смелость заговорить с ней о таких вещах? — возразил Мэл Дуин. Его товарищи только того и ждали. Они обратились к хозяйке, и та отвечала: «Я доселе не задумывалась о таком грехе». Однако они повторили свой вопрос, а потом еще и еще раз. «Завтра, — отвечала наконец хозяйка, — вы получите мой окончательный ответ».
Когда же наступило следующее утро, путники увидели, что они опять очутились посреди моря, а остров, крепость и ее прекрасная хозяйка исчезли, словно их и не было.

ОСТРОВ КРИКЛИВЫХ ПТИЦ

Странники еще издали услышали оглушительные крики и странное пение, отдаленно напоминающее пение псалмов, и, прилежно налегая на весла целый день и всю ночь, достигли берегов острова, кишевшего птицами с черным и бурым оперением. Птицы истошно кричали и пытались клевать непрошеных гостей. И те покинули остров, не решившись даже высадиться на нем.

ОСТРОВ АНАХОРЕТА

На этом острове путники обнаружили множество всяких птиц, а также странного человека, единственной одеждой которому служили его собственные волосы. Мэл Дуин и его спутники поспешили спросить бедного отшельника, кто он и откуда родом. Тот поведал им, что он сам родом из Ирландии и что он бросил в волны посреди моря клочок своей родной земли [69]. Бог благоволил превратить этот клочок в уединенный островок, который каждый год увеличивался на 1 фут, и каждую весну на нем вырастало новое дерево. Морские птицы — это и есть его родные и близкие, пребывающие здесь вплоть до Судного дня, так что ангелы приносят им небесную пищу. Путники провели у отшельника три дня и три ночи, а затем продолжили свое плавание.

ОСТРОВ ВОЛШЕБНОГО ФОНТАНА

Здесь путники обнаружили небольшую келью из золота; почва на острове была белой и мягкой, как пух. В келье их глазам предстал еще один отшельник, точно так же прикрывавший наготу своими собственными волосами. В келье бил волшебный фонтан, дававший по средам и пятницам воду, по воскресеньям и дням памяти мучеников — молоко, а по праздникам памяти апостолов, Пресвятой Девы Марии, св. Иоанна Крестителя и на Святках — эль и вино.

ОСТРОВ КУЗНИЦЫ

Подплывая к этому острову, скитальцы еще издали услышали странные звуки, напоминающие лязг и звон железа в огромной кузнице, а также разобрали оглушительные слова великанов, разговаривавших друг с другом. «Совсем как малые дети, — заметил один из великанов — плывущие к нам в детском корыте». Услышав это, Мэл его спутники принялись грести в обратную сторону, развернув свое утлое суденышко, чтобы великаны не догадались, что они пустились наутек. Однако вскоре великан•кузнец, догадавшись, вышел из своей громадной кузницы, держа громадными щипцами не менее громадную глыбу раскаленного железа, и поспешно опустил ее в воду, так что вода вокруг них тотчас забурлила и закипела, а плывших в лодке так и обдало паром.

МОРЕ ПРОЗРАЧНОГО СТЕКЛА

После этого они еще много дней носились по волнам, пока, наконец, не оказались в странном море, похожем на зеленое стекло. Оно было настолько прозрачным, что сквозь него можно было разглядеть камни и даже песчинки на дне морском; в нем среди подводных камней не было никаких чудищ и отвратительных тварей — ничего, кроме чистых камешков и зеленого песка. Путники целый день плыли по этому удивительному морю, любуясь его роскошью и великолепием.

ПОДВОДНЫЙ ОСТРОВ

Затем путники очутились в еще более странном оре даже их утлой лодки. В глубине вод они заметили небольшую крепость, окруженную со всех сторон живописной равниной. Там на ветвях дерева сидело какое•то ужасное чудище, над которым мирно паслось стадо коров, а внизу, под ним, расхаживал вооруженный воин. Однако, несмотря на присутствие воина, чудище то и дело вытягивало свою длинную шею, хватало одну из бедных коров и пожирало ее. Во время плавания по этому призрачному путешественники видели немало всяких ужасов и чудес.

ОСТРОВ ПРОРОЧЕСТВА

Приближаясь к этому острову, Мэл Дуин и его спутники заметили, что вокруг него вздымаются огромные волны, и увидели толпу странного вида людей, кричавших во весь голос «Это они, это они!», так что скитальцы от страха едва не лишились чувств. Тогда на берегу появилась некая женщина, принесла какие•то крупные орехи и раздала всем. Удаляясь от странного острова, путники услышали, как люди на берегу спрашивали друг друга. «Да где же они? Куда они запропастились?»— Они уплыли прочь.
— А вот и нет!
«Это весьма походило на то, — говорится далее в предании, — как если бы кто•то некогда поведал жителям острова пророчество о том, что однажды к ним явятся чужеземцы и изгонят их с их родного острова, и бедные островитяне решили, что теперь оно исполняется».

ОСТРОВ ВОДЯНОЙ СТРУИ

На одном конце этого острова била мощная струя воды, которая, словно арка или, лучше сказать, радуга, повисала над ним и падала на другом его конце. И стоило только странникам погрузить в эту струю свои копья, как на их наконечниках сами собою нанизались столько лососей, что вскоре весь остров переполнился битой рыбой, так что гости даже не смогли погрузить всю ее на свою лодку.

ОСТРОВ СЕРЕБРЯНОЙ КОЛОННЫ

Следующее чудо, ожидавшее странников, — один из самых поразительных и запоминающихся эпизодов во всем их путешествии. Этим чудом была квадратная серебряная колонна, поднимавшаяся со дна моря. Каждая из ее сторон была шириной с добрых два взмаха весел лодки. Под колонной не было видно ни камня, ни клочка земли; она росла прямо из пучины морской, а вершина ее терялась высоко в небе. С этой вершины прямо в море

свешивалась Огромная серебряная сеть, сквозь ячейки которой свободно проплыла лодка путников И как только она выбралась из сети, Дуиран зацепил багром кусок сетки — Смотри только не оторви ее, — заметил Мэл Дуин, — ибо это — творение рук поистине всемогущего человека. Дуиран возразил:
— Клянусь, так я и сделаю во славу имени божьего, чтобы люди поверили в правдивость наших рассказов и, если мне будет суждено вернуться живым в Ирландию, я возложу этот кусок серебряной сетки на алтарь церкви в Армаге. — И когда впоследствии этот кусок действительно взвесили в Армаге, оказалось, что он весит целых две с половиной унции [70]."И тогда они услышали голос, раздававшийся с самой вершины той колонны, твердый, громкий и сильный. Однако они не знали языка, на котором он говорил, и так и не поняли ни единого слова"

ОСТРОВ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Следующий остров, представший скитальцам, лежал на возвышенной подошве, или своего рода пьедестале, поднимавшемся прямо из моря, и мореплаватели никак не могли подобраться к нему. Но затем они заметили у основания пьедестала дверь, закрытую на замок, и никак не могли открыть ее и отплыли прочь с этого странного острова, так и не повидав его жителей и не перемолвившись с ними ни единым словом.

ОСТРОВ ЖЕНЩИН

На этом острове Мэл Дуин и его спутники обнаружили мощный дун (замок), стены которого окружали большой дворец. Странники решили высадиться на берег. И, взобравшись на холм поблизости, осмотреть с него окрестности. В дуне они увидели нескольких девушек, спешно готовивших для кого•то ванну. Вскоре появился некий всадник в богатых одеждах, спрыгнул с коня и вошел в замок, передав поводья своего скакуна одной из девушек.
Путник направился к ванне, и путники увидели, что это была женщина. Вскоре после этого одна из девушек поспешно приблизилась к ним, поманила и проговорила. «Королева приглашает вас в гости». Путники не заставили себя долго упрашивать, вошли в замок и тоже приняли ванну. Затем их пригласили к столу, и напротив каждого из них уселась прелестная девушка, а напротив Мэл Дуина сидела сама королева. И Мэл Дуин воспылал страстью к королеве, а его спутники — к своим девам; и каждой паре возлюбленных был отведен особый покой с роскошным ложем. Когда же настало утро, и странники собрались продолжить свой путь, королева не отпустила их и сказала. «Оставайтесь у нас, и вы никогда не изведаете печальной старости, ибо здесь вы навсегда останетесь молодыми и пылкими, и восторги и утехи минувшей ночи никогда не кончатся. Вам больше незачем странствовать по морям с острова на остров».
Затем королева поведала Мэл Дуину, что она — мать семнадцати девушек, которых они только что видели, а ее муж был королем этого острова. Он давно скончался, и с тех пор она правит вместо него. Каждый день она уезжает из замка на просторную равнину, где совершает суд над своими подданными, а вечером возвращается в свой дун. Путники провели у королевы три долгих зимних месяца, но, когда те подошли к концу, оказалось, что они пробыли на острове целых три года. Узнав об этом, спутники Мэл Дуина очень опечалились и захотели поскорей вернуться к себе на родину.

— Подумайте, — обратился к ним Мэл Дуин, — где мы еще найдем страну лучше, чем эта? Но его воины не желали ничего слушать и только печально сетовали на судьбу, а под конец заявили: «Видно, Мэл Дуин очень любит свою жену и не хочет расставаться с ней. Раз ему так нравится, пускай остается здесь навсегда, а нам пора возвращаться домой» Однако Мэл Дуин все же не захотел оставаться на острове один, без друзей, и как•то раз, когда королева, как обычно, отправилась вершить суд и расправу, мужи ирландские поспешно спустили лодку на воду и вышли в море. Но не успели они отплыть подальше, как королева, узнав об их бегстве, примчалась на берег, держа в руках моток веревки, и бросила веревочную петлю в сторону беглецов. Мэл Дуин поймал веревку на лету, но она так крепко приклеилась к его руке, что ему не удалось сбросить ее и королева, изо всех сил тянувшая за веревку, опять вернула лодку с ирландцами к берегу. И тем поневоле пришлось остаться на острове еще на три месяца.

Они еще дважды пытались бежать, и оба раза повторялась та же самая история. Наконец спутники Мэл Дуина стали упрекать его, что он нарочно не выпускал веревку из рук, чтобы не разлучаться с любимой женщиной. При очередной попытке бежать с острова веревку поймал другой воин, и Дуиран тотчас отрубил ему руку, и та вместе с веревочной петлей упала в море. "И когда королева вытащила конец веревки вместе с обрубком руки, она принялась рыдать и причитать, да так громко, что весь остров превратился в один сплошной плач. Так странникам наконец удалось вырваться с Острова Женщин.

ОСТРОВ КРАСНЫХ ЯГОД

На этом острове росли деревья, усыпанные крупными красными ягодами, дающими опьяняющий сок. Путники развели его водой, чтобы он действовал не так сильно, наполнили им все бочки на борту лодки и продолжили свой путь.

ОРЛИНЫЙ ОСТРОВ

Этот остров был очень просторным; на одном его конце в изобилии росли раскидистые дубы и тисы, а на другом паслись стада овец и сверкало небольшое озеро. Здесь путники увидели маленькую церковь и даже крепость; затем их глазам предстал древний седой монах, единственной одеждой которого были его собственные волосы. Мэл Дуин спросил старца, кто он и откуда.

— Я — последний из пятидесяти монахов монастыря Св. Бреннана Биррского, — отвечал тот. — Мы отправились в паломничество и оказались в океане. Все братья•монахи один за другим умерли, оставив меня одного. — С этими словами старец показал гостям некую таблицу (календарь?) святого Бреннана, и те поверглись перед ней, а Мэл Дуин даже облобызал ее.

Здесь странники провели несколько месяцев, питаясь овцами, пасшимися на острове. Но вот однажды гости увидели некое облако, приближавшееся к ним с юго•запада. Когда же оно приблизилось к ним почти вплотную, они увидели взмахи крыльев и догадались, что это — некая громадная птица. Она прилетела на, остров откуда•то с моря, очень устала и ослабела и, опустившись на холм неподалеку от озера, принялась поедать красные ягоды, похожие на виноградные гроздья, которые росли на громадных — величиной со столетний дуб — ветвях дерева. При этом сок струями стекал в озеро, туда же падали и клочья ягод, окрасив воду в нем в

ярко•красный цвет.
Опасаясь, как бы эта гигантская птица не схватила их в когти и не унесла за море, спутники Мэл Дуина поспешно спрятались за деревьями и в страхе следили за чудищем. Однако затем Мэл Дуин спустился к подножию холма, но птица не причинила ему никакого вреда, и его спутники поспешно последовали за ним, прикрываясь щитами, а один из них даже дерзнул сорвать ягоды с той самой ветки, которую птица держала в когтях, но та и тогда никак не отреагировала на это и даже не заметила их. И тогда скитальцы, приглядевшись, увидели, что она — старая•престарая, а оперение ее давно выцвело и поистрепалось.
В полдень с юго•запада прилетели два орла и, усевшись прямо напротив громадной птицы и немного отдохнув, принялись за дело, склевывая огромных насекомых, кишмя кишевших на ее клюве и возле глаз. Орлы продолжали свое дело до самого заката, а когда он наступил, принялись вместе с птицей•великаном клевать красные ягоды. Наконец, на следующий день, когда престарелое чудище полностью очистилось от всяких насекомых, оно вспорхнуло и опустилось прямо в озеро, и те же два орла продолжали чистить ее оперение. На третий день странная птица все так же чистилась и плескалась в озере, хлопая крыльями по воде, а затем, внезапно взмыв в воздух, трижды облетела вокруг острова и унеслась в том же направлении, откуда прилетела. Теперь она держалась в воздухе гораздо крепче и Увереннее, словно показывая всем своим видом, что она совершила мистический переход от дряхлой старости к молодости, ибо, по словам пророка: «Юность твоя обновилась, как крылья орла».
Увидев это, Диуран предложил:
— Давайте и мы тоже искупаемся в озере и обновимся в тех же водах, что и она— Нет уж лучше не надо, — возразили другие, — Она ведь оставила в этой воде весь свой яд.
Но Диуран не стал их слушать; он нырнул в озеро и даже отпил воды из него. С тех пор до самой его смерти глаза его сохраняли остроту и зоркость, он не потерял ни одного зуба и ни одного волоса с головы, ни, более того, не знал ни хворей, ни болезней.
После того путники попрощались с гостеприимным отшельником и покинули остров.

ОСТРОВ СМЕЮЩИХСЯ

Здесь спутники Мэл Дуина увидели большую толпу людей, хохотавших и резвившихся беззаботно, словно дети. Решили бросить жребий, кому из них отразиться на разведку на берег, и выпал жребий последнего сводного брата Мэл Дуина. И едва тот ступил на землю острова, как тоже принялся хохотать и веселиться вместе со всеми, и никак не мог ни остановиться, ни возвратиться к своим друзьям в лодку. И тем пришлось оставить его и, подняв парус, выйти в море [71].

ОСТРОВ ОГНЕННОГО ВАЛА

Вскоре после этого путешественники заметили небольшой остров, окруженный со всех сторон огненным валом. С одной стороны этою вала виднелось отверстие, и, когда путники оказались прямо напротив него они увидели сквозь него весь остров и даже его обитателей, мужчин и женщин, многие из которых были удивительно красивы и носили массу всевозможных украшений и бус, а в руках держали странные золотые

сосуды. Затем до слуха путешественников донеслись звуки дивной музыки. Долго Дуин и его спутники стояли как завороженные, созерцая сказочное зрелище, а затем, «насытившись им, постарались сохранить в сердце приятную память о нем».

ОСТРОВ СТАРОГО МОНАХА С О. ТОРИ

Носясь по морю, путешественники вдруг увидели нечто, что поначалу приняли было за белую птицу, сидевшую на воде. Подплыв поближе, они увидели, что перед ними — седой старец, единственной одеждой которому служили его собственные белоснежные волосы. Старец то вставал, то вновь в отчаянии повергался на камни.
— Я монах с Тораха [72], — заговорил старец, — и вот теперь вынужден влачить свои дни на этом проклятом острове. В монастыре я был поваром и нередко крал пищу, предназначенную для братии, продавал ее, а деньги припрятывал. Со временем я накопил немало дорогих облачений, медных сосудов и книг в золотых переплетах — словом, всего, чего только может пожелать человек. Нечего и говорить, что сердце мое переполняла гордость.
Однажды, копая могилу, чтобы похоронить в ней какого•то мужлана, выброшенного волнами на остров, я услышал голос, доносившийся откуда•то снизу, где, видимо, покоился некий святой Голос произнес:
— Не смей класть труп этого грешника на меня, святого и благочестивого мужа!
После этих слов монах решил похоронить труп грешника в каком•нибудь другом месте, и за это ему было обещано воздаяние в жизни вечной. Вскоре после этого он погрузил в лодку все свои неправедно нажитые сокровища, собираясь покинуть остров. Попутный ветер подхватил его суденышко и унес его далеко в море, но, как только берег скрылся из виду, ветер утих и лодка застыла на месте. Прямо перед собой он увидел некоего мужа, сидевшего на воде. Разумеется, это был ангел.
— Куда путь держишь? — спросил его муж.
— Плыву куда глаза глядят, ищу приятного пути, — отвечал монах.
— Ну, если бы ты знал, кто и что вокруг тебя, путь этот не показался бы тебе приятным, — возразил муж. — Всюду вокруг, насколько хватает взгляд, — тучи мрачных демонов, привлеченных сюда твоей жадностью и гордыней, воровством и прочими грешными деяниями. Лодка твоя застыла на месте и не двинется с него, пока ты не исполнишь моих повелений, а тебя самого будет терзать адское пламя.
С этими словами муж приблизился к лодке и положил руку на плечо монаха, который покорно обещал исполнить его волю.
— Поскорее брось в пучину, — произнес ангел, — те богатства, которые лежат в лодке.
— Очень жаль, — вздохнул монах, — что все они падут прахом.
— Знай, что они не пропадут. Есть некий муж, которому они принесут пользу.
Услышав эти слова, монах без возражений побросал все свои сокровища в море, оставив лишь простенькую деревянную чашу, и взялся за весла. Ангел дал ему немного сыворотки и семь хлебцев, завещав на прощание претерпевать все невзгоды до тех пор, пока его лодка не остановится. Ветер и волны уносили его все дальше и дальше, и в конце концов его утлая лодка остановилась возле скалы, на которой путешественники и нашли его. Вокруг него не было ничего, кроме голой скалы, но, вспомнив слова ангела, монах тотчас шагнул на самый край скалы, омываемый накатывающимися волнами. Лодку мгновенно унесли волны, а скала стала чуть попросторнее, так что он смог даже сесть на ней. Там монах провел целых семь лет, питаясь выдрами, которых приносил ему прямо из моря волшебный лосось. Тот же лосось приносил ему пылающие поленья и

уголья, чтобы монаху было на чем приготовить себе пищу. Его деревянная чаша каждый день сама собой наполнялась отменным вином. «И за все эти годы меня не мучили ни стужа, ни зной».В полдень на скале само собой появилось волшебное угощение для всех гостей, и тогда престарелый отшельник сказал им:
— Вы непременно вернетесь на родину, а ты, о Мэл Дуин, скоро найдешь убийцу твоего отца, ибо он встретится тебе в крепости. Но ты не должен убивать его; прости ему его грех, ибо всеблагой господь спас тебя самого от множества бед, да и все твои спутники таковы, что вполне заслуживают злой смерти.
Услышав это, путники попрощались с монахом и продолжили свой путь.

СОКОЛИНЫЙ ОСТРОВ

Остров этот оказался необитаемом, если не считать того, что на нем паслись стада быков и овец. Путешественники высадились на нем и досыта наелись баранины. Затем один из них заметил сокола. — Видите! — воскликнул он. — Этот сокол — совсем такой же, как те, что водятся у нас в Ирландии.
— Не спускай с него глаз, — велел Мэл Дуин, — Запомни, в какую сторону он полетит отсюда.
Вскоре сокол направился на юг, и весь день до самой ночи изо всех сил стараясь поспеть за ним.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

И в сумерках они заметили вдали землю, похожую на берега Ирландии, и вскоре увидели маленький островок, к которому поспешно пристали. Оказалось, что это — тот самый остров, на котором жил злодей, некогда убивший Эйлилла.
Они поспешили в дун , возвышавшийся на острове, и услышали голоса мужчин, разговаривавших о чем•то за ужином. Наконец, один из них произнес:
— Да, если бы нас нашел теперь Мэл Дуин, нам пришлось бы худо.
— Ну, Мэл Дуин давным•давно утонул, — возразил другой.
— А может, именно он•то и разбудит нас сегодняшней ночью, — заметил третий.
— Но если он впрямь явится нынче ночью, — протянул четвертый, — что нам тогда делать?
— Ну, на этот вопрос нетрудно ответить, — отозвался их предводитель. — Если он пожалует сюда, его надо принять с подобающим почетом; ему ведь довелось испытать немало бед и страданий. Услышав это, Мэл Дуин постучал в дверь деревянным молотком.
— Мэл Дуин явился, — громким голосом проговорил он. Затем он и его спутники мирно вошли в крепость, и хозяева встретили их с почестями и подали гостам новые одежды. Затем гости принялись рассказывать о чудесах, кои господь бог явил над ними. По словам «священного поэта» древности, Haec olim meminisse juvabit [73].
Затем Мэл Дуин вернулся домой, к своим родичам, а Диуран Рифмач, сумевший•таки довезти до дома обрывок серебряной сети, оторванный им от того самого столба, торжественно возложил его на алтарь в Армаге в знак воспоминания о чудесах, явленных богом во время их скитаний. А потом они вместе поведали всей Ирландии обо всем, что с ними было, об удивительных чудесах, которые им довелось узреть на суше и на морс, и о бедах, кои им пришлось претерпеть в пути.

Сага завершается такими словами: "И тогда Прекрасный аэд [аэд Финн [74]], верховный аэд Ирландии, сложил эту сагу в том виде, как она представлена здесь. Сделал он это ради услаждения живых и поколений ирландцев, которые жили и живут после него".

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

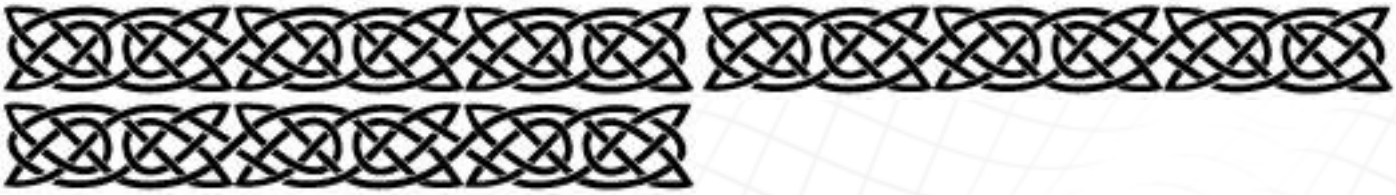
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ЧАСТЬ III. БОГИ БРИТТОВ И ЛЕГЕНДЫ О НИХ

Глава 18. БОГИ КЕЛЬТОВ БРИТАНИИ

Мифы и легенды о богах древних бриттов дошли до нас в столь же компактном или, наоборот, развернутом изложении, что и мифы о гэльских божествах, сохранившиеся в стариных ирландских и шотландских манускриптах. Они тоже немало пострадали от упорных попыток эвгемеристов провозгласить их простыми людьми, со временем превращенными в богов. Лишь в знаменитих «Четырех ветвях Мабиноги» боги бриттов предстают в своем подлинном облике — как существа сверхъестественные, обладающие необъятными познаниями в магии и колдовстве, существа, для окторых нет никаких ограничений и преград, сковывающих простых смертных. Помимо этих четырех фрагментов древней мифологической системы, а также весьма и весьма скудных упоминаний в наиболее ранних валлийских поэмах и стихах, богов древних бриттов можно встретить разве что под чужими масками и именами. Некоторые из них со временем превратились в королей

в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, носящей более чем апокрифический характер. Другие удостоились даже незаслуженной канонизации [75], и, для того чтобы увидеть их подлинный облик, с них необходимо совлечь поверхностный флер церковного почитания. Третьи пришлись особенно по душе франко•норманнским авторам авантюрно•любовных романов, став прославенныи рыцарями и героями, известными в наши дни под именем рыцарей короля Артура и Круглого стола. Но какие бы личины они ни надевали, под ними все равно просвечивает подлинная сущность этих персонажей. Дело в том, что гэлы и бритты — это две ветви одного и того же древнего народа, кельтов. Во многих и многих богах бриттов, сохранивших весьма близкие имена и атрибуты, мы без особого труда узнаем хорошо знакомые черты гэльских божеств знаменитого клана Туатха Де Данаан.

Иногда в мифах боги бриттов предстают разделенными на три семейства — «дети Дон», «дети Нудда» и «дети Ллира». Однако на самом деле таких семей не три, а две, ибо Нудд, или Ллудд, как его еще называют, тогда как он сам именовал себя сыном Бели, был не кем иным, как супругом богини Дон. Нет никаких сомнений, что сама Дон — то же самое божество, что и Дану, праматерь богов клана Туатха Де Данаан, а Бели — британский аналог гэльского Биле, великого отца Диса или Плутона, который изгнал первых гэлов из Гадеса (Аида) и отдал им во владение Ирландию. Что же касается другого семейства, «детей Ллира», то мы с ним уже знакомы, ибо Ллир бриттов — это не кто иной, как хорошо известный гэльский бог моря Лир. Эти два семейства, или клана, обычно находятся в оппозиции друг к другу, а военные столкновения между ними, по всей видимости, символизируют в мифах бриттов тот же самый конфликт между силами неба, света и жизни, с одной стороны, и силами моря, тьмы и смерти — с другой, который нам уже знаком по гэльской мифологии, где он описывается как постоянные битвы богов Туатха Де Данаан со злобными фоморами.

Дети Дон — это, вне всякого сомнения, боги неба. Имена их записаны на небесах в виде созвездий. Сияющее W, которое мы сегодня называем Волосы Кассиопеи, было для наших далеких предков•бриттов так называемым Ллис Дон, то есть «Двором Дон», наш Северный Венец — Каэр Аранрод, то есть «Замком Аранрод», дочери богини Дон, а Млечный Путь — «Замком Гвидиона», сына все той же Дон. Более того, самый великий из ее детей, Нудд, или Ллудд, положивший со временем начало своей собственной династии, выполнял у бриттов, как, впрочем, и у гэлов, функцию кельтского Зевса. Его титулярный эпитет, Ллав Эрейнт, то есть «Серебряная Рука», позволяет отождествить его со знаменитым Нуадой Серебряная Рука. Легенда, объясняющая происхождение этого яркого прозвища, на землях Британии со временем была утрачена, но нет никаких сомнений, что перед нами — тот же самый персонаж, о котором говорится в ирландских легендах. Вместе с этой, а также со многими другими легендами навсегда ушли в прошлое непосредственные упоминания о битвах между небесными богами и их врагами, напоминающими фоморов. Однако одно древнее валлийское предание повествует, как он, на этот раз под роскошной личиной короля Британии, положил конец трем колдовским «моровым поветриям», уничтожавших жителей его страны (см. главу 26 «Упадок и низвержение богов»). Помимо этого, мы встречаем его под его собственными именем, Нудд, в широко известной валлийской триаде, где он выступает в качестве одного из «трех славных героев острова Британия»; другая легенда объявляет его владельцем двадцати одной тысячи молочных коров — формула, которая для примитивного сознания служила символом несметного богатства. Обе они в равной мере работают на имидж небесного бога, победоносного в битвах, несметно богатого, щедрого и доброго. Что же касается материальных памятников широкого распространения культа этого бога, то в них нет недостатка. Во времена римского владычества в Лидии, на берегах Северна, был воздвигнут храм Ноденса, или Нуденса. На бронзовой плите, сохранившейся в нем, Нудд изображен в виде юного божества, сияющего как солнце и правящего, стоя в колеснице, упряжкой из четырех коней. Его сопровождают крылатые духи, олицетворяющие ветры; а его власть обитателями моря символизируют тритоны, следующие за богом. Таковы были

атрибуты культа Нудда на западе Британии; что же касается востока, то есть все основания полагать, что здесь у него имелось целое святилище, находившееся на берегах Темзы. Как гласит предание, собор Св. Павла в Лондоне воздвигнут на месте древнего языческого капища; место, на котором он стоял, как сообщает тот же Гальфрид Монмутский, бритты называли «Парт Ллудд», а саксы — «Лудес Гет» (см . главу 26 «Упадок и низвержение богов»).

Однако Нудд, или Лудд, считавшийся, по всей видимости, верховным богом, занимает в мифической истории валлийцев куда более скромное место, чем его собственный сын. Гвин ап Нудд пережил в мифах и легендах едва ли не всех своих родичей•небожителей. Исследователи не раз пытались обнаружить в нем черты британского аналога знаменитого гэльского героя — Финна Мак Кумала. В самом деле, имена обоих персонажей означают «белый»; оба являются сыновьями небесного бога, оба прославились как великие охотники. Однако Гвин обладает более высоким сакральным статусом, ибо он неизменно повелевает людьми. Так, в одной ранней валлийской поэме он предстает богом войны и смерти и в этом качестве выполняет роль этакого судии душ, бога, который провожает убитых в Гадес (Аид) и там безраздельно правит ими. В более позднем, уже частично христианизированном, предании он описывается как «Гвин ап Нудд, которого бог поставил повелевать демонским племенем в Аннвне, чтобы они не погубили род людской». Еще позднее, когда влияние языческих культов совсем ослабло, Гвин стал выступать в роли короля Тилвит Тег, этих валлийских фей, а его имя до сих пор не изгладилось из названия места его последнего приюта, романтичной и живописной долины Нит. Он считайся королем охотников Уэльса и Западной Англии, и это его спутников иной раз можно услышать по ночам, охотятся в пустынных и глухих местах. В своей древней ипостаси — ипостаси бога войны и смерти — он представлен в старинной поэме в диалогах, сохранившейся в составе Черной Кармартенской книги. Поэма эта, туманная и загадочная, как и большинство памятников ранневаллийской поэзии, тем не менее являет собой произведение, проникнутое своеобразной духовностью, и по праву считается замечательным образом поэзии древних кимров [76]. В этом персонаже нашел свое отражение, пожалуй, самый прозрачный образ пантеона древних бриттов, «великий охотник», охотящийся не за оленями, а за человеческими душами, носясь на своем демонском скакуне вместе с демоном•псом и преследуя добычу, которой нет от него спасения. Так, он заранее знал, где и когда суждено погибнуть великим воинам, и рыскал по полю боя, забирая их души и повелевая ими в Аиде или на «туманной вершине горы» (по преданию, излюбленным пристанищем Гвина были вершины холмов). Поэма рассказывает о мифическом принце Гвиднее Гаранире, известном в валлийских эпических преданиях как повелитель затерянной страны, земли которой теперь скрыты под волнами залива Кардиган Бэй. Принц этот ищет покровительства у бога, который соглашается помочь ему. Далее поэма излагает историю его подвигов:

Гвидней:

Ты — Бык, способный воинство врага рассеять
Правитель ты без гнева и упрека,
Всегда стремящийся помочь или спасти.

Гвин:

О, слава мчится впереди героя
Владыка, щедрый на дары и доблесть,
Я помогу тебе, раз ты об этом просишь.

Гвидней:

О, раз ты обещаешь мне поддержку,
Как сладостно мне слышать твой привет!
Откуда ты, о повелитель храбрых?

Гвидней

Знай, я явился прямо с поля боя,
Щита из рук не выпуская;
Гляди: мой шлем разбит копьем врага.

Гвидней:

Я рад приветствовать тебя,
С щитом расколотым в руках.
Скажи, отважный воин, кто ты родом?

Гвин:

Мой крутобокий конь — гроза сраженья;
Зовусь я чародеем, сыном Нудда;
Возлюбленный Кройрдилад, дщери Ллуда.

Гвидней:

Ну, раз уж это ты, достойный Гвин,
То от тебя таиться я не стану:
Я — Гвидней Гаранир.

Гвин:

Спеши ж ко мне, жилец Таве,
Хотя Таве не близко от меня,
Сказать по правде — даже далеко.
Вот — золотом седло мое сверкает:
Но, к сожаленью,
Я вижу битву у Кер Вандви [77].
О да, я вижу битву у Кер Вандви:
Щиты разбиты, ребра переломаны,
И в славе тот, кто это зло содеял.

Гвидней:

О Гвин, сын Нудда, армии надежда!
Скорее под копытами коней
Погибнут легионы, чем сдадутся

Гвинн:

Мой славный крутобокий пес,
Тебе не сыщешь равных в целом свете;
Недаром ты — Дормарт [78], пес Мелгуина.

Гвидней:

Дормарт твой красноносый! Как я рад
Повсюду следовать за ним,
Тебя к Гвибир Винид сопровождая![79]

Гвин:

Я оказался там, где умер Гвендолей,
Сын Кейдава, столп славных песен,
Чуть вороны закаркали над кровью.
Я оказался там, где умер Бран,
Ивериаддов сын, покрытый славой,
Чуть вороны закаркали над трупом.
Успел я и туда, где пал Ллахей,
Артуров сын, воспетый в сагах,
Едва лишь ворон прокричал над кровью.
Поспел я и туда, где был сражен сам Мейринг,
Сын Каррейана, достославный муж,
Едва ли вороны на труп слетелись.
И там я побывал, где умер Гваллаг,
Сын Кохолета именитый,
Соперник Ллогира, Ллейнавгова сынка…
И там я был, где пали бритты славные
С востока и из северных краев: Я провожал их до могилы [80].
О, я был там, где пали бритты славные
С востока и из северных краев:
И вот я жив, они ж лежат в могиле!

Одна из строк этой поэмы показывает нам Гвина в совсем ином, отнюдь не столь мрачном свете. В ней он называет самого себя «возлюбленным Кройрдилад, дщери Ллудда». Один из эпизодов мифологического романа «Куллвх и Олвен», сохранившегося в составе Красной Гергестской книги, подробно описывает детали этой

любовной интриги. Мы узнаем, что у Гвина был соперник, божество по имени Гвитир ап Гврейдавл, что означает «Победитель, сын Отважного». Эти два кавалера вели непрерывную войну за руку Кройрдилад, или Кройддилад. Они по очереди похищали ее друг у друга, до тех пор пока их спор не был представлен на суд самого Артура, и тот решил, что Кройддилад следует отослать обратно к ее отцу, а Гвин и Гвитир «должны отныне и вплоть до Судного дня сражаться за нее каждый год, первого мая, и тот из них, кто окажется победителем, получит деву в жены». Правда, в таком случае не вполне ясно, когда же победитель сможет воспользоваться плодами этой, без преувеличения, самой долгой «дуэли» в истории, но мифологическая интерпретация этой коллизии представляется вполне очевидной. В образах Гвина, бога смерти и подземного царства, и солнечного божества Гвинхира мы вправе видеть борьбу сил тьмы и света, зимы и лета, в ходе которой соперники поочередно овладевают невестой, по всей видимости, олицетворяющей собою весну со всеми ее цветами и всходами, и вновь теряют ее. Кройддилад, которую «Куллвх и Олвен» называет «самой прекрасной девой на трех главных и трех соседних островах», представляет собой Персефону древних бриттов. Будучи дочерью Ллудда, она является дщерью сияющего неба. Однако в другом предании она именуется дочерью Ллира, бога моря, и ее имя, благодаря Гальфриду Монмутскому, перешло в творения Шекспира, под вдохновенным пером которого она превратилась в Корделию из «Короля Лира». При этом нелишне заметить, что в одних древнегреческих мифах Персефона предстает дочерью Зевса, тогда как в других — Посейдона. Впрочем, возможно, это всего лишь совпадение.

У Гвин ап Нудда был брат по имени Эдейрн, о котором нам почти ничего не известно, ибо он всегда остается где•то на заднем плане. Он вообще не упоминается в наиболее ранних валлийских легендах, появляясь лишь в качестве одного из рыцарей двора Артура в новеллах «Куллвх и Олвен», «Сон Ронабви» и «Герайнт, сын Эрбина», входящих в состав Красной книги. Эдейрн сопровождает Артура во время его поездки в Рим и, как гласит предание, убивает «трех самых отвратительных великанов» в Брентеноле (Брент Кнолл), что неподалеку от Гластонбери. Его имя встречается в календаре валлийских святых, где он предстает бардом, и в Бодедерне, что возле Холихеда, до сих пор сохранилась капелла в его честь. Наибольшую известность его имени принесла знаменитая идиллия Теннисона «Герайнт и Энид», которая очень близко воспроизводит сюжет старинной валлийской новеллы «Герайнт, сын Эрбина».

Оставив на время бога неба и его сына, мы без труда можем убедиться, что и другие дети богини Дон являются своего рода олицетворениями различных сторон жизни и материальной культуры, которые, по мнению архаических народов, были дарованы людям самими богами. У самой Дон был брат, Мэт фаб Мэтонви, сын таинственного Мэтонви, считавшийся всемогущим повелителем подземного царства, родственником знаменитого Бели, а может быть — и другой ипостасью этого бога, представленной другим именем•титулом, ибо само имя Мэт, означающее «монеты, деньги, сокровища», заставляет вспомнить Плутона, греческого владыку Аида, в ипостаси бога•владетеля и дарителя драгоценных металлов. Согласно представлениям, бытовавшим у всех арийских народов, мудрость и материальные богатства первоначально возникли из подземного, потустороннего мира, и мы видим, что Мэт — в частности, в интерпретации его имени в «Мабиноги» — предстает богом, вручающим свои волшебные дары собственному племяннику и ученику Гвидиону, который, как у нас есть все основания полагать, является тем же самым сакральным персонажем, коего многочисленные германские племена почитали под именем Уодина, или Одина. Вооруженный этими познаниями, Гвидион фаб Дон становится друидом богов, «повелителем чародейства и фантазии» и, более того, учителем и наставником во всех добрых и полезных делах, другом и покровителем рода человеческого, вечным неутомимым борцом против злых сил подземного мира, не желающих выпускать из рук те благие сокровища, обладателями которых они считались. Плечом к плечу с ним в этой «священной войне» культуры с невежеством и света с тьмой сражались его родные братья Амаэтон, бог земледелия, и Гофаннон,

бог кузнечного ремесла, отождествляемый с гэльским Гоибниу. Кроме них, у него была и сестра по имени Аранрод, то есть «Серебряный Круг», которая, как это нередко имеет место в мифологиях разных народов мира, приходилась ему не только сестрой, но и женой. Так, Зевс взял себе в жены Геру, и поистине трудно представить, кто еще мог стать супругой столь высокого бога. От брака Гвидиона с Аранрод родились двое сыновей•близнецов — Дилан и Ллеу, которые считаются своего рода олицетворением парных сил, сил света и тьмы. Море у кельтов неизменно ассоциировалось с тьмой, мраком, смертью, и, как только теневой близнец появился на свет и обрел имя, он тотчас нырнул вниз головой в свою родную стихию — море. «И как только он оказался в море, — сказано в „Мабиноги Мэта фаб Мэтонви", — он тотчас принял свой истинный образ и начал плавать как самые быстрые рыбы в морской пучине». Именно по этой причине он и получил имя Дилан, что означает Сын Волны. Под ним никогда не бушевали волны. В конце концов он был убит ударом копья своим собственным дядей, Гофанноном, и, по словам знаменитого барда Талесина, его гибель оплакивали волны Британии, Ирландии, Шотландии и острова Мэн. Его смерть окружена множеством поэтичных легенд. Волны, обрушившиеся на берег, стали зримым воплощением их жажды отомстить за своего сына. Грохот морского прибоя в устье реки Конвэй местные жители до сих пор именуют «Сетованием о смерти Дилана». А в названии небольшого мыса на Кернарфонской стороне пролива Менай Стрэйтс, именуемого Пвинт Мэн Тилен, или Пвинт Мэн Дилан, увековечено его имя.

Второй сын Гвидиона и Аранрод вырос и стал богом Солнца бриттов. Это был знаменитый Ллеу Ллоу Гиффес, почти точный аналог гэльского бога Луга Ламфады, Света Длинные Руки. Как и все солярные божества, рос он невероятно быстро. Когда ему исполнился год, он выглядел как двухгодовалые дети. В возрасте двух лет он уже разгуливал без присмотра взрослых, в возрасте четырех лет казался восьмилетним отроком и стал неизменным спутником своего отца во всех делах.

Однажды Гвидион взял его с собой в замок Аранрод — разумеется, не в небесные чертоги жены, а в ее вполне материальный, земной замок, память о котором до сих пор запечатлена в затейливой формы скалах на побережье пролива Менай Стрэйтс, до которых при особенно сильных отливах в отдельные дни весной и осенью можно добраться посуху, без лодки. Аранрод забыла о своем сыне и даже не узнала его. Увидев мальчика рядом с мужем, Гвидионом, она тотчас спросила, кто это с ним, и была ужасно разочарована, услышав его ответ. Она захотела узнать, имя, и, когда Гвидион заметил, что имени у мальчика пока что нет, она «наложила на него заклятье» (излюбленный обычай кельтов), состоявшее в том, что мальчик останется безымянным до тех пор, пока она, как мать, не захочет дать ему какое•нибудь имя.

Для кельтов остаться без имени означало оказаться в чрезвычайно опасной ситуации, ибо по примитивным верованиям той эпохи, имя и душа представляли собой как бы единое целое. Гвидион задумался, как же ему лучше заставить Аранрод сказать о сыне хоть что•нибудь, что могло бы стать его именем. На следующий день он отправился вместе с мальчиком на берег моря, причем оба они приняли облик башмачников. Там они сделали себе лодку из водорослей и красиво выделанной кожи, растянув ее особыми распорками. Затем они с сыном подплыли на лодке к самому замку Аранрод и, бросив якорь на том месте, откуда их было хорошо видно, начали деловито скрести по коже. Разумеется, их скоро заметили, и Аранрод тотчас послала узнать, кто они и чем занимаются. Узнав, что ее гости — башмачники, Аранрод вспомнила, что давно собиралась сшить себе новые башмачки. И тогда Гвидион, хотя он и знал размер ножки своей жены, нарочно сшил ей такие башмачки, которые сперва оказались ей велики, а затем малы. И тогда Аранрод пришлось самой выйти из замка и спуститься к лодке.

Пока Гвидион снимал мерку с ножки Аранрод, откуда ни возьмись прилетел крапивник и сел на палубу. Мальчик поспешно схватил лук и стрелу и подстрелил птицу прямо в лапку — излюбленный выстрел кельтских лучников, по крайней мере если верить старинным романам. Богиня была приятно удивлена и рассыпалась в

комплиментах. «Поистине, — проговорила она, — это сделал лев с твердой рукой». А именно после таких подвигов герои примитивных народов во всем мире и получали свои имена. Получил имя и мальчик.

— Итак, хоть и не по твоей милости, — обратился Гвидион к Аранрод, — но имя он все•таки получил. И хорошее имя, надо признать. Теперь его будут звать Ллеу Ллоу Гиффес, что значит «Лев Твердая Рука». Само имя бога Солнца служит показательным примером того, насколько устаревшими воспринимались архаические языческие предания в те времена, когда они была впервые записаны учеными монахами. Дело в том, что старинное кельтское слово Ллеу (Lleu), означающее «свет», тогда уже явно забылось и вышло из употребления, и писец•переписчик попросту вставил вместо этого слова, показавшегося ему несуразной ошибкой, слово Ллоу (Llew), что значит «лев». Слово Гиффес также подверглось искажающей трансформации, ибо первоначально оно означало вовсе не «твердый», а «длинный».

Как бы там ни было, Аранрод, желавшая оставить собственного сына без имени, потерпела неудачу. Не удалось ей получить назад и свои собственные башмачки, ибо, как только они попали в руки к Гвидиону, он мигом превратил лодку обратно в морские водоросли, и прекрасно выделанная кожа тотчас соскользнула с них. Тогда, вне себя от гнева, богиня•мать наложила на мальчика новое заклятие, на этот раз заключавшееся в том, что он не сможет взять в руки оружие до тех пор, пока она сама не вручит его ему.

Однако Гвидион увез сына в свой замок, Динас Динллев, и ныне высящийся на берегу пролива Менай Стрэйтс, и стал воспитывать его как будущего воина. Как только юноша оказался достаточно крепким, чтобы держать в руках оружие, Гвидион опять повез его в Кэр Аранрод. На этот раз оба бога приняли облик бардов. Аранрод с радостью приняла их, выслушала саги и песни, которые исполнил Гвидион, устроила в их честь пир и отвела им для сна пышный покой.

На следующее утро Гвидион поднялся чуть свет и приготовился прочесть самые действенные свои заклинания. Посредством своих друидических чар он создал видимость того, будто вся страна наполнилась воинственными возгласами и звуками боевых труб, а затем прочел заклинания, так что всем стало казаться, что в гавани перед замком откуда ни возьмись появилось множество вражеских кораблей. Аранрод в ужасе прибежала к нему, спрашивая, что же ей делать, чтобы спасти замок. «Дай нам оружие, — отвечал мнимый бард, — и мы сделаем все, что в наших силах» Тогда служанки Аранрод поспешно вручили оружие Гвидиону, а Ллеу подала меч сама Аранрод. Как только она сделала, шум и лязг доспехов смолкли, а корабли исчезли, словно их и не бывало. «Ну вот, нам пора снимать доспехи, — заметил Гвидион. — Они нам больше не понадобятся».

— Но ведь замок со всех сторон окружен врагами! — в испуге воскликнула Аранрод.

— Да нет там никаких врагов, — отвечал Гвидион — Это было всего лишь колдовское наваждение, которое я подстроил нарочно, чтобы ты сама сняла собственное заклятие и вручила оружие нашему сыну. И вот теперь получил его — от тебя, но помимо твоей воли!

— В таком случае я наложу на него еще более страшное заклятие! — в ярости завопила обманутая богиня. — У него никогда не будет жены из числа простых смертных, обитающих на земле!

— Можешь не беспокоиться, жена у него будет, — возразил Гвидион.

Затем Гвидион отправился к Мэту, своему дядюшке и одновременно наставнику в магии и колдовстве, и они совместными усилиями, с помощью своих волшебных чар создали из цветов прекрасную девушку. «И взяли они цветки дуба, цветки ракитника, а еще — цветки благородного лавра и сделали из них девушку, самую прекрасную и грациозную из всех, каких только доводилось видеть мужчине». Затем они назвали ее Блодуэдд (Цветочный Лик) и отдали красавицу в жены Ллеу. А еще они подарили Ллеу дворец под названием Мур•и•Кастелл неподалеку от озера Бала Лейк. И все шло как нельзя лучше, пока однажды не явился Гронви Пибир, один из богов тьмы, и, начав охоту в здешних местах, убил на закате роскошного оленя неподалеку от замка Ллеу. Самого бога Солнца в этот момент в замке не оказалось, ибо он отправился в гости к Мэту, но

Блодуэдд пригласила лихого охотника разделить с ней кров. Ночью они стали любовниками и условились попытаться как•нибудь избавиться от Ллеу. И когда ничего не подозревавший Ллеу вернулся в свой замок из дворца Мэта, коварная Блодуэдд, уподобившись кельтской Далиле, выпытала у супруга тайну о том, как можно лишить его жизни. Ллеу поведал ей, что он может умереть лишь в одном•единственном случае. Он не может быть убит ни внутри дома, ни за его порогом, ни сидя верхом на коне, ни в пешем строю; однако он может принять смерть только от копья, которое мастер делал целый год, не притрагиваясь к нему в дни воскресных жертвоприношений, и только в том случае, если он, Ллеу, будет находиться под камышовой кровлей, только что выйдя из бассейна и стоя одной ногой на краю бассейна, а другой — на спине козла. Лишь тогда его может настигнуть смерть. Блодуэдд с притворной набожностью возблагодарила небеса за то, что ее супруг столь надежно защищен от случайной гибели, и тотчас послала гонца к своему любовнику, сообщив тому все, что только что выведала у мужа. Гронви сразу же начал делать копье, и спустя год оно было готово. Узнав об этом, Блодуэдд попросила Ллеу показать ей, как именно он может быть убит.

Ллеу согласился, и Блодуэдд приготовила ему ванну под камышовой кровлей и привязала возле нее козла. Ллеу вымылся и, выбираясь из ванны, встал одной ногой на ее край, а другую на какой•то миг поставил на спину козла. В этот момент Гронви, давно сидевший в засаде, метнул копье и поразил Ллеу, и тот, испустив ужасный вопль, превратился в орла, взмыл в небо и улетел прочь. Больше он никогда не возвращался, и Гронви Пибиру достались и Дворец Ллеу, и его жена.

Однако Гвидион не прекращал попыток отыскать своего пропавшего сына. Наконец однажды он оказался в доме в Северном Уэльсе, где увидел некоего мужа, страшно беспокоившегося о своей свинье. Дело в том, что каждое утро, как только он отпирал хлев, она стремглав убегала в лес и не возвращалась домой до позднего вечера. Гвидион предложил пойти за ней, и на следующее утро хозяин проводил его к хлеву и отпер дверь. Свинья тотчас распахнула ее и опрометью выбежала на двор. Гвидион поспешил за ней. Он преследовал ее до самого ручья между Сноудоном и морем, доныне носящим название Нант•и•Ллеу, и наконец увидел беглянку: она кормилась под раскидистым дубом. На вершине дуба сидел орел, и всякий раз, как только он потряхивал крыльями, с них падали куски гниющего мяса, которые свинья с жадностью поедала. Гвидион сразу заподозрил, что этот волшебный орел и есть Ллеу. И тогда он запел песню:

Дуб ветви раскинул меж двух берегов,
Тьма на холме и на небе!
И разве же я не узнаю по ранам,
Что это и есть мой Ллеу?!

Услышав эти слова, орел спустился на середину. А Гвидион тем временем продолжал:

Дуб корни в землю пустил глубоко,
Но ложь не смочил ли его
И не обсушили ли делить бурь?
На ветвях его — сам Ллеу Ллоу!

Орел спустился еще пониже, так что оказался на самой нижней ветке. А Гвидион пел дальше:

Дуб, что растет на склоне холма,
Статен, могуч, величав!

И разве не знаю я, что мой Ллеу
Слетит ко мне на колени?!

Тогда орел слетел с дуба и уселся прямо на колено Гвидиона. Гвидион тотчас прикоснулся к нему своей волшебной палочкой, и тот вновь стал прежним Ллеу, от которого после удара отравленного копья остались одна кожа да кости.

Гвидион, не теряя ни минуты, отвез сына к Мэту, что бы тот исцелил его, а затем велел Ллеу вернуться в его замок, Мур•и•Кастелл, где по•прежнему жила коварная Блодуэдд. Услышав, что муж ее жив и даже вернулся, она попыталась было улететь, но Гвидион разгадал ее намерения и превратил злую невестку в сову — птицу, которая ненавидит день.

Более ранняя версия этого, по всей видимости, очень и очень древнего, мифа о боге Солнца — резко экспрессивные и нарочито грубые детали которого свидетельствуют о его архаическом происхождении — переносит эпизод превращения Гвидионом Блодуэдд в сову на небеса, где ее следы превратились в звезды, рассеянные вокруг Млечного Пути. Как бы дополняя рассказ мифа, «Мабиноги Мэн фаб Мэтонви» повествует о том, что Ллеу не пожелал принять от Гронви никакого выкупа за содеянное им преступление, кроме того, что они должны были поменяться ролями, чтобы Гронви точно так же встал на краю бассейна. Тот был вынужден согласиться, и Ллеу убил его.

Кроме этих персонажей, у Бели и Дон было еще два сына, о которых мало что известно, так что о них вообще не стоило бы упоминать, если бы не первозданная поэтичность легенды о них, сохранившейся в Манускрипте Йоло и носящей название «История о Ритта Гавре». История эта, записанная книжниками уже в те времена, когда все древние божества давным•давно превратились в простых смертных, гласит, что братья были двумя королями Британии. И вот однажды звездной ночью они вышли прогуляться.

— Посмотри, — обратился Нинниау к Пейбоу, — какой ослепительно прекрасный луг перед нами.

— Где же он? — спросил Пейбоу.

— Да вон там, видишь? — махнул рукой Нинниау. — Вон та яркая полоса на небе, протянувшаяся насколько хватает глаз.

— Ну, тогда погляди вон туда, — отозвался Пейбоу. — Подумать только, сколько я насчитал своих коров, пасущихся на твоем лугу!

— Да где же они? — в свою очередь спросил Нинниау.

— Разве не видишь? Да это же все звезды, которые только может заметить твой взгляд! — отвечал Пейбоу. — И каждая из них — из огненного золота, а луна, словно пастух, присматривает за ними.

— Я не желаю, чтобы они паслись на моем лугу! — воскликнул Нинниау.

— А они будут, — возразил его брат.

— Нет, не будут! — опять воскликнул Нинниау.

— Нет, все равно будут, — стоял на своем Пейбоу.

— Нет и еще раз нет, — заявил Нинниау. Братья повздорили, слово за слово — поссорились, между ними вспыхнула вражда, разгорелась настоящая война, в которой погибли войска обеих сторон, а спорщиков, как зачинателей всякого зла, бог за их грехи превратил в бессмысленных быков. Последней из детей Дон была богиня по имени Пенардун, о которой мало что известно, за исключением того, что она была супругой морского бога Ллира. Этот эпизод весьма любопытен, поскольку он служит параллелью к гэльской легенде, повествующей о браках между богами Туатха Де Данаан и фоморами (см. главу 7 «Возвышение бога Солнца»). Бригит, дочь Дагды, была замужем за Бресом, сыном Элатхана, а Киан, сын Диан Кехта, был отцом Луга от Этлин, дочери Балора. Таким образом, в этих близкородственных мифологиях боги неба связаны с богами моря

множеством самых разнообразных контактов.
Имя Ллира, как и имя его ирландского аналога, Лира, предположительно означает «море». Бог моря у бриттов — это тот же самый персонаж, что и его гэльский коллега. В самом деле, два весьма показательных аспекта, а именно то, что он постоянно именуется в валлийской литературе как Ллир Ледиат, то есть «Ллир Чужеземец», а его жену зовут Ивериадд (Ирландия), свидетельствуют о том, что этот образ мог быть заимствован бриттами у гэлов в более поздние времена, когда формирование основного корпуса мифов у обоих народов уже было завершено. В качестве бога бриттов он послужил отдаленным прототипом для шекспировского короля Лира. Город, бывший в древности центром его культа, до сих пор в его честь носит название Лейчестер, то есть Ллир•честер, а в более давние времена — Кэр Лир.
У Ллира, как мы знаем, было две жены: Пенардун и Ивериадд. От дочери Дон, то есть от Пенардун, у него родился сын, получивший имя Манавидан фаб Лир, что полностью идентично гэльскому Мананнан Мак Лир [81]. Правда о его характере и атрибутах нам известно значительно меньше, чем о нраве его ирландского коллеги, однако и он, как и нам известно, был правителем Аида, или Элизиума, которые в представлении древних кельтов неизменно ассоциировались с морем. Как и прочие обитатели Подземного мира, Ллир был властелином магии и колдовства, а заодно и всевозможных полезных знаний и ремесел, которым он охотно обучал своих друзей и учеников. Что же касалось врагов, то им он представал в совершенно ином качестве и обличье. Трехстишие из Манускрипта Йоло, сложенное Азуром, придворным бардом, говорит о том, что:

Заслуга главная Манавидана Мудрого •
Конечно, в том, что из костей и слез
Построил крепость он — Оэт и Аноэг.

Считается, что так бард описывает построенную Манавиданом тюрьму, имевшую форму улья и выложенную из человеческих костей. Кости были скреплены известковым раствором и образовывали бесчисленное множество камер•клетушек, из которых был устроен целый лабиринт. В эту мрачную темницу он бросал тех, кого считал достойными отправки в Аид, и среди его пленников одно время был даже не кто иной, как сам Артур (см. главу 24 «Сокровища Британии»).
«Ирландия» родила Ллиру двоих детей: дочь по имени Бранвен и сына, названного Браном. То немногое, что нам известно о Бранвен Прекрасная Грудь, свидетельствует, что она была богиней любви, была, как и греческая Афродита, дитя моря. Бран, напротив, в еще большей степени, чем Манавидан, являл собою воплощение темного божества из мрачного Аида. Его обычно изображают существом колоссального роста, настолько громадным, что «Мабиноги Бранвен, дочери Ллира» повествует о том, что он не мог вместиться ни в каком дому и ни на одном корабле. Он страшно любил всевозможные битвы и сражения, словно волшебный серый ворон, от которого, по всей вероятности, и происходит его имя. В то же время он считался особенным патроном бардов, менестрелей и вообще всяких музыкантов, и мы встречаемся с ним в одной из поэм, приписываемых знаменитому Талесину. В ней бог предстает бардом, арфистом, музыкантом, искусно играющим на волынке и семи других инструментах. Его сын носил имя Карадавк Сильные Руки; у него, по свидетельству мифологии бриттов, был исторический прототип — некий Каратакус, bменуемый в фольклоре Карактакусом. Как Бран, так и его сестра, Бранвен, в особенности ассоциировались с полуостровом Свэнси (Лебединое Море). Местоположением легендарной крепости из костей Оэт и Аноэт предания по традиции считали Гоуэр. То, что Бран был дома и в этих местах, ясно видно из текста «Morte d'Arthur» [82], являющим собой своеобразное древлехранилище забытых и непонятых мифологических сюжетов. В нем Бран из Гоуэра предстает как король Брандегор.

Такое отождествление заурядной земной страны с Подземным, или, лучше сказать, Потусторонним, миром представляется достаточно странной, но для наших предков•кельтов эта мысль, по•видимому, была вполне естественной. Все острова, а также и полуострова, которые, если смотреть на них с противоположного берега, считались обиталищем темных сил Аида (Гадеса). Попасть на эти острова, окруженные со всех сторон бурным и опасным морем, часто окутанные коварными туманами и мглой, а в другое время представавшие этакими призраками на горизонте, всегда было довольно нелегко, и они считались прибежищем некой древней, более низкой расы, и были окутаны ореолом тайны и святости — в полном соответствии с законами архаического мышления, склонного видеть в неведомом нечто ужасное и пугающее. Так, бритты из Корнниша, глядевшие со своего берега, в ясную погоду могли видеть Гоуэр и Ланди, казавшиеся им своего рода аванпостами Потустороннего мира, выступающими над поверхностью моря. В то же время для бриттов Уэльса обиталищем неких сверхчеловеческих сил казалась Ирландия. Прямо противоположной представлялась картина мира гэлам, считавшим, что Аид находится как раз на о. Британия, а остров Мэн казался им обоим этаким филиалом Аида, малым Потусторонним миром. Однако далеко не всегда обиталищем странных существ, «людей без тени», или потусторонних духов, объявлялось именно море и острова на нем. Таким же иномирным местом считалось Гластобери Тор, окруженное со всех сторон непроходимыми топями, объявленное излюбленным местом Гвинн ап Нудд. Бритты севера считали, что Потусторонний мир находится за Адриановым валом [83], а в необъятных лесах Каледонии обитают не люди, а призраки. Даже римская провинция Демеция, название которой происходит от валлийского слова Дифед и приблизительно соответствующая землям нынешнего графства Пемброкшир, довольно долго, по крайней мере — в глазах местных аборигенов, отождествлялась с мифическим подземным миром.

Итак, согласно древним верованиям, Дифедом правило местное племя богов, наиболее заметными фигурами из которых были Пвилл Голова Аннвна (валлийское название Аида), а также его супруга Рианнон и сын Придери. Эти персонажи считались враждебными по отношению к детям богини Дон, но в то же время они имели дружеские связи с потомством бога Ллира. По свидетельству «Мабиноги Манавидана фаб Лира», после смерти или таинственного исчезновения Пвилла его вдова, Рианнон, стала женой Манавидана. В одной из небольших поэм Талесина сказано, что Манавидан и Придери совместно были правителями Аида и одновременно стражами волшебного котла вдохновения, который пытались похитить или выкрасть боги света и который получил впоследствии широкую известность под названием «Святого Грааля». Среди прочих их сокровищ были так называемые «Три птички Рианнон», которые, как говорится в старинных манускриптах, были способны своим пением вернуть умерших к жизни, а живых, наоборот, погрузить в смертный сон. К счастью для людей и богов, птички эти пели очень и очень редко. «На свете есть три вещи — гласит одно староваллийское трехстишие, — которые нечасто можно услышать: это — пение птичек Рианнон, глас мудрости из уст саксонца и приглашение на пир к нищему».

Однако этот перечень богов древних бриттов был бы неполным без упоминания имени Артура, хотя большинство читателей будут весьма и весьма удивлены, увидев его в этой компании. Гений поэта Теннисона, черпавшего материалы и сюжеты для своих творений по большей части из норманно•франкских сказаний и новелл, наложил неизгладимый отпечаток на стереотипы популярных представлений об Артуре как короле раннего королевства бриттов, сражавшегося за родину и христианскую веру с захватчиками. Что ж, вполне возможно, что в старину действительно существовал некий исторический персонаж — могущественный вождь, носивший типично кельтское имя. Он упоминается в древнеирландских легендах: так, Артуром звали одного из сыновей Немхеда, сражавшегося с пресловутыми фоморами, а на континенте был известен Артайус (или Артай), галльское божество, которого римляне отождествляли со своим Меркурием и который почитался покровителем земледелия и вообще сельского хозяйства. Первоначально Артур имел точно такой

же сакральный статус, как и Кухулин и Финн. Подвиги его носят мифический характер, будучи деяниями явно сверхчеловеческого порядка. Его окружение предстает состоящим исключительно из богов. Некоторые из них, насколько нам известно, пользовались особым почитанием в Галлии. Другие были сынами Дон, Лира и Пвилла, то есть происходили из династий более древних богов, главой которых Артур стал уже после того, как их культы угасли и забылись. Утратив свой божественный статус и ореол, и претерпев странные трансформации, эти сакральные персонажи замелькали на страницах романов, превратившись в рыцарей Круглого стола. Эти божества были родными богами бриттов. Впрочем многие из них упоминаются в архаических надписях, сооруженных на нашем острове (т.е. о. Британия. — Прим. перев.), однако почти все они носят экзотический и, так сказать, иноземный характер. Дело в том, что императорский Рим собирал в свои легионы людей самых разных рас и национальностей и у всех их имелись свои собственные боги. По всей Британии и в особенности на землях вокруг Адрианова вала мы находим упоминания о божествах многих и многих племен — от Германии до Африки, от Галлии до Персии, культы которых спорадически возникали в разных местах. Большинство из этих иноземных богов были римскими, однако в наши дни обнаружены развалины храма Эборакуме (нынешний Йорк), посвященного Серапису [84]; там же отправлялся и культ Митры, древнеперсидского бога Солнца; а в Корбридже, что в Нортумберленде (древний Корспициум), были найдены алтари, посвященные тирским божествам — Геркулесу и Астарте. Культ бога войны отправлялся под разными именами: Кокидий в колонии даков в Каберленде, а также Тоутат, Камул, Корицинак, Белатукатор, Алатор, Лоуцетий, Кондат и Ризигамос: так именовали его римские граждане — выходцы из дальних окраин имперской ойкумены. В Бате существовал культ богини войны, известной под именем Неметона. Сернистые источники в этом городе находились под покровительством божества по имени Сулис, отождествлявшегося римлянами с Минервой; ее помощником считался бог врачевания, упоминаемый на посвятительной плите как «Сол Аполлон Аницет». Однако лишь немногим из этих «странных богов» удалось привлечь к себе внимание туземных жителей — бриттов. Дело в том, что их истинные поклонники прозелитизмом не занимались, а реальное их влияние, по•видимому, было вполне сопоставимо с влиянием какой•нибудь церковки евангелистических христиан в большом турецком городе. Единственное исключение из этого правила — случаи, когда такие иноземные боги были выходцами из Галлии; кроме того, иногда культы отдельных римских богов в самом Риме были не столь заметны, как эти же культы в «импортном варианте» у кельтов. Так, небесный бог•воитель Камул выступает в гэльских героических мифах под именем Кумалла, отца Финна, а в мифологии бриттов — в качестве Кела, герцога Кэр Келвина (в древности известного под названием Камулодунум, а в наши дни — Колчестер), который сумел захватить корону Британии и все свое короткое правление провел в постоянных войнах и сражениях. Есть мнение, что «старый король Коул» из старинных баллад, предстающий в них этаким «стариком•весельчаком», являет собой наиболее поздний вариант бытования этого кельтского бога.

Имя бога Солнца Мапоноса (Мапона) обнаружено на алтарных плитах на территории Галлии и Британии; в валлийской литературе он упоминается под именем Мабона, последователя Артура, тогда как другой галльский бог Солнца, Белен, которому некогда был посвящен величественный храм в Байокассосе (современный Байоз), хотя и не упоминается в наиболее ранних памятниках мифологии бриттов, однако, насколько мы можем судить по упоминаниям в других источниках, был связан с Браном, поскольку в исторических хрониках Гальфрида Монмутского «король Беленус» выступает в роли брата «короля Бренния», а в той же «Morte d'Arthur» «Балэн» считается братом «Балана». Греческий автор II века н. э. сообщает о культе бога красноречия, существовавшем в Галлии. Имя этого бога было Огмиос; его атрибуты заставляют вспомнить Геракла, а описание весьма точно соответствует сакральным атрибутам и функции гэльского бога Огмы, считавшегося покровителем литературы и вообще всякой письменности и вместе с тем —

профессиональным атлетом•богатырем клана Туатха Де Данаан. Неметона, богиня•воительница, культовый центр которой находился в древности в Бате, по всей вероятности, может быть отождествлена с Нимэйн, одной из жен Нуады Валькирии. Дело в том, что одна из древних надписей (вероятно, испорченных) читается как атубодва , что представляет собой искаженное Катубодва , а это смело можно считать галльским аналогом Бадб Ката, то есть «фурия войны». Лул, или Ллеу, пользовался на континенте широкой известностью под именем Лугус. Три крупных города — Лаон, Лейден и Лион — в древности носили в его честь одинаковое название Лугудунум (что означает «город Луга»), а в последнем и наиболее крупном из них в римскую эпоху регулярно устраивались празднества и день бога Солнца (1 августа), соответствовавшие празднику Лугнасад (празднества в честь Луга), устраивавшемуся и древней Ирландии. Бригит, гэльская Минерва, перебралась на о. Британия под именем Бригантии, богини•покровительницы бригантов, одного из северных племен, а в Восточной Франции ее почитали как Бригиндо, которой Иккавос, сын Оппианоса, принес особые посвятительные дары. Впрочем, о них будет сказано ниже.

Можно привести немало других, не столь впечатляющих, примеров сходства между мифическими именами древних божеств у островных и континентальных кельтов. Однако и приведенных здесь данных вполне достаточно, чтобы доказать, что галлы, гэлы и бритты обладали общим наследием прототипов имен мифологических персонажей, из которого впоследствии развились три достаточно самодеятельные, но в то же время весьма и весьма близкие культовые системы.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

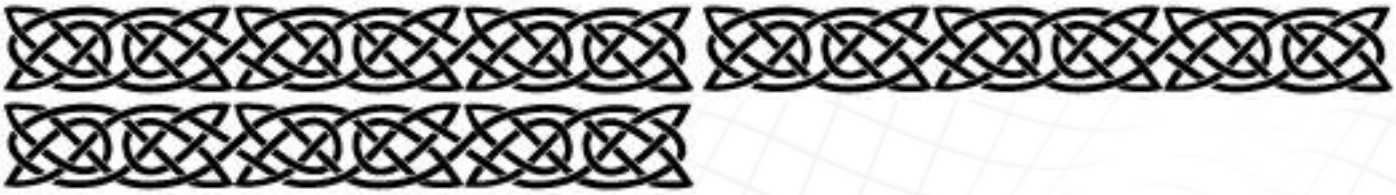
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 19. ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОГОВ АННВНА

Наиболее древние мифы и легенды о богах бриттов посвящены божествам из семейства Пвилла, ассоциируемым с юго•западным районом Уэльса, который римляне именовали Демецией, а бритты — Дифедом. Первая из «Четырех Ветвей Мабиноги» рассказывает о том, как «Пвилл, князь Дифеда», получил право именоваться Пенн Аннвн, то есть «Владыка Аида». По правде сказать, не так•то просто объяснить, почему один и тот же персонаж мог быть и смертным князем, пускай даже и легендарным, и правителем таинственного Потустороннего мира, совмещая в своем лице две противоречащие друг другу древние традиции. Однако для эпохи более архаической, чем эпоха кодификации и литературной обработки этих легенд, никакого насильственного совмещения и не требовалось, ибо обе легенды не воспринимались как нечто противоречивое. Когда Пвилл, владыка Аннвна, выступал в роли персонажа мифов, эти предания были еще живы, и неведомая и загадочная страна Дифед, населенная туземцами•иберами, которых этнографическая фантазия древних кельтов забросила в столь дальние края, представлялась племенам, жившим на восточном

берегу пограничной реки Тиви, находящейся во власти Аннвна и даже пребывающей в некой теневой реальности. Но со временем здешние кельты становились все смелее и часто наведывались на другой берег Тиви; они•то и убедились, что Дифед ничем не отличается от прочих земель. Хотя тамошние жители и не принадлежали к племени кельтов, они были такими же существами из плоти и крови. И хотя эта провинция и в позднейшие времена сохранила свое название, означающее «Земля Иллюзий» и «Край Очарования», она перестала казаться средневековым авторам, в частности, валлийскому поэту XIV века Даридд аб Гвилиму, Аидом (Гадесом), то есть Потусторонним миром. Отныне призрачный Аид сложил свои шатры и навсегда ушел за море или даже под волны морские.

История о Пвилле, князе Дифеда, как переводится название «Мабиноги Пвилла, князя Дифеда», повествует о том, что некогда в Аннвне вспыхнула война между двумя его королями — или, что более вероятно, двумя наиболее влиятельными из тамошних вождей. Во время этой войны Арван Серебряный Язык и Хафган Ясный как Лето одновременно напали на владения друг друга. В долгой борьбе Арван потерпел явную неудачу и вынужден был отправиться в земной мир, чтобы заручиться поддержкой славных смертных воинов.

В те времена двор Пвилла, князя Дифеда, находился в Арбете. Однако сам князь отправился на охоту в Глин Кух — район, известный в наши дни как долина на границе двух графств — Пемброкшир и Кармартеншир. Подобно многим и многим владыкам средневековых европейских и восточных романов, в момент начала сюжетной интриги он оказался вдали от своей свиты и заблудился. Некоторое время он еще слышал вдалеке лай собак и даже узнавал их, но затем внезапно услышал голоса другой стаи, приближавшейся к нему. Не успел он толком понять, кто это, как прямо перед ним показался прекрасный благородный олень, за которым буквально по пятам гналась свора странного вида собак. Поначалу Пвилл не обратил на оленя особого внимания, поскольку во все глаза уставился на собак. Он «повидал на своем веку немало разных псов, но таких удивительных ему довелось видеть впервые. Их шерсть сверкала ослепительной белизной, уши были красными, как кровь, а глаза — огненно•красными; так что красный цвет ушей еще более подчеркивал белизну их тел». Да, это были — хотя Пвиллу и не доводилось видеть их прежде — собаки знаменитой аидской породы, с белой шерстью и красными ушами, с которыми мы не раз встречались на страницах гэльских легенд и которых, по преданию, и сегодня иногда еще можно увидеть по ночам на холмах Уэльса. Убедившись, что за сворой не видно всадника•хозяина, Пвилл отогнал псов от уже мертвого оленя и позвал свою собственную свору. Не успел он это сделать, как прямо перед ним возник «некий муж верхом на огромном светло•сером скакуне; на шее у него висел охотничий рог, а сам он был одет в серый шерстяной наряд, покрой которого выдавал охотника» и принялся упрекать Пвилла за нечестное поведение. «Мне никогда еще не доводилось видеть большего бесчестья проговорил он. — Ты нагло отогнал моих собак, которые затравили оленя, и спустил на него своих собственных. И хотя я не вправе требовать с тебя выкуп за это, клянусь, что сам причиню тебе столько вреда, что это обойдется тебе дороже целой сотни оленей!» Пвилл назвал свои имя и титул и, узнав имя и ранг незнакомца, предложил ему выплатить виру за свою вину. Незнакомец тоже представился — это оказался Аравн, король Аннвна, — и заявил, что Пвилл может заслужить прощение одним•единственным способом: отправиться в бой вместо него, Аравна, и сразиться с самим Хафганом. Пвилл согласился на такое условие, и Аравн тотчас передал свой облик князю, и тот стал как две капли воды похож на владыку Аида, так что никто, в том числе и жена самого Аравна, не смог бы узнать, что перед ними не король, а всего лишь смертный князь. Затем он тайной тропой проводил Пвилла в Аннвн и поставил перед воротами своего собственного замка, приказав тому каждый год в один и тот же день возвращаться на то самое место, на котором они встретились. Сам же Аравн принял облик Пвилла и возвратился вместо него в Арбет.

Никто во всем Аннвне даже не заподозрил, что Пвилл поступает не совсем так, как подобает королю. Он провел целый год, управляя своим новым королевством, выезжая на охоту, устраивая пиры и праздники

менестрелей. Жена Аравна, самая прекрасная женщина из всех, каких ему только доводилось видеть, ни днем, ни ночью не разлучались с ним, но он вел себя благородно и не желал обмануть доверие, оказанное ему настоящим королем. Наконец настал день, когда он смог встретиться с Хафганом в поединке на поле боя. Последовал страшный удар, и Пвилл, роковой соперник Хафгана, поразил своего противника копьем, да так, что оно прошло сквозь круп его коня, в щепы раскололо его щит и смертельно ранило одного из властелинов Аида. Умирающего Хафгана унесли с поля боя, а Пвилл, в облике Аравна, принял под свою власть прежних вассалов павшего короля и простер свой скипетр над его владениями. Затем в назначенный день он отправился в Глин Кух, чтобы встретиться с Аравном.

Они вновь поменялись обликами, и каждый возвратился в свои законные владения. Вернувшись, Пвилл обнаружил, что никто еще не правил Дифедом так хорошо и край никогда еще не знал такого процветания, как в минувшем году. Что же касается Аравна, он узнал, что его главный враг погиб, а владения значительно расширились. А когда он поцеловал свою жену, она удивленно спросила его, что с ним случилось: ведь он целый год даже не прикасался к ней. Тогда он поведал ей всю правду, и они согласились, что приобрели в лице Аравна верного и благородного друга.

После этого короли Аннвна и Дифеда еще более укрепили взаимную дружбу. Впредь Пвилл стал время от времени именоваться не князем Дифеда, а Пен Аннвном, то есть «Владыкой Аннвна».

Второй вполне мифологический эпизод из «Мабиноги Пвилла, князя Дифеда» повествует о том, как Пвиллу удалось взять в жены Рианнон, хотя та была не ровней ему, будучи богиней — то ли рассвета, то ли луны. Неподалеку от дворца Пвилла в Арбете был некий курган, обладавший магическими свойствами. С тем, кто садился на него, случалось одно из двух: либо он вскоре бывал ранен или получал удар, либо с ним случалось какое•нибудь чудо. И вот однажды Пвилл решил проверить, как подействует на него курган. И он отправился к кургану и уселся на него.

Никакого удара с ним не случилось, но вскоре, сидя у подножия кургана, Пвилл увидел направлявшуюся к нему «леди в сверкающем золотом одеянии на огромном белоснежном коне». Она медленно приближалась. Пвилл послал к ней гонца•скорохода спросить, кто она, но та, по вернувшись, двинулась прочь. И хотя казалось, что она едет совсем медленно, скороходу никак не удавалось догнать ее. В конце концов тот прекратил бесполезное преследование, и леди вскоре скрылась из виду.

На следующий день Пвилл вновь отправился к кургану. Леди вновь показалась вдали, и на этот раз Пвилл послал к ней верхового гонца. Поначалу гонец скакал такой же рысью, как и леди, но затем, поняв, что так он никогда не нагонит ее, пустил коня в галоп. Но с какой бы скоростью он ни скакал, ему так и не удалось ни на шаг приблизиться к леди, хотя она, казалось, находилась всего в нескольких шагах от Пвилла и его гонца.

На третий день Пвилл решил сам отправиться к леди. Она двигалась медленно и плавно, и поначалу Пвилл ехал не спеша, а затем пустил своего коня вскачь. Но, увы, его усилия закончились тем же результатом, вернее — оказались безрезультатными. Наконец, отчаявшись приблизиться к таинственной леди, он взмолился к ней и попросил о остановиться.

— Я с радостью сделаю это для тебя, — отвечала та, право, для твоего коня было бы куда лучше, если бы ты давно попросил меня об этом. — Затем прекрасная леди поведала Пвиллу, что ее зовут Рианнон и что она — дочь Хефейдд Хена. Знатные сановники ее страны решили выдать ее замуж против ее воли, и она прибыла сюда на поиски Пвилла, ибо он, и только он ей по сердцу. Пвилл с радостным трепетом услышал эти слова, ибо Рианнон в его глазах была самой прекрасной девой на свете. Прежде чем расстаться, они поклялись друг другу в верности, и Пвилл и обещал ей в тот же день, спустя двенадцать месяцев, прибыть во дворец ее отца. После этого леди исчезла, а Пвилл возвратился к себе Арбет.

В назначенный день Пвилл, в сопровождении сотни воинов, отправился в гости к Хейфедд Хену. Во дворце его

ожидал радушный прием; в его честь был устроен торжественный пир, распоряжаться которым было предложено ему самому, что кельты предлагали только самым высоким и дорогим гостям. И когда все уселись за стол, а самого Пвилла усадили между Рианнон и ее отцом, в зал неожиданно вошел высокий, стройный юноша с золотисто•каштановыми кудрями, почтительно приветствовал Пвилла и попросил подарить ему что•нибудь.

— О, будь только моя воля, — в раздумье протянул Пвилл, — я охотно подарил бы тебе все, чего бы ты ни пожелал. Тогда незнакомец сбросил притворную личину просителя и, обратившись к гостям, призвал их быть свидетелями, что Пвилл пообещал ему дать все, что тот ни попросит, и потребовал отдать Рианнон ему в жены. Пвилл вконец растерялся.

— Помолчи и ничего не отвечай, — шепнула ему мудрая Рианнон. — Не рождался еще человек, который обращал бы шутки во зло так нагло, как этот.

— Прости, госпожа, — отвечал Пвилл, — я даже не знаю, кто это.

— Это тот самый нелюбимый жених, за которого они хотели выдать меня против моей воли, — отвечала дева. — Это Гвавл, сын Клад [85]. Тебе придется отдать меня ему, не то твое имя будет покрыто позором.

— Ни за что и никогда, — возразил Пвилл. — Отдай ему меня, — настаивала Рианнон, — а я сумею устроить так, что никогда не буду принадлежать ему.

В конце концов Пвилл обещал Гвавлу, что ровно через год устроит пир, на котором и отдаст ему прекрасную Рианнон. Пролетел год, настал назначенный день, отец устроил пир, и Рианнон покорно села рядом с нелюбимым женихом. Но под окнами дворца Пвилл поджидал свою возлюбленную с верными слугами. Когда пир был в самом разгаре, он вошел в зал, облачившись в самые грубые, рваные одежды, гремя стоптанными башмаками и перебросив через плечо старую кожаную суму. Сума эта была поистине волшебной; ее вручила своему возлюбленному сама Рианнон, научив его пользоваться ею. Волшебное свойство сумы заключалось в том, что, сколько бы всякого добра в нее ни клали, она никогда не наполнялась доверху.

— Прошу тебя, подай мне что•нибудь, — обратился Пвилл к Гвавлу.

— Чего же ты хочешь? — возразил Гвавл.

— Я человек бедный, и, если на то будет твоя милость и я хотел бы наполнить эту суму мясом.

Гвавл заявил, что «просьба вполне резонная», и приказал своим слугам наполнить суму мясом, но чем больше те кидали в нее кусков ветчины и окороков, тем больше места в ней оставалось. Гвавл был донельзя удивлен и спросил, что же это за сума такая. Пвилл отвечал, что его сума ни когда не сможет наполниться доверху до тех пор, пока кто•нибудь из лордов или владельцев земель не заберется в нее и не примется уминать добро ногами.

— Что ж, помоги нищему, — обратилась Рианнон к Гвавлу.

С большой охотой, — отвечал тот, поставил обе ноги в суму, но, как только он оказался в ней, Пвилл мигом закрыл суму над головой Гвавла и крепко затянул на ней петлю. Затем он протрубил в рог, и его слуги тотчас вбежали в зал.

— Что это там ворочается у тебя в суме? — переглядываясь, спрашивали один за другим.

— Барсук, да еще какой! — отвечал Пвилл. Услышав слова Пвилла, слуги накинулись на мешок и принялись пинать и бить его. Так, гласит история, и появилась игра «Барсук в мешке».

Однако для Гвавла все закончилось куда лучше, чем обычно это кончается для «барсука», поскольку за него заступился сам Нейфедд Хен. Пвилл охотно согласился вы пустить его при условии, что тот никогда больше не будет добиваться руки Рианнон и поклянется впредь не мстить ему. Гвавл поспешно согласился, принес все требуемые клятвы и тотчас, ворча и стеная, удалился в свои владения залечивать раны и синяки.

Владения Гвавла, вне всякого сомнения, находились на небесах, ибо он был не кто иной, как бог Солнца. Его явно

выдает его имя, поскольку Гвавл означает «свет». Таким образом, здесь речь идет о победе сил тьмы, продолжавшейся всего несколько часов. В честь этой победы в календаре древних кельтов существовал особый праздник Самхейн, или Конец Лета.

После этого ничто более не препятствовало браку Пвилл и Рианнон. Она стала его женой и отправилась вместе с ним в Дифед.

После свадьбы у них целых три года не появлялось наследника, так что аристократы Дифеда были очень недовольны. Они обратились к Пвиллу с обращением, требуя, чтобы он взял себе другую жену вместо Рианнон. Он попросил знать подождать еще год. Те согласились, и к концу назначенного срока у князя наконец родился долгожданный сын. Однако в самую ночь его рождения шесть бывалых женщин•повитух, призванных следить за Рианнон, как одна уснули крепким сном, а когда проснулись, то обнаружили, что новорожденный мальчик исчез. Насмерть перепугавшись и опасаясь лишиться головы за свою нерадивость, они условились поклясться перед князем, будто Рианнон сразу же после родов… съела собственное дитя. Затем они поспешно умертвили нескольких щенков, выпачкали их кровью лицо и руки спящей Рианнон, а рядом с ней положили несколько окровавленных косточек. После этого они подняли ужасный крик, разбудили измученную госпожу и обвинили ее во всем случившемся. Она клялась, что ничего не знала о мнимой смерти сына, но коварные повитухи настаивали, будто видели, как Рианнон пожирала младенца, но не смогли ей помешать. Друиды в те дни были недостаточно искушенными знатоками анатомии и не смогли отличить кости ребенка от костей щенка и на основании клятв повитух обвинили Рианнон в убийстве сына. Но Пвилл и после этого не захотел прогнать ее, наложив на нее необычную епитимью. Целых семь лет она должна была сидеть возле конской привязи у ворот дворца и предлагать гостям отвезти их во дворец… на собственной спине. «Однако ей это редко удавалось, — говорится в „Мабиноги“, — ибо мало кто соглашался проехаться верхом на такой преступнице».

Все происшедшее потом с сыном Рианнон окутано для автора «Мабиноги» покровом глубокой тайны. И тем не менее оно явно связано со столь же таинственным исчезновением жеребят волшебной кобылицы, принадлежавшей Тернион Тврив Влианту, одному из вассалов Пвилла. Более этого, жеребята исчезали каждый раз в ночь под Первое мая — то есть на Белтейн, кельтский праздник в честь бога Солнца. По легенде, каждый год в ночь под Первое мая волшебная кобылица приносит жеребят, но никто во всем свете не знает, куда они потом исчезают. Наконец Тернион решил все разузнать. Он заманил кобылицу в свой дом и запер ее, а затем схватил оружие и принялся наблюдать за ней. Ровно в полночь у нее родился жеребенок. Едва он появился на свет, как послышался оглушительный шум сквозь окно в дом проникла громадная рука с ужасными когтями и схватила жеребенка. Тернион тотчас ударил по руке своим мечом и отрубил ее. После этого он услышал жалобный плач и, распахнув дверь, увидел ребенка в пеленках, завернутого в дорогую атласную мантию. Взяв ребенка на руки, Тернион позвал жену, и они решили усыновить малыша. Они дали новорожденному имя Гври Валлт Эйрин, то есть Гври Золотые Кудри. Ребенок быстро подрастал, и чем старше становился, тем сильнее, как сразу же догадался Тернион, делался похож на Пвилла. И тогда Тернион вспомнил, что нашел единственного подкидыша в ту самую ночь, когда у Рианнон пропал новорожденный ребенок. Он опять посоветовался с женой, и они решили, что их приемный сын, коего они обрели столь таинственным образом, и есть тот самый загадочно исчезнувший младенец Рианнон. Супруги посчитали, что нехорошо им прятать у себя чужого ребенка, когда его настоящая мать, добрая Рианнон, вынуждена безвинно терпеть унижения.

В тот же день Тернион поспешил в Арбет, взяв с собою своего воспитанника. Прибыв ко дворцу, они увидели, что Рианнон, как обычно, сидит у ворот, и, как и прочие гости не позволили ей отвезти их на спине прямо к Пвиллу. Пвилл дружелюбно приветствовал их, и в тот же вечер Тернион за ужином рассказал князю и его жене всю эту историю с начала до конца, а затем подвел к Рианнон ее собственного сына.

Как только все присутствовавшие во дворце увидели мальчика, они сразу же признали его сыном Пвилла и радостно приветствовали его, и Пендаран Дифед, верховный друид королевства, дал ему новое имя. Он назвал его «Придери», что значит «страдания», по первому слову, произнесенному матерью мальчика, едва она увидела сына. Ибо она сказала: "Страдания мои окончены, если все это — правда".

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

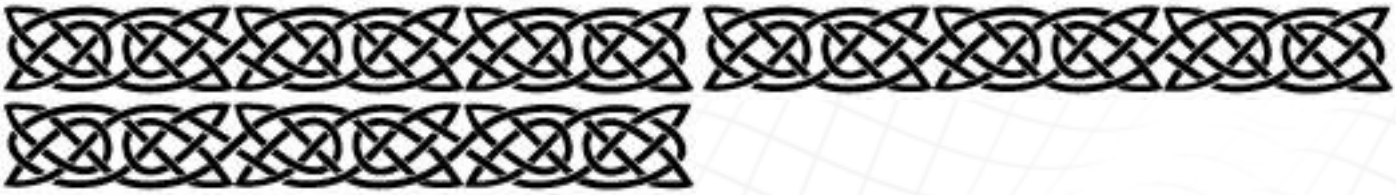
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 20. СВАТОВСТВО К БРАНВЕН И ГОЛОВА БРАНА

В «Мабиноги Бранвен, дочери Ллира», второй из «Четырех Ветвей», рассказывается, что Придери, достигнув зрелости и женившись на вдове по имени Кигфа, однажды, в качестве гостя или вассала, явился ко двору верховного бога Аида — самого Брана, сына бога моря Ллира. Двор детей Ллира, Брана и его сестры Бранвен, по прозвищу «Прекрасная Грудь», его единокровного брата Манавидана, а также двоих сыновей матери Манавидана, Пенардун, от ее первого брака, находился тогда в так называемой Твр Бранвен , то есть «Башне Бранвен», сегодня именуемой Харлех. Усевшись на край скалы и устремив взоры в морскую даль, они вскоре увидели тринадцать кораблей, приближающихся под всеми парусами со стороны Ирландии. Флотилия тем временем подошла к самому берегу, и Бран послал гонца узнать, кто эти незнакомцы, откуда они прибыли и что им надо в здешних краях. В ответ гонец услышал, что это — корабли Матолвха, короля Ирландии, и что тот прибыл просить у Брана отдать ему в жены свою сестру, прекрасную Бранвен. Бран согласился, и они условились, что местом пышного свадебного пира будет Эйберфроу в Англси. Матолвх со

своим флотом должен будет прибыть туда по морю, а Бран со своей свитой — сухопутным путем. Прибыв в назначенное место, они соорудили временные палаты, ибо «никакой дом не был достойным принять Брана Блаженного». Так Бранвен стала женой короля Ирландии [86].

Однако их отношениям недолго суждено было оставаться такими дружескими. Из двух сыновей жены Ллира, Пенардун, матери Манавидана, первого звали Нисен, а второго — Эфнисен. Нисен более всего на свете любил мир и покой и всегда мог «примирить между собой своих братьев, даже если между ними вспыхнула ссора». Эфнисен же, наоборот, «мог мигом поссорить между собой братьев, даже когда те мирно беседовали». И вот теперь Эфнисен был вне себя от ярости: с ним ведь не посоветовались, решив выдать Бранвен замуж. В отместку за это он коварно отрезал губы, уши, брови и хвосты всем коням Матолвха и его свиты.

Когда король Ирландии узнал о случившемся, он был буквально взбешен нанесенным ему оскорблением, но Бран дважды посылал к нему послов, объяснив, что все это было сделано без его ведома, чтобы поссорить их. Он обещал в качестве возмещения отдать Матолвху здорового скакуна за каждого коня, покалеченного Эфнисеном, а в придачу — поставец из серебра, ростом с самого Матолвха, и золотое блюдо величиной с лицо короля Ирландии. Помимо всех этих даров, он преподнес Матолвху волшебный котел, некогда украденный из Ирландии. Магическое свойство этого котла заключалось в том, что, если в него положить любого смертельно раненного воина, тот выздоравливал как ни в чем не бывало, правда при условии, что он не лишился дара речи. Король Ирландии с готовностью принял все эти дары, предал забвению нанесенное ему оскорбление, возобновил самые добрые, дружеские отношения с детьми Ллира и наконец отплыл вместе с Бранвен в Ирландию. Не успел миновать год со дня их свадьбы, как Бранвен родила сына. Родители нарекли ему имя Гверн и отдали его на воспитание самым достойным мужам Ирландии. Но на второй год до Ирландии докатились слухи об оскорблении. нанесенном Матолвху в Британии. Единокровные братья и родственники короля настаивали, что он должен жестоко отомстить и начать с самой Бранвен. И прекрасную королеву сослали мыть посуду и прислуживать на кухне, и каждый день повар отвешивал ей крепкую затрещину по уху. Однако Бран даже не подозревал об этом, ибо всякое сообщение между Ирландией и Британией было прекращено. Так продолжалось долгих три года.

Тем временем Бранвен потихоньку от других приручила певчего скворца, выучила его говорить, привязала к его крылу письмо, в котором рассказывала о своих бедах, и отослала птичку в Британию. В конце концов скворец нашел Брана, как и приказывала ему хозяйка, и, усевшись ему на плечо, опустил крылышки. Письмо соскользнуло наземь, и Бран тотчас прочел его. Вне себя от гнева он разослал гонцов в сорок четыре королевства, созывая войско в поход против ирландского короля. Поручив Британию попечению своего сына, Карадавка, и шести других сыновей, он поспешил к берегам Ирландии. Сам он шел по воде, как посуху, а его спутники плыли на кораблях. В самой Ирландии никто и не подозревал об их прибытии. Только пастухи•свинопасы, поившие стадо свиней у берега моря, заметили невероятное чудо. Прямо на поверхности моря возник лес — возник на том самом месте, где его никогда не бывало. Возле него поднялась в небо гора с остроконечным гребнем, а по сторонам ее раскинулись озера. И лес, и гора медленно приближались к берегам Ирландии. Свинопасы поспешно рассказали обо всем Матолвху, который никак не мог понять, что же там происходит, и послал к Бранвен спросить, что бы это могло быть. "Это идут мужи с острова Славы [87]«, — отвечала та, — они явились сюда, потому что услышали, как вы мучаете и унижаете меня. Лес, который вы видите, — это мачты их кораблей. Гора, которую видят ваши глаза, — это мой брат Бран, идущий по воде словно посуху. Острый гребень — это его нос, а озера по сторонам от него — это глаза моего брата».

Мужи Ирландии пришли в смятение. Они бросились к Шэннону и поспешно разрушили мост через него. Но Бран, как ни в чем не бывало улегся поперек реки, и воины преспокойно перешли по нему, как по мосту, на другой берег. Тогда Матолвх решил прислать парламентеров с предложением заключить мир. Во искупление своей вины он

предлагал уступить трон Ирландии Гверну, сыну Бранвен и племяннику Брана.
— А разве я сам не могу быть королем? — заявил Бран и не пожелал более вступать ни в какие переговоры. Тогда советники Матолвха посоветовали ему умилостивить разгневанного Брана тем, что предложить воздвигнуть для него дворец, способный вместить и выдержать его, и добровольно отдать ему королевство. Бран согласился принять такой дар, и вскоре громадное здание было построено.
Однако строители оказались людьми коварными. По сторонам каждого из доброй сотни опорных столбов дома висели огромные кожаные мешки, в каждом из которых сидело по вооруженному до зубов воину, которые должны были в нужную минуту по условному сигналу разрезать мешок и выскочить наружу. Но Эфнисен, войдя в дом и заметив странные мешки, тотчас заподозрил неладное.
— Что это там за мешки? Что в них? — спросил он первого же ирландца, попавшегося ему на глаза.
— Мука, — отвечал ирландец. Тогда Эфнисен крепко ударил по мешку кулаком, как если бы в нем действительно была мука, и принялся колотить по нему до тех пор, пока не убил воина, сидевшего внутри. Точно так же он поступил и со всеми остальными мешками.
Через некоторое время оба войска встретились в огромном дворце. Мужи Ирландии вошли через одни ворота, а воины Британии — через противоположные. Встретившись в самом центре громадного зала, они уселись друг против друга. Ирландский двор принял Брана с королевскими почестями, а затем состоялось коронование Гверн, сына Бранвен. Гверн был провозглашен королем Ирландии вместо Матолвха. Затем, когда торжественная церемония была окончена, мальчик подошел к каждому из своих дядей, чтобы поближе познакомиться с ними. Бран улыбнулся ему и погладил его по головке; точно так же поступили и Манавидан с Нисеном. Но когда очередь дошла до Эфнисена, коварный сын Пенардун схватил доверчивого ребенка за ноги и швырнул его головой в жарко пылавши очаг. Увидев своего сына мертвым, Бранвен попыталась было сама броситься в огонь вслед за ним, но Бран удержал ее. Тогда воины враждующих армий схватились за оружие, и началась такая сеча, которой никогда еще не бывало ни н одном дворце на свете. Битва продолжалась несколько дней подряд, но у ирландцев было явное преимущество, ибо они поскорее опускали своих убитых в тот самый волшебный котел, и те выходили из него целыми и невредимыми. Узнав об этом, Эфнисен решил найти способ как•нибудь искупить все те несчастья, которые его злобная натура навлекла на Британию. Он принял облик одного из убитых ирландских воинов, и его вместе со всеми остальными тоже положили в котел. Тогда он магическим путем раздулся, став настоящим великаном. Котел лопнул, а вместе с ним лопнуло и сердце самого Эфнисена. После этого силы сторон вновь уравнялись, и в следующем сражении мужи Британии перебили ирландцев всех до единого. Но и из них целыми и невредимыми остались лишь семеро: Придери, Манавидан, Глюней, сын Тарана [88], Талиесин Бард, Инаваг, Грудиен, сын Муриела, и Хейлин, сын Гвинна Старого. Сам Бран был ранен в ступню отравленным дротиком и умирал в ужасных муках. Он приказал семерым своим друзьям, оставшимся в живых, отрубить ему голову, отвезли ее на Белый Холм в Лондоне [89] и похоронить ее там, положив в могиле лицом в сторону Франции. Далее он пророчествовал о том, каким будет их путешествие. Им придется провести целых семь лет в Харлехе, где они будут непрерывно пировать, а птицы Рианнон будут не умолкая петь для них, и его, Брана, голова тоже будет веселиться с ними, словно она и не думала отделяться от его тела. Затем они проведут еще дважды сорок лет в Гвэлсе [90]. Все это Время на голове Брана не появится ни малейших следов тления, а беседы их будут настолько увлекательными, что они и не заметят, как пролетят эти годы. Но в назначенный час сама собой откроется дверь, ведущая в сторону Корнуолла, и после этого они должны, не медля ни минуты, поспешить в Лондон предать земле его голову. Выслушав это пророчество, семеро уцелевших мужей обезглавили Брана и отправились в путь, забрав с собой Бранвен. Через некоторое время они высадились в устье реки Элоу в Англси. Бранвен сперва поглядела в сторону Ирландии, а затем бросила взгляд на берег Британии. «Увы, — воскликнула она, — и зачем я только родилась

на свет! Из•за меня погибли целых два острова!» Ее сердце разбилось от скорби, и она умерла. Старинный валлийский поэт, «Гододин Ануэринский», повествует об этом с подлинно трагическим пафосом:

Смягчились даже голоса
У перелетных птах небесных,
Узревших столь прекрасный труп.
Ужели не осталось никого
Из родичей у этого алмаза,
Разбитого у струй текучих Амлвха?

«Они вырыли ей четырехстороннюю могилу, — говорит „Мабиноги“, — и предали ее земле на берегах Элоу». В старинных легендах это место неизменно именуется Инис Бранвен. Затем семеро героев отправились в сторону Харлеха и на пути туда повстречали мужчин и женщин, сообщивших им самые свежие новости. Касваллавн, сын Бели, супруг богини Дон, разбил и прогнал наместников, которым Бран поручил править Британией в его отсутствие. Затем он, завладев волшебным покрывалом, сделался невидимым, перебил их всех, кроме Пендарана Дифеда, приемного отца Придери, которому удалось бежать в густые леса, и Карадавка, сына самого Брана, сердце которого разбилось от горя. Таким образом, Касваллавн сделался королем целого острова, отняв трон у Манавидана, законного наследника британской короны после гибели Брана.
Однако судьба повлекла семерых героев дальше, к месту погребения головы их вождя. Они, как и пророчествовал Бран, прибыли в Харлех и пропировали там целых семь лет, и все это время три птицы Рианнон распевали для них волшебные песни, по сравнению с которыми все прочие мелодии казались дикими и грубыми. Затем они провели еще дважды сорок лет на острове Гвэлс, пируя и упиваясь сладким вином и слушая приятные беседы, в которых участвовала и голова Брана. Впоследствии этот пир, продолжавшийся целых восемьдесят лет, получил название «Забавы Благородной Головы». В самом деле, любопытно, что голова Брана играет в мифологии бриттов куда более заметную роль, чем сам Бран до того момента, как его обезглавили. Талиесин и другие барды неизменно величают ее Урддавл Бен («Достопочтенная Голова») и Утер Бен («Дивная Голова»).
Но однажды приятным забавам витязей пришел конец: Хейлин, сын Гвина, распахнул запретную дверь, пожелав, как и жена Синей Бороды, «узнать, верно ли все то, что о ней говорят». Как только они поглядели в сторону Корнуолла, магические чары, лежавшие на них целых восемьдесят семь лет, мигом слетели, и герои обнаружили себя оплакивающими смерть вождя, как если бы он погиб в этот же день. Однако они решили не предаваться скорби и поспешили в Лондон, где и опустили гниющую и разлагающуюся голову в могилу на Тауэр Хилл, обратив голову своего бывшего господина лицом к Франции, чтобы тот еще издали заметил приближение врага к берегам Британии. Там голова и пребывала до тех пор, пока ее с гордостью не выкопал из могилы Артур, «ибо он почитал ниже своего достоинства удерживать власть над островом силой оружия, а не доблестью и благородством». Однако, по словам Теннисона, писавшего в «Королевских идиллиях», что беда явилась в образе

язычников безбожных,
приплывших из•за Северного моря,

неся с собой гибель и разрушение, и с тех пор это событие именуется одним из «Трех коварных захватов Британии».

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

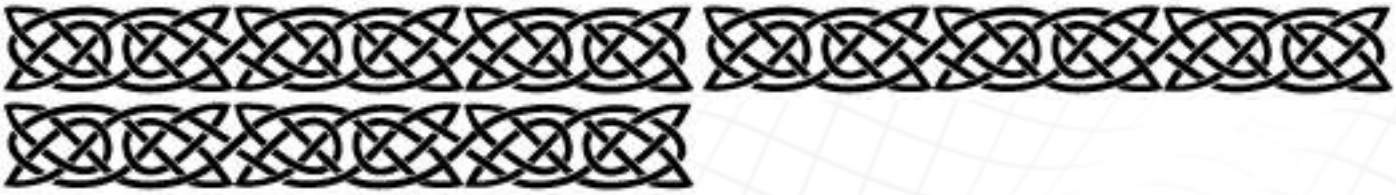
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Тренинг "Мужчина и женщина"
Куда уходит любовь? Как ее вернуть? Как сохранить? Законы отношений.
www.5da.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 21. ВОЙНА МАГИЧЕСКИХ ЧАР

Как сказано в «Мабиноги Манавидана, сына Ллира», следующим законным главой семейства потомков Ллира стал Манавидан. Правда, у него не было ни замка, ни земельных владений, но Придери предложил ему отдать во владение Дифед и выдать за него замуж свою собственную мать, Рианнон. Госпожа, как объяснил ее сын, еще сохранила черты былой красоты, а ее речь нисколько не утратила прежнее очарование. По всей вероятности, Манавидан счел ее достаточно привлекательной, а Рианнон со своей стороны тоже была очарована мужественным обликом сына Ллира. Они вскоре поженились, и между Придери и Кигфой, Манавиданом и Рианнон возникли настолько теплые отношения, что они отныне почти не разлучались. Как•то раз, отпраздновав пышным пиром какой•то праздник в Арбете, они отправились к тому самому волшебному кургану, у которого Рианнон впервые встретила Пвилла. Как только они расселись на холме, раздался оглушительный удар грома, и с неба тотчас спустился густой, непроглядный туман, окутавший гостей холма, так что они не могли видеть друг друга. Когда же туман наконец рассеялся, потомки Ллира обнаружили, что

они оказались в некой необитаемой стране. Земли вокруг, если не считать их родового дворца, который тоже был перенесен на новое место, были пустынны и бесплодны; кругом не было никаких признаков растительности, живых существ и тем более людей. Легкого дуновения неких волшебных сил оказалось вполне достаточно, чтобы полностью изменить облик Дифеда, превратив его из богатого края в дикую пустыню. Манавидан и Рианнон, Придери и Кигфа исходили тот край из конца в конец, но так и не встретили ничего, кроме мерзости запустения да диких зверей. Целых два года они прожили под открытым небом, питаясь дичью и медом. На третий год они порядком устали от этой первобытной жизни и решили отправиться в Ллогир [91], чтобы прокормиться там каким•нибудь ремеслом. Манавидан умел делать отличные седла, и они были настолько хороши, что вскоре во всем Херефорде люди перестали покупать седла у других седельщиков, кроме него самого. Это навлекло на него зависть и вражду других седельщиков, и те условились убить непрошеных чужеземных гостей. Так нашей четверке пришлось перебраться в другой город.

Здесь они начали делать щиты, и вскоре покупатели и видеть не желали ничьих щитов, кроме тех, что были сделаны руками Манавидана и Придери. Мастера•щитоделы пришли в ярость, и скитальцам опять пришлось уносить ноги.

Не лучший прием ожидал их и в третьем городе, где они занялись было сапожным ремеслом. Манавидан ловко и быстро кроил башмаки, а Придери не менее ловко шил их. Местные сапожники, естественно, невзлюбили гостей, и тем не оставалось ничего иного, как возвратиться в свой неласковый Дифед и заняться охотой.

Однажды охотничьи собаки Манавидана и Придери вспугнули белого дикого вепря. Охотники погнались за странным зверем, и тот вскоре привел их в глухое место к загадочному замку, которого, как хорошо знали охотники, еще вчера здесь не было. Вепрь поспешно вбежал в замок; собаки последовали за ним. Манавидан и Придери некоторое время ждали, что те вернутся, но напрасно. Тогда Придери заявил, что он отправится в замок и разузнает, что же стряслось с собаками. Манавидан попытался было отговорить его, убеждая друга, что этот замок магическими чарами возвели те же самые незримые враги, которые превратили в пустыню их добрый Дифед. Однако Придери все же решил идти в замок. Войдя в странный замок, он не обнаружил ни вепря, ни собак и вообще никаких следов человека. В нем не было ничего, кроме родника, бившего посреди внутреннего двора, а возле родника стояла красивая золотая чаша, прикованная толстой цепью к массивной мраморной плите.

Придери настолько понравилась эта чаша, что он протянул руки и хотел было взять ее. Но его руки тотчас прилипли к ней, так что он не мог двинуться с места.

Манавидан ждал его до позднего вечера, а затем возвратился во дворец и рассказал Рианнон о случившемся. Она, будучи более решительной, чем ее супруг, принялась упрекать его за трусость и тотчас поспешила в волшебный замок. Вбежав в него, она увидела во дворе бедного Придери, руки которого по•прежнему были приклеены к чаше, а ноги — к мраморной плите. Рианнон попыталась было освободить его, но сама прилипла к нему и тоже стала узницей замка. И тут раздался оглушительный удар грома, с небес опустился волшебный туман, и замок вместе со своими пленниками исчез.

Теперь Манавидан и Кигфа, жена Придери, остались одни. Манавидан успокоил бедную женщину и обещал защитить ее. В довершение всех бед их собаки пропали в замке, так что они не могли более охотиться. Им пришлось возвращаться в Ллогир, чтобы Манавидан вновь попробовал там заработать на жизнь своим старым ремеслом — ремеслом сапожника. Но тамошние сапожники опять сговорились убить чужеземцев, и те были вынуждены вернуться в свой Дифед.

Однако на этот раз Манавидан успел захватить с собой в Арбет мешок зерна и, засеяв им три надела земли, получил богатые всходы.

Когда настало время убирать урожай, Манавидан отправился на первое поле и увидел, что колосья созрели.

«Сейчас уже поздно, и я уберу урожай завтра», — решил он; но когда наутро он вернулся на поле, то увидел на нем лишь солому. На всем наделе не нашлось ни единого колоска.

Он поспешил на второе поле; и на нем зерно тоже созрело. Когда же на следующий день Манавидан пришел собирать урожай, оказалось, что все колосья, как и на первом поле, исчезли. И тогда он догадался, что зерно у него крадет та же самая колдовская сила, которая так ужасно опустошила Дифед и похитила Рианнон и Придери.

Зерно созрело и на третьем поле, и на этот раз Манавидан решил выследить коварного похитителя. Вечером он захватил с собой оружие и уселся в засаду. В полночь он услышал странный шум и, выглянув из засады, увидел целые полчища мышей. Каждая мышка срезала колосок и спешила наутек. Манавидан бросился в погоню за ними, но ему удалось схватить одну•единственную мышку, оказавшуюся менее проворной, чем остальные. Он посадил ее в рукавицу, принес домой и показал Кигфе.

— Завтра утром я ее повешу, — проговорил он.

— Подумай как следует: ведь вешать мышей — ниже твоего достоинства, — возразила та.

— И все•таки я ее повешу, — отвечал Манавидан. На следующее утро он отправился на волшебный холм и воткнул в землю двое вил, чтобы устроить виселицу. Едва он покончил с этим, как к нему приблизился странный человек в одеянии бедного ученого и почтительно приветствовал его.

— Что это ты делаешь, достопочтенный господин? — спросил он.

— Да вот, собираюсь повесить вора, — отозвался Манавидан.

— И что же это за вор? Я вижу в руках у тебя всего лишь жалкого зверька, мышку. Но ведь человеку твоего ранга не подобает прикасаться к столь низменным тварям. Отпусти ее.

— Я поймал ее в тот миг, когда она грабила мое поле, — возразил Манавидан. — И кто бы она ни была, она должна умереть смертью вора. — Никогда не думал, что мне доведется увидеть столь почтенного мужа, занимающегося подобными делами, — вздохнул ученый. — Я дам тебе целый фунт [92], только отпусти ее.

— Я же сказал, — стоял на своем Манавидан, — что не желаю ни отпускать, ни продавать ее.

— Как тебе будет угодно, достопочтенный господин. Это не мое дело, — пошел на попятный ученый. Затем он молча удалился прочь.

Манавидан тем временем положил на вилы перекладину. Едва он покончил с этим, как откуда ни возьмись появился другой незнакомец, на этот раз — священник верхом на коне. Он тоже спросил Манавидана, чем это он занят, и услышал тот же ответ.

— Господин мой, — произнес священник, — столь низкая тварь не стоит никаких денег, но, чтобы ты больше не унижал свое достоинство, притрагиваясь к ней, я готов дать тебе за нее целых три фунта. Подумай, это большие деньги.

— Я не возьму за нее никаких денег, — возразил Манавидан. — Я решил повесить ее — и повешу.

— Что ж, воля твоя — вешай, — вздохнул священник и ускакал прочь.

Манавидан накинул мышке на шейку петлю и собрался было затянуть веревку, как вдруг перед ним предстал епископ в сопровождении свиты.

— Благослови, святейший владыка, — проговорил изумленный Манавидан.

— Всевышний да благословит тебя, сын мой, — отвечал епископ. — Что это ты делаешь?

— Да вот, вора вешаю, — отозвался Манавидан. — Эта мышь коварно обокрала меня.

— Так мне довелось присутствовать на ее казни, я готов дать за нее выкуп, — заявил епископ. — Вот тебе семь фунтов. Возьми их и отпусти мышку.

— Нет, не отпущу, — возразил Манавидан.

— Хорошо, я выплачу тебе целых двадцать четыре фунта наличными, только отпусти ее.

— Не отпущу ни за какие деньги, — стоял на своем упрямый лорд.

— Ну, раз ты не хочешь отпустить ее за деньги, — заметил епископ, — я отдам тебе за нее всех моих коней со всей поклажей в придачу.

— Не хочу, — отозвался Манавидан.

— Тогда назови свою цену, — вздохнул почтенный прелат.

— На это я согласен, — удовлетворенно отвечал Манавидан. — Моя цена такова: Рианнон и Придери должны получить свободу.

— Они получат ее, — поспешно согласился епископ.

— Но это еще не все; за них одних я не отпущу проклятую мышь, — заявил Манавидан.

— Чего еще ты просишь? — спросил епископ.

— Чтобы с моего Дифеда были сняты колдовские чары, — проговорил несговорчивый лорд.

— Они будут сняты, — пообещал епископ. — А теперь отпусти мышь.

— И не подумаю, — отвечал Манавидан, — пока не узнаю, кто она на самом деле.

— Это моя жена, — признался епископ. — А меня самого зовут Ллвид, сын Килкоэда; это я напустил волшебные чары на твой Дифед, на Рианнон и Придери, чтобы отомстить за Гвавла фаб Клуда, который в игре «барсук в мешке» проиграл самому Пвиллу, владыке Аннвна. Это мои слуги под видом мышей приходили по ночам на твои поля и уносили зерно. Но поскольку моя жена оказалась твоей пленницей, я тотчас отпущу Рианнон и Придери и сниму все чары с Дифеда, как только ты отпустишь ее.

— Я не отпущу ее до тех пор, — возразил Манавидан, — пока ты не поклянешься, что опять не напустишь колдовские чары на Дифед.

— Клянусь, что никогда этого не сделаю, — заяви.! Ллвид. — Ну а теперь отпусти ее.

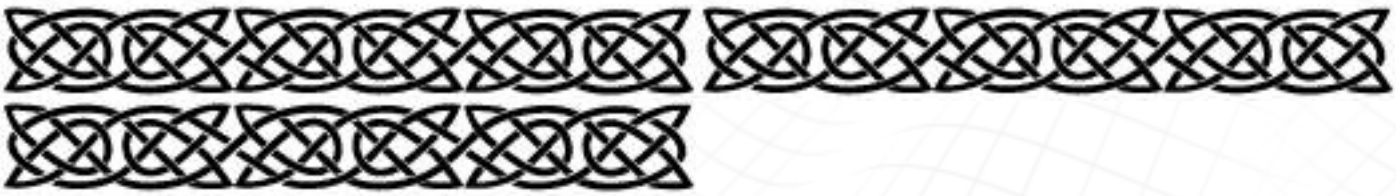
— Я не отпущу ее до тех пор, — продолжал упорствовать владелец Дифеда, — пока ты не поклянешься никогда не мстить мне.

— Ты поступил мудро, потребовав этой клятвы, — со вздохом отозвался Ллвид. — Если бы ты этого не сделал, на твою голову обрушилось бы немало бед. Что ж, клянусь. Отпусти же теперь мою жену.

— И не подумаю, — стоял на своем Манавидан, — пока не увижу собственными глазами Рианнон и Придери. Не успел он договорить эти слова, как увидел, что Рианнон и Придери приближаются к нему, радостно приветствуя его. — Как видишь, они свободны, — пробурчал епископ.

— Вижу и радуюсь, — отозвался Манавидан. Затем он отпустил мышку, и Ллвид, прикоснувшись к ней своей волшебной палочкой, превратил ее в «молодую женщину, самую прекрасную, которую только можно себе вообразить».

Оглядевшись вокруг, Манавидан обнаружил, что его Дифед опять стал таким, как и прежде, — цветущим и ухоженным краем. На этот раз силы света одержали победу. Мало•помалу они все увеличивали и увеличивали свои владения в царстве тьмы, и в следующий раз мы встречаем уцелевших потомков Ллира и Пвилла уже в качестве вассалов Артура.



Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (21) →

Вся любовная магия!
Уникальная защита на союз-с установкой на благоприятное развитие отношений

Адрес и телефон · Москва

Колдунья Тамара
Магическая помощь в любви. Сложные случаи.
www.loveprivorot.ru

Верну Любовь.
Большой опыт, реальная помощь, гарантии. Для тех, кто настроен серьезно.
lida-mag.com

Ордена, медали, знаки до 1917 г.
на аукционе "Предметы военной истории" аукционного дома "Кабинет" 29.09.07
www.kabinet-auktion.com

Кельтская мифология

Глава 22. ПОБЕДЫ СИЛ СВЕТА НАД ТЬМОЙ

Однако силы света далеко не всегда одерживали столь блистательные победы над исчадиями тьмы. Даже сам Гвидион фаб Дон был вынужден заплатить изрядную дань неудаче. Напав на Кэр Сиди — одно из многочисленных метонимических титулов Потустороннего мира, — он был захвачен в плен Пвиллом и Придери и надолго попал в темницу (см. описание ограбления Аннвна, приведенное в главе 23, «Явление Артура в мифологии»). Страдания, перенесенные им в темнице, сделали его великим бардом. В этом верование нашла свое отражение излюбленная мысль древних кельтов (сохранившаяся, кстати сказать, в популярных преданиях) о том, что тот, кто проведет хотя бы одну ночь либо в кресле гиганта Идриса [93] (вершина Кадайр Идрис в Гвинедде) либо под населенным духами и призраками Черным Камнем в Ардду на Лланберисской стороне Сноудона, наутро станет одержимым или просто потеряет рассудок. Как именно Гвидиону удалось

вырваться из темницы, предание не говорит, однако этот эпизод явно не убавил его ненависти к исконным врагам его рода — силам тьмы.
С помощью своего брата Амаэтона, бога земледелия, и своего собственного сына, Ллеу, он одержал победу в битве при Годеу, что означает «Деревья». Этот подвиг занимает весьма любопытное место в кельтской мифологии. Сражение это известно также под названием битвы при Ахрене или Охрене, что опять•таки представляет собой одно из названий Аида, значение которого неизвестно. Оно встречается в одной широко известной валлийской поэме, повествующей об «Ограблении Аннвна» самим легендарным Артуром. Королем Ахрена тогда был Аравн, и ему активно помогал Бран, который, надо полагать, тогда еще не успел совершить свое роковое плавание в Ирландию. Война велась ради того, чтобы закрепить за людьми право на три божьи твари — собаку, оленя и чибиса. Дело в том, что все эти животные по той или иной причине считались посвященными богам подземного царства.
На этот раз Гвидион вступил в бой не в одиночестве, как во время своей первой неудачной попытки вторгнуться в Аид. Кроме брата и сына, в его распоряжении теперь всегда было огромное войско. Дело в том, что особые магические чары, коими овладел Гвидион, позволяли ему обойтись без постоянной армии. В нужный момент он мог, так сказать, материализовать с помощью своих чар целые отряды воинов, а когда надобность в них отпадала, — вернуть в небытие. Само название битвы показывает, что именно так он и поступил на этот раз. Бард Талиесин воспевает это сражение в таких строках:

Я тоже был при Годеу и зрел Гвидиона и Ллеу:
они превращали в воинов деревья, осоку, кусты.

В поэме, посвященной этой битве, бард во всех подробностях описывает ход сражения. Деревья и травы, по его словам, так и рвались в бой. Кусты ольхи успели первыми, ивы и рябины немного отстали, а береза, хотя и была храбрым воином, замешкалась, слишком долго собираясь в битву. Вяз стойко держался в самой гуще битвы, не отступая ни на шаг. Когда же в бой двинулся могучий дуб, расшвыривая врагов, то от его поступи задрожали небеса и земля. Отважные боярышник и падуб стойко держали оборону, разя врагов своими шипами. Вереск теснили противника с обоих флангов, а ракитник наступал по всему фронту. А вот папоротник был повержен, и дрок тоже не устоял. Стройная сосна, раскидистая груша, сумрачный ясень, тенистый орешник, развесистый бук, стойкий тополь, скудная плодами слива, ищущие укромного уголка бирючина и жимолость, дикий чужеземец золотой дождь, «боб, собирающий в своей тени целое войско призраков», розовый куст, малина, плющ, вишня и мушмула — все стояли на своих местах.
Не менее странные бойцы были и в рядах воинов Аида. Так, в поэме говорится о некоем стоглавом чудовище, под языком которого помещался немалый отряд воинов, а другой такой же отряд восседал у него на затылке. Рядом с ним скакала отвратительная черная жаба с доброй сотней челюстей и извивалась крестовая змея, переливавшаяся всеми цветами. Тело ее состояло из сотен душ грешников, несущих столь ужасное наказание за бесчисленные грехи. Поистине, чтобы во всем блеске живописать эту ужасную битву между порождениями магов неба и земли, потребовалось бы резец Доре или перо Данте.
Именно магия и решила исход битвы. В рядах сторонников Аида был один боец, которого никто не мог победить до тех пор, пока противник не узнавал его имя, — забавная черта земных божеств, сохранившаяся, кстати сказать, и у фей. И вот Гвидион сумел выпытать его имя и спел такие строфы:

Копыта этого коня узнаю по следам;
Сверкают на твоем щите три веточки ольхи;

По этим избранным ветвям ты и зовешься Бран!
Копыта этого коня в день битвы так тверды:
Три верхних веточки ольхи сжимаешь ты в руке.
Над той избранной ветвью, Бран, твоею ветвью, Бран,
Амаэтон наш Добрый сам победу одержал!

После этого магические чары богов тьмы потеряли свою силу, и сыны Дон смогли добыть для людей оленя, собаку и чибиса, похищенных, как и все благие дары, из подземного царства.

Кстати сказать, боги света всегда извлекали какую•нибудь практическую пользу из своих побед над богами тьмы и мрака. Но самый славный набег Гвидиона в Аид был предпринят ради похищения поистине бесценной добычи — свиней!

Как сказано в «Мабиноги Мэта фаб Матонви», Гвидион слышал, что в Дифеде стали появляться некие странные твари, которых люди никогда прежде не видели. Тварей этих называли «поросятами» или «свиньями», и Аравн, король Аннвна, прислал их в дар Придери, сыну Пвилла. Они оказались животными не слишком крупными, зато мясо их, как говорили, было куда вкусней, чем мясо коров и быков. Гвидион подумал, что неплохо было бы раздобыть этих самых свиней, силой или хитростью отобрав их у сил тьмы. Мэт фаб Матонви, правивший кланом детей богини Дон со своего Олимпа — Кэр Датил [94], держал совет об этом походе, и Гвидион вместе с одиннадцатью спутниками отправился во дворец Придери [95]. Они притворились странствующими бардами, и Придери охотно принял их. Оказавшись во дворце, Гвидион, «самый лучший рассказчик историй на свете», доставил своими рассказами князю Дифеда и его двору такое огромное удовольствие, какого до того дня еще никто и никогда не доставлял им. Видя, что хозяин предоволен, Гвидион попросил Придери в награду за труды одно из животных, обитающих в Аннвне. Однако Придери, как оказалось, дал Аравну слово, что больше не станет ни продавать, ни просто дарить тому никаких животных из Аида до тех пор, пока численность уже присланных не увеличится вдвое. Об этом он и поведал мнимому барду, то есть Гвидиону.

— Господин мой, — отвечал Гвидион. — В таком случае я могу освободить тебя от твоего обещания. Не давай мне сегодня никаких свиней и не отказывай в них, а завтра я тебе все объясню.

Затем мнимый бард направился в покои, которые при готовил для него Придери, и принялся колдовать и насылать волшебные чары. Так, он сделал из древесной губки двенадцать позолоченных щитов и двенадцать коней с золотой упряжью, а также двенадцать черных борзых с белой грудью, у каждого из которых был золотой ошейник и золотой поводок. Затем он показал их всех Придери.

— Господин мой, — вкрадчиво проговорил он. — Это освободит тебя от слова, которое ты дал вчера вечером, пообещав никому не продавать свиней и не дарить их. Но ты вполне можешь поменять их на что•нибудь более ценное. Вот, я предлагаю тебе за них двенадцать прекрасных скакунов с золотой упряжью, двенадцать быстроногих борзых с золотыми ошейниками и поводками, а в придачу — целых двенадцать позолоченных боевых щитов.

Придери посоветовался со своими приближенными и согласился на такой выгодный обмен. Тогда Гвидион и его спутники забрали свиней и, не мешкая ни минуты, поспешили домой, ибо они знали, что колдовские чары способны сохранять свою власть не дольше одного дня. Память об их поспешном бегстве надолго осталась в преданиях. Каждое место, где они делали привал для отдыха на обратном пути из Кэр Датил в Дифед, получило особое название, так или иначе связанное со свиньями. В числе этих забавных топонимов — Мохдре («Свиной город») в графствах Повис и Конви и Кастелл•и•Мох («Свиной замок») неподалеку от урочища Мохнант («Свиной ручей»). Возвратившись домой, они спрятали свиней в безопасном месте, а затем поспешно собрали все

воинство Мэта, ибо прекрасно понимали, что все роскошные кони, борзые и щиты давным•давно превратились обратно в кусочки древесной губки и Придери, так ловко обманутый Гвидионом, наверняка уже в гневе спешит со своей армией на север, в Дифед. Так и оказалось. Состоялись две битвы: одна — при Менор Пинардд неподалеку от Конви, а другая — при Менор Алун, что возле Кэрнарфона. Будучи разбит в обоих сражениях, Придери попытался найти укрытие у Нант Колл, примерно в девяти милях от Кэрнарфона. Там он опять потерпел поражение и, понеся огромные потери, послал гонцов, предлагая заключить мир и прося отпустить его.

Мэт согласился на это, но войско сынов богини Дон настаивало на продолжении войны, требуя преследовать и полностью уничтожить противника. Тогда Придери обратился лично к Мэту, говоря, что раз уж эту войну затеял Гвидион, то пусть им будет позволено решить ее исход в поединке между собой.

Гвидион с готовностью согласился на поединок, и богатыри сил света и тьмы сошлись лицом к лицу. Однако силы Придери явно были на исходе, и он был повержен силой и магическими чарами Гвидиона. «И был он предан земле в Мэн Тириавк, над Меленрид, и там и ныне его могила», — сказано в «Мабиноги», хотя в одной староваллийской поэме, называемой «Надгробные стихи воинам» и входящей в состав Черной Кармартенской книги, местом его вечного упокоения названо совсем другое урочище:

Могила Придери — там, в Эйбер Гвеноли,
Где бьются в берег волны океана.

Эта решающая победа над силами Аида и их королем надолго положила конец войне, и перемирие длилось до тех пор, пока силы света не добились окончательного успеха под предводительством героя еще более славного, чем Гвидион. Имя этого героя — непобедимый Артур.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

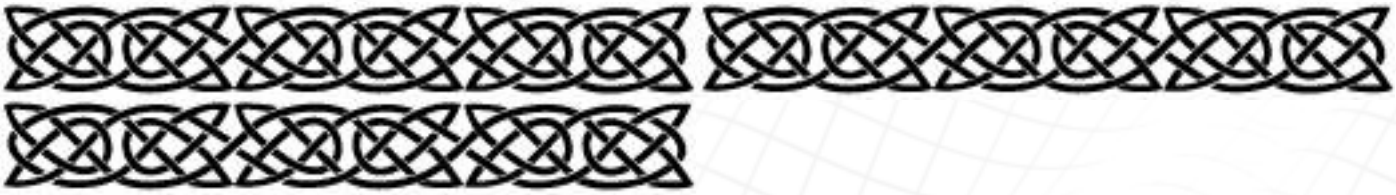
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



Глава 23. ЯВЛЕНИЕ АРТУРА В МИФОЛОГИИ

«Явление» Артура, его внезапное вторжение в ход мифологической истории, представляет собой одну из многочисленных загадок кельтской мифологии. Он никак не упоминается ни в одной из «Четырех Ветвей Мабиноги», повествующей о клане богов древних бриттов, сопоставимых с гэльскими богами Туатха Де Данаан. Наиболее ранние упоминания его имени в староваллийской литературе изображают его одним из военных вождей, ничуть не лучше, если не хуже других, таких, как «Герайнт, князь Девона», чье имя обессмертили и старинные барды [96], и вдохновенное перо Теннисона. Однако вскоре после этого мы видим Артура вознесенным на небывалую высоту, ибо он именуется королем богов, которому подобострастно воздают почести боги старых кланов небожителей — потомки Дон, Ллира и Пвилла. В старинных поэмах говорится о том, что сам Ллуд — этот Зевс старого пантеона — на самом деле был всего лишь одним из «Трех Старших Рыцарей Войны» Артура, а Аравн, король Аннвна, одним из его «Трех Старших Рыцарей Совета». В истории под названием «Сон Ронабви», входящей в состав Красной Гергестской книги, он предстает

авторитетным сюзереном, вассалами которого считаются многие персонажи, имевшие в старину статус богов, — сыны Нудда, Ллира, Брана, Гофанона и Аранрода. В другой истории из той же Красной книги, озаглавленной «Куллвх и Олвен», его вассалами объявляются еще более высокие божества. Так, Амаэтон, сын Дон, пашет для него землю, а Гофаннон, сын Дон, кует железо; двое сыновей Бели, Нинниау и Пейбоу, «превращенные им в быков во искупление грехов», впряжены в одну упряжку и заняты тем, что сравнивают с землей гору, чтобы урожай мог созреть за один день. Именно Артур созывает витязей на поиски «сокровищ Британии», и на его зов спешат Манавидан, сын Ллира, Гвин, сын Нудда, и Придери, сын Пвилла.

Наиболее вероятное объяснение этого феномена, по всей видимости, заключается в том, что в этом образе отразилась случайная контаминация славных деяний двух разных Артуров, что привело к появлению единого полуреального•полумифического персонажа, сохраняющего, однако, черты обоих своих прототипов. Одним из них явно был бог по имени Артур, почитание которого было в большей или меньшей степени распространено на землях кельтов, — вне всякого сомнения, тот самый Артур, которого надпись ex voto , обнаруженная в развалинах на юго•востоке Франции, именует Меркуриус Артайус (Mercurius Artaius). Другой — вполне земной Артур, вождь, носивший особый титул, который в эпоху римского владычества именовался Комес Британнаэ (Comec Britannae) . Этот «граф Британии» выполнял функции верховного военного вождя. Главной его задачей было обеспечить защиту страны от возможных вторжений иноземцев. В его подчинении находились два офицера, один из которых, Дукс Британниарум (Dux Britanniarum), то есть «герцог Британии», наблюдал за порядком в районе Адрианова вала, а другой, Комес Литторис Саксоники (Comes Littoris Saxonici), то есть «граф Саксонского берега» обеспечивал оборону юго•восточного побережья Британии. После изгнания римлян бритты еще долго сохраняли структуру военно•административных органов, созданную их бывшими завоевателями, и вполне резонно предположить, что этот пост военного лидера в ранней валлийской литературе соответствует титулу «императора», который из всех знаменитых героев мифологии бриттов был прерогативой одного только Артура. Слава Артура•короля объединилась со славой Артура•бога, и общий синкретический образ получил широкое распространение на землях, на которых уже в наше время были обнаружены следы древних поселений бриттов в Великобритании. Это создало почву для многочисленных диспутов относительно местонахождения «Артуровых владений», а также таких городов, как легендарный Камелот, и локусов двенадцати знаменитых сражений Артура. Преданиям и историям об Артуре и его рыцарях, вне всякого сомнения, присущ подлинный исторический колорит, но они имеют и столь же бесспорно мифический характер, как и истории об их гэльских коллегах — богатырях Красной Ветви Ольстера и пресловутых фианах.

Из этих двух циклов к кругу артуровских легенд наиболее близок последний. Ранг Артура в качестве верховного военного вождя Британии являет собой весьма показательную параллель роли Финна как предводителя «местного ирландского ополчения». А знаменитые артуровские рыцари Круглого стола весьма и весьма напоминают фианов из окружения Финна, так и ищущих всевозможных приключений. И те и другие с равным успехом вступают в бой как с людьми, так и со сверхъестественными существами. Оба совершают набеги на земли Европы, вплоть до самых стен Рима. Перипетии любовной интриги Артура, его жены Гвенвивар (Гиневры) и племянника Медравда (Мордреда) в некоторых отношениях напоминают историю Финна, его супруги Грайне и племянника Диармайда. В описаниях последних битв Артура и фианов чувствуется дыхание глубокой архаики первобытных мифов, хотя их реальное содержание несколько отличается. В битве при Камлуане в последнем поединке сходятся Артур и Медравд, а в последнем бою фианов при Габре первоначальные протагонисты поневоле вынуждены уступить место своим потомкам и вассалам. Дело в том, что сам Финн и Кормак уже успели погибнуть, и вместо них сражаются Оскар, внук Фиана, и Кэйрбр, сын Кормака, которые поражают один другого и тоже умирают. И, подобно тому, как Артур, по мнению многих и

многих его приверженцев, на самом деле не погиб, а просто скрылся в «островной долине Авильона», шотландская легенда повествует о том, как спустя много веков после земной жизни фианов некий странник, случайно оказавшийся на таинственном западном острове, встречает там Финна Мак Кумалла и даже разговаривает с ним. А другая версия легенды, которая заставляет Артура и его рыцарей пребывать под землей, будучи погруженными в магический сон, ожидая грядущего возвращения в земной мир в славе и могуществе, прямо перекликается с аналогичной легендой о фианах.

Однако, хотя эти параллели и выделяют особую роль Артура, они тем не менее не конкретизируют то место, которое он занимает среди богов. Чтобы выяснить, каково же оно было, мы должны внимательно проштудировать династические родословные кельтских небожителей и определить, не отсутствует ли в них какой•нибудь персонаж, чьи сакральные атрибуты мог унаследовать новоприбывший бог. Там, бок о бок с Артуром, нам встречаются знакомые имена — Ллудд и Гвинн, Аравн, Придери и Манавидан. С детьми Дон мирно соседствуют Амаэтон и Гофаннон. А далее зияет явный провал. В позднейших мифах отсутствуют упоминания о Гвидионе. Этот величайший из сыновей богини Дон геройски погиб и совершенно пропал из поля зрения творцов мифов. Весьма показательно, что те же самые истории и легенды, которые некогда рассказывали о Гвидионе, позднее стали ассоциироваться с именем Артура. А раз так, то мы вправе предположить, что Артур, верховный бог нового пантеона, попросту занял место Гвидиона в старой родословной. Сравнение мифов о Гвидионе с новыми мифами об Артуре показывает почти полное тождество между ними во всем, кроме имен.

Артур, как и Гвидион, — покровитель культуры и всевозможных искусств. Так, мы видим его ведущим ту же самую войну против сил подземного мира, во имя блага и процветания людей, в которой Гвидион и сыны богини Дон сражались с сынами Ллира Повелителя Моря и Пвилла Владыки Аида. Как и Гвидион, Артур поначалу испытал горечь поражений. Он терпел поражения даже там, где его прототип одерживал блестящие победы. Гвидион, по свидетельству «Мабиноги Мэта», с успехом похитил свиней Придери, тогда как Артур потерпел полный провал, попытавшись точно так же похитить тех же свиней у такого же князя подземного царства по имени Марх ап Мейрхион [97]. Как и у Гвидиона, его первый контакт с подземным царством окончился полным крахом; он был разбит и даже попал в темницу. Манавидан фаб Ллир посадил его в свою ужасную и мрачную тюрьму из человеческих костей — знаменитый Оэт и Аноэт, и Артур провел в ней три дня и три ночи, прежде чем к нему явился избавитель в лице его кузена Гореу (см. примечание к главе 24, «Сокровища Британии»), но в конце концов Артур все•таки одержал победу. Старинная валлийская поэма, приписываемая барду Талиесину и озаглавленная «Ограбление Аннвна», рассказывает о смелом рейде Артура и его дружины в самое сердце вражеской земли, откуда он, по всей вероятности (ибо смысл старинных стихов достаточно туманен), возвратился, потеряв почти всех своих спутников, но зато в конце концов добыл предмет своих вожделений — волшебный котел вдохновения и поэзии.

Талиесин излагает эту историю так, словно сам был ее очевидцем. Вполне возможно, что так оно и было, ибо он по натуре был человеком, который просто•напросто не способен пропустить ни одно сколько•нибудь важное событие. Так, он сообщает нам, что присутствовал на небесах, когда совершилось падение Люцифера, и не преминул оказаться при дворе богини Дон буквально накануне рождения Гвидиона. Вместе с Марией Магдалиной и языческой богиней Аранрод бродил посреди созвездий прямо по небесам. Он был знаменосцем Александра Македонского и главным зодчим при возведении Вавилонской башни. Видел он и падение Трои, и закладку первого камня при основании Рима. Вместе с Ноем он носился в ковчеге по волнам всемирного потопа, был свидетелем гибели Содома и Гоморры, побывал в вифлеемском вертепе и стоял на Голгофе перед Крестом Господним.

Появление Талиесина в валлийской мифологии относится к весьма и весьма поздним временам. Впервые он

упоминается в манускрипте конца XVI — начала XVII веков и никогда не пользовался в Уэльсе сколько•нибудь широкой популярностью. По традиции он считается сыном Керридвен, появившимся на свет при весьма странных, сверхъестественных обстоятельствах. До рождения Талиесина Керридвен уже была матерью двоих или даже троих детей. Одной из них была дочь Крерви, девушка необыкновенной красоты, а другим — сын Афагдду, существо на редкость уродливое. Чтобы хоть как•то компенсировать столь некрасивую внешность сына, Керридвен решила попытаться наделить его всеми возможными достоинствами, в частности, невероятным даром вдохновения и познания. Для этого она приготовила в огромном котле волшебный отвар из всевозможных магических трав. Чтобы добиться желаемого результата, она кипятила это варево в котле целый год и один день, и в итоге у нее получились три капли магической жидкости, которая должна была наделить Афагдду всеми мыслимыми талантами. Помешивать варево в котле было поручено Гвион Баху, и ближе к концу срока он по рассеянности обмакнул в котел палец, и к нему пристали ровно три капли волшебной жидкости. Не раздумывая, он тотчас сунул палец в рот и принялся дуть на него, чтобы хоть немного остудить, и невольно отведал этот волшебный напиток. Опомнившись и опасаясь за свою жизнь, он пустился в бегство, а котел, в котором теперь недоставало ровно трех капель магической жидкости, треснул, и остатки варева вытекли прямо в ручей. Керридвен пустилась в погоню за Гвионом; тот часто менял облик, чтобы избавиться от преследования, но она тоже тотчас принимала другой облик и продолжала погоню, стараясь схватить его. После бесчисленных превращений Гвион принял облик пшеничного зерна, валявшегося на полу амбара, и Керридвен, на этот раз — в образе курицы, мигом склевала его. Однако, проглотив это странное зернышко, Керридвен обнаружила, что она сделалась беременна, и вскоре родила очаровательного мальчика. После этого она положила новорожденное чадо в суму и бросила его в реку. Вскоре суму с малышом вытащил из реки Элффин, который, как гласит предание, был настолько очарован красотой бровей ребенка, что тотчас воскликнул: «Талиесин!», что означает «лучистая бровь». Так малыш получил имя. Талиесин унаследовал волшебную силу вдохновения, предназначавшуюся для Афагдду, и прославился своим поэтическим талантом, а также, по преданию, и замечательным даром пророчества.

Но, к сожалению, в качестве реальной исторической личности Талиесин вызывает не меньше вопросов, чем сам Артур. Современные ученые не отрицают, что в VI веке действительно жил некий бард по имени Талиесин, которому приписывается авторство многочисленных произведений, входящих в так называемую Книгу Талиесина [98]. Возможно, он действительно был автором хотя бы некоторых из них. Однако нам известен и другой Талиесин, которого, в качестве мифического барда кельтов Британии, вполне можно отождествить с гэльским Ойсином [99]. В преданиях явно произошла активная контаминация обоих прототипов в рамках единого образа, в результате чего реальный, исторический Талиесин был наделен чертами и атрибутами своего божественного предшественника, а мифический Талиесин кельтского пантеона накинул плащ барда богов на своего вполне земного коллегу.

Остается лишь сожалеть, что наш бард порой пел слишком уж невразумительно, ибо его творения содержат подробное описание всего того, что ожидает нас в загробном мире, каким его представляли себе древние бритты. Утомительное множество не повторяющихся и практически непереводимых названий указывает на одну и ту же юдоль скорби, и единственное их назначение — показать или хотя бы намекнуть, на что же все•таки похож пресловутый Аннвн. За исключением вдохновенных заключительных стихов, произведение это проникнуто напыщенно языческим духом, являя собой этакое древлехранилище мифологии бриттов.

Пою благого Сюзерена, Владыку сей страны,
Что власть высокую свою по всей земле простер.
Мрачна была темница Гвейра [100], угрюмый Кэр Сиди,

Страшась коварной мести Пвилла и злобы Придери,
Никто на свете до него в нее не проникал.
Тяжелая синела цепь на шее у него,
Средь воплей Аннвна горькой скорбью напев его звучал,
Но даже там великим бардом сумел остаться он.
Нас было втрое больше тех, что могут сесть в Придвен [101],
Но только семеро вернуться смогли из Кэр Сиди.
О, я ль не стою громкой славы, и песен, и хвалы
За то, что сам четыре раза бывал в Кэр Педриван [102]?
Когда впервые слово правды послышалось в котле [103]?
Когда его своим дыханьем согрели девять дев.
А разве он владыке Аннвна встарь не принадлежал?
По краю этого котла жемчужины блестят.
Он никогда не сварит пищи для труса и лжеца.
Но меч сверкающий над ним взметнется к небесам
И в крепкой длани Ллеминавга изведает покой.
У тяжеленных врат Уфферна [104]чуть теплился огонь,
Когда мы прибыли с Артуром — вот славный был денек!
Нас только семеро вернулось домой из Кэр Ведвид [105]!
Я ль не достоин громкой славы, и песен, и хвалы,
Чтоб пели их в Кэр Педриван, на Острове Дверей,
Там, где рассвет и тьма ночная встречаются всегда,
Там, где хозяин дорогим вином поит гостей?!
Нас вышло в море втрое больше тех, что вместит Придвен,
Но только семеро вернулись домой из Кэр Ригор [106]!
Я не позволю славным бардам восторги расточать:
Не зрели подвигов доблести Артура они у Кэр Видир [107]!
На стенах там пять дюжин сотен стояло день и ночь,
И было очень трудно их дозорных обмануть.
Ушло с Артуром втрое больше, чем мог вместить Придвен,
Но только семеро вернулись назад из Кэр Колуд [108]!
Нет, бездарям я не позволю пустой хвалой бряцать.
Они не видели той сечи и тех, кто бились в ней,
Неведом им тот ясный день, когда родился Гви,
Они не знают, кто его не отпускал в Девви.
Они не видели быка с повязкою на лбу:
Ярмо его — сто сорок ровно ладоней в ширину.
О, много нас ушло с Артуром! Печально вспоминать…
Но только семеро вернулись домой из Кэр Вандви[109]!
Я не позволю петь хвалы трусливым болтунам:
Они не знают дня, когда герой наш в мир пришел,
Ни часа славного, когда на свет родился он,
Ни среброглавого быка, похищенного им.

О, много нас ушло с Артуром на славные дела,
Но только семеро вернулись назад из Кэр Охрен[110].

По всей вероятности, многие аллюзии этой поэмы навсегда останутся непонятными. Не больше нам известно и о «славных бардах», которых знаменитый Талиесин упрекает в недостатке вдохновения и пророческого духа, а также в незнании часа рождения Гвина или даже того, кем он был, равно как и о тех, кто не отпускал его в поход в Девви. Тьма забвения навсегда скрыла от нас то, кем они были и какую роль играл бык с повязкой на лбу и прочие среброглавые животные; нам известно лишь то, что это, по•видимому, был «желтый бык с повязкой», упоминаемый в истории «Куллвх и Олвен» (см. главу 24, «Сокровища Британии»). Однако более ранняя часть поэмы, к счастью, является более понятной и позволяет по достоинству оценить величие поэтической фантазии. Крепковратная четырехугольная крепость из стекла, в которой несут дозор угрюмые призрачные стражи, крепость, вечно вращающаяся вокруг собственной оси, так что лишь немногие могут заметить вход в нее, крепость, тусклая лампада у врат которой едва мерцала в густом полумраке. Внутри этой странной крепости, в самом ее центре, хранилось величайшее сокровище — магический котел вдохновения и поэзии, по краю которого сверкали жемчужины, котел, клокотавший от дыхания девяти британских пифий, которых с полным правом можно считать его оракулами. К этим более чем скудным сведениям мы можем прибавить разве что несколько строк, приписываемых тому же Талиесину и входящих в состав стихотворения, озаглавленного «Песня, посвященная сынам Ллира аб Брохвел Повис»:

Прекрасен трон мой славный в Кэр Сиди:
Сидящего на нем не тронут мор и старость •
И знают то Манавидан и Придери.
Вокруг огня под ним играют три органа,
А над подставкою кипят три океана,
А выше них бурлит и пенится ручей;
В нем варево — вина душистей и белей.

Однако и это мало что добавляет к нашим представлениям о предмете. Мы узнаем, что Аннвн был со всех сторон окружен морем — «тяжелой синей цепью», которую крепко держал Гвейр. Далее сказано, что «сверкающее вино», служившее «питьем призраку», пенилось в ручье. Упоминается также о звуках трех органов; сказано и о том, что пребывающие в нем не знают ни мора, ни старости, ни смерти; и, наконец, перед нами, как и следовало ожидать, предстает главный обитатель этой невероятной резиденции — сам вездесущий Талиесин. Мы располагаем двумя ключами, позволяющими определить, где может находиться эта волшебная страна. Так, остров Ланд и, лежащий у побережья Девона, в давние времена именовался Инис Вейр, то есть «остров Гвейра», или Гвидиона. Валлийский перевод «Сейнт Грааль» (Seint Greal), англо•норманнского романа, активно использующего многие элементы старинной мифологии, помещает пресловутый «Вращающийся замок» который, по всей вероятности, можно отождествить с Кэр Сиди — в районе, прилегающем к острову Паффин у побережья Англси, но все это — довольно хрупкие ниточки, вряд ли способные низвести творения поэтической фантазии на твердую почву реальности.
Таким образом, вместе с Гвидионом сошли со страниц мифов множество персонажей, так или иначе связанных с ним в той части «Мабиноги Мэта фаб Матонви», которая излагает миф о рождении бога Солнца. Отныне ни сам Мэт, ни Ллеу Ллоу Гиффес, ни их мать Аранрод не играют в мифах сколько•нибудь заметной роли; они совершенно исчезают из легенд вместе с Гвидионом. Однако жизнь самого мифа, участниками которого они

были, продолжается. Гвидион становится отцом своей сестры Аранрод, супруги исчезнувшего бога неба по имени Нвивре (Пространство), которая родила от него двух сыновей: Ллеу, бога света, и Дилана, бога тьмы. Позднее мы увидим, что эта история была включена в саму ткань легенды об Артуре. Эта новая Аранрод, хотя сэр Томас Мэлори в своем романе «Смерть Артура» и именует ее Моргау, а Гальфрид Монмутский — Анной, известна в более раннем валлийском мифе под именем Гвиар. Она считалась сестрой Артура и женой бога неба Ллуда, а само ее имя, означающее «пролитая кровь» или «запекшаяся кровь», напоминает о генетической связи Морриган, богини — воительницы древних ирландцев, с богом неба Нуадой. Новый вариант Ллеу Ллоу Гиффеса получил имя Гвалхмей, что означает «Майский Сокол», а новый Дилан стал Медравдом, в одно и то же время и сыном Артура, и братом Гвалхмейса, и — непримиримым врагом их обоих.

Помимо этих «старых знакомых с новыми лицами», Артур принес с собой целый новый пантеон персонажей, большинство которых просто заменили старых небесных божеств, а также богов•правителей земли и подземного царства. Так, Зевс Артуровского цикла получил имя Мирддин, и этот персонаж вошел в норманно•французские романы об Артуре под более привычным именем — Мерлин. Все мифы особо подчеркивают его высокое положение. Первым названием Британии, которая она носила еще до активного заселения острова, как гласят старинные рукописи, было Клас Мирддин , что означает «Удел Мирддина». Он получил в жены женщину, атрибуты которой напоминают черты союза Нуады и Ллуда. Она предстает в новых мифах всего лишь дочерью Кела — британская версия имени галльского Камулуса, бога войны и неба, — и получает имя Элен Лвиддавг, то есть «Элен, Повелительница Призраков». Память о ней до сих пор сохраняется в Уэльсе, будучи тесно связанной со старинными дорогами. Такие топонимы, как Ффорд Элен («Дорога Элен») и Сарн Элен («Тропа Элен»), по всей видимости, свидетельствуют о том, что в старину дороги, по которым перемещались походным маршем войска, были посвящены именно ей. В качестве супруги Мирддина она считается основательницей городка Кармартен (Кэр Мирддин), а также «самой славной крепости в Арвоне», которая, по•видимому, находилась в старину в урочище возле Беддгелерта, до сих пор носящем название Динас Эмрис , то есть «Город Эмриса»; как известно, Эмрис — одно из имен или эпитетов Мирддина. Особым почитанием Мирддин, или, точнее говоря, британский Зевс, выступающий под другим именем, пользовался в знаменитом культовом центре Стоунхендж. Этот впечатляющий храм, лишенный в наши дни кровли и открытый всем дождям и ветрам, был местом особого почитания верховного бога Солнца и света бриттов. Нельзя сказать, что мы не располагаем никакими документальными свидетельствами о нем. Гальфрид Монмутский, исторические писания которого часто представляют собой пересказ мифологической фактологии, утверждает, что эти знаменитые каменные монолиты, образующие храм, были воздвигнуты самим Мерлином. До этого они якобы стояли в Ирландии, на некоем холме, который Гальфрид именует «Гора Киллараус» и который может быть отождествлен с местом, упоминаемым в ирландских легендах под названием «Холм Уиснеха» и в седой древности связанным с именем Балора. Как гласят предания бриттов, первобытное племя великанов, первым обосновавшееся в Ирландии, перенесло эти глыбы сюда с их исконного места «на отдаленном берегу Африки», ибо камни эти обладали поистине чудодейственными свойствами: стоило только погрузить их в воду, как та тотчас превращалась в лекарство, исцеляющее от всех болезней и ран. По приказу Аврелия, полуреального•полумифического короля Британии, Мерлин перенес эти глыбы на равнину Солсбери, чтобы увековечить славную память вождей бриттов, предательски убитых Хенгистом и его саксами. Поскольку мы не располагаем сколько•нибудь достоверными сведениями о Стоунхендже, мы вынуждены обратиться к свидетельству Диодора, который называл его храмом Аполлона. На первый взгляд это утверждение весьма спорно, однако трудно допустить, чтобы древние кельты — обитатели Британии не проводили в религиозном плане никакой грани между небом и солнцем. Бог Солнца в качестве отдельного персонажа появляется в мифах в сравнительно поздние времена.

Кельтская мифология позволяет нам, так сказать, присутствовать при рождении как гэльского Луга Ламфады, так и Ллеу Ллоу Гиффеса древних бриттов.

Даже хорошо известная история о последнем пленении Мирддина или Мерлина, заключенного в гробницу колдовских чар — «в башню без стен, врат и дверей», — читается как явный миф о солнце, «окруженного языками пламени и сиянием славы небесной». Владыка Небес, в ореоле сияющего пламени и поистине живого света, медленно движется в сторону запада и наконец исчезает в волнах моря (как гласит один из вариантов мифа), или опускается на некий отдаленный остров (согласно другой версии), или даже садится в глухой лес (как повествует третья). После окончательной кодификации мифов этим таинственным островом стал о. Барнси, лежащий у самой западной оконечности Гвинедда. Именно на этот остров бог Солнца и отправился в сопровождении девяти славных бардов, захватив с собой легендарные «Тринадцать сокровищ Британии», которые с тех пор были навсегда потеряны для простых смертных. Нет никаких сомнений, что остров Барнси обязан своим названием именно этой легенде; по всей вероятности, аллюзию на этот сюжет можно найти в трудах греческого историка I века Плутарха, который рассказывает, что некий славный ученый по имени Деметрий посетил Британию и привез на родину подробный рассказ о своем путешествии. В нем Деметрий упоминает несколько необитаемых священных островов неподалеку от побережья Британии. По его словам, островки эти получили названия по именам богов и героев, но среди них не было ни одного, на котором томился бы в заключении Кронос вместе со своими богами•спутниками под бдительным присмотром стража Бриарея. Кронос спал, «ибо сон был цепью, скованной для него». Нет никакого сомнения, что это божество, лишенное наследства, которое грек, по своему обыкновению, назвал Кроносом, и было тем самым богом неба и Солнца древних бриттов, которое каждый день опускается в темницу на западе. Среди новоприбывших — и Гай, который в качестве сэра Гая Сенешаля играет столь важную роль в позднейших романах. В «Сейнт Греаль» [111], утратив прежний ореол знатности, он выступает в роли всего лишь дворецкого Артура, являя собой бледную тень того Гая, который некогда убил сына Артура, Ллахеу, и был оправдан, хотя из•за нарочитой запутанности и неясности поэмы этот инцидент вполне может быть связан и с женой Артура, Гвенвивар. Гай считался олицетворением огня, пламени; это его свойство особо подчеркивает описание, приведенное в мифологической легенде «Куллвх и Олвен». «Кай был высоким и стройным, — говорится в ней. — Стоило ему только захотеть, как он мог предстать высоким, как самое большое дерево в лесу. Обладал он и другим свойством: он был настолько горяч, что, даже когда лил сильный ливень, любая ноша на его плечах оставалась сухой на целую ладонь вокруг, а когда его спутники мерзли от стужи, он служил для них источником огня, от которого они зажигали дрова».

Другой персонаж, встречающийся в историях Артуровского цикла и занимающий весьма важное место в кельтских мифах, — Марх ап Мейрхион, чьих свиней некогда попытался похитить сам Артур, подобно тому как Гвидион еще раньше хотел выкрасть свиней Придери. В позднейших романах он предстает трусливым и коварным Марком, королем (по некоторым преданиям) Корнуолла, или даже — согласно другим легендам — королем всей Британии, хорошо известным всем в качестве супруга прекрасной Изольды и дяди сэра Тристрема. Однако его, как божество, претерпевшее сложные трансформации, можно встретить в ранних мифах гэлов и бриттов. Первоначально он был тем самым Марком, королем фоморов, во времена, когда его Стеклянный замок был наглухо осажден детьми Немхеда. Фоморов обычно можно узнать по их зооморфмым прозвищам, и Марх, имя которого означает «конь», не является исключением из этого правила. Когда сэр Томас Мэлори в своей «Смерти Артура» рассказывает, как, чтобы развлечь самого Артура и сэра Ланселота, сэр Динадан спел песню о Марке, «ставшую самым ужасающим набором звуков, которые когда•либо издавали арфа или другой инструмент», он ничего не говорит о том, в кого метило жало этой сатиры. Однако не вызывает сомнений, что песня напомнила королю Марку о его телесном изъяне — о том, что у него, как и у его

фригийского коллеги, были огромные уши, только не ослиные, как у Мидаса, а конские. В сущности, Марк и был кельтским Мидасом — черта, унаследованная им от одного из мифических королей древней Ирландии, Лабраидха Лоингсеха. Мы не вправе пройти и мимо столь колоритной фигуры, как Уриен, бог подземного царства, иногда отождествляемый с самим Браном. Как и его сын Ллир, он некогда был богом войны и в то же время покровителем менестрелей. Барды почитали его своим патроном; его символом был ворон (по•валлийски — бран) [112]. Для полноты картины следует отметить, что в Красной Гергестской книге сохранилась старинная поэма, повествующая о том, как Уриен, будучи ранен и истекая кровью, приказал спутникам отрубить ему голову. Супругой его считалась Модрон, известная как мать Мабона, бога Солнца, именуемого в старинной латинской надписи Мапоном. В числе других детей Уриена и Модрон следует назвать Овэйна, имя которого, по всей вероятности, являет собой другой вариант имени Мабона. В «Погребальной песне Овэйна» Талиесин называет его «владыкой светозарного Запада», что указывает, что он был богом Солнца, «повелителем вечера» или «владыкой возделанной земли», тогда как его отец, Уриен, считался правителем подземного царства.

Существует и еще одна веская причина, почему мы всегда видим вокруг Артура множество второстепенных богов, представляющих собой, по всей вероятности, родоплеменные (клановые) олицетворения весьма и весьма немногочисленных мифологических идей и представлений. Кельты (это в равной степени относится к обеим их ветвям — гэлам и бриттам) были раздроблены на множество кланов и родов, у каждого из которых имелись свои собственные местные боги и божки, воплощающие под разными именами одни и те же основополагающие концепции. Так, у них всех был бог подземного царства, громадный исполин, покровитель воинов и менестрелей, наставник искусства красноречия и литературы, обладатель несметных богатств — тот самый, которого некоторые кланы бриттов почитали под именем Брана, другие — под именем Уриена, иные же величали его Пвиллом, Мархом, Мэтом, Аравном или Огирвраном. Это был верховный владыка Элизиума — точнее говоря, Аида, то есть рая для отверженных, куда прибывали все изгнанные из первобытных средиземноморских пантеонов и откуда вели свое начало причины всех явлений бытия, которого бритты Уэльса именовали Гвином, или Гвинвасом, бритты Корнуолла — Мелвасом, а бритты Сомерсета — Аваллоном, или Аваллахом. По этому последнему имени•титулу его владения и получили название Инис Аваллон , то есть «Остров Аваллона», или, в более привычной огласовке, остров Авильон. Именно там, по преданию, находилась «страна вечного лета», которая в наиболее ранних мифах отождествляется с Аидом, и лишь в гораздо более поздние времена появились сведения, что таинственный остров Авильон находится в Гластонбери, а пресловутый Элизий, «страна вечного лета», — в Сомерсете. Существовал всемогущий правитель небес, «бог сражений и битв», которому поклонялись на возвышенных местах. В руках этого бога находилось «решение исхода сражений». Некоторым кланам он был известен под именем Ллуда, другим — Мирддина или Эмриса. Это был весьма добрый бог, дружелюбно относившийся к людям, на помощь которым он немедленно присылал мощные подкрепления — воинов из подземного царства. Его называли по•разному — то Гвидион, то Артур. Последнего мифы часто изображают в зримом облике солнечного божества с длинными руками и острым копьем, божества, активно помогающего богу земледелия, известному под разными именами: Ллеу, Гвалхмей, Мабон, Овэйн, Передур и пр. У него, вне всякого сомнения, было немало и других имен; кроме того, в мифах часто рядом с ним выступает его брат, считающийся богом тьмы. Эта персонификация одной и той же идеи под разными именами также имеет место в гэльских мифах, хотя там она далеко не столь очевидна. В постоянных войнах и распрях между кланами многие архаические божества исчезли, от других остались одни только имена, как произошло, например, в Ирландии с огромным пантеоном богов Туатха Де Данаан, а в Британии — с огромным кругом спосешников Артура. Другие, будучи богами более сильных и победоносных кланов, даже увеличили круг своих почитателей, подобно тому как их поклонники

расширили территорию своих владений. Так продолжалось до тех пор, пока, как и в Греции, верховные боги многих кланов, собравшись вместе, образовали общенациональный пантеон.

Итак, мы попытались объяснить «Явление Артура» с исторической точки зрения. Что же касается мифологического аспекта, то он, как и все сущее по представлениям древних кельтов, пришел из подземного царства. Его отцом, по свидетельству Гальфрида Монмутского и Мэлори, был Утер Пендрагон, но Утер Пендрагон — не кто иной, как Утер Бен, то есть тот же Бран, выступающий под именем «Волшебная Голова» (ибо слово «драгон» [т. е. дракон. — Прим. перев.] является не частью его имени, а титулом, означающим «предводитель войска»). Итак, вопреки легендам, утверждающим, что именно Артур нашел и выкопал голову Брана на холме Тауэр Хилл, откуда та наблюдала — не приближается ли враг к берегам Британии, ибо Артур считал ниже своего достоинства поддерживать свою власть над Британией каким•либо иным путем, кроме сохраняя честь и доблесть (см. главу 20 — «Сватовство к Бранвен и голова Брана»), мы должны признать отцом Брана самого владыку подземного царства. После этого у нас есть все основания утверждать, что и жена его точно так же происходила из того же подземного царства, и не удивительно, что ею оказалась Гвенвивар, чей отец, Огирвран, представлял собой персонаж, во всех отношениях отвечающий представлениям древних кельтов о повелителе подземного мира. Он был громадного роста (недаром его звали Огирвран•великан); был владельцем волшебного котла, из которого родились три музы; и, вдобавок ко всему этому, был патроном бардов, которые почитали его основоположником всех искусств. Более того, само его имя, восходящее к архаическому окур вран (ocur vran), означает злая ворона, то есть ворон — птица смерти.

Однако староваллийские предания приписывают Артуру обладание тремя женами, каждую из которых звали одинаково — Гвенвивар. Эта странная особенность, по всей вероятности, является результатом особого пристрастия кельтов к троичной символике. Для сравнения можно вспомнить трех Этэйн, проходящих по страницам мифо•героической истории об Эохаидх Эйремхе, Этэйн и Мидхире. Одна из этих трех Гвенвивар [113], помимо Гвенвивар — дочери Огирврана, была дочерью Гвирд Гвента, о котором нам не известно абсолютно ничего, кроме его имени, а другая — дочерью Гвитир ап Гврейдавла, того самого «Победителя, сына Лихача», с которым Гвин ап Нудд в одном из более ранних мифов ведет вечную битву за руку Кройддилад, дочери бога неба Ллуда. Эту же длящуюся в вечности борьбу сил света и тьмы за обладание символической девой описывают и на страницах легенд Артуровского цикла, но там она ведется не за руку Кройддилад, которую стремится похитить Гвин, а за прекрасную Гвенвивар, супругу уже не Гвитира, а Артура. По всей вероятности, в корнуолльском варианте этого мифа бог тьмы носит имя Мелвас, а не Гвинвас, или Гвин, как звучит его имя по•валлийски. Мелвас пролежал в засаде целый год, и в конце концов ему удалось увезти красавицу Гвенвивар в свой дворец в Авильон. Однако Артур бросился в погоню за ним и победил этого грозного исполина, точно так же как Эохаидх Эйремх, в гэльской версии этого поистине универсального мифа, был побежден и заперт в сидхе Мидхира в Бри Лейт (см. главу 11 — «Боги в изгнании»). Мифология, как, впрочем, и история, склонна повторяться, и Мелвасу пришлось вернуть украденную Гвенвивар ее законному супругу и господину.

Однако соперником Артура, оспаривающим у него руку и сердце Гвенвивар, в широко известной версии этой истории выступает уже не Мелвас. Наиболее распространенные варианты этой достаточно ранней любовной истории называют соперником Артура его собственного племянника — Медравда. Здесь можно провести параллель между легендой бриттов об Артуре, Гвенвивар и Медравдом и гэльской историей о любви Эйремха, Этэйн и Мидхира. Оба свода мифов взаимно дополняют друг друга; более того, даже имена всех трех пар персонажей имеют перекликающиеся значения. Так, имя Эйремх, как и Артур [114], означает «пахарь» — более чем уместное имя для бога — основателя земледелия. Этэйн, то есть «Сияющая», — более чем

красноречивая параллель к имени Гвенвивар, что означает «Белый Призрак»; имена Мидхир и Медравд восходят к одному и тому же корню, означающему буквально «поражать, сражать», а в метафорическом плане — приходить к определенному решению. Попытка объяснения этого мифа в очередной раз ставит вопрос об истинном содержании мифологии. Спешат ли день и ночь сами собой к рассвету, уступают ли лето и зима место блаженной весне, или все это — не более чем символы всходов зерна, от которых зависит сама жизнь людей, всходов, вызванных из небытия магическими заклинаниями земледельца? Когда будет получен ответ на этот вопрос, тогда станет ясным и содержание многих и многих древнекельтских мифов. Соперники, сражающиеся за похищенную невесту, были, есть и будут неизменными; один из них наделен атрибутами света, другой — символами тьмы.

Даже в изложении сэра Томаса Мэлори в легенде об Артуре, заимствованной им из французских любовно•рыцарских романов, достаточно далеко отстоящих от оригинальной версии преданий, мы видим характерную мифологическую замену. Место возлюбленного королевы — супруги Артура, принадлежавшее в легенде Медравду, в романах артуровского цикла занял сэр Ланселот; если он не являл собой некоего неизвестного кельтского бога [115], то тогда его образ представляет собой чистый плод вымысла позднейших норманнских беллетристов. Однако история, в которой Медравд выступает соперником Артура, дошла до нас в тексте «Смерти Артура», где повествуется о том, как сэр Мордред силой взял в жены Гиневру, что тоже является одним из проявлений бунта, поднятого им против своего короля и одновременно дяди.

Притягательность этого кельтского мифа оказалась настолько сильной, что он еще в давние времена стал частью псевдоистории Древней Британии. Знаменитые триады рассказывают о том, как Артур и Медравд в отсутствие хозяина (т. е. себя самих) совершали опустошительные набеги на владения друг друга. Так, Медравд отправился в Келли Вик, что в Корнуолле, и съел и выпил там все припасы, которые только смог найти, а в довершение всего нанес оскорбление королеве Гвенвивар. В отместку за этот набег Артур напал на двор Медравда и предал огню и мечу всех его слуг и весь скот. Их соперничество в конце концов завершилось Камлуанской битвой. Это мифическое сражение, которое хронисты изо всех сил старались объявить историческим, насыщено легендарными деталями. Предания гласят, что Артур и его соперник в ходе сражения трижды делились друг с другом силами, вследствие чего эту битву впоследствии стали называть одним из «Трех бессмысленных сражений Британии» — идея, позволившая именовать ее также одним из «Трех преступных переворотов Британии». В этой жуткой сече сумели выжить всего лишь четверо: один — потому, что он был настолько уродлив, что воины врага старались держаться подальше от него, считая его дьяволом; другой — потому, что был так прекрасен, что враги приняли его за ангела; третий был таким богатырем, что против него никто не мог устоять, а четвертым оказался сам Артур. Отомстив Медравду за смерть Гвалхмея, он отправился к себе на остров Авильон — залечивать бесчисленные раны, полученные в сражении.

Именно оттуда — из легендарного Элизиума кельтских народных преданий — им и предстоит когда•нибудь вернуться в этот мир. Но подобно тому, как гэльские боги, по преданиям, ныне влачат бытие в «Стране Живых», лежащей где•то за кромкой волн на далеком Западе, и иногда наведываются в свой дворец — безымянный полый холм, так и Артур порой заглядывает на Авильон и даже восседает со своими славными витязями, под чарами волшебного сна в некоем сакральном месте, ожидая звука архангельской трубы, которая призовет их в бой за освобождение Британии. Легенда эта записана в окрестностях холмов Эйлдон Хиллз, в округе Сноудаун, в Кэдбери в Сомерсете, наиболее аутентичном локусе легендарного Камелота, в долине Нит в Южном Уэльсе, а также во многих и многих других местах. Артур погрузился в глубокий сон, но он не умер. Старинное валлийское стихотворение, озаглавленное «Стихи на могилах воинов» и входящее в состав Черной Кармартенской книги, перечисляет места вечного покоя большинства богов и полубогов древних бриттов.

«Могила Гвидиона находится в болотах Динллеу», могила Ллеу Ллоу Гиффеса — «под покровом моря, которое он так любил», и там, где «волна издает прощальный вздох, скрыта могила Дилана». Благодаря ему мы знаем, где находятся места вечного упокоения Придери, Гвалхмея, Марха, Мабона, даже великого Бели, но

О могиле Артура и помыслить грешно [116].

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

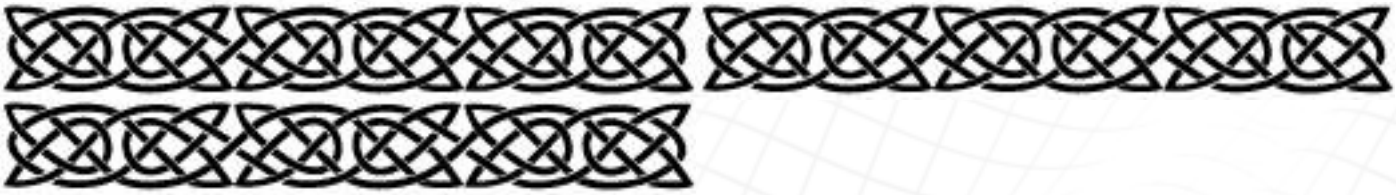
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



Глава 24.СОКРОВИЩА БРИТАНИИ

Для мифологического Артура весьма характерно, что в ранневаллийских преданиях он предстает в совершенно ином облике, чем тот, который присутствует в псевдоисторических писаниях Ненния и Гальфрида Монмутского. Так, в легендах ничего не сказано о его набегах на страны Западной Европы, которым Гальфрид уделяет так много места в двух своих книгах. Да, Артур был завоевателем, но завоевания его никак не затрагивали стран и земель, известных географам. Он сражался против Аида, а не Рима, и именно эти битвы принесли ему поистине триумфальную славу. Именно такова подлинная история короля Артура, и значительное число ее фрагментов и просто отрывочных упоминаний сохранилось в составе Красной Гергестской книги. Обе эти истории, в той форме, в которой они дошли до нас, уверенно датируются XII веком, но в обоих возникает впечатление, что их автор•кодификатор просто собрал и положил на пергамент фрагменты угасающих преданий, восходящих к гораздо более отдаленному прошлому.

Когда некий валлийский тяжеловооруженный рыцарь по имени Ронабви однажды вознамерился улечься спать на

желтую телячью кожу — единственное подобие ложа в той бедной хижине, на пороге которой его застала глухая ночь, ложа, не слишком усеянного клопами и прочей нечистью, — во сне он увидел видение, которое и описано в легенде под названием «Сон Ронабви». Ему почудилось, будто он странствует со своими спутниками, направляясь в Северн, и вдруг слышит позади себя оглушительный шум. Оглянувшись назад, он видит некоего всадника•великана верхом на исполинском коне. Облик этого великана был настолько ужасен, что Ронабви и его спутники бросились наутек от этого чудовища. Но их бегство оказалось совершенно бесполезным, ибо всякий раз, когда конь великана делал вдох, он втягивал в себя воздух и подтягивал беглецов к себе, а с каждым выдохом немного отбрасывал их от себя. В отчаянии они пали духом, запросили пощады и, что называется, сдались на милость победителя. Тот пощадил их, пожелал узнать имена незадачливых беглецов, а затем поведал им свое собственное. Оказалось, что это был Иддавк, Смутьян Британии, тот самый, который из любви к войне ради войны намеренно развязал кровопролитную Камлуанскую битву. Артур послал его на переговоры к Медравду, но, хотя король и общался с ним в предельно вежливых выражениях, на которые только был способен, Иддавк тем не менее обратил все это в ссору и свару. После этого он был на семь лет отправлен в ссылку, был прощен и теперь спешил что было духу в лагерь Артура. Туда•то он и хотел привести с собой Ронабви и его воинов.

Войско Артура стояло лагерем в миле от брода Рид•и•Гроэс, по обеим сторонам дороги, а сам император находился на маленьком островке посреди реки, где он беседовал о чем•то с епископом Бедвини и Гвартхегидом, сыном Коу. Как и Ойсин, вернувшийся в Ирландию после трехвекового пребывания в Тир Таирнигириб, «Земле Обетованной» (см. главу 15, «Финн и фианы»), Артур своими волшебными чарами превратил пленников Иддавка в карликов, ростом не больше пони.

— И где это, Иддавк, тебе удалось найти таких малышей, а? — обратился к нему король.

— О мой повелитель, я встретил их только что, вон на той дороге. Тогда император заулыбался.

— О мой повелитель, — удивленно спросил его Иддавк, — над чем это вы смеетесь?

— Видишь ли, Иддавк, — отвечал император, — я не смеюсь; мне просто подумалось, какими крошками кажутся эти людишки по сравнению с теми стражами, что стерегли тебя на острове. — Сказав это, он с улыбкой отвернулся, а Иддавк поспешил приказать Ронабви и его спутникам, чтобы те помалкивали и глядели, что же будет дальше.

К сожалению, объем этой книги не позволяет хоть сколько•нибудь подробно описать внешний облик и вооружение воинов, которые скакали вслед за пленниками Иддавка, торопясь присоединиться к войску Артура, направлявшемуся походным маршем на поле, на коем вскоре произошла битва при Маунт Бадон. Впрочем, некоторые историки считают, что она состоялась в Бате. Если читатель захочет сам обратиться к этой истории, он сможет увидеть все то, что видел Ронабви. Многие спутники Артура названы по именам: это и Карадавк Крепкая Рука, который здесь назван сыном не Брана, а Ллира; и Марх ап Мейрхион, владыка подземного царства; и Гай, именуемый «самым прекрасным всадником во всей свите Артура»; и Гвалхмей, сын Гвиар и самого Артура; и Мабон, сын Модрона; и Тристан, сын Таллвха, возлюбленный «Прекрасной Изольды»; и Гореу, кузен Артура и его избавитель из Аэт и Аноэт — костяной тюрьмы Манавидана. Эти и многие другие персонажи проходят перед глазами читателя, точно так же как некогда они прошли перед глазами самого Ронабви за те три дня и три ночи, которые он проспал на той самой знаменитой телячьей коже. История, изложенная в саге «Сон Ронабви», столь подробно прописанная в деталях, по содержанию мало чем отличается от делового каталога. По всей вероятности, ее неизвестный автор поставил себе задачу представить вереницу картин, имевших, по его мнению, важное значение для характеристики сподвижников Артура. Другая история, знаменитая «Куллвх и Олвен», также имеет форму каталога, однако принципы подачи материала в нем существенно иные. Это уже не просто перечень людей, поданных как некие редкости. Ее тема — не герои

минувших веков, а сокровища Британии. Ее вполне можно сравнить с гэльской историей о приключениях трех сынов Туиреанна (см. главу к, «Гэльские аргонавты»).

«Тринадцать сокровищ Британии» часто упоминаются и ранних легендах бриттов. Они, естественно, принадлежали богам и героям и оставались на нашем славном острове вплоть до конца эпохи богов, когда Мерлин, расколдовавший прежний мир, унес их с собой в свою воздушную усыпальницу, увидеть которую не позволено никому из смертных. По преданию, к числу этих сокровищ относились меч, корзина, рог для питья, колесница, поводья, нож, котел, точильный камень, одежда, миска, тарелка, шахматная доска и мантия. Они обладали не менее удивительными волшебными свойствами, чем яблоки, свиная кожа, копье, упряжка коней и колесница, свиньи, щенки и вертел, которые сыны Туиреанна с такими трудностями раздобыли для Луга (см. главу 8, «Гэльские аргонавты»). Это, вне всякого сомнения, те же самые легендарные сокровища, которые появляются в истории «Куллвх и Олвен». Даже число их совпадает, ибо и тех и других — по тринадцать. Одни из них предположительно, а другие, бесспорно, восходят к какому•то иному преданию. Неудивительно, что между этими двумя перечнями могут существовать значительные несовпадения, поскольку вполне вероятно, что в древности существовали различные варианты (изводы) одной и той же легенды. Разумеется, в древности о тринадцати сокровищах Британии слышали все. Многие, конечно, задавали себе вопрос, что это за сокровища. Другие интересовались, откуда эти сокровища могли появиться. Так вот, история «Куллвх и Олвен» и должна была дать ответы на все эти вопросы. Оказывается, эти сокровища сумели раздобыть для Британии Артур и его грозные рыцари. Куллвх — герой этой истории, а Олвен — ее героиня, но только, если так можно выразиться, ради соблюдения куртуазности. Эту пару связывает взаимная любовь, пребывающая, как это часто имеет место в преданиях архаических народов, на заднем плане основной интриги. Женщине в таких легендах отведена роль золота и всевозможных сокровищ, вокруг которых закручивается сюжет приключенческих авантюр, более близких к нам по времени. Ее можно добыть, преодолев множество внешних препятствий и не утруждая себя снисканием ее собственного согласия. В этом романе Куллвх был сыном короля, женившегося впоследствии на вдове, у которой была взрослая дочь. На этой•то девушке и заставляла его жениться его новоявленная мачеха. На эти домогательства юноша возразил, что он еще не в том возрасте, когда благородному человеку подобает жениться, и мачеха наложила на него заклятие, состоявшее в том, что он сможет найти себе жену до тех пор, пока не завоюет сердце Олвен, дочери поистине ужасного отца по прозвищу Готорн [117], Вождь Великанов, или, по•валлийски, Испаддаден Пенкавр.

Вождь Великанов был столь же враждебен к поклонникам своей дочери, сколь и уродлив. Это и не удивительно! Дело в том, что он отлично знал, что, после того как его дочь выйдет замуж, ему самому вскоре придет конец. И эта фатальная предопределенность, и даже его ужасные брови, столь тяжко нависавшие над глазами, что он почти ничего не видел до тех пор, пока брови не приподнимались специальными вилами, делают его образ весьма похожим на одного из фоморов, легендарного Балора. А вот его дочку Олвен валлийская легенда, напротив, показывает нам писаной красавицей. «Кудри на ее головке были светлее ракиты, кожа ее была пены морской белее, а ручки ее, и особенно пальчики, были нежней и прекрасней, чем лепестки анемона на глади ручья, бегущего посреди медвяных лугов. Очи ее были быстры, как ученый ястреб; резвость сокола•трехлетка не могла сравниться с ее быстротою. Грудь ее белая была белоснежнее, чем грудь белой лебеди; щечки ее алели алей самых алых роз. Всякий, кто видел ее, тотчас влюблялся без памяти. Там, где ступали ножки ее, распускались четыре белых трилистника. Потому•то ее и назвали Олвен».

Нечего и говорить, что Куллвх, даже еще не видя деву, воспылал к ней нежной страстью. Он то и дело краснел при упоминании ее имени и выспрашивал у отца, каким образом он мог бы заполучить ее в жены. Отец напомнил своему влюбленному детищу, что он, как•никак, приходится кузеном самому Артуру, и посоветовал сыну попросить Олвен у короля в качестве дара. Услышав это, "Куллвх тотчас вскочил на своего скакуна серой

масти, в яблоках, славного коня•четырехлетка, с крепкими жилами и твердыми, как камень, подковами. Упряжь на нем сверкала золотом, и седло на нем было из чистого золота. А в руке пылкий юноша держал два копья серебряных, прочных, тщательно выкованных, с наконечниками из стали, в три эля [118] длиной. Наконечники были настолько острыми, что могли поранить даже ветер и заставить его пролить кровь. Падали же они еще легче и незаметнее, чем падает наземь капля росы с листьев камыша в июньский день, когда росы особенно тяжелы. На ремне у него висел меч с золотой рукоятью; лезвие же меча было из кованого золота, и крест накладного золота сверкал на нем светом небесным. Рог его боевой был искусно сделан из кости. Впереди него мчались две белогрудых борзых; на шеях у них сверкали литые ошейники, достающие от плеч до ушей. У той, что бежала слева, привязь держалась на правом боку; у той, что летела справа, — ясное дело, на левом. Скакун его землю швырял в небеса сразу всей четверкой копыт; казалось, четыре ласточки взмывали под небеса над головой у него, ныряя то выше, то ниже. На нем красовалась пурпурная четырехугольная мантия; в каждом углу ее сверкало по яблоку золотому, и каждое из тех яблок стоило сотню коров. Башмаки на нем были из золота, ценою в три сотни коров. Стремена его золотые доходили от башмаков до колен. Но когда он скакал, даже стебли травы не прогибались под ним: такой легкой была поступь его скакуна, когда подскакал он к самым воротам дворца короля Артура".

Впрочем, этот отважный кавалер не стал слишком церемониться. Когда он прибыл к дворцу, его ворота уже были заперты на ночь, но рыцарь, невзирая на это, послал к Артуру, требуя, чтобы его немедленно впустили. И хотя правила этикета требовали, чтобы гости оставляли своих коней на привязи у ворот, Куллвх не сделал этого и повел своего скакуна прямо в зал. Обменявшись с хозяином галантными приветствиями, он назвал свое имя и потребовал от императора отдать ему Олвен в жены.

Как оказалось, ни сам Артур и никто из его придворных даже и не слышали об Олвен. Тем не менее император пообещал своему кузену отыскать ее или удостовериться, что такой девушки просто не существует. Затем он послал на помощь Кулвху своих славных рыцарей: Гая вместе с его другом Бедвиром, скорым на любое дело; Кинделига, который всегда мог указать дорогу в чужой стране как в своей собственной; Гврриа, знавшего все на свете языки людей и прочих божьих тварей; Гвалхмея, который никогда не останавливался на полпути и доводил всякое дело до конца; и Менва, способного превратить себя и своих спутников в невидимок. Они скитались до тех пор, пока им не встретился замок, стоявший посреди равнины. На лугах вокруг него паслись бесчисленные стада овец, за которыми присматривали с холма пастух•великан и такой же громадный пес. Менв прочитал против пса магическое заклинание, и они направились к пастуху. Как оказалось, его звали Кустеннин; он был братом Испаддадена, а его жена приходилась сестрой матери самого Куллвха. Злобный повелитель великанов жестоко унизил своего брата, сделав его слугой, и безжалостно предал смерти двадцати четырех его сыновей, за исключением одного, которому удалось спрятаться в каменном сундуке. Пастух приветствовал Куллвха и его спутников — рыцарей Артура, пообещав тайно помогать им, причем сделал это весьма охотно, ибо Гай пообещал взять его единственного уцелевшего сына под свое покровительство. Жена Кустеннина даже взялась устроить Куллвху тайное свидание с Олвен [119], и дева была не слишком разочарована нарядом и манерами своего кавалера.

Свидание состоялось в замке Испаддадена. Спутники Куллвха без единого звука умертвили девятерых привратников и столько же сторожевых псов и незамеченными проникли в зал. Затем они почтительно приветствовали мрачного великана и изложили причину своего появления.

— Да где же мои верные слуги и служанки? — вопрошал тот. — Поставьте•ка вилы под брови, опять упавшие мне на глаза, чтобы я смог увидеть своего будущего зятя. — Оглядев гостей, он велел им прийти на следующий день.

Как только гости повернулись к нему спиной, Испаддаден метнул в них отравленный дротик. Однако Бедвир

перехватил его на лету и послал обратно, ранив самого великана в колено. После этого спутники Куллвха поспешно оставили стонущего хозяина, переночевали в доме Кустеннина, а на следующее утро вернулись в замок.

Они вновь потребовали отдать им Олвен, угрожая ему смертью, если тот откажется выполнить волю Артура. «Видите ли, еще живы четыре ее прапрапрабабушки и четыре ее прапрапрадеда, — возразил Испаддаден. — Я должен непременно посоветоваться с ними, прежде чем дать ответ». И едва только гости повернулись к нему спиной, собравшись покинуть зал, как коварный хозяин вновь метнул в них второй дротик. Однако Менв опять перехватил его и направил в самого великана, на этот раз ранив его в туловище. Когда на следующее утро они опять явились к Испад•дадену, тот сразу же предупредил их, чтобы они не стреляли в него, если не хотят расстаться с жизнью. Затем он приказал приподнять себе брови и, увидев поклонника дочери, тотчас метнул в Куллвха отравленный дротик. Но влюбленный сам перехватил его на лету и пустил в неприветливого тестя, попав Испаддадену прямо в глаз, так что дротик насквозь пробил ему голову. Здесь мы явно имеем дело с аналогом мифа о Луге и Балоре. Испаддаден, однако, остался жив, но страшно разгневался. «Проклятый зятек! Подумать только, какой невежа! — воскликнул он. — Никогда в жизни мои глаза не видели так плохо. Когда я иду против ветра, вода застилает мне глаза, а голова так и пылает. Во время новолуний меня мучают головокружения. Будь проклят огонь, на котором был выкован этот дротик! Это отравленное железо терзает меня хуже бешеной собаки».

Теперь уже Куллвху и его спутникам настал черед предостеречь великана, чтобы тот больше не метал в них свои отравленные дротики. Эта угроза неожиданно подействовала на него, и он, взгромоздившись в кресло напротив Куллвха, принялся обсуждать с ним, каков должен быть выкуп за невесту. Условия, выдвинутые им, были поистине чудовищными. По сравнению с ними выкуп, который потребовал Луг за убийство Киана, — сущий пустяк (см. главу 7, «Возвышение бога Солнца»). Чтобы вырастить достаточно зерна и приготовить вволю вина для свадьбы своей дочери, великан потребовал, чтобы Куллвх сровнял с землей огромный холм, вспахал поле на его месте, посеял пшеницу и собрал урожай, и все это — за один и тот же день… С этой задачей не мог справиться никто, кроме Амаэтона, сына богини Дон, бога — покровителя земледелия и всяких хозяйственных дел, и Гофаннона, сына той же Дон, бога•кузнеца, да и то если у них под рукой окажется упряжка волшебных быков. Кроме того, жених должен будет достать ему те же девять бушелей [120] семян льна, которые он некогда посеял в молодости, да так и не собрал, ибо только из этого льна можно было сделать белоснежную фату для подвенечного платья Олвен. Вдобавок жених должен приготовить мед для застолья, «вдевятеро слаще меда из улья диких пчел».

Но и это еще было не все. Далее последовал перечень тринадцати сокровищ, которые бедный жених должен был поднести ему в качестве приданого для невесты. Поистине, никто никогда не слыхивал о подобном свадебном подарке! Такой мед, о котором говорил Испаддаден, мог вместить в себя только волшебный кувшин Ллвира, сына Ллвириона. Раздобыть вдосталь угощения для всех гостей на свадебном пиру могла только волшебная корзина Гвиднея Гаранира, способная накормить всех и вся, ибо из нее одновременно могли есть трижды девять мужей. Никакой котел не смог бы наварить столько мяса для гостей, кроме волшебного котла Диврнаха Гэла. Чтобы напоить всех допьяна, потребовался бы магический рог для питья Гвлгавд Годолина. Развлечь гостей сладостными звуками было по силам только арфе Теирту, которая, как и арфа Дагды, играла сама собою. Обрезать исполинские волосы будущего тестя можно было одной•единственной вещью на свете — клыком Тврх Трвита (что означает «Белый Клык»), Короля Вепрей, да и то не иначе как выдернув этот клык из пасти его обладателя, пока тот еще жив. Но перед тем как обрезать волосы великана, их необходимо было сперва смочить кровью Ведьмы из преисподней, черной как смоль колдуньи, дочери белой как снег ведьмы из Источника Реки Скорби, находящейся у самых врат Ада. Однако кровь ведьмы не сможет остаться достаточно

теплой, если ее не налить в бутыли Гвиддолвин Горра, способные сохранять вино теплым, даже если их перенести с одного конца света на другой. А чтобы напоить гостей молоком, ему потребовались бы другие бутыли — бутыли Риннон Рин Барнавда, в которых никогда не скисало никакое питье, сколько бы его ни хранили. Для себя лично разборчивый тесть потребовал меч Великана Гврнаха, с которым его владелец никогда не расставался, ибо ему было предсказано, что ему самому суждено погибнуть от этого меча. В довершение всего великан потребовал раздобыть ему гребень, бритву и ножницы, лежащие между ушами Тврх Трвита, жестокого короля, превращенного в самого свирепого на свете вепря.

Именно этому персонажу история «Куллвх и Олвен» обязана своим вторым названием — «Тврх Трвит». Итак, задача, стоявшая перед Куллвхом, была достойна богов или хотя бы полубогов. Однако требования тестя только еще больше раззадорили Куллвха, напугать которого было не так•то просто. На каждую новую трудность и каждое препятствие у него всегда был готов ответ:

— О, мне не составит особого труда выполнить все это, хотя ты, возможно, и полагаешь, что я не справлюсь и отступлюсь.

Легко это было или нет, видно из условий, при которых охота на Короля Вепрей могла закончиться успехом. Простым охотникам и их собакам нечего было и думать о ней. Во главе своры был поставлен Друдвин, щенок от Грейда, которого надо было вести на особом поводке, прикрепленном к цепи, достаточно прочной, чтобы удержать его ошейник. С этим псом не мог охотиться никакой охотник на всем свете, кроме Мабона, сына Модрона; дело в том, что много лет назад, когда ему было всего три дня, его похитили у матери, и никто не знал, где он, жив он или мертв. На всем свете был только один скакун, способный выдержать тяжесть Мабона, скакун по кличке Гвинн Мигдвн, конь Гведдва. Кроме него, надо было раздобыть еще двух волшебных псов, щенков от Гаст Рими; их надо было держать на одном поводке, а чтобы они не перекусили его, поводок этот следовало сплести из бороды великана Диссулла, выщипав ее у него живого по волоску. Но и тогда никто из простых охотников не мог приблизиться к ним; это мог сделать только Кинедир Виллт, который сам был вдевятеро свирепей любого зверя, обитающего в горах. На помощь к нему должны отправиться все славные рыцари Артура, даже сам Гвин ап Нудд верхом на своем черном как ночь коне. Но как же им справиться со столь ужасной задачей: удержать бесов преисподней на поводке и не позволить им стереть с лица земли этот мир? Поистине, это тема для целого романа! Но мы, к сожалению, так никогда и не узнаем всех подробностей того, как были добыты эти пресловутые сокровища, каким образом нашим героям удалось призвать на помощь волшебных охотников. Эта история, названная «хранилищем самых прекрасных из сказок „Тысячи и одной ночи“, самой поразительной и фантастической легендой, которую только знает мир», увы, осталась неоконченной. Впрочем, она производит впечатление достаточной полноты, но, сравнив перечень подвигов и славных деяний, которые предстояло свершить героям, и их описание в самом тексте истории, нетрудно заметить, что многие и многие эпизоды и ней отсутствуют. «Воинство Артура, — говорится в ней далее, — разделилось на группы по два•три героя», и каждый из этих мини•отрядов решал отдельные задачи. Приключения и подвиги одних описаны подробно, деяния других даже не упоминаются. Так, мы узнаем, как Гай своим боевым мечом сразил Великана Гврнаха; как Гвитир ап Гврейдавл, соперник Гвина в борьбе за руку и сердце Кройддилад, спас от огня целый огромный муравейник, и благодарные муравьи собрали и принесли ему все до единого семена льна, посеянные Испаддаденом еще во времена его молодости; как воины Артура окружили и схватили щенков Гаст Рими; и как Гай и Бедвир сумели перехитрить бдительного Диссулла и выщипали деревянными клещами его бороду, чтобы сплести из ее волосков поводок для волшебных псов… Кроме того, узнаем мы и о том, как Артур отправился в Ирландию и привез оттуда знаменитый котел Диврнаха Гэла, полный ирландских монет; как был пойман и убит Тврх Трвит; как Артур решил собственными руками предать смерти Ведьму из преисподней. О том же, как именно были добыты другие сокровища,

упоминается лишь вскользь. Но, что важнее всего, мы в конце концов узнаем, где был спрятан похищенный Мабон и как ему удалось спастись.

С момента исчезновения Мабона прошло столько веков, что почти не оставалось надежды хоть когда•нибудь получить весточку о нем. И тем не менее Гврриp, владевший языками всех живых существ на свете, решил спросить об этом древнюю•предревнюю птицу, Дроздиху из Килгври, но Дроздиха, хотя она в свое время и склевала кузнечную наковальню, приняв ее за орех, оказалась слишком молодой, чтобы до нее могли дойти слухи о Мабоне. Зато она отослала Гврриpа к существу, появившемуся на свет задолго до нее самой, — к Рединврскому Оленю. Но, хотя Олень этот видел, как росток дуба пророс из желудя, став могучим деревом с тысячью ветвей, а затем сгнил, превратившись в ветхий корешок, он тоже никогда не слыхивал о Мабоне. Зато он послал Гврриpа к созданию еще более древнему, чем он сам, — к Сове из Квм Коулвид. Дерево, на котором жила эта Сова, трижды сгнивало до основания и трижды прорастало вновь из своих собственных семян, и за все эти века Сова так ни разу и не слышала о Мабоне. На прощание она сказала Гврриpу, что единственное существо на свете, способное хоть чем•то помочь ему, — это Орел из Гверн Абви.

Здесь странникам наконец•то удалось напасть на след Мабона. "Орел сказал: «Я живу здесь с незапамятных времен, и, когда я впервые появился в этих краях, на этом месте высилась скала, сидя на вершине которой я каждую ночь преспокойно клевал звезды; а сегодня от нее остался лишь камень высотой не более пяди. С тех самых пор я и живу здесь, но ни разу не слышал о человеке, которого вы ищете, — ни разу, если не считать случая, когда я отправился на поиски добычи в Ллин Ллив. Прилетев туда, я тотчас опустился к самой воде, запустил когти в огромного лосося и подумал, что уж теперь•то мне надолго хватит пищи. Но лосось оказался сильным и потащил меня в глубину, так что мне едва•едва удалось вырваться от него живым. После этого я собрал все свои силы и опять напал на него, пытаясь прикончить злую рыбу, но он прислал ко мне гонцов и предложил заключить мир. Затем он сам появился у поверхности и попросил меня вытащить у него из спины целых пять десятков наконечников от остроги. Если уж этот лосось ничего не слышал о том, кого вы ищете, я просто ума не приложу, кто сможет вам помочь. Впрочем, я могу проводить вас к тому месту, где живет этот древний старец».Оказалось, что Лосось знал, о ком идет речь. По его словам, с каждым приливом он бывает у стен Глочестера. Именно там, и нигде больше, и надо искать того, кто им нужен. Затем он принял к себе на спину Гая и Гврриpа и помчал их к самым стенам тюрьмы, где они вскоре услышали вздохи и стоны узника. Им оказался сам Мабон, сын Модрона, томившийся в заключении столько веков, сколько не довелось пострадать ни Ллуду или Грейгу, ни двоим другим из «Трех знаменитых узников Британии» [121] до него. Но теперь его заключению пришел конец, ибо Гай отправил гонца к Артуру за подкреплением, и его рыцари штурмом взяли Глочестер и освободили Мабона.

Итак, героям удалось совершить все подвиги, за исключением последнего — охоты на Тврх Трвита, который в то время находился вместе с семью своими поросятами в Ирландии. Прежде чем начинать охоту на него, герои сочли разумным послать волхва Менва поглядеть и воочию убедиться в том, по•прежнему ли требуемые волшебные ножницы, бритва и гребень находятся у него между ушами. Менв, превратившись в маленькую птичку, уселся прямо на голову вепря. Увидев сокровища, он попытался унести хотя бы одно из них, но Тврх Трвит настолько резко тряхнул головой, что капельки яда, слетевшие с его щетины, попали на Менва, и с того дня он всегда немного прихварывал.

Охота началась. Рыцари окружили вепря, а собаки неотступно преследовали его. В первый день на него напал ирландец. На второй день на вепря набросились слуги Артура и были растерзаны им. Тогда в бой с ним вступил сам Артур. Битва между ними продолжалась девять дней и девять ночей, но ни один из поросят Тврх Трвита даже не был ранен. Тогда Артур решил предложить перемирие и отправил к королю вепрей Гврриpа, который говорил на всех языках и мог договориться с грозным зверем. Гврриp попросил Тврх Трвита отдать им добром

гребень, ножницы и бритву, ибо только это и было нужно Артуру. Но Вепрь Трвит, оскорбленный и гордый, не пожелал согласиться на такие условия. Напротив, он надменно заявил, что он завтра же нападет на земли Артура и будет всюду сеять смерть и разрушение.

После этого Тврх Трвит и семеро его поросят морем направились в Уэльс, а Артур преследовал своего врага на корабле под названием «Придвен». С этого момента история становится на удивление реалистической и обстоятельной. Читателю подробно рассказывают о каждом их привале на долгом и многотрудном пути по землям Южного Уэльса, так что маршрут этой невиданной охоты вполне можно проследить по карте. Нам известны все уловки охотников и что происходило всякий раз, когда вепри оказывались в западне. «Протокол» подвигов спутников Артура достаточно обстоятелен, так что мы можем проследить, что сталось со стадом Тврх Трвита, когда его поросята начали гибнуть один за другим. Когда Трвит, король вепрей, добрался до Северна, что в устье реки Уай, в живых не осталось никого, кроме него самого. Охота продолжалась, и преследователи загнали его в воду. Далее события развивались совсем неожиданно. Осла Большой Нож [122], Манавидан фаб Ллир, Какмври, слуга Артура, и Гвингелли схватили короля вепрей за все четыре лапы и опустили его голову под воду, а два главных охотника, Мабон, сын Модрона, и Кинедир Уиллт, зашли с разных сторон и схватили ножницы и бритву. Но не успели они забрать гребень, как король вепрей вырвался, выскочил на берег и умчался в Корнуолл, а Осла и Какмври едва не утонули в волнах Северна.

Однако все это оказалось лишь детскими шалостями по сравнению с теми трудностями, с которыми героям пришлось столкнуться в Корнуолле, прежде чем им все•таки удалось заполучить гребень. В конце концов они схватили его, преследуя вепря в морской пучине. Тврх Трвит, преследуемый двумя неутомимыми борзыми псами, скрылся из глаз, и с тех пор его никто больше не видел.

Выставка сокровищ Британии, добытых с таким огромным трудом и представшая перед глазами Испаддадена, вождя великанов, явилась знамением его скорой смерти. Все те, кто не любил его и желал ему зла, пришли насладиться зрелищем падения великана. Однако тот в известной мере не оправдал их ожиданий, ибо его кончина была не лишена некой доли величия. «Моя дочь, — проговорил он, обращаясь к Куллвху, — теперь принадлежит тебе по праву, но не благодари меня, ибо все произошло по воле Артура. Будь на то моя воля, я никогда бы не расстался с нею, ибо вместе с ней я теряю и жизнь». Сказав это, он отрезал себе голову и насадил ее на высокий шест, а Олвен в ту же ночь стала женой Куллвха.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

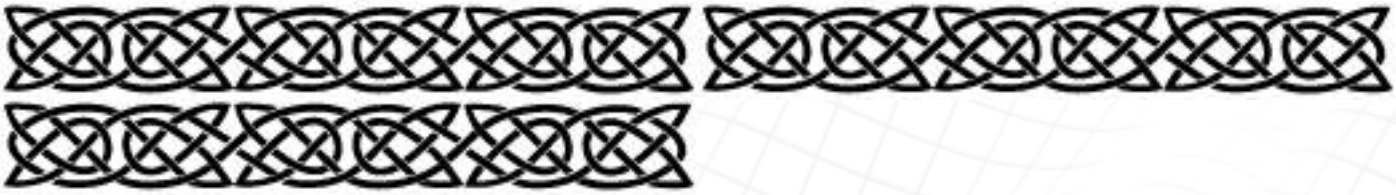
Буддизм: лекция Ламы Оле в Москве
9 июля, ДК МАИ. Высшая радость Алмазного Пути: введение в учение Будды
www.buddhism.ru

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



Глава 25. БОГИ, СТАВШИЕ РЫЦАРЯМИ КОРОЛЯ АРТУРА

По правде говоря, английским читателям лучше знакомы не эти фрагменты легенды об Артуре. Образ, с которым сегодня чаще всего ассоциируется это имя в сознании читателя, — не Артур в ипостаси бога, а Артур «благородный король», основатель знаменитого Круглого стола, из•за которого он посылает своих верных рыцарей «охранять земли и искоренять зло человеческое», как сказано в «Королевских идиллиях» Теннисона. Эта концепция обязана своим происхождением даже не «Смерти Артура» сэра Томаса Мэлори, а именно «Королевским идиллиям» Теннисона, однако надо отметить, что Теннисон настолько осовременил старинное предание, что в его версии от старинного Артура не осталось практически ничего, кроме имени. Справедливости ради надо признать, что поэт и сам признается, что его творение имеет лишь косвенное отношение к славному герою, ибо

...седой король, чье имя — древний призрак,

А образ сходит, словно мгла, с вершин
Туда, где дремлет кромлех[123], в книге Гальфрида[124]
Приписанный ему иль Маллеору…

Однако на самом деле он всего лишь воспользовался старинной легендой для создания идеального образа совершенного английского джентльмена — титул, на который едва ли стал бы претендовать реальный Артур. В этом образе уже практически не осталось никаких следов его мифологического прототипа. Сказанное в значительной мере относится и к знаменитой книге Мэлори. Мы можем быть совершенно уверены в том, что добрый сэр Томас даже не подозревал, что персонажи, которых он столь подробно описывает, некогда могли не иметь ничего общего с теми христианскими рыцарями, в коих они превратились на страницах французских романов, легших в основу его компиляции, созданной уже в XV веке. Старинные боги время от времени подвергались весьма и весьма активной эвгемеризации [125]. Персонажи «Четырех Ветвей Мабиноги» всегда воспринимались исключительно как боги. Однако в более поздних валлийских преданиях их божественные одежды уже порядком поистрепались и висят на них лохмотьями, а первые же норманнские интерпретаторы этих преданий придают бывшим богам еще более явные человеческие черты. К тому времени, когда Мэлори в XV веке создавал на основе иноязычных романов свою знаменитую «Смерть Артура», старинные образы успели измениться настолько, что читателям, знавшим богов еще в их древних ипостасях, было бы очень нелегко узнать их черты и деяния под масками средневековых рыцарей.

Мы выбрали «Смерть Артура» Мэлори в качестве наиболее полного образчика сочинений Артуровского круга, отдав ей предпочтение перед более ранними валлийскими поэмами и преданиями. Это объясняется тремя причинами. Во•первых, «Смерть Артура» — это par exellence английский роман об Артуре, из которого черпали сведения об этом персонаже все последующие авторы, включая и Теннисона. Во•вторых, множество памятников иноязычной литературы, посвященных жизни и подвигам Артура, просто невозможно вместить в тесные рамки отдельной главы. В•третьих, тонкий вкус и чутье Мэлори помогли ему отобрать лучшие и наиболее типичные памятники иноязычных литератур и искусно вплести их образы в ткань своего произведения. Поэтому мы встречаем в нем большинство наших старинных британских богов как из более ранних пантеонов, так и из круга персонажей, связанных с образом Артура, действующих на страницах «Смерти Артура» под маской средневековых рыцарей.

Кстати сказать, любопытно, что сэр Эдвард Стрэйхи в своем предисловии к изданию кэкстоновской версии «Смерти Артура» использует для общей оценки прозаической поэмы Мэлори практически тот же образ, которым столь эффектно воспользовался в свое время Мэттью Арнольд в своей книге «Исследования кельтской литературы», чтобы охарактеризовать подлинное содержание «Мабиногиона». «Мэлори, — пишет он, — воздвиг огромный и величественный средневековый замок, стенами которого служат обветшалые и даже кое•где превратившиеся в развалины творения прежних веков». По•видимому, Мэлори просто не представлял себе, до какой степени обветшали и стали руинами эти памятники седой древности, ибо он устраивает беспорядочную путаницу персонажей старинной мифологии. В его творении не только действуют рука об руку боги и герои древних и более поздних пантеонов, но даже одни и те же божества, слегка видоизменив имена, вновь и вновь проходят перед читателем в самых разных образах. Возьмем в качестве примера древнего бога смерти Аида. Приняв образ короля Брандегора, или Брандегориса (то есть Брана из Гоуэра), он приводит с собой пять тысяч вооруженных воинов, противостоящих королю Артуру, и в то же время под именем сэра Брандела, или Брандилеса (то есть Брана из Гвэлса [126]), является одним из рыцарей Круглого стола, сражающимся на стороне Артура, будучи его верным вассалом. Далее. Под именем Утер Пендрагон (Утер Бен) выступает отец Артура, тогда как в ипостаси короля Бана Бенвикского («Квадратная

ограда», что, вне всякого сомнения, означает то же самое, что Кэр Педриван у Талиесина и Карбонек у Мэлори) он предстает иноземным монархом, союзником Артура.
Другой пример. Огирвран, отец Гвиневры, превратился в Леодегранса. Став королем Уриенсом, или Урьенсом, из Гора (Гоуэра), он женится на одной из сестер Артура, сражается против него, но в конце концов признает его своим сюзереном и упоминается в числе рыцарей Артура. В «Смерти Артура» Уриен может быть отождествлен с королем Рьенсом или Рионсом Северо•Валлийским и с королем Нентресом Гарлотским, а затем, меняя облики и имена, словно Протей британских богов, он неожиданно появляется в изолированном эпизоде в роли Балана, сражающегося со своим братом Балином до тех пор, пока они оба не убивают друг друга.
Нетрудно заметить, что божеств подземного царства в романах Артуровского цикла обычно можно узнать по тому, что они ассоциируются не с обжитыми и цивилизованными районами Англии, а с дикими и отдаленными землями севера и запада Британии и с еще более дикими и необжитыми островами. Подобно тому, как Бран и Уриен являются королями Гоуэра, Аравн, под покровом искаженных вариантов имени превратившись в Ангиша или Ангиссанса, становится королем Шотландии или Ирландии, то есть земель скоттов и гэлов, чьи владыки враждовали с бриттами. Пвилл, владыка Аннвна, точно так же выступает под двумя личинами. В качестве Пеллеса, «короля чужой страны» и Хранителя Св. Грааля, он являет собой персонаж большого мифологического значения, хотя его первичное происхождение и окружение столь же чужды позднейшей христианской ретуши, как чужды сам Пеллес и его королевский сан облику рыцарей Артура.
Владыка Аида фигурирует в качестве "близкого сородича Иосифа Аримафейского [127]", человека, «не жалевшего сил ради укрепления христианства и святой церкви». Кроме того, он предстает в роли отца Элэйн (Элен), отдавшего ее в жены сэру Ланселоту и подарившего новобрачным пышную резиденцию под названием «Замок Блиан». Это название, как нетрудно показать, связано с одним из вассалов Пвилла по имени Тернион, упоминаемым в Первой Ветви «Мабиноги». Под другим именем — именем сэра Пеллеаса, героя идиллии Теннисона «Пеллеас и Эттар», — он предстает в новом варианте архаического мифа, получившего новую жизнь. После пассажа, описывающего его несчастную любовь к Эттар (или Эттард, как называет ее Мэлори), Пеллеас предстает женатым на Нимуэ — персонаже, чье первоначальное имя, Рианнон, меняется до неузнаваемости, превратившись под рукой безвестных переписчиков после ряда промежуточных вариантов в привычное Вивьен. С Пеллесом, или Пеллеасом, ассоциируется его сын, король Пеллеан, или Пелам, а также Хранитель Грааля, которым мог быть не кто иной, как сам Придери. Как и прежде, в ипостаси божества в «Мабиноги Мэта», он терпит поражение от одного из богов света. Однако его победителем на этот раз выступает не Артур, ставший преемником Гвидиона, а Балин, то есть все тот же галло•британский бог Солнца Беленус.
Другое божество тьмы, Гвин ап Нудда, предстает читателю сразу под тремя разными именами. Этот персонаж, которого Мэлори в своей «Смерти Артура» называет и сэром Гвинасом, и сэром Гуинасом, и даже сэром Гвенбаусом и который есть не кто иной, как староваллийский бог Гвинвас (или Гвин), неизменно выступает на стороне Артура. Корнуолльский Мелвас, образ которого разделился, превратившись сразу в двух рыцарей, делит между ними и свои привычные атрибуты. В качестве сэра Мелиаса или Молеуса де Лиля (что означает «Островитянин») [128] он является рыцарем Круглого стола и во время конфликта между Артуром и Ланселотом принимает сторону последнего, сражаясь против короля. Однако в ипостаси сэра Мелиагранса, или Мелиаганса, он, как и в более старых мифах, похищает королеву Гиневру и увозит ее в свой замок. В то же время под сомерсетширским именем Аваллон или Аваллах он принимает участие в эпизоде со Св. Граалем.
Король Эвелэйк становится сарацинским правителем, которого Иосиф Аримафейский обращает в христианскую веру и увозит с собой в Британию. С патетическим энтузиазмом новообращенного он пытается завладеть священной чашей, но не удостаивается такой чести. Однако в качестве воздаяния за благочестивое

усердие Промысел Божий обещает ему, что тот не войдет во врата смерти, пока не увидит собственными глазами, как рыцарь его крови в девятом колене его потомков получит Св. Грааль. Это сделал сэр Персиваль, и король Эвелэйк, которому тогда исполнилось триста лет, мирно почил.

Переходя от богов тьмы к божествам света, мы видим, что в «Смерти Артура» фигурирует немало этих небожителей. Ллудд, излюбленный персонаж ранних мифов, становится под пером Мэлори королем Лотом, или Лотом Оркнейским, в результате любовной истории с женой которого Артур становится отцом ее ребенка — будущего сэра Мордреда. Кроме того, супруга Лота была и матерью сэра Гавэйна, или Гавэна, рождение которого Мэлори, правда, никак не связывает с Артуром, хотя первоначальный вариант мифа заключал в себе именно такую коллизию. Сэр Гавэйн из артуровской легенды — тот же персонаж, что и валлийский Гвалхмей, преемник еще более ранней фигуры, Ллеу Ллоу Гиффеса, точно так же как сэр Мордред, валлийский Медравд — является наследником брата Ллеу, Дилана. И подобно тому, как сэр Мордред сохраняет мрачный характер Медравда, так и сэру Гавэйну даже у Мэлори присущи атрибуты солнечного божества. Мы узнаем, это его силы постепенно возрастают от рассвета до полудня, а затем вновь и так же постепенно сходят на нет на закате. Это — осколок языческой символики, весьма соответствующий образу сэра Эдварда Стрэйхи, который в средневековых преданиях предстает этаким древним камнем посреди кирпичей более позднего здания.

Зевс позднейшего цикла, Эмрис или Мирддин, выступает в «Смерти Артура» под обоими этими именами. Имя Эмрис превращается в Борс, и король Борс Галльский становится братом короля Бана Бенвикского — то есть все того же Брана «Квадратная ограда», бога•богатыря подземного царства. Мирддин же никогда не является читателю в таком обличье. Еще более популярный персонаж, Мерлин, сохраняет черты и атрибуты небесного божества. Он стоит как бы в стороне от рыцарей и почитается значительно выше их, обладая в некоторых случаях даже более высоким статусом, чем сам король Артур, по отношению к которому он занимает примерно такое же положение, какое занимает в «Мабиноги» Мэт по отношению к Гвидиону. Как и Мэт, он выступает в роли чародея; как и Мэт, слышит в этом мире любое слово, сказанное даже самым слабым шепотом, если только ветер подхватит его; более того, он является практически всеведущим. Рассказ о его исчезновении в том виде, в каком он представлен в «Смерти Артура», является лишь переделкой и расширением первоначальной истории, когда мифологическое начало уступает место фактору, который романисты именуют «женской линией». Всем известно, что великий волшебник воспылал безумной страстью к некой «деве озера», которую Мэлори именует Нимуэ, а Теннисон — Вивьен. На самом деле под обоими этими именами выступает все та же Рианнон. Как сказано в «Смерти Артура», «Мерлин не желал оставить ее в покое, он хотел всегда быть рядом с ней… она ужасно утомилась от него, однако ей приходилось держаться с ним как нельзя более галантно, ибо она испытывала страх перед ним, потому что юн был сыном дьявола, и она никоим образом не могла избавиться от него. Однажды случилось так, что Мерлин предстал перед нею в скале, в которой заключено великое чудо, и с помощью своих чар сделал так, что скала эта превратилась в камень. И тогда она, прибегнув к женской хитрости, упросила Мерлина забраться под этот волшебный камень, чтобы выведать для нее какие•нибудь чудеса. Когда же Мерлин послушался ее, она устроила так, что он, несмотря на все свои старания, уже никогда не мог вернуться из•под камня обратно. И тогда она поспешно покинула Мерлина и скрылась».

Могилу Мерлина, оказавшегося заживо погребенным, и сегодня можно видеть в конце долины Валь дес Феес в Бресильенском лесу в Бретани, Франция. Каменная башня, возвышающаяся над ней, являет собой весьма прозаический аналог знаменитой башни из воздушной пряжи, в которой небесный бог, по преданию, вкушает вечный покой. И все же эта каменная усыпальница далеко не столь непоэтична, как кожаный мешок, в который Рианнон, этот первоначальный прообраз Нимуэ, бросила своего пленника Гвавла — прототип Мерлина, словно барсука в мешок (см. главу 19 — «Приключения богов Аннвна»).

Элен, супруга Мирддина, встречается у Мэлори в образах сразу пяти разных Элэйн. Двое из них являются женами бога тьмы, носящего имя короля Бана и короля Нентреса. Третья названа дочерью короля Пеллинора — персонажа, чье происхождение остается неизвестным. Но двумя наиболее известными из них являются дамы — возлюбленные сэра Ланселота: Прекрасная Элэйн, Элэйн Прелестная, Элэйн Дева•Лилия Астолата [129], и более счастливая, хотя и не столь прекрасная, Элэйн, дочь короля Пеллеса и мать Галаада, сына сэра Ланселота.

Итак, теперь, когда все наиболее крупные персонажи британской мифологии перечислены в их новой ипостаси — образах рыцарей и заняли свои места в артуровской легенде, самое время обратиться к реальному содержанию романа сэра Томаса Мэлори. Его внешний, событийный план — история Артура, короля Британии, которого большинство современников Мэлори без тени сомнения считали вполне реальным историческим лицом. Вокруг этой центральной темы и сосредоточено описание правления Артура и его деяний, поданное в форме отдельных эпизодов, повествующих о славных подвигах рыцарей, составлявших, по преданию, нечто вроде элитарной королевской гвардии. Но, за исключением этой «исторической» канвы, страдающей явными преувеличениями и искажениями, весь цикл романов, в сущности, сводится к нескольким основным мифам, предстающим перед читателем не только в пересказе, но и в основательной переработке под пером многочисленных компиляторов. Норманнским беллетристам, перерабатывавшим «Matiere de Bretagne» [130], мифология бриттов предстала в процессе активной трансформации, когда одни боги уже успели стать смертными воинами, а другие превратились в друидов и магов, обладающих столь же земными чертами. Под пером этих компиляторов британские воины стали норманнскими рыцарями, совершающими подвиги доблести и чести при дворах славных монархов, черпая вдохновение в фантастических описаниях рыцарских добродетелей, культивируемых трубадурами, в то время как друиды почти отказались от своей друидической практики, попахивающей языческим варварством, и обратились к обыкновенной магии, распространенной у всех латинских или, лучше сказать, романских народов. Более того, когда реальное содержание и raison d'etre [131] этих преданий забылись и отошли в прошлое, их адаптаторы и переработчики получили, так сказать, полную свободу действий. У большинства авторов романов были свои собственные любимые герои и персонажи, которых они и делали центральными фигурами своих новелл. Сэр Гавэйн, сэр Персиваль, сэр Тристан и сэр Овэйн (все они, по•видимому, некогда выполняли у бриттов роль местных солнечных богов) выступают в качестве центральных персонажей в романах, названных их именами, и в историях о малодостоверных деяниях христианизированных рыцарей мало что напоминает об их языческом происхождении.

И лишь огромному труду ученых мы обязаны возвращением к читателю событий и имен, давно и прочно забытых уже к тому времени, когда из•под печатного пресса Какстона вышла знаменитая книга Мэлори. Но забвение не есть уничтожение, и древние мифы в их новой оболочке сохранили все свои прежние черты, подобно тому как геологи находят в скальных породах окаменелости следы древней жизни. В таком качестве они и донесли до нас три ключевых мотива, играющих огромную роль в кельтской мифологии: рождение бога Солнца, битва между силами света и тьмы и набеги на Аид добрых богов света, предпринятые ради блага рода человеческого.

Первый из этих мотивов подробно рассмотрен в главе 23, «Явление Артура в мифологии». В ней представлен пересказ мифологической истории появления солнечного бога, изложенной в «Мабиноги Мэта фаб Матонви». Артур просто•напросто сменил Гвидиона. Вместо Аранрод, супруги одряхлевшего архаического бога небе Нвивра, мы видим жену короля Лота, столь же ветхого небесного бога Ллуда. Ллеу Ллоу Гиффес вновь появляется в образе сэра Гавэйна (Гвалхмея), а Дилан превращается в сэра Мордреда (Медравда), а мудрый Мерлин, Юпитер новой системы персонажей, занимает место своего столь же премудрого прототипа, Мэта. С этим первым мифологическим мотивом связан второй — битва между силами света и тьмы. В «Смерти

Артура» встречаются сразу несколько версий этого сюжета. Ведущее место среди них занимает восстание представителя злых сил, сэра Мордреда, против Артура и сэра Гавэйна, напоминающее более архаические противостояния Балана, то есть бога тьмы Брана, и Балина — солнечного бога Беленуса; при этом смертельный удар Пелламу, Придери в старых мифах наносит тот же самый Балин, или Беленус.
Этот мифологический сюжет имеет и более расширенную форму, в которой борьба между силами света и тьмы ведется за обладание прекрасной девой. Так (не вдаваясь в околичности), можно вспомнить, что за руку Гвенвифар боролись Артур и Медравд, или, в более ранней версии мифа, Артур и Гвин. В «Смерти Артура» Гвину, чье корнуолльское имя Мелвас превратилось в искаженное «сэр Мелиагранс», удается похитить Гиневру, но спасает ее уже не Артур. Эта роль или, лучше сказать, привилегия достается новому герою — сэру Ланселоту, который преследует Мелиагранса, одерживает победу над ним, убивает коварного соперника и спасает прекрасную пленницу. Однако необходимо заметить, что в ранних преданиях образ сэра Ланселота, к немалому удивлению тех, для кого артуровские саги без Ланселота и королевы Гиневры кажутся чем•то вроде «Гамлета» без Гамлета, совершенно не встречается. Валлийские песни и предания единодушно молчат о нем, так что его, по всей вероятности, следует считать порождением фантазии норманнских беллетристов, незаметно приписавших своему герою доблестные деяния, которые ранее приписывались другим рыцарям.
Однако романизированные переложения этих двух мифов авторами «Matiere de Bretagne» представляют для нас куда меньший интерес, чем обработка третьего. Привлекательность артуровских легенд заключается не только в описании битв Артура и любовных перипетий его супруги Гиневры, но и в том, что обеспечило этим историям столь долгую и прочную популярность, — мы имеем в виду христианское предание о борьбе за Св. Грааль. Влияние этой легенды, послужившей источником вдохновения для бесчисленных произведений литературы, изобразительного искусства и музыки, столь велико и многообразно, что попытка свести его первоисточники, как и истоки артуровских легенд вообще, к язычеству представляется почти кощунственной, ибо оно практически не сказалось на его поистине мистическом очаровании. Тем не менее вся эта легенда явно восходит к куда более примитивным языческим мифам, повествующим о волшебном неиссякаемом котле плодородия и вдохновения.
В более поздних романах Св. Грааль являет собой священную христианскую реликвию, обладающую чудодейственными свойствами. В «Смерти Артура» рассказывается о том, что в ней возлежал Пасхальный Агнец, съеденный Господом и апостолами на Тайной вечере, а после крестной смерти Иисуса Христа его тайный ученик, Иосиф Аримафейский, собрал в Святой Грааль капли крови Спасителя. Но прежде чем быть отождествленным с этим преданием, древний миф рассказывал о магическом котле, присутствующем во всех ответвлениях кельтской мифологии. Это и знаменитый «Непустеющий котел» Дагды, способный накормить всех и никого не оставить недовольным (см. главу 5, «Боги гэлов»), и котел обновления Брана, возвращающий мертвых к жизни (см. главу 20, «Сватовство к Бранвен и голова Брана»), и котел Великана Огирврана, из коего появились на свет музы (см. главу 23, «Явление Артура в мифологии»), и котел, захваченный Кухулином у короля Города Теней (см. главу 12, «Ирландская Илиада»), и котел, отвоеванный Артуром у владыки Аида (см. главу 23, «Явление Артура в мифологии»), а также еще целый ряд мифических сосудов, обладающих волшебными свойствами. При переходе от языческой версии к ее христианизированной переработке изменения затронули едва не все черты древнего мифа. Так, взять хотя бы основные атрибуты котла, захваченного Артуром, и перечисленные Талиесином в его «Похищении в Аннвне». Котел этот принадлежал Пвиллу и его сыну Придери, которые жили в Потустороннем мире, носившем, помимо прочих титулов, и такие названия, как Поворачивающийся замок, Четвероугольный замок, Замок веселья, Королевский замок, Стеклянный замок и Замок богачей. Это волшебное место было со всех сторон окружено морем, и попасть туда иным путем было практически невозможно. Там не было недостатка в вине, и счастливые обитатели того мира проводили

время, пируя, и услаждаясь музыкой, и предаваясь всем радостям жизни, не знающей ни болезней, ни старости. Что же касается котла, то он по наружному краю был украшен сверкающими жемчужинами; огонь под ним поддерживали своим пламенным дыханием девять дев; из этого котла, вне всякого сомнения, звучали слова пророческой мудрости, и, в довершение всех чудес, он никогда не готовил пищу для лжеца и труса (см. главу 23, «Явление Артура в мифологии»). Итак, это дает нам обширный объем материалов, позволяющих провести параллель между языческим котлом и христианской чашей, Святым Граалем.

В поисках таких параллелей нам не придется идти слишком далеко, ибо большинство их можно найти в самом романе сэра Томаса Мэлори. Этот мистический сосуд принадлежал королю Пеллесу, то есть Пвиллу, который хранил его в замке под названием Карбонек. Это название под пером маститых филологов обрело форму Кэр баннавг, что означает «квадратный» или «четырехугольный замок», то есть, другими словами, это тот самый Кэр Педриван, который упоминается в поэме Талиесина. О характере же места, именуемого Замком богачей и Замком веселья, где «густое вино лилось рекой, и его пили все», мы находим в тексте «Смерти Артура» целых два упоминания. Одно из них повествует о том, как после явления Грааля — принесенного, кстати сказать, девой или ангелом — весь замок наполнился дивным благоуханием, и каждый из рыцарей обнаружил на столе перед собой всевозможные яства и напитки, какие только можно себе вообразить. Грааль недоступен для взоров грешников (христианская облагороженная версия мысли о том, что котел не станет варить пищу для трусов и лжецов), однако один взгляд на него исцеляет достойных от ран и хворей, а рядом с Граалем не страшны ни болезни, ни старость: последний из этих атрибутов не упоминается Мэлори, но присутствует в более позднем романе под названием «Святой Грааль». И хотя у Мэлори мы не встречаем никаких упоминаний ни о котле, окруженном со всех сторон водой, ни о «поворачивающемся» замке, достаточно отложить «Смерть Артура» и взять в руки «Святой Грааль», чтобы найти оба. Гвалхмей, прибыв к замку короля Пелеура (Придери), видит, что тот окружен со всех сторон водой, а Передур, оказавшись на том же самом месте, изумленно замечает, что замок этот поворачивается, да притом так быстро, что даже обгоняет ветер. Более того, лучники, стоящие на стенах замка, стреляют настолько метко, что их стрелам не могут противостоять никакие доспехи, чем и объясняется странная строка из поэмы, гласящяя, что из всех воинов, ушедших с Артуром в поход, из Кэр Сиди вернулись лишь семеро.

Весьма показательно, что сам Артур никогда не делает попытки овладеть Граалем, хотя его языческий прототип в более древнем мифе и захватывает прообраз Святой чаши. У Мэлори мы находим сразу четырех соперников — претендентов на мантию Артура: это сэр Пеллеас, сэр Борс, сэр Персиваль и сэр Галаад. Первого из них, сэра Пеллеаса, можно сразу сбросить со счетов. Дело в том, что Пеллеасу, бывшему Пеллесу или Пвиллу, было незачем искать Грааль, ибо он некогда был владельцем ее прообраза. Участие в поисках сэра Борса также весьма сомнительно, ибо Борс — не кто иной, как бывший Эмрис, или Мирддин. Если обратиться к старой британской мифологии, легко заметить, что бог неба никогда не принимал участия в насильственном захвате или похищении сокровищ у владык подземного царства. Итак, остаются два реальных претендента — сэр Персиваль и сэр Галаад. «Сэр Персиваль» — это франко•норманнское имя Передура, героя истории, входящей в состав Красной Гергестской книги. В этой истории излагается наиболее ранняя из дошедших до нас версий захвата Грааля. Она возникла еще задолго до формирования основного корпуса норманнских романов об Артуре, представляя собой некое промежуточное звено между мифологическими преданиями и описаниями рыцарских подвигов. Таким образом, наиболее архаичным и «примитивным» персонажем — искателем Святого Грааля надо признать Передура, то есть сэра Персиваля. С другой стороны, самым поздним и молодым соискателем бесспорно является сэр Галаад. Однако есть все основания полагать, что Галаад, или, по•валлийски, Гвалхавед, то есть «Летний Сокол», — это тот же самый солнечный герой, что и Гавэйн, по•валлийски Гвалхмей, то есть «Майский Сокол». Оба, как гласит история «Куллвх и Олвен», были сыновьями

одной и той же матери — Гвиар. Именно сэру Галааду в одном из романов Артуровского круга удается добыть Святой Грааль. Попытки провести разграничение между ними ни к чему не привели. Оба персонажа обладают свойствами солнечного божества. Гвалхмей•Гавэйн, преемник Ллеу Ллоу Гиффеса, и Передур Паладрир, что означает «Копейщик с длинным копьем», вправе претендовать на равную честь. Еще более важно, что поиски Грааля, почитавшегося некогда главным сокровищем Аида, ведет персонаж, занявший в позднейших легендах место Ллеу Ллоу Гиффеса и Луга Ламфады в более ранних мифах гэлов и бриттов, сохранив при этом атрибуты долгорукого солнечного божества, ведущего вечную борьбу с силами Тьмы.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

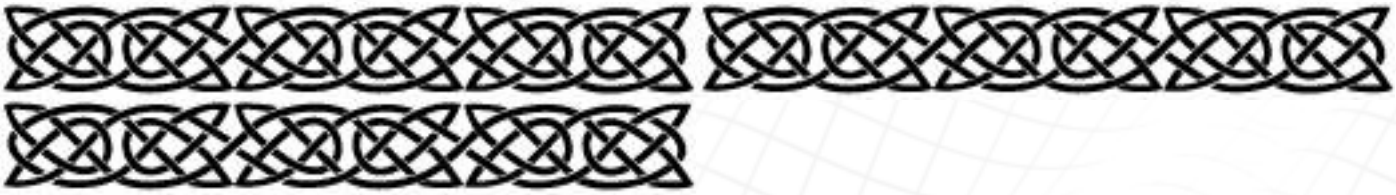
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



Глава 26. УПАДОК И НИЗВЕРЖЕНИЕ БОГОВ

Если для сознания небожителей доступно такое понятие, как жажда славы, то оба этих божества, образы которых трансформировались в Артура, вправе считать себя счастливцами. Да, они лишились своего божественного статуса, но их новые роли или, лучше сказать, инкарнации, превратившие их в героев рыцарских романов, принесли им куда больше славы. Имена рыцарей Артура и рыцарей Круглого стола хорошо знакомы всем и каждому, тогда как имена богов, не удостоившихся чести восседать за Круглым столом, можно встретить разве что в антикварной лавке. Да, в отдаленных районах Уэльса в XII веке еще бытовали старинные предания, в которых так или иначе упоминались имена Гвидиона, Гвина, Аранрод и Дилана, но они были настолько перепутаны и употреблялись до такой степени бессистемно, что по ним нет никакой возможности восстановить нить древнего мифа. Они не имели никакой связи с современными им гэльскими народными преданиями, изложенными в предыдущих главах и сохранившими память о таких персонажах, как Гоибниу, Луг, Киан, Мананнан, Этлин и Балор.

Были, однако, и другие пути, по которым слава старых богов могла дойти до потомков, давным•давно утративших веру в их божественный статус. Скрижали ранней истории Британии с готовностью распахивались навстречу бесчисленному множеству мифических персонажей — при условии, что легенды, связанные с ними, обладали достаточнойпритягательностью. Так, знаменитая книга Гальфрида Монмутского, несмотря на все ее пышные претензии на роль исторически достоверного труда, является памятником ничуть не менее мифологическим, чем «Смерть Артура» или даже «Мабиногион». Анналы, хранящие имена ранних британских святых, тоже не составляют исключения. Древнего бога, традиция почитания которого была слишком развитой, чтобы попросту игнорировать ее, церковные круги обычно предпочитали поскорее канонизировать, придерживаясь неписаного правила, что "терпимое отношение к кромлеху [132] облегчает восприятие евангельской проповеди". Такой участи сумели избежать лишь самые «непримиримые» боги, такие, как Гвин ап Нудд, который, будучи бесполезным для Гальфрида Монмутского и совершенно неприемлемым для монастырских хронистов, так и остался осколком древнего пантеона, уменьшившимся, правда, до крошечного эльфа, но тем не менее так и оставшимся непобежденным.
Столь стойкое сопротивление достойно всяческого уважения, ибо множество древних богов по капризу ретивых эвгемеристов подверглись насильственной трансформации. Так, богиня Дон, которую кельты почитали праматерью всех небесных богов, по непонятной причине превратилась в короля Лохлина и Дублина, который якобы привел в 267 году н. э. ирландцев в Северный Уэльс. Еще более выразительный пример — его сын Гвидион, подаривший жителям своей страны знание букв, то есть письменность. Династия «короля» Дона, по свидетельству манускрипта Йоло, правила в Северном Уэльсе сто двадцать девять лет, после чего Кунедда, король Северной Британии, в решающем сражении нанес ирландцам сокрушительное поражение и изгнал их за море, на остров Мэн. Это сражение действительно носит исторический характер и, если оставить в стороне имена Дона и Гвидиона, было, по•видимому, последней попыткой туземных жителей•гэлов, обосновавшихся на крайней оконечности западной Британии, противостоять второй и более мощной волне интервентов•кельтов. В составе того же манускрипта из Йоло сохранилась любопытная и почти комичная эвгемеристическая версия странного мифа о костяной тюрьме Оэт и Аноэт, которую воздвиг в Гоуэре сам Манавидан фаб Ллир. Новая редакция мифа утверждает, что это мрачное сооружение было реальным зданием, возведенным якобы из костей «цезариан» (то есть римлян), погибших в битве с Кимрами. Это мрачное сооружение состояло из множества больших и малых камер, некоторые из них возвышались над землей, а другие располагались под ней. Пленники, захваченные на поле боя, помещались в более удобных камерах, тогда как в подземных томились изменники родины. «Цезариане» несколько раз сносили эту тюрьму до основания, но кимры всякий раз восстанавливали ее и делали даже более прочной, чем предыдущая. В конце концов кости переломались и, будучи рассеянными по земле, стали прекрасным удобрением! «С тех самых пор соседи не переставали удивляться, что в тех местах из года в год выращивали невиданные урожаи пшеницы, ячменя и прочего зерна, и продолжалось это много•много лет». Однако лучше всего с нашими старыми британскими богами мы можем познакомиться не по этим, так сказать, неавторизованным преданиям, а в компактном, информативном и местами почти убедительном труде все того же Гальфрида Монмутского «Historia Regum Britanniae», впервые опубликованном в первой половине XII века и на протяжении многих веков считавшемся наиболее авторитетным источником по ранней истории наших островов. Разумеется, строгие критики нашего времени относят эту книгу к историческим басням. Увы, мы больше не можем признать достоверной столь заманчивый рассказ о происхождении британцев от выживших защитников Трои, которых послал на запад, на поиски новой родины, сам Брут, праправнук благочестивого Энея. В самом деле, позднейшие читатели просто не могут признать достоверным ни один из фрагментов этой «Истории», начиная с Энея и кончая Ательстаном. Короли в ней сменяют друг друга вполне убедительным образом, но, увы, все они не более

чем герои народных легенд.

Значительная часть хроники Гальфрида Монмутского, а именно две книги из двенадцати, естественно, посвящена Артуру. В ней автор рассказывает историю о том, как сей славный паладин сражался с саксами, ирландцами, скоттами и пиктами не только в своей собственной стране, но и по всей Западной Европе. Мы видим, как британский владыка, после присоединения Ирландии, Исландии, Готланла и Оркни, одерживает большие и малые победы, захватив Норвегию, Дакию (под которой, по всей вероятности, следует понимать Данию), Аквитанию и Галлию. После столь громких триумфов ему не остается ничего другого, как свергнуть власть Римской империи, что Артур и делает та страницах той же книги), но мятеж Мордреда вынуждает его вернуться на родину, где он и находит свою смерть, или (ибо даже «реалист» Гальфрид не вполне расстался с верой в бессмертие Артура) отправляется на остров Аваллон, где залечивает свои старые раны. Корона Британии тем временем переходит к «его родичу Константину, сыну Кадора, герцогу Корнуолльскому, в лето пятьсот сорок второе от Рождества по плоти Господа Нашего Иисуса Христа». Об одном из эпизодов, касающихся лично Артура, Гальфрид откровенно предпочитает умалчивать, считая, по•видимому, что такие подробности не вполне уместны в его «Истории»; правда, он кратко сообщает нам, как Мордред, воспользовавшись отбытием Артура на континент, захватил трон, женился на Гуанхамаре (Гиневре) и заключил союз с саксами, и все это — ради того, чтобы потерпеть поражение в той поистине фатальной битве, которую Гальфрид Монмутский называет «Камбула», — той самой, в которой нашли свою смерть и Мордред, и Артур, Валган — «сэр Гавэйн» Мэлори и Гвалхмей более ранних легенд. Более того, мы видим, что боги «старшего поколения» занимают в «Истории» Гальфрида Монмутского примерно такое же положение по отношению к Артуру, какое они занимают и в позднейших валлийских триадах и преданиях. Оставшись правителями, они в то же время становятся вассалами. В «трех братьях королевской крови», носящих имена Лот, Уриан и Аугустель и считающихся правителями северных земель, нетрудно узнать Ллудда, Уриена и Аравна. Этим трем братьям Артур дарует восстановление «исконных прав их предков», вручая Аугустелю полусуверенную власть над Шотландией, Уриану вверяя власть над Муриефом и восстанавливая Лота в правах «консула в Лудонезии [Лотиане] и других провинциях, по праву ему принадлежащих». Двумя другими правителями•вассалами Артура были Гунвазий, король Оркнейский, и Мальвазий, король Исландии. В этих королях мы без труда узнаем Гвина по латинизированной форме его валлийского имени Гвинвас и корнуолльскому имени Мелвас. Но такова уж характерная черта писаний Гальфрида Монмутского, что он, не вникая в суть материала и не владея им, сперва переносит некоторых старых богов в эпоху Артура, а затем наделяет их собственными владениями. Уриен был вассалом Артура, но Урианус сам был королем Британии за несколько веков до рождения Артура. Луд (то есть Ллудд) был наследником трона своего отца, Бели. Правда, мы не слышим здесь ни каких упоминаний о его серебряной руке, однако узнаем, что он "славился как строитель городов и зодчий, сумевший восстановить стены Триновантума [133], которые он укрепил бесчисленным множеством башен. . . и хотя он построил немало других городов, более всего он любил именно Триновантум и проводил в нем большую часть года, почему город этот впоследствии стали именовать Кэрлудом, затем, когда название это было испорчено, — Кэрлондоном, а еще позже, когда язык со временем заметно изменился, — Лондоном. Иноземцы же, прибывшие в Британию и захватившие власть в ней, стали называть его Лондрес. В конце концов, когда он [Ллудд] умер, его тело было предано земле возле ворот, которые к тому времени именовались на языке бриттов Партлуд, а на языке саксов — Лудесгата". Его преемником на троне стал его родной брат, Кассибеллавн (Кассивеллавнус), в годы правления которого в Британии впервые высадился Гай Юлий Цезарь.

Впрочем, своей репутацией короля Британии Ллудд обязан не одному только Гальфриду Монмутскому. Один из старинных валлийских романов, «История о Ллудде и Ллефелисе», входящий в состав «Мабиногиона»,

связывает восстановление Лондона с Ллуддом, повествуя об этом практически в тех же выражениях, что и Гальфрид. И тем не менее история, вводящая, так сказать, в научный обиход эти псевдоисторические детали, носит вполне мифологический характер. В ней рассказывается о том, как в дни Ллудда на Британию обрушились сразу три бедствия. Первым из них стало вторжение на острова странного племени чародеев, получившего название коранайд (что означает «карлики»), обладавшего тремя качествами, делавшими их весьма непопулярными: во•первых, за пищу и кров они расплачивались с хозяевами так называемой «волшебной монетой», деньгами, которые хотя внешне и выглядели как настоящие, вскоре, как только кончалось действие магических чар, превращались — как и щиты, кони и псы, сделанные Гвид ионом, сыном Дон, чтобы обмануть Придери, — в комочки обычного мха; во•вторых, коронайды могли слышать все, что говорилось в любом уголке Британии, даже шепотом, лишь бы только сказанное подхватил ветер; и, в•третьих, они были неуязвимы ни для какого оружия.

Вторым стал «ужасный вой, возникавший каждый год вечером накануне первого мая над кажым очагом на острове Британия, вой, проникавший в сердца людей и повергавший их в отчаяние, так что мужчины теряли силы и мужество, у беременных женщин случались выкидыши, а юноши и девушки лишались чувств и падали в обморок, и все животные и деревья, а также источники вод утрачивали свою жизненную силу». Третьим было внезапное исчезновение запасов провизии в королевском дворце; это произошло так неожиданно, что запасы пищи на целый год бесследно исчезли за одну ночь, и никто не мог понять, куда же они подевались.

По совету знатных мужей Ллудд отправился во Францию, чтобы попросить помощи у своего собственного брата, Ллефелиса, который «был мужем большого ума и мудрости». Решив переговорить с братом так, чтобы об этом не узнали коронайды, Ллефелис приготовил длинную медную трубу, через которую они и побеседовали друг с другом. Коварные карлики не могли слышать, о чем именно говорили братья через эту трубу, они подослали злобного демона, который проник в трубу и стал нашептывать в нее разные оскорбительные словечки, чтобы поссорить братьев между собой. Однако те слишком хорошо знали друг друга, чтобы поддаться на такую лукавую уловку, и мигом выгнали демона, наполнив трубу вином. Затем Ллефелис посоветовал Ллудду захватить с собой в Британию горстку волшебных насекомых, которых он даст ему, и настоять их дома в воде. Когда вода достаточно пропитается их ядом, Ллудду останется только пригласить и своих подданных, и карликов якобы на совет, и неожиданно облить этой водой всех присутствующих. Обычным людям эта вода не причинит никакого вреда, а вот для карликов окажется смертельным ядом.

Что же касается дикого воя, то Ллефелис заявил, что вой этот издавал дракон. Это чудовище именовалось Красным Драконом Британии, и вопит оно потому, что на него нападает Белый Дракон саксов, пытающийся убить и поглотить его. Французский король посоветовал своему брату измерить длину и ширину острова Британия, определить самый центр его и приказать вырыть там яму. В эту яму нужно будет поставить котел с хмельным медом и прикрыть его атласным покрывалом. Сам Ллудд должен будет наблюдать из укромного места за всем происходящим. Драконы вскоре появятся и начнут сражаться друг с другом в воздухе, а когда совсем ослабеют — упадут прямо на атласное покрывало, провалятся в яму и обнаружат в ней котел с медом Разумеется, они упьются медом и тотчас заснут. Как только Ллудд убедится, что они совершенно беспомощны, он должен будет спуститься в яму, завернуть их в то те самое атласное покрывало и похоронить в каменном гробу в самом безопасном месте на всей Британии. И если он сделает все как следует, ни он, ни его подданные никогда больше не услышат драконьего воя.

А исчезновение съестных припасов произошло по вине «могущественного мага и чародея», который своими чарами наслал на обитателей дворца глубокий сон и, пока они спали, беспрепятственно вынес из дворца все запасы. Впредь Ллудд должен будет наблюдать за ним, усевшись возле котла, наполненного холодной водой. И как только он почувствует, что его одолевает дремота, он должен тотчас плюхнуться в котел, чтобы

прогнать сон и обескуражить вора. Выслушав советы брата, Ллудд поспешил в Британию. Дома он тотчас бросил насекомых в воду, хорошенько размешал их и пригласил на совет мужей Британии и коронайдов. В нужный момент он внезапно выплеснул на них воду. Британцам она не причинила никакого вреда, а все карлики, как и предсказывал Ллефелис, умерли на месте.

После этого Ллудд решил покончить с драконами. Осторожно обмерив остров, он отыскал его середину. Ею оказался Оксфорд, и король приказал вырыть глубокую яму, поставить в нее котел с хмельным медом и прикрыть ее атласным покрывалом. Когда все было исполнено, король спрятался в укрытии и принялся ждать. Вскоре и впрямь появились драконы. Они долго кружились в воздухе, затем сцепились друг с другом и долго пытались одолеть один другого. Выбившись из сил, они упали прямо на атласное покрывало и, провалившись под него, оказались перед котлом с медом. Жадно выпив мед, чудовища тотчас захрапели. Подождав, когда они успокоятся, Ллудд вытащил покрывало, расправил его и крепко завернул в него драконов. Затем он отнес их в округ Сноудон, где и предал их земле в хорошо укрепленной крепости, развалины которой, в окрестностях урочища Бедгелерт, до сих пор именуются Динас Эмрис. После этого много лет никто и не слышал ужасного воя, пока Мерлин спустя пять веков не освободил драконов из подземной темницы, и те тотчас продолжили бой, и красный дракон одержал верх и изгнал белого из Британии. Покончив с этим, Ллудд устроил у себя во дворце пышный пир, приказал накрыть столы, подать яства и, запасшись котлом воды, принялся наблюдать за происходящим.

Ровно в полночь он услышал нежные, чарующие звуки музыки, нагоняющие сладкую дремоту. Однако, вспомнив наставления брата, Ллудд несколько раз окунался в котел с ледяной водой. И вот перед самым рассветом в зал вошел муж огромного роста, облаченный в доспехи. На плечах он принес корзину и принялся складывать в нее яства, стоявшие на столе. Корзина, как и мешок Пвилла, в который он бросил Гвавла, казалась поистине бездонной. Однако незнакомец все•таки наполнил ее доверху и собрался было вынести из зала, но Ллудд решительно остановил его. Вспыхнула схватка, зазвенели мечи, и Ллудд одержал верх над чародеем и сделал его своим вассалом. Так кончились «Три бедствия Британии». В процессе превращения из бога в короля Ллудд, как видим, утратил большую часть своих прежних мифологических атрибутов и черт. Он лишился даже своей дочери Кройддилад, которая отныне стала считаться дочерью другого божества. Не совсем ясно, как и почему Ллудда, бога неба, стали путать с Ллиром, богом моря, но совершенно очевидно, что Кройддилад в ранневаллийских легендах и поэмах — тот же самый перонаж, что Кордейлья Гальфрида Монмутского и еще более знаменитая Корделия Шекспира. Великий драматург весьма обязан кельтской мифологии сюжетной канвой этой легенды, в которую он вплел трагическую историю короля Лира. Лейр, как именует его Гальфрид Монмутский в своей «Historia Regum Britanniae», был сыном Бладуда, построившего Кэр Бадус (Бат) и погибшего, подобно греческому Икару, во время катастрофы летательного аппарата собственного изобретения. Сыновей у Лейра не было, а были три дочери, Гонорилья, Реган и Корделия, и престарелый король при конце своих дней решил разделить свое королевство между ними. Но для начала он решил испытать их, чтобы узнать, кто из дочерей больше любит его, чтобы отдать наиболее достойной лучшую и большую часть своих владений. Гонорилья, старшая из сестер, в ответ на вопрос отец о том, как сильно она любит его, «призвала небеса в свидетели, что любит его больше своей собственной души». Реган в ответ «поклялась, что не может найти более достойного выражения своим чувствам, но заверила, что любит отца более всего живого на земле». Когда же настал черед Корделии, младшей из дочерей короля, она, в отличие от напыщенной патетики сестер, отвечала ему совсем иначе. «Отец мой, — заговорила она, — найдется ли на свете дочь, которая бы любила отца больше, чем ее обязывает долг? По моему суждению, если кто•то клянется и уверяет, что это не так, то это явный знак, что он скрывает свои истинные чувства под покровом лукавой преданности. Я всегда любила и почитала тебя, отец, ни в чем не преступая своего долга, и, если ты настаиваешь и хочешь услышать от меня

еще что•то особенное, вспомни о том почтении, которое я всегда тебе выказывала, и прими это за краткий ответ на все свои расспросы. Подумай сам: у тебя так много владений, что тебе поистине нет цены; вот ровно настолько я и люблю тебя». Услышав это, разгневанный отец тотчас разделил свое королевство между двумя старшими дочерьми, выдав их замуж за двух наиболее знатных аристократов. Гонорилья стала женой Маглавна, герцога Альбанского [134], а Реган — женой Генуина, герцога Корнуолльского. Корделии же было отказано не только в доле наследства, но даже и в приданом. Однако Аганипп, король франков, женился на ней ради ее удивительной красоты.

Вступив во владения своей половиной королевства, зятья Лейра тотчас подняли мятеж против него и лишили престарелого монарха всякой власти. Единственной компенсацией за утрату прежнего могущества стало… милостивое согласие Маглавна выделить старику охрану из шестидесяти стражников. Однако два года спустя герцог Альбанский, по настоянию своей жены Гонорильи, дочери злосчастного Лейра, сократил число стражников до тридцати. Оскорбленный этим, старик покинул двор Маглавна и отправился к Генуину, супругу Реган. Поначалу герцог Корнуолльский принял бывшего короля с подобающими почестями, но не успел старик прожить и года при его дворе, как второй зять сократил число его слуг до пяти. После этого обиженный старец поспешил обратно к старшей дочери, но та поклялась, что отец может остаться у них только при условии, что удовольствуется одним•единственным слугой. Лейр в отчаянии решил отправиться к Корделии и попросить у нее прощения, горько раскаиваясь в том, как несправедливо он обошелся с ней. Опасаясь приема, который может его ожидать, старик сел на корабль и отправился в Галлию. Прибыв в Карицию [135], он отправил к дочери гонца с известием о своих злоключениях и мольбой о помощи. Корделия немедленно послала отцу деньги, лучшие одежды и свиту из сорока стражников, и, когда тот вновь обрел облик, подобающий королю, Аганипп и его приближенные приняли его с подобающей пышностью, а сам Аганипп передал ему власть над Галлией до тех пор, пока старик не вернет себе свое прежнее королевство. Чтобы восстановить власть Лейра в Британии, король франков со своим войском высадился на острове. Маглавн и Генуин были изгнаны, Лейр вернулся на свой трон и прожил после этого еще целых три года. Корделия, вступив во владение Британией, «похоронила отца в особой усыпальнице, которую она повелела устроить для него под дном реки Сор в Лейчестере [»Ллир•честре"] и которая первоначально была подземным святилищем в честь бога Януса. Там все рабочие города ежегодно перед началом работ устраивали пышные празднества".

Увы, мы уже вряд ли когда•нибудь узнаем, что именно стоит за этой историей о Лейре и трех его дочерях, но мифологическая основа этой легенды становится совершенно очевидной в связи с описанием подземного храма, посвященного Ллиру, который был прежде богом подводного, а теперь еще и подземного царства. Так Плутон или Отец Дис бриттов соединились с двойственной первопричиной стихий, подобно римскому божеству, знаменитому двуликому Янусу, с которым он явно отождествлялся. После этого в числе еще примерно десяти королей (ибо какие•либо иные критерии для оценки полета времени в «Истории» Гальфрида Монмутского попросту отсутствуют) мы можем узнать еще как минимум двух древних богов бриттов, выступающих в новом облике. Бренний (то есть Бран) ведет борьбу за королевскую власть со своим братом Беленусом. Очевидно, что перед нами — поздняя версия архаического мифа о братьях•близнецах, Тьме и Свете, который так часто встречается в кельтской мифологии. Бран, бог смерти и подземного царства, противостоит Беленусу (Белену), богу солнца и здоровья. В оригинальном, утра— ченном варианте мифа они, по всей вероятности, поочередно одерживали верх и уступали друг другу, являя собой символ смены дня и ночи, лета и зимы. В «Истории» Гальфрида Монмутского братья поделили Британию между собой; Беленусу досталась «корона острова и владения в Лоэгрии, Кэмбрии и Корнуолле, поскольку, согласно троянским законам, именно к нему, как к старшему, переходили права наследства», а Бренний, на правах младшего, получил «Нортумберленд с землями, простирающимися от реки Хамбер до Кэйтнесса». Но льстецы убеждали Бренния вступить в союз с

королем Норвегии и напасть на Беленуса. Разгорелась битва, в которой Беленус одержал победу, а Бренний едва успел бежать в Галлию, где и женился на дочери герцога, став после смерти последнего его законным преемником на троне.

Оказавшись во главе сильной армии, он не преминул вторгнуться в Британию. Беленус выставил против него все силы своего королевства, и оба войска уже готовы были скрестить мечи в решающей схватке, но тут Конвенна, мать обоих королей•братьев, сумела убедить их не вступать в бой. Так и не начав битвы, братья пришли к согласию объединить свои армии и выступить в совместный поход в Галлию. Бритты и аллоброги покорили всех королей франков, вторглись в Италию, опустошая и разоряя города и деревни, и двинулись походным маршем на Рим. Римские консулы Габий и Порсена с почетом приняли их, преподнесли им богатые дары — золото и серебро — и пообещали ежегодно выплачивать большую дань. После этого Бренний и Беленус повели свои армии в Германию и принялись опустошать ее. Однако римляне, придя в себя после внезапного появления бриттов у стен Вечного города, поспешили на помощь германцам. Тогда Бренний и Беленус вновь двинулись на Рим и после долгой осады захватили город. После этого Бренний остался в Италии, «где стал неслыханным тираном и принялся жестоко угнетать местных жителей». (Можно подумать, что вся эта невероятная история была придумана только ради того, чтобы объявить бриттом предводителя этрусков Бренну, который в 390 году до н. э. действительно взял Рим). Другой брат, Беленус, возвратился в Британию. По словам все того же Гальфрида Монмутского, «он воздвиг врата дивной красоты в Триновантуме, на берегу Темзы, которые жители в память о нем до сего дня называют Билингсгейт. Кроме них, он построил высокую башню, а у ее стен устроил гавань и пристань для кораблей… Когда же господь остановил его дни, тело его было предано огню, а пепел был собран в золотую урну, которую его подданные с великими почестями водрузили в Триновантуме на самом верху вышепоименованной башни». Его преемником стал Гургюнт Брабтрук [136], который, возвращаясь в Оркни из набега на Данес, встретил корабли Парталона и его воинов, которые плыли из Испании, собираясь высадиться в Ирландии.

Ллир и его дети, занимавшие столь видное место в мифологии, не утратили своей популярности и после того, как превратились в святых. Ранние валлийские агиографы неизменно упоминали семейство Ллира Ледиата первым в числе «Трех главных святых семейств острова Британия».Однако слава самого Ллира есть лишь отраженный отблеск славы его сына, Брана Блаженного, который впервые познакомил обитателей Британии с христианством. Легенда повествует о том, что он оказался в плену и попал в Рим вместе со своим сыном Карадавком (которого ради благой цели стали отождествлять с реальным историческим Каратаком) и прочими членами своего семейства, и провел там целых семь лет. За это время он успел принять христианскую веру и по возвращении на родину усердно принялся проповедовать ее в Британии. Ни его сын Карадавк, ни единокровный брат Манавидан не пошли по его стопам, зато их потомки последовали примеру деда. Все сыновья Карадавка стали святыми, а его дочь Эйген, ставшая женой вождя по имени Кэр Саррлог (Старый Сарум), вообще стала первой женщиной Британии, причисленной к лику святых. Ветвь Манавидана же оказалась не столь щедрой на святость. Его сын и внук так и остались язычниками, зато правнук приобрел широкую известность, став христианским святым — св. Дифаном, которого папа Елевферий назначил епископом Уэльским и который впоследствии принял мученическую кончину в Мертир Диван. После этого линия святости среди потомков Ллира получила дальнейшее развитие. Но там встречаются имена персонажей, явно неуместных в ней: таковы Мабон, этот бывший галльско•британский Аполлон, а также Герайнт и прочие приближенные двора короля Артура [137].

Представление о том, что христианство, как и все прочие благие дары, происходит из кельтского Гадеса (Аида), получило настолько широкое распространение, что сомневаться в этом считалось чуть ли не грехом. Однако свидетельства историков классической античности говорят об обратном. Тацит подробно излагает

родословную Каратака, рассказывая о том, как он, а также его жена, дочь и брат были поодиночке допрошены самим императором Клавдием, но даже не упоминает о его предполагаемом отце — Бране. Более того, Дион Кассий называет его отцом Кунобелина, то есть шекспировского Кимбелина, который, добавляет рассказчик, умер задолго до того, как римляне впервые появились в Британии. Таким образом, все достоверные исторические свидетельства говорят против того, что Бран мог быть одним из первых проповедников веры Христовой на земле Британии. Он был и остается все тем же мрачным древним богом войны и смерти, и прозвище Блаженный дали ему его верные почитатели•язычники, в особенности — барды, которые, по всей вероятности, стали называть его Бендигейд Вран. Упорство последних и побудило их не менее упорных противников, христианских клириков, перетянуть Брана на свою сторону и поспешно канонизировать его в качестве христианского святого.

Ничуть не проще обстоит дело и с сестрой Брана, Бранвен по прозвищу Прекрасная Грудь. Богиням, как оказалось, было легче выдержать этот сложный процесс, чем богам. Свидетельство тому — «святая» Бригитта, эта «Мария Гэльская». Британская Афродита, под именем Бринвин или Двинвин, была святой покровительницей влюбленных. Еще в середине XIV века ее алтарь в Лландвинвине, что в Англси, был излюбленным прибежищем несчастных влюбленных обоего пола, молившихся перед ее образом о ниспослании взаимности или о даровании забвения и исцеления от страсти. А чтобы вернее добиться нужного результата, монахи из местной церкви продавали здесь склянки с летейской водой забвения, взятой из священного источника. По свидетельству манускрипта Йоло, она, уже успев принести обеты вечного безбрачия и сохранения девства, воспылала любовью к молодому вождю по имени Мэлон. Однажды ночью, когда она горячо молилась, умоляя господа вывести ее из затруднительного положения, ей было ниспослано видение. В нем ей предлагался кубок сладкого вина, который должен был даровать ей забвение. Затем она увидела, что это же сладкое лекарство было предложено и Мэлону, отпив которого он превратился в глыбу льда. Как оказалось, в награду за веру ей были посланы сразу три дара. Первый из них заключался в том, что она и только она могла вернуть Мэлона из ледяного оцепенения. Вторым даром было то, что у нее раз и навсегда пропало всякое желание выходить замуж. А третий состоял в том, что отныне она предлагала свое заступничество всем искренне любящим, обещая либо склонить к ним сердце предмета их страсти, либо навсегда исцелить от нее. С этого времени ее алтарь и источник возле него и пользуются широкой известностью, но влюбленные давно перестали стекаться туда, и чудодейственный родник занесло песком. Тем не менее к ней, прозванной валлийскими бардами «святой любви», время от времени приходили несчастные влюбленные. Молодые девушки из окрестных деревень обращались к ней с мольбой о помощи, когда все другие средства оказывались бессильными. А вода из колодца возле церкви считалась вполне достойной заменой чудодейственной влаги из давно пересохшего и забытого источника…

Разительным контрастом этой легкой победе над древним язычеством служит упорное сопротивление насильственной христианизации, которое проявил Гвин ап Нудд. Правда, по свидетельству манускрипта Йоло, некий монах внес его имя в число сподвижников «Брана Блаженного», однако сделано это было настолько «не всерьез», что даже сегодня читателя не оставляет ощущение, что старинный автор этого эпизода сам стыдится содеянного им. Слава Гвина в качестве могущественного правителя фей оказалась слишком живучей, чтобы попросту отмахнуться от нее. Даже Спенсер в своей «Королеве фей», называя его не иначе, как «добрый сэр Гайон… в коем видна благородная сдержанность, подобающая великому правителю», даже не пытается хоть как•то замаскировать его знаменитое языческое имя. Он не заурядный человек, ибо

Не женщиной, но феей он рожден
И знатностью на родине почтен.

В дальнейшем подробно описываются все прелести новых добродетелей, по сравнению с которыми древний кельтский рай, со всеми его ручьями эля и реками, текущими медом и вином, вряд ли мог вызывать особое почтение. Однако, за исключением Спенсера, все авторы единодушно сходятся на том, что показывают Гвина непримиримым противником христианства.

Сохранилась любопытная и колоритная легенда, в которой имя Гвина упоминается в связи со св. Колленом, приходившимся правнуком Карадавку, сыну Брана. Святой, желая скрыться как можно дальше от лукавого мира, построил себе келью под скалой, неподалеку от Гластонбери Тор на острове Авильон, принадлежавшем Гвину. Недалеко от кельи проходила дорога, и вот однажды святой услышал разговор двоих прохожих, которые рассуждали о Гвин ап Нудде, называя его королем Аннвна и всех фей и эльфов на свете. Не стерпев такого кощунства, св. Коллен высунул голову из оконца своей кельи и посоветовал путникам попридержать языки, заявив, что Гвин и все его феи суть не что иное, как демоны. В ответ прохожие возразили, что святой скоро сам встретится лицом к лицу с владыкой тьмы. Вскоре они скрылись из виду, а затем св. Коллен услышал, как в дверь его кельи постучали. Спросив, кто там, святой услышал в ответ: «Это я, посланник Гвин ап Нудда, короля Аида. Владыка просит тебя прийти в полдень на вершину холма, ибо он желает переговорить с тобой». Святой, разумеется, никуда не пошел, и тогда посланник во второй раз явился к нему с тем же приглашением. Святой опять не двинулся с места. На третий раз посланник стал угрожать св. Коллену, что, если тот не придет в назначенное место, ему не поздоровится. После этого святой решил отправиться на холм, не взяв с собой никакого оружия. Вместо этого он освятил склянку водой и захватил ее с собой.

Обычно вершина холма Гластонбери Тор была совершенно пуста, но на этот раз святой с изумлением заметил, что ее венчает величественный замок. Из него то и дело выходили юноши и девы и роскошных одеждах. У ворот святого встретил паж, поведавший ему, что король ждет его как дорогого гостя к обеду. Войдя в замок, св. Коллен увидел, что Гвин восседает в золотом кресле за столом, уставленным редкостными яствами и винами. Король пригласил святого разделить с ним трапезу, добавив, что, если какое•нибудь кушанье ему особенно понравится, его со всеми почестями отнесут к нему в келью.

— Я не ем листья с деревьев, — отвечал святой, знавший, из чего приготовлены феями все эти яства и напитки.

Ничуть не смутившись от столь резкого ответа, король Аннвна вновь спросил святого, как тому нравятся ливреи слуг во дворце. Дело в том, что с одной стороны их наряд был красным, а с другой — синим.

— Что ж, их наряд вполне уместен в своем роде, — отозвался св. Коллен.

— В каком же это? — спросил Гвин. — А вот в каком. Красный показывает, какая сторона туловища опалена, а синий — какая превратилась в лед, — отвечал святой и, покропив святой водой на все стороны, увидел, что замок, слуги и король тотчас исчезли, а сам он очутился на голой вершине холма, открытой всем ветрам.

По•видимому, Гвин, последний из богов Аннвна, к тому времени принял на себя функции всех остальных божеств. Он стал хозяином своры волшебных псов, принадлежавших прежде Аравну, знаменитых Квн Аннвн , то есть «адских псов» с белым туловищем и красными ушами. В фольклоре сохранилось куда больше упоминаний об этих псах, чем об их хозяине, но и эти предания в конце концов ушли в прошлое по мере распространения «цивилизации». Трудно предположить, что найдется еще один преподобный Эдмунд Джоунс, опубликовавший в 1813 году книгу под названием «О явлениях призраков и духов в графстве Монмут и княжестве Уэльс», в которой утверждает, что, если мы не верим в столь явные доказательства существования свехъестественного мира, нас следует считать вероотступниками.

Более того. Еще в начале XX века многие и многие англичане готовы были поклясться, что им не раз доводилось слышать в бурную ночь на вершине холма истошный вой душ нераскаявшихся грешников и некрещеных

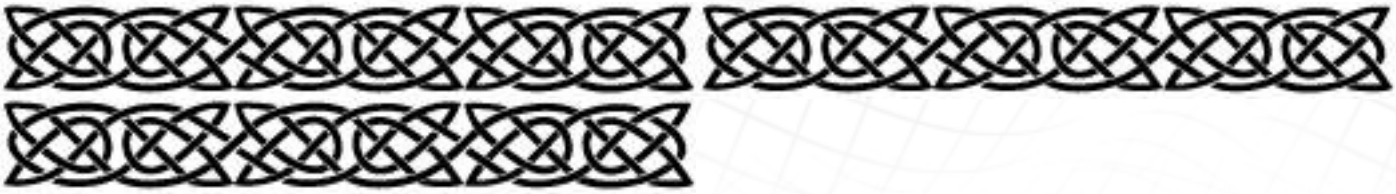
младенцев. Легенды о них сходятся в одном любопытном аспекте. Так, считается, что их крики похожи на лай гончих псов, но только они мягче и нежнее. Чем ближе они к человеку, застигнутому бурей, тем тише их голоса, а чем дальше — тем кажутся громче. Увидеть их можно еще реже, чем услышать, и не раз высказывалось предположение, что это — крики перелетных диких гусей, отдаленно напоминающие лай своры псов. Это суеверие распространено достаточно широко. В Уэльсе этих Квн Аннвн называют по•разному: в Северном Девоне — «Йетские» (то есть языческие), или «Йельские», псы, а вДартмуре — псы «[исполнения] желаний». В Дурхэме и Йоркшире их называют «псами Габриэля»; под особыми названиями они известны в Норфолке, Глочестершире и Корнуолле. В Шотландии предводителем Дикой Охоты считается Артур, и легенды о ней бытуют едва ли не во всех странах Западной Европы. Преданий, в которых упоминается имя Гвина, сохранилось не так много. Наиболее живучей память о нем оказалась в населенной феями долине Вэйл Нит, расположенной на «границе Таве… не ближнего Таве… но того Таве, что лежит далее всех». Надо помнить, что когда речь заходит о короле фей, то подразумевается именно он. Именно Гвину, на правах последнего из старых богов, народная фантазия вручила власть над всеми феями Британии, подобно его кельтскому или даже докельтскому прототипу. Кроме того, некоторые феи, особенно прославившиеся в английской литературе, имеют германские корни. Так, король Оберон получил свое имя, правда, через посредство французских fabliaux [138], от Эльбериха, короля карликов из знаменитой «Nibelungenlied» [139], тогда как имя его королевы, Титании, по•видимому, заимствовано из «Метаморфоз» Овидия. Пак, другой шекспировский персонаж из рода фей, вероятно, представляет собой персонификацию названия своего племени, которых в Уэльсе именовали «пвкки», в Ирландии — «поки», в Уорчестершире — «поуки», а в Западной Англии — «пикты». Именно в Уэльсе сохранилось самое богатое и разнообразное «собрание» всевозможных фей. Некоторые из них очаровательны, другие загадочны, третьи скрытны, четвертые отличаются злобностью и т. д. На реках и озерах обитают девы, именуемые гвраггед аннвн, а злобных и свирепых горных фей обычно называют гвиллионами. Есть и духи домашнего очага — так называемые бвбаходы, нечто вроде английских и шотландских домовых, и коблины, или гномы (которых в Корнуолле называют «стучащие»), и эллиллоны, или эльфы, особой ветвью и родичами которых считаются пвкки (пикты). В Северной Англии духи по большей части считаются существами более низкого порядка. Привидения, домовые, души убитых, красные шапочки, гномы и пр. имеют весьма мало общего с существами более высокого порядка — феями, созданиями арийского происхождения. Так, валлийский бвбах предстает в легендах бурым и волосатым, а коблин — черным или меднолицым. Мы не ошибемся, если признаем весь сонм этих существ деградировавшими богами доарийских племен, сородичей ирландских лепрехавнов и пок, не имеющих ничего общего с прелестными и по•прежнему благородными образами потомков клана Туатха Де Данаан.

Одни из этих бесчисленных и безымянных подданных Гвина обитают под землей или под поверхностью озер, которые в Уэльсе, по всей видимости, заняли место гэльских «холмов — обителей фей», другие — на Авильоне, таинственном острове всевозможных радостей и услад, лежащем где•то на западе у самой поверхности моря. Более всего с этой традицией связан Дифед. По преданию, в той стране существует просторный квадратный сад, скрывающий тайны волшебного мира фей. Если человеку доведется хотя бы случайно войти в него, у него тотчас откроются глаза, и он обретет способность видеть незримое для других — волшебную страну счастья и изобилия. Но как только такой счастливец покинет этот очарованный сад, он сразу же утратит дар ясновидения и никогда больше не сможет вернуться на то же место. Страна эта лежит в море, неподалеку от берега. Ее, как и ее «коллегу», легендарный ирландский рай, иногда видят издали моряки. В реальности существования «Зеленых волшебных лугов» еще недавно были убеждены многие моряки из Пемброкшира и Кермартеншира, и, по всей видимости, они имели на то основания. В 1896 году корреспондент газеты «Пемброк каунти гардиан» прислал в редакцию заметку об интервью с неким капитаном Джоном

Эвансом. Капитан поведал корреспонденту, что однажды летним утром, во время плавания по проливу Ла•Манш мимо острова Грассхольм (вспомним сцену явления головы Брана), где на всех картах была отмечена глубоководная зона, он был весьма удивлен, увидев с наветренной стороны от себя длинную полосу суши, покрытую живописными зелеными лугами. Однако полоса эта находилась не на поверхности моря, а на глубине двух•трех футов под водой, и трава под водой и мелкая рябь на воде, колеблясь в такт друг другу, навевали дремоту на всякого, кто видел это зрелище. Капитану Эвансу часто доводилось слышать от стариков предания о волшебном острове фей, но он признался, что даже не надеялся увидеть тот остров своими глазами. Этому случаю, как и появлению Псов Аннвна, можно дать вполне реальное объяснение. В основе этой легенды, веротнее всего, лежит мираж — явление весьма и весьма редкое у этих берегов. Мираж этот можно сравнить разве что с легендарной фата•моргана — миражом, возникшим в Мессинском проливе и приписываемым колдовским чарам Моргана ле Фэя. Такой мираж способен заставить даже трезвомыслящего человека поверить в существование кельтского рая, который он якобы видит собственными глазами, будь то крайнее западное побережье Ирландии, край кельтов, или Шотландия, или, наконец, Уэльс, колыбель бриттов.

На главную | Оглавление

Кельтская мифология



Часть IV. ПЕРЕЖИТКИ КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

Глава 27. ПЕРЕЖИТКИ КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА В НОВЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

Падение кельтского государственного языческого культа началось в Британии несколько раньше, чем в соседней Ирландии. Справедливости ради надо признать, что первый удар кельтскому язычеству нанесла не проповедь христианства, а суровый гуманизм и строгое правосудие римлян. Римляне, как никакой другой народ на свете, известный историкам, отличались удивительной толерантностью (веротерпимостью) к религиозным воззрениям других народов и с готовностью приняли в свой пантеон кельтские божества — причем на правах богов. Дружественные божества галлов и бриттов всегда без особого труда могли получить, так сказать, римское гражданство, распространявшееся и на богов, и быть ассимилированными Юпитером, Марсом, Аполлоном или любыми другими обитателями собственно римского пантеона, с которыми их отождествляли римляне. Итак, римские законы вели борьбу не против самих богов, а против их культов, сосредоточенных в руках местных жрецов. Массовые человеческие жертвоприношения, практиковавшиеся друидами, вызывали ужас даже у суровых воинов, которых никак не заподозришь в том, что им становится дурно при виде крови. Кстати, у себя дома римляне особым указом сената запретили такие жертвоприношения еще до первого похода Юлия Цезаря в Британию в 55 году до н. э., и, таким образом, по свидетельству древнегреческого географа и историка Страбона, не могли допустить существование на землях своей империи культа, практиковавшего умерщвление людей ради возношения молитв над корчащимися в агонии страдальцами. Итак, поначалу лица, желавшие получить права римского гражданства, должны были отречься от друидизма. Затем римляне начали силой искоренять друидические культы, распространенные у менее цивилизованных племен. Тацит в своих «Анналах» рассказывает о нападении римлян на остров Мона (Англси), стойкий оплот друидизма. Священные рощи друидов были вырублены, алтари снесены и сожжены, а жрецы преданы смерти. Плиний, повествуя о том, как император Тиверий «преследовал друидов», поздравляет своих друзей, живших в провинции, с тем, что власти жрецов наконец•то положен конец и отошли в прошлое жестокие ритуалы, вдохновлявшиеся ложным учением о том, будто богам доставляют удовольствие жестокие убийства и каннибализм. Практика друидов со всеми сопутствующими ей варварскими атрибутами, беспощадно преследовавшаяся в Британии всюду, куда только могли достать длинные руки римских правителей, была оттеснена на север острова, за вал Адриана, получив распространение у жестоких каледонских племен, не покорившихся ярму римских захватчиков•цивилизаторов. Разумеется, она сохранилась и в Ирландии, где не ступали калиги римских легионеров. Но что касается собственно Британии, то друидизм еще до ухода римлян был искоренен среди всех племен, кроме «пиктов и

скоттов».

Христианство, пришедшее на смену римскому владычеству, завершило уничтожение языческих кульгов в Британии. По крайней мере, к этому постоянно взывали публичные манифесты церкви. В VI веке ученый монах по имени Гилдас с полным правом мог называть древние культы бриттов мертвой религией. «Я не стану, — пишет он, — перечислять всех этих дьявольских идолов, стоявших в моей стране, идолов, число коих почти превышало сонмы идолов в Египте и коих мы сегодня нередко видим посреди руин храмов или просто под открытым небом, где они разрушаются, пугая людей своим зверским видом. Не стану я и сетовать о тех горах, источниках вод, холмах, реках и озерах, которые обращены теперь на службу людям, тогда как некогда они были для них источниками мучений и смерти, коим слепые невежды воздавали почести, подобающие богам». Вместе с идолами погибли и их жрецы. Само слово «друид» забылось и почти не встречается в ранних памятниках британской литературы, хотя в ирландских рукописях того же периода друиды являются одними из главных действующих лиц. Зато в Шотландии и Ирландии рука секулярных властей не обладала никакой силой, и поэтому борьба между язычеством и христанством велась почти на равных и продолжалась гораздо дольше. Св. Колумба, трудившийся в Шотландии, и св. Патрик, подвизавшийся в Ирландии, — подвижники, сокрушавшие, по крайней мере, согласно преданию, друидов и их богов. Адамнан, аббат Ионский, создавший свою «Vita Columbae» [140] в последней декаде VII века, повествует о том, как веком раньше святой принес пиктам Благую проповедь Евангелия. Их король, Бруд, встретил святого с презрительным высокомерием, а друиды короля прибегли к помощи всех своих заклинаний, чтобы навредить и помешать подвижнику. Однако подобно тому, как сила, ниспосланная Моисею, оказалась могущественнее чар магов Египта, так и молитвы св. Колумбы сотворили чудеса куда более значимые, чем видения, вызванные заклинаниями его противников. Такие истории хорошо передают атмосферу мифа, которой всегда окружен герой•подвижник, и совершенно естественно, что пикты, увидев такие чудеса, отреклись от своей старой веры и обратились в христианство. Такая же легенда встречается и в жизнеописании св. Патрика, просветителя Ирландии. До его прихода на остров там ежегодно устраивались празднества с человеческими жертвоприношениями в честь Кром Круаха. Но св. Патрик немедленно отправился к кровавому идолу. По преданию, как только он поднял над ним крест, демон, устрашившись его силы, с воплем покинул истукан, который тотчас рухнул наземь.

Однако свергнуть и разбить внешние атрибуты прежних культов гораздо проще, чем уничтожить скрытую внутреннюю силу, питающую их. Идола Кром Круаха можно было свергнуть, но дух его, живучий как Протей, не умирал. Святилища древних кельтских культов можно было захватить и разрушить, идолов и алтари древних богов — разбить и сжечь, жрецов — изгнать, посадить в темницы или предать мечу. После этого культ официально провозглашался уничтоженным; однако, будучи изгнанным из древних культовых центров, он еще долго продолжал свою жизнь вокруг них. Гэлы и бритты, как народы более цивилизованные, вне всякого сомнения, приняли Благую Весть христианства и отреклись от богов, коим прежде поклонялись, но сельские жители, составлявшие большую часть населения, еще долго хранили в памяти имена древних божеств и привычные ритуалы в их честь. Истинная вера и более высокая цивилизация прошли, так сказать, всего лишь волнами по поверхности океана человеческой жизни. Под пылкой религиозностью новообращенных христиан скрывались полубессознательные пережитки прежней веры и старых взглядов, сквозь которые элементы новой культуры проникали с большим трудом, и поэтому они менялись весьма и весьма медленно.

Мы уже говорили о том, как долго и преданно гэльские и валлийские крестьяне сохраняли веру в своих старых богов, несмотря на все старания служителей церкви выдать тех за древних королей, превратить в новоявленных святых•чудотворцев или, напротив, объявить демонами из преисподней. Этот консервативный религиозный инстинкт исконных земледельцев не ограничивается только обитателями Британских островов. Греки нового времени долго сохраняли веру в нереид, сатиров, сирен и Харона, этого

мрачного лодочника, переправлявшего души умерших в Аид. Потомки римлян и этрусков тоже долго верили, что древние этрусские боги и римские божества лесов и полей живут теперь в мире духов. Высокие алтари «Хозяина кургана» и его ужасных сородичей были снесены до основания, их золотые изваяния отправились в переплавку, в величественных храмах воцарилась мерзость запустения, но на грубых крестьянских жертвенниках по•прежнему возносились жертвы столь же грубым крестьянским богам. Такой переход заботы о языческих культах от вождей к крестьянам, от двора королей к простолюдинам, а в известной мере и от более цивилизованного племени к менее развитому отчасти объясняет то, почему более примитивные и «неразвитые» боги так активно потеснили более благородных божеств, заняв их место. Боги туземных жителей, пребывавшие в безвестности после вторжения более сильных божеств интервентов, вновь вернулись из тьмы забвения.

Таким образом, мы вправе разделить богов — обитателей Британских островов на два основных класса. Между собственно «феей» в строгом смысле слова и невидимым эльфом, выступающим под самыми разными именами — пока, лепрехавн, домовой, стучащий или гном, — очень мало общего. Дело в том, что фея восходит к таким древним небожителям, как боги клана Туатха Де Данаан из гэльских мифов или их преемники, боги «Мабиногиона» древних бриттов. Происхождение же эльфов, как бы их ни называть, восходит к порождениям примитивного воображения, имевшим куда более низкий социальный статус. Мы даже вправе предположить, что они суть порождения фантазии людей эпохи неолита.

Как бы там ни было, предания, восходящие к незапамятным временам, удивительным образом сохранили основные черты кельтских богов стихий природы. Вера в фей, возникшая в последние несколько веков, мало чем отличается от обычных представлений кельтов о своих богах. Приводимое в «Разговорах старейшин» описание богов Туатха Де Данаан в качестве «духов или фей, имеющих телесный или материальный облик и наделенных бессмертием» как бы отражает превалирующие представления о «добрых богах», сложившиеся в позднейшие времена. Народные представления о феях, бытовавшие у ирландцев и валлийцев, практически ничем не отличались друг от друга. И там и там обиталищем фей считались холмы, хотя в Уэльсе место «холма фей» часто занимали озера. И в Ирландии, и в Уэльсе феи, хотя они сражались и заключали браки друг с другом, считались полубессмертными. И те и другие похищали детей у людей, выкрадывая их прямо из колыбели, а своих отпрысков, наоборот, подбрасывали в семьи простых смертных. И там и там феи могли налагать заклятия на мужчин и женщин. И у ирландцев, и у валлийцев феи просто обожали музыку и танцы, проводя жизнь в невероятной роскоши и пышности. Другая существенная черта их сходства — крошечный рост, однако это, возможно, не более чем следствие литературной традиции, начало которой положил не кто иной, как Шекспир. В подлинных фольклорных преданиях и у гэлов, и у бриттов рост фей, как минимум, не ниже человеческого.

Однако, будучи арийцами или иберами, прелестными созданиями или монстрами, эти существа постепенно исчезли из народных верований. Опустевшие долины, в которых жизнь мужчин и женщин во многом текла по старым обычаям и определялась старинными верованиями, все более и более открывались навстречу новым веяниям, современному миру с его ускоренным темпом жизни и быстрой сменой воззрений. Однако быстрые темпы развития, имевшие место в XIX и XX веках, без сомнения, пошли им на пользу. В самом деле, кто из одиноких пастухов или рыбаков в наши дни будет уверять, будто видел самого великого Мананнана? Кто из нынешних конюхов всерьез верит в Фионбарра? Часто ли теперь бродит по своим долинам Таве и Недд знаменитый Гвин ап Нудд? Более того, сегодня уже невозможно найти человека, который бы искренне верил в местного поку или сумеречного домового. Однако ритуальные обряды древних кельтов сумели куда лучше противостоять разрушительному натиску времени. Для их совершения даже незачем запоминать труднопроизносимые старинные имена. То, что раньше совершалось из религиозных побуждений, стало

теперь простым обрядом «на удачу». Привычные ритуалы отмирали очень медленно, во многом сохраняясь из•за полубессознательных опасений, что, «если не исполнить все как положено, может случиться что•нибудь недоброе». Таким образом, изучение таких обычаев и суеверий может дать нам для понимания природы кельтского язычества гораздо больше, чем любые другие источники.

Итак, в недавнем прошлом мы видим три основные формы существования пережитков архаической религии. Первая из них — это сохранение празднеств в честь старых богов Солнца и земледелия, проводившихся в дни весеннего и осеннего равноденствия, а также в дни летнего и зимнего солнцестояния. Вторая — практика совершения символических человеческих жертвоприношений, устраиваемых теми, кто уже давно забыл их первоначальный смысл, помня, что нечто такое требуют старые обычаи. Иногда такая практика совмещалась с реальными жертвоприношениями животных, целью которых было предотвратить моровое поветрие среди скота или просто выбраться из полосы невезения. Наконец, третья представляет собой едва теплящиеся реликты некогда всеобщего культа священных водоемов, деревьев, камней и животных. Истинный смысл кельтских государственных культов со всей определенностью можно понять из того, что главными его праздниками являются четыре ключевых дня в году, отражающие начало, развитие, продолжение и окончание солнечного цикла и плодов земли, соответствующих каждому времени года. Такими праздниками были Бел тейн, приходящийся на самое начало мая; день летнего солнцестояния, знаменующий торжество солнечного света и всякой растительности; Лугнасад, праздник Луга, отмечаемый в день поворота солнечной орбиты; и, наконец, грустный праздник Самхейн, после которого сила солнца быстро идет на убыль и оно на целых полгода подпадает под власть злых сил зимы и тьмы. В числе этих фаз Солнца наиболее важными, разумеется, являются первая и последняя. Собственно говоря, вокруг них, словно вокруг главной оси, вращается вся кельтская мифология. Именно в день праздника Белтейн Парталон со своими спутниками открыл Ирландию и, можно сказать, создал ее, прибыв на остров из Потустороннего мира. В тот же день, три века спустя, потомки Парталона вернулись туда, откуда прибыли. В самый день праздника Белтейн гэльские боги, небожители клана Туатха Де Данаан, а вслед за ними и гэлы впервые ступили на землю Ирландии. Именно в день праздника Самхейн злобные фоморы обложили людей племени Немед невыносимой данью; в тот же день много веков спустя более позднее племя богов света и жизни сумело победить и свергнуть этих коварных демонов в битве при Маг Туиред. Вне рамок этих сакральных дней произошел всего один важный мифологический эпизод, да и тот является позднейшей вставкой! В день летнего солнцестояния, один из дней менее значительных солнечных фаз, люди племени богини Дану захватили Ирландию, одолев ее прежних обитателей — клан Фир Болг.

Мифология бриттов сохранила в веках ту же стержневую идею, что и мифы обитателей Ирландии. Если должно произойти что•то жуткое или неприятное, можно не сомневаться, что это случится первого мая. Именно «в ночь под первое мая» погибла Рианнон, а Тернион Твриф Влиант, согласно первой из книг «Мабиногиона», нашел ребенка Придери. Именно «вечером накануне Первого мая» в эпоху правления «короля» Ллудда два дракона вступают в отчаянную схватку друг с другом. Именно первого мая, каждый год вплоть до Судного дня, Гвин ап Нудд сражается с Гвитир ап Гврейдавлом за руку и сердце прекрасной дочери Ллудда, Кройддилад. А по свидетельству легенды «Смерти Артура», именно в этот день тот же Гвин, выступающий на этот раз под своим «романическим псевдонимом» «сэр Мелиагранс», похитил супругу самого Артура, королеву Гиневру, гулявшую в лесу неподалеку от Вестминстера.

Природу ритуалов, совершавшихся в эти ключевые дни, тоже можно реконструировать по их бледным пережиткам. Такие ритуалы до сего дня совершаются потомками кельтов, хотя, по всей вероятности, мало кто из них догадывается — или хотя бы задумывается, — почему Первое мая, день св. Иоанна Крестителя [141], праздник урожая [142] и Хэллоуин [143] сопровождаются столь пышными церемониальными действами.

Первый из них, именуемый в Ирландии Белтейн, в Шотландии — Беалтуинн, Шен да Боалдин — на острове Мэн и Галан•Май (майские календы) — в Уэльсе, знаменует празднества в честь пробуждения земли от зимнего сна, возвращения тепла, жизни и всевозможной растительности. Именно таково значение знаменитого Майского дерева [144], которое сегодня, к сожалению, редко можно увидеть на наших улицах. А вот в старину все обстояло иначе. Великий Шекспир в драме «Генрих VIII» (действие 5, сцена 3) рассказывает, что в его время накануне этого дня никто не мог заснуть, ибо все с нетерпением ждали наступления 1 мая. Ровно в полночь жители вскакивали с постелей и спешили в ближайший лес, чтобы наломать распустившихся веток, ибо на следующее утро восходящее солнце должно было увидеть, что все двери и окна прикрыты от его лучей этими ветвями. Весь день жители проводили в веселье, танцуя вокруг майского дерева, держа в руках ветви мирта и как бы сливаясь воедино с природой в знак наступления лета. Совершенно иная картина наблюдалась в день праздника, именуемого в Ирландии и Шотландии Самхейн, на острове Мэн — Сауин, а в Уэльсе — Нос Галан•геоф (Ночь [накануне] зимних календ). Праздник этот был весьма печальным: лето кончилось, наступала зима с ее короткими, пасмурными днями и долгими, унылыми ночами. Кроме того, в этот день у древних кельтов начинался новый год, и благословение на будущее у злых сил тьмы можно было заполучить только с помощью жутких ритуалов. «В канун первого ноября, — говорится в старинной пословице из Норт Кередигион, — на каждой ступеньке сидит по привидению». А скотты в старину придумали даже особое привидение — Самханах, или гоблин, появляющееся только на праздник Самхейн.

По преданию, праздник 1 августа был установлен самим богом Солнца. В Ирландии его называют Лугнасад (празднества в честь Луга), на острове Мэн — Лла Ллуанис, а в Уэльсе — Гвил Авст (августовский праздник). Некогда значение этого праздника мало в чем уступало Белтейну и даже Самхейну. Любопытно заметить, что в старину 1 августа считалось большим праздником в Лионе (Франция), носившим в те времена название Лугудунум, что значит «дун (город) Луга». Зато праздник летнего солнцестояния, напротив, во многом утратил свое прежнее мифологическое значение после установления христанского праздника — дня Иоанна Крестителя. Характерная черта всех этих праздников заключается в том, что они дают хотя бы некоторое представление о пышных языческих церемониалах, пережитками и травестийными вариантами которых они являются. Во все эти праздники на самых высоких холмах зажигают огромные костры, а во всех домах пылают очаги и камины. Они предоставляют людям множество поводов для забав и активного отдыха. И все же в воздухе ощущается атмосфера таинственности: дело в том, что феи в эти дни особенно активны и любопытны, и следует особенно остерегаться, чтобы не пропустить или не нарушить какой•нибудь исстари соблюдаемый ритуал, ибо в противном случае феи могут разгневаться и вмешаться в ход событий. Ритуалы в честь некоторых из этих богов, принимаемых наполовину всерьез, сложились уже в сравнительно поздние времена. Когда сэр Томас Пеннант в XIX веке писал свое «Путешествие по Шотландии и поездка на Гебриды», во многих поселениях Хайланда еще существовал обычай в день праздника Белтейн совершать возлияния и приносить в жертву пироги и печенье не только духам, считавшимся покровителями стад скота, но и таким существам, как лисица, орел и черный ворон, чтобы тем самым снискать их расположение. Как писал Мартин Мартин в своей книге «Описание островов Западной Шотландии», первом известном нам рассказе о жизни на Гебридских островах, увидевшем свет в конце 1690•х годах, на праздник Хэллоуин (кельтский Самхейн) местные жители Гебридских островов совершали ритуальное возлияние эля в честь морского бога по имени Шони, упрашивая его пригнать водоросли поближе к берегу. В честь местных божеств совершались и другие довольно странные и даже курьезные обряды. Так, девушки на заре умывались утренней росой, умоляя послать им красоту. При этом они надевали венки из веток рябины, мистического дерева, пурпурно•алые ягоды которого служили местным аналогом амброзии для богов клана Туатха Де Данаан.

В своем первоначальном варианте все эти ритуальные празднества, кажущиеся сегодня совсем невинными,

несомненно, представляли собой религиозные действа оргиастического характера — наподобие тех, что пользовались такой широкой популярностью в Древней Греции в связи с культом Диониса. Великих «повелителей жизни», а также силы природы, создавших жизнь и управлявших ею, старались умилостивить исступленным пением и криками, ритуальными танцами и — человеческими жертвоприношениями . Среди элементов праздника упоминались и костры, играющие столь заметную роль в современных фестивалях. Первоначально они представляли собой не просто feux de joile [145], а имели куда более страшное значение, которое, кстати сказать, сохранилось в связанных с ними ритуалах. Так, во время праздника Белтейн в Шотландии участники делили между собой пирог, и тот, кому доставался «подгоревший кусок», должен был трижды перепрыгнуть через пламя. На празднике в честь дня летнего солнцестояния в Ирландии сквозь пламя костра должны были пройти все: мужчины — когда пламя было особенно сильным, женщины — когда оно немного ослабевало, а скот — когда на месте кострища оставались лишь дымящиеся головни. В Уэльсе, в последний день октября, когда отмечался старинный праздник Самхейн, совершался несколько иной, более впечатляющий ритуал. На вершине холма зажигали костры и следили, пока не исчезнут последние язычки пламени. Тогда все участники бросались бежать вниз по склону холма, выкрикивая заклинания, целью которых было напугать дьявола, который, по поверью, мог схватить отставших. Дьявол в новых языческих представлениях считался древним богом, сумевшим выжить. Во всех этих ситуациях такие ритуалы представляли собой не просто бег наперегонки, а символизировали человеческие жертвоприношения.

Аналогичные, но гораздо более жестокие обряды совершались в день св. Иоанна Крестителя, вплоть до самого их запрета при короле Людовике XIV [146]. На кострах, зажигавшихся при покровительстве и в присутствии старосты деревни или мэра города, сжигали огромные корзины, клетки с живыми волками и кошками. Юлий Цезарь упоминает в своих «Записках» о том, что у друидов существовал обычай устраивать огромные каркасные фейерверки, на которые они привязывали живых людей и затем поджигали все сооружение, и можно не сомневаться, что корзины с волками, лисицами и кошками служили во Франции заменой человеческих жертвоприношений.

После принятия христианства была придумана особая теория, целью которой было добиться сохранения этих архаических ритуалов, несколько изменив их смысловое содержание. Прохождение людей и скота через пламя или дым костра стало истолковываться как вполне допустимая практика, обеспечивающая особую магическую защиту от сил зла, то есть бесов. Этот «гомеопатический» принцип обращения к силам зла и использования их собственно сакральной силы для защиты от них самих чем•то напоминает упоминаемый в библейской книге Левит запрет варить козленка в молоке его матери. Что же касается отношения к языческим «демонам», то такая практика считалась вполне допустимой. Разумеется, объяснение ее явно натянуто; на самом деле в основе ее лежат мрачные представления друидов о том, что, по свидетельству того же Цезаря, «если жизнь одного человека не будет оплачена и искуплена ценой жизни другого, то невозможно снискать благосклонности бессмертных богов». Этим и объясняется «необходимость» человеческих жертвоприношений у кельтов как на общегосударственном, так и на частном уровне, тенью и рудиментом которых и являются прохождение через огонь и дым костров, а также многочисленные документально подтверженные случаи жертвоприношений скота в недавние времена.

В самом конце XIX века Лоренс Гомме в своей книге «Этнология в фольклоре» приводит множество свидетельств о жертвоприношениях скота не только в Ирландии и Шотландии, но и в Уэльсе, Йоркшире, Нортгемптоншире, Корнуолле и на острове Мэн. "Не далее чем в двадцати милях от столицы Шотландии один из родственников профессора Симпсона принес живую корову в жертву духу скотьей чумы". В Уэльсе, когда там начался мор среди животных, жители принесли в жертву бычка, сбросив его с вершины высокой скалы.

Гораздо чаще, впрочем, жертвенные животные сжигались живьем. Так, в 1859 году на острове Мэн один фермер неподалеку от Тинуолд Хилл принес в жертву телку, чтобы избавиться от мести призраков обитателей кургана, который был раскопан и тем самым осквернен. Более того, такие «всесожжения» иногда приносились даже христианским святым. Хроники прихода в Дингуолле под датами 1656•й и 1678 годы содержат упоминания о жертвах скота на месте старинного храма в честь сакрального персонажа, которого одни называли «святым Моури», а другие, по всей вероятности, лучше осведомленные о его происхождении, — «старым богом Моури». Были и другие святые, в частности, св. Кутберт в Киркудбрайте и св. Бено в Клинноге, Уэльс, которые" по поверью, очень любили кровь быков.

Такие жертвоприношения животных по большей части имели целью предотвратить мор и падеж скота. По старинному поверью, в жертву обычно приносили «голову за голову», и такие жертвоприношения скота постепенно практически у всех народов вытеснили более древние человеческие жертвоприношения. По свидетельству Лоренса Гомме, в старину нередко поклонялись особому идолу, «истукану, сделанному из дерева, высотой около двух футов, вырезанному и раскрашенному по образу женщины». Эта идолица считалась богиней оспы,и от имени человека, надеявшегося выздороветь от этой болезни, было принято приносить в жертву овцу.

Третий вид пережитков кельтского язычества — это многочисленные и разнообразные случаи особого почитания воды, деревьев, камней и животных. Кельты, как и другие народы арийского происхождения, поклонялись рекам. Так, реку Ди почитали в качестве богини войны, носившей титул Аэфрон, а река Риббл, под почетным названием Белисама, отождествлялась римлянами с самой Минервой. В мифах кельтов, как и у древних греков, нередко упоминаются священные реки. Так, считалось, что река Ди изрекала пророчества об исходе непрекращающихся войн между валлийцами и англичанами. Если река гнала волны к валлийскому или английскому берегу, в этом усматривали знак, что победу одержит тот или другой народ. Твид, как и многие реки и ручьи античной Греции, можно было умилостивить человеческими жертвоприношениями. То, что рекам Великобритании действительно приносились человеческие жертвы, ясно из памятников фольклора, в которых упоминаются многие водоемы. Считалось, что, если реки и ручьи не получат человеческих жертв, они будут стараться отнять жизнь у тех, кто обманул их ожидания. «Речка Дарт, не спеши; каждый год ты ждешь души», — поется в народной песне в Девоншире. Река Спей тоже каждый год требовала человеческой жертвы, а вот дух Риббла вполне удовлетворялся человеческой жертвой, приносимой раз в семь лет.

Свидетельства о почитании рек нередко переплетаются с поклонением источникам. «Что касается поклонения источникам, — пишет Лоренс Гомме, — то можно с полной уверенностью утверждать, что таковое имеет место в каждом графстве трех королевств». По мнению Гомме, наиболее живучим такое почитание остается в гэльских графствах, тогда как в графствах с преобладанием бриттов оно заметно слабее, а на юго•востоке Британии, заселенной потомками германцев, оно и вовсе отсутствует. Особенно многочисленны так называемые «святые источники»; им посвящен целый ряд специальных монографий. В одних случаях таким источникам приписываются свойства исцеления от тех или других болезней, в других они могут вызвать перемену погоды или просто «принести удачу». Им приносились жертвы, чтобы задобрить богов или нимф, обитавших в них. Пеннант рассказывает, что в старину богатые люди должны были принести в жертву одного из своих лучших коней возле источника в окрестностях Абергелеу, чтобы заручиться милостью к остальным скакунам. У источника св. Теглы неподалеку от Урексхэма больные, страдающие эпилепсией (припадками), приносили в жертву домашнюю птицу: кур, гусей и пр., но в более поздние времена дух источника привык довольствоваться и более мелкими дарами — шпильками, булавками, гребешками, цветными камешками и мелкими монетками. Со святыми источниками часто были связаны и священные деревья, ветви которых и кусочки коры верные почитатели хранили как священные реликвии.

Иногда, в тех местах, где почва вокруг таких источников была лишена какой бы то ни бьио растительности, поклонники высаживали у самой воды мелкие кустарники. Те самые люди, которые молились у источников, почитали и всевозможные священные камни. В своей книге «Развитие реформации в Ирландии» лорд Роден, рассказывая в 1851 году об острове Инниски у побережья Майо, сообщает, что священный источник под названием Дерривла и священный камень, именуемый Ннивоуги, который в дни особого поклонения бережно обертывали красивой фланелью, являли собой единственные божества, хоть как•то известные трем сотням обитателей этого уединенного островка в Атлантике. Это кажется почти невероятным, но мы располагаем убедительными свидетельствами почитания камней•фетишей жителями наших островов в совсем недавние времена. По утверждению Мартина Мартина, автора книги «Описание островов Западной Шотландии», у клана Чаттан имелся такой священный камень, находившийся на острове Арран. Считалось, что камень этот, как и камень с острова Инниски, способен излечивать всевозможные недуги, и его обычно «заворачивали в тонкие льняные полотнища, поверх которых обычно клали „плащ" из толстой шерстяной ткани». Кроме того, почитание источников часто существовало бок о бок с поклонением животным. У источника возле «Гати Дьявола», находящегося между Ракли и Эктоном в графстве Шропшир, жили, а возможно, и сегодня еще живут четыре лягушки, считавшиеся воплощением «самого дьявола и его бесенят», то есть бывшие, так сказать, богами или демонами древнего культа идолопоклонников. В Ирландии такими духами•хранителями чаще всего считались рыбы: форель, угри или лосось. Именно им приписывалось обладание даром вечной жизни. Дух источника в Банффшире являлся в обличье мухи, способной переселяться из одного тела в другое. Главной ее функцией были проророчества, и, судя по тому, насколько активной она была или, напротив, впадала в летаргический сон, местные колдуны изрекали свои пророчества. А сохранившиеся вплоть до наших дней культы воды, деревьев, камней и животных, проявляющиеся в самых разнообразных ситуациях, не стоит и перечислять, ибо они общеизвестны. Достаточно сказать, что эти проявления были поистине бесчисленны. Особенно любопытно то, что мы и сегодня сталкиваемся лицом к лицу с живыми рудиментами самой древней и примитивной религии на свете — религии, которая некогда, по•видимому, была поистине универсальной и, будучи более всех прочих близкой к земле, позволяла всем остальным верованиям развиваться параллельно с нею — и пережила их все.

Эта система лежит в основе трех великих мировых религий и до сих пор сохраняется в сознании большинства их номинальных приверженцев. Для мудрости христианской церкви весьма характерен тот факт, что она, понимая скрытую силу древней веры, сочла за благо взять под свой покров отдельные ее элементы и тем самым отчасти санкционировать ее, вместо того чтобы искоренять. Многочисленные кельтские аналоги древнегреческих «источников нимф» были освящены и превратились в «святые источники». Так, св. Колумба, отправившийся в VI веке с апостольской миссией, намереваясь обратить пиктов в христианство, наткнулся на некий источник, который они почитали в качестве бога. Мудрый святой предпочел благословить источник, и, по свидетельству «Жизнеописания» того же Адамнана, «с того дня демон навсегда покинул воды [источника]». Кроме того, св. Колумба освятил еще не менее трехсот таких же родников и источников. Точно так же были приняты под эгиду христианства и бесчисленные священные камни. Некоторые из них были заложены в основание алтарей различных церквей и соборов, другие вмурованы в стены освященных зданий. Животным•богам тоже нашлось место в христианских легендах: эти зооморфные создания стали их героями, а если их адаптация в рамках новой религиозной системы была невозможной, то такие звери объявлялись «колдовскими тварями», и отношение к ним было соответствующим. Именно это произошло с зайцем, священным, по свидетельству Юлия Цезаря, животным древних бриттов, а ныне пользующимся весьма дурной репутацией в пережитках суеверий их потомков. А на птичку крапивника в Ирландии в день памяти св. Стефана устраивают настоящие облавы. Вся вина бедной птицы состоит в том, что в ее крови, по

странному суеверию, будто бы имеется «капля крови дьявола», но на самом деле причина жестоких гонений на крапивника, вероятно, заключается в том, что в старину ирландские друиды, по примеру римских авгуров, часто гадали по его щебету.

В этой книге мы попытались дать некую общую картину религиозных представлений и верований наших далеких предков, гэлов и бриттов — двух ветвей кельтов Британских островов. Мы старались показать, что собранные исследователями осколки древних мифологических систем кельтов не уступают мифам древних греков ни богатством фантазии, ни великолепием и живостью красок. Мы попытались познакомить читателей с богами и прочими персонажами наших мифов и вкратце пересказать основные предания о них. Мы рассказали об их падении и запустении прежних святилищ и том, как древние боги обрели новую жизнь, превратившись в королей, христианских святых или рыцарей со страниц романов, и попытались угадать последний угасающий отсвет их былой славы в образах «фей», а также рассказать о ритуалах, и поныне еще совершаемых людьми, вряд ли догадывающимися, кому же они, собственно, посвящены. Разумеется, наш обзор неизбежно страдает и краткостью, и поверхностностью, и недостаточной полнотой. Сегодня можно лишь строить догадки о том, удастся ли когда•нибудь восстановить мифологические представления кельтов во всей полноте. По всей вероятности, громадные фрагменты этой системы слишком глубоко погребены в недрах минувшего и разбросаны по бесчисленным фольклорным памятникам. Но и ее руины остаются той неисчерпаемой каменоломней, из которой поэты грядущих поколений будут по•прежнему добывать прекрасный мрамор для новых и новых нерукотворных созданий.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

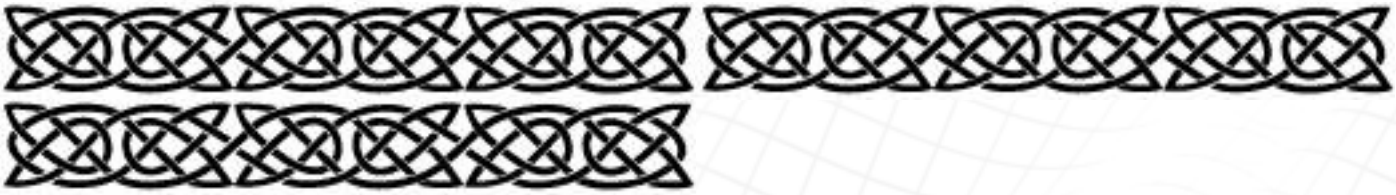
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

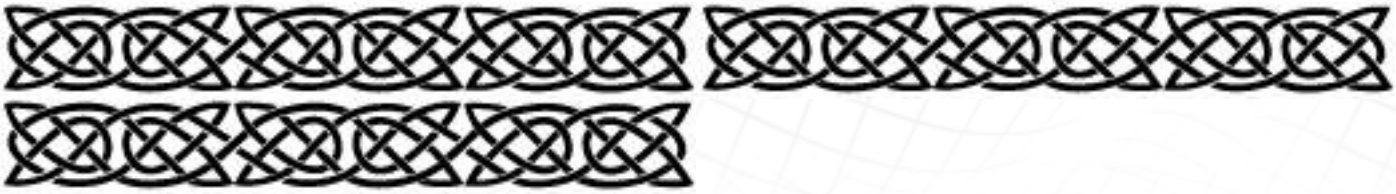
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ГИЛДАС

До нас дошло весьма мало документальных письменных свидетельств об истории древних кельтов. Один из немногих уцелевших источников — «De Exditio Et Conquestu Britanniae», «О разрушении и покорении Британии». Его авторство часто связывают с именем Гилдаса, который, как принято считать, перебрался из нынешнего Стрэтклайда и обосновался в Уэльсе, где и принял монашеский постриг. Труд, который принес ему славу (хотя некоторые исследователи и отрицают авторство Гилдаса), был, по•видимому, написан между 516•м и 547 гг. Труд этот носит отчасти исторический и отчасти мифический характер; в нем описывается вторжение иноземцев в Британию и уничтожение и массовые миграции кельтов. Кроме того, Гилдас считается также автором так называемой «Epistola Gildae» [148] — открытого письма, обращенного к кельтам•мирянам и клирикам, в котором упрекает их за бездействие.



На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

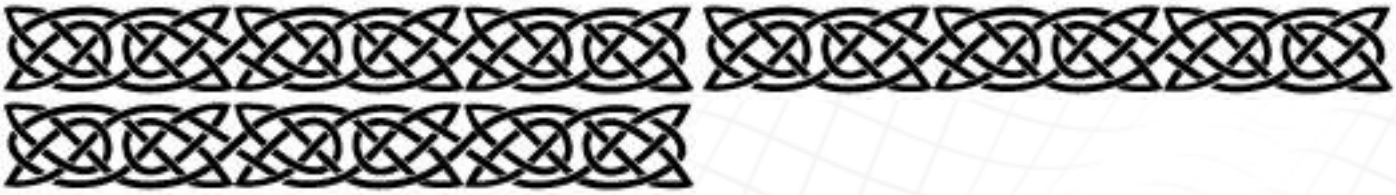
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ГЛАСТОНБЕРИ ТОР

В мифологии ирландских кельтов холм в Гластонбери в долине Авалон, что в Сомерсете, известный под названием Гластонбери Тор, считался жилищем Гвин ап Нудда и выполнял роль своего рода ворот между миром простых смертных и Потусторонним (подземным) миром. На склонах этого холма кельты•отшельники устраивали свои кельи. Кельтское название Гластонбери Тор — Инис Виттрин, что означает «стеклянный остров» (см. также СВЯТИЛИЩА НА ХОЛМАХ).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (39) →

Испания и Канары!
Тенерифе, Гран Канария... Барселона, Коста дель Соль, Мадрид... Лето 2007!!!

Адрес и телефон · www.rusiber.ru

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Буддизм: лекция Ламы Оле в Москве
9 июля, ДК МАИ. Высшая радость Алмазного Пути: введение в учение Будды
www.buddhism.ru

чучела животных птиц рыб
изготовление обработка продажа чучел охотничьих трофеев интерьерные решения
www.zolotru.ru

На главную | Оглавление

Кельтская мифология

ГОЛОВА

Голова пользовалась у кельтских племен особым почитанием. Для них она имела куда большее значение, чем сердце, столь ценимое в других архаических цивилизациях. Кельты считали голову обиталищем души и полагали даже, что голова способна существовать сама по себе, без всего остального тела. По•видимому, именно этим объясняется тот факт, что кельты, по свидетельству древних источников, непременно стремились обезглавить врагов, убитых ими на поле боя, и часто привязывали их отрубленные головы к шеям своих коней. Затем они насаживали эти головы на колья изгородей вокруг своих поселений или даже на крыши собственных домов, подобно тому как некоторые охотники до сих пор любят вешать на стены оленьи головы — излюбленные охотничьи трофеи. Чем знатнее и влиятельнее был хозяин отрубленной головы, тем больше чести это приносило воину•кельту, чьим трофеем она стала. По некоторым сведениям, кельты иногда очень долго сохраняли головы наиболее прославленных врагов, бальзамируя их кедровым маслом и держа в особых сундучках. Явные свидетельства того, что кельты любили отрубать врагам головы, используя их в качестве трофеев, были найдены римлянами, которые в одном из походов разгромили кельтское племя салиев. Изумленные римляне обнаружили святилище, устроенное салиями в Антремоне, Прованс, которое было посвящено… культу отрубленных голов. Там были и резные деревянные головы, и останки настоящих человеческих голов. Человеческие черепа и набальзамированные головы были также найдены на каменных столпах (колоннах) в окрестностях Рокепертюза в Бушес•дю•Рон. Вполне естественно, что голова, которой кельты придавали столь важное значение, часто встречается в кельтской мифологии. Так, в одной из легенд, связанных с образом Кухулина, герой вступает в бой сразу с двенадцатью врагами, тем не менее побеждает их всех и отрезает им головы. Затем он воздвигает двенадцать больших камней и возлагает на каждый камень по голове. Другие легенды отражают предполагаемую способность некоторых голов существовать отдельно от тела. Так, например, в валлийской легенде о Бране Благословенном рассказывается о том, что, когда Бран был смертельно ранен в бою с войском Матолвха, короля Ирландии, он сам попросил своих друзей отрубить ему голову и отвести ее на родину, а не предавать земле в Ирландии. На всем протяжении долгого обратного пути голова, по легенде, сохраняла способность есть, пить и даже разговаривать, совсем как тогда, когда она была живой и венчала собою могучее тело Брана (см. главу 20). В более поздние, цивилизованные времена, когда кельты отказались от мрачной практики обезглавливать врагов, культ головы по•прежнему сохранял у них большое значение. Это со всей ясностью показывают многочисленные резные каменные рельефы и изваяния, обнаруженные во многих местах, где в древности процветали очаги цивилизации кельтов. Некоторые из таких изваяний находились в святилищах — храмах, возле жертвенников или священных источников, покровителем и защитницей которых и должна была служить резная голова. Изображение головы использовалось и для украшения куда более прозаических бытовых предметов. В археологических раскопках в самых разных местах были найдены сосуды и чаши с изображениями человеческих голов, выполнявших роль ручек.

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

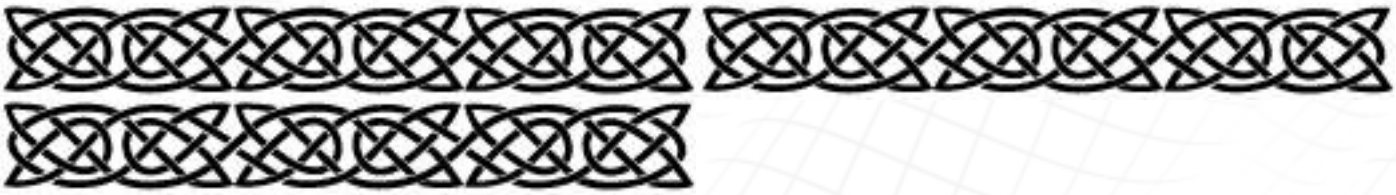
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Утерянные годы Иисуса!
Найдены исторические документы!!!
www.longfellow.ru

АЗБУКА ВЕРЫ православный портал
Иисус Христос. Классические ответы на часто задаваемые вопросы.
azbyka.ru

Кельтская мифология



ГРААЛЬ

Согласно некоторым источникам. Святой Грааль — это чаша, из которой Иисус Христос пил во время Тайной вечери. По другим источникам, Святой Грааль — чаша, в которую была собрана кровь, пролившаяся из раны Иисуса Христа, которую нанес ему центурион (в русской традиции — сотник) Лонгин, когда Христос был распят на кресте. По преданию, Иосиф Аримафейский, тайный ученик Христа, уехал в Британию в I в. н. э. и обосновался в Гластонбери. Согласно тому же преданию, он привез с собой Святой Грааль, а также два сосуда, в которых были собраны кровь и пот Христа. Став священной реликвией, Грааль передавался из поколения в поколение, и именно он оказался в самом центре сюжета Артуровских саг. Чаще всего Грааль находит сэр Галаад. Однако сама мысль о поисках некоего чудесного или волшебного сосуда — это, по всей вероятности, порождение собственно кельтских преданий. Она может быть связана с путешествием или походом в Потусторонний мир с целью овладения волшебным котлом (см. также главу 25).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

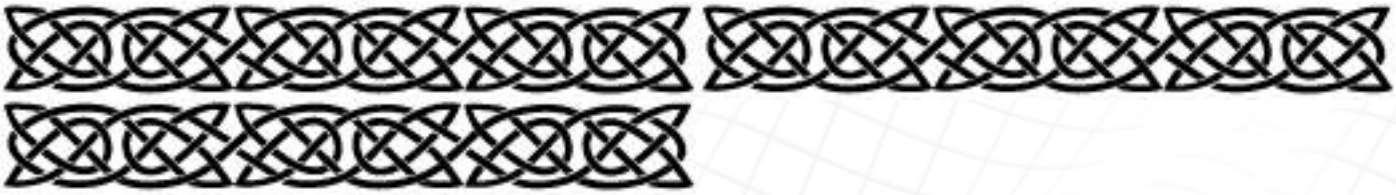
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ГУНДЕСТРУПСКИЙ КОТЕЛ

Гундеструпский котел — одна из самых впечатляющих реликвий древних кельтов. Он был случайно найден в 1891 г.: неподалеку от Вестиммерленда в Ютландии крестьянином, добывавшим торф. Котел этот, сделанный из чистого серебра, по всей вероятности, был в древности позолочен использовался в качестве церемониального сосуда. Емкость этого котла — свыше двадцати восьми галлонов; он состоит из днища, пяти внутренних и семи наружных пластин. Перед захоронением котла серебряные пластины были с него сняты. На пластинах были представлены мифологические сцены, изображающие богов, людей и животных. Некоторые из образов, представленных на этих пластинах, — хорошо известные персонажи кельтского культа. Так, на одной из пластин показаны три жертвенных быка; на других даны изображения более экзотических животных, таких, как львы, леопарды и слоны. Встречаются и изображения некоторых богинь, среди которых выделяется некая богиня, окруженная колесами, словно она мчится на невидимой колеснице. А на одной из пластин сохранилось изображение походной колонны кельтских воинов•пехотинцев и всадников.

Относительно возраста и происхождения котла высказывались самые противоречивые мнения. Одни ученые полагают, что он был изготовлен между V и вв. до н. э. где•то на землях нынешней Румынии или Фракии. По всей вероятности, он был выкован не одним мастером, а несколькими серебряниками. И хотя многие символы, представленные на нем, имеют несомненно кельтское происхождение, большинство из них не знает аналогов в кельтском искусстве стран Западной Европы. Высказывались разные мнения относительно того, сделан ли он мастерами Южной Европы или кельтами Севера или же просто похищен кельтами во время одного из набегов на Галлию. У кельтов существовал обычай прятать в земле или опускать на дно водоемов котлы и прочие артефакты, выполнявшие в таком случае роль жертв по обету. Наконец, его могли просто зарыть в землю, опасаясь похищения.

1 галлон = 4,54 л. Таким образом, 28 галлонов — 127,12 л (прим. перев.).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (11) →

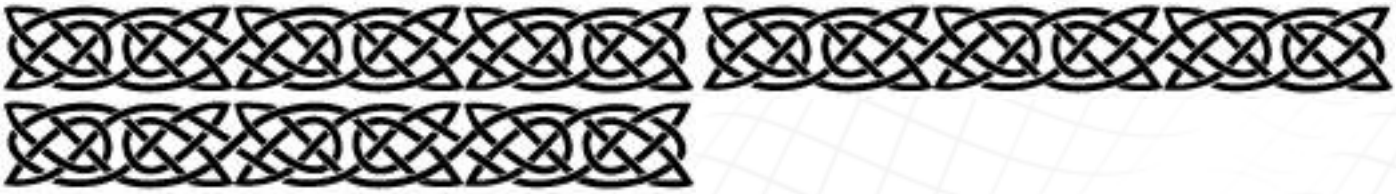
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



ДАГДА, или ДАГХДА

В мифологии ирландских кельтов Дагда, чье имя означает «добрый бог» и сохранилось в нескольких вариантах, считался богом•отцом и главой клана Туатха Де Данаан. Он был сыном Эладу. Дагда часто изображается мужем огромного роста, облаченным в простые крестьянские одежды, в частности — короткую рубаху, из•под которой виднелись его ягодицы. Кельты любили показывать его в таком облике, чтобы подчеркнуть его сексуальность и плодородие. По легенде, Дагда всегда носил с собой огромную дубинку, обладавшую магической силой, а также волшебный котел и волшебную арфу (см. главу 5). Обладание этим неиссякающим котлом указывает на то, что Дагда ассоциировался с изобилием. И хотя, будучи главой клана Туатха Де Данаан, Дагда формально был весьма важным персонажем, он изображается обычно не столько привлекательным, сколько толстым и огромным простаком, обладающим ненасытным аппетитом и преувеличенной сексуальностью. Именно об этих его чертах рассказывает легенда, связывающая прожорливость Дагды с попытками фоморов повысить свои шансы на успех во второй битве при Маг Туиред (см. главу 9). Боги Туатха Де Данаан нанесли фоморам сокрушительное поражение, но вскоре сами были захвачены сынами Мил Эспэйна. После этого

поражения боги Туатха Де Данаан перебрались в подземные просторы Ирландии, тогда как сыны Мил Эспэйна правили верхней, наземной частью острова (см. главу 11).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

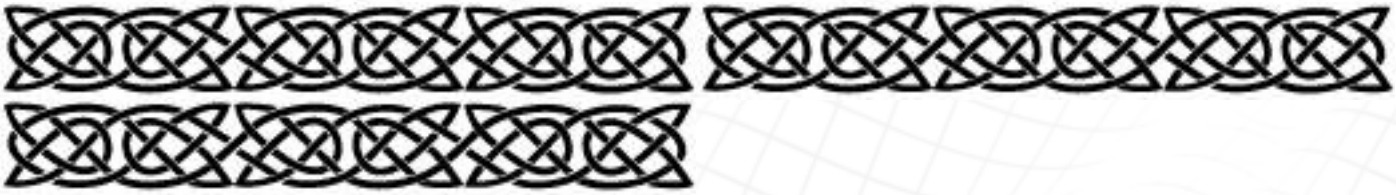
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Сохранились свидетельства о существовании у кельтов ритуалов, связанных с мертвыми детьми; причем не вполне ясно, была ли смерть детей естественной, или же они были принесены в жертву. Высказывалось предположение, что детские захоронения могли восприниматься как средство умилостивить богов или снискать их благосклонность. Со всей определенностью можно говорить о том, что трупики детей часто замуровывались в основание жертвенников или алтарей. Так, под жертвенником святилища в Кембридже на ножках детских трупов были надеты башмаки, которые были явно велики им. По всей видимости, это было сделано «на вырост», имея в виду, что дети в Потустороннем мире должны подрасти, и тогда башмаки окажутся им впору.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

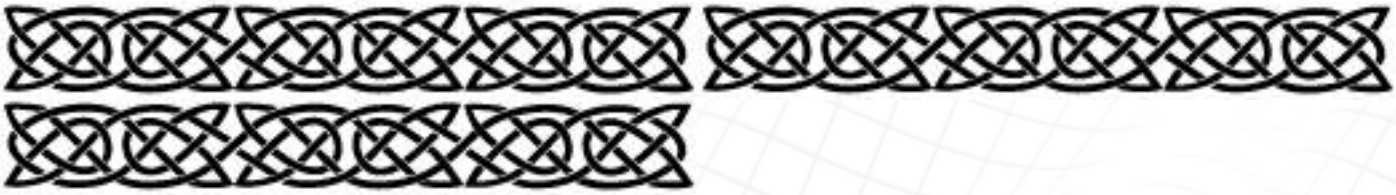
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ДЖЕФФРИ МОНМУТСКИЙ

Основным источником текста множества средневековых историй Артуровского цикла послужила «Historia Regum Britanniae», «История правителей (королей) Британии», написанная ок. 1100•1105 гг. Джеффри Монмутским, валлийским клириком, бриттом по происхождению (см. также главы 18, 23, 26).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

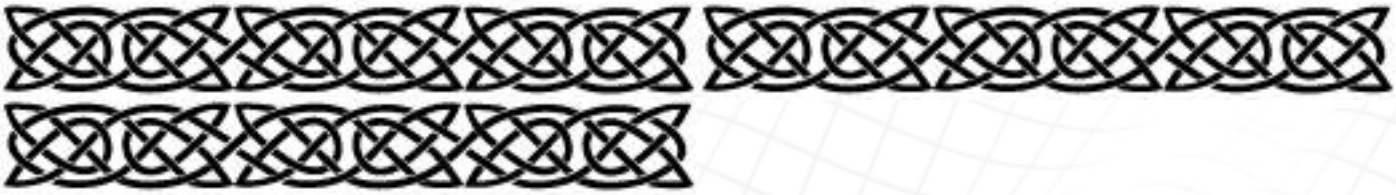
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология

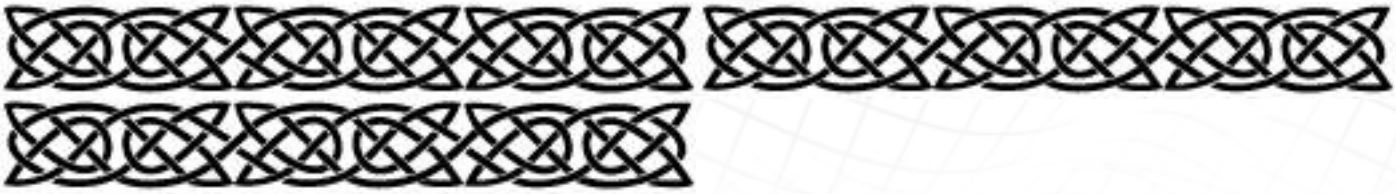


ДОМА

В эпоху Железного века наиболее распространенной формой жилища у кельтов равнинной Британии был так называемый круглый дом. Круглые дома возводились обычно вокруг центрального столба, на котором покоился деревянный каркас, опиравшийся на вертикальные опоры, расходящиеся вокруг столба. Стены обычно были низкими и чаще всего делались из одного или нескольких плетней, обмазанных глиной; крыша обычно была тростниковой. Несколько таких круглых домов составляли деревню. Возле домов возводились загоны и навесы для скота, построенные по тому же принципу, что и сами дома. Реконструкции кельтских круглых домов можно увидеть в Музее народного творчества Уэльса в Сент•Фаганс, неподалеку от Кардиффа.

На главную | Оглавление

Кельтская мифология



ДРУИД

В культуре кельтов друид выполнял роль жреца. Само название «друид» происходит, по мнению исследователей, от друс, древнего названия дуба — дерева, посвященного самим друидам. Помимо своей основной функции жреца, друиды были учителями, поэтами, философами, прорицателями и судьями. Друиды являлись наиболее влиятельной силой в кельтском обществе. Они отличались огромной образованностью во всех областях знаний, и обучение друида продолжалось обычно не менее двадцати лет.

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (9) →

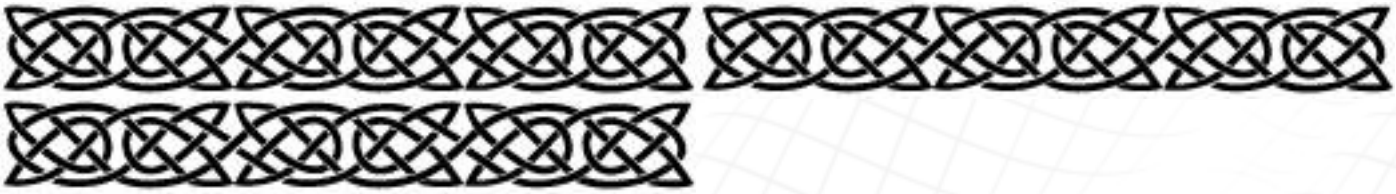
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Паломнический центр Преображение
Паломнические поездки по святым местам России и зарубежья
preobrazenie.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ДУБ

В культуре кельтов дуб считался особо священным деревом, посвященным друидам. Так, высказывалось предположение, что само слово «друид», возможно, происходит от корня «дру», что означает «дуб». Друиды превращали дубовые рощи в настоящие святилища и культовые центры, а дубовые ветви использовали в различных ритуальных обрядах. Омела, также использовавшаяся в таких обрядах, паразитирует именно на дубе. Дуб почитали за его особую прочность и долговечность; некоторые видели в нем земное воплощение всемирного Древа Жизни, связующего мир смертных с Потусторонним миром. Дубы неизменно ассоциировались с небесами, и многие кельтские рельефы и статуи, найденные в археологических раскопках, как оказалось, сделаны из древесины дуба, что само по себе показывает, каким почитанием пользовался дуб. Многие кельтские корабли также делались из дуба, благодаря чему они отличались особой долговечностью. В эпоху христианизации кельтов многие церкви и монастыри в Ирландии часто возводились неподалеку от дубрав или отдельных дубов.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

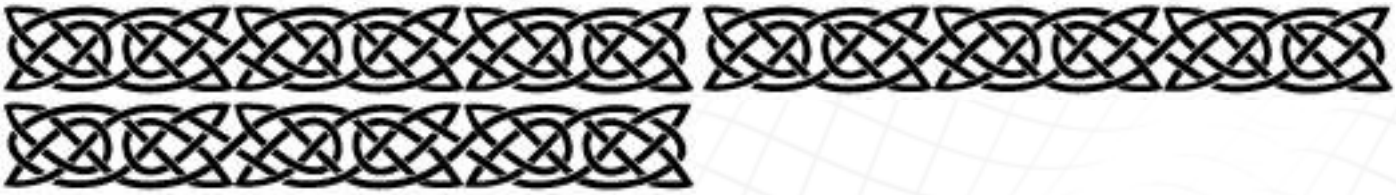
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

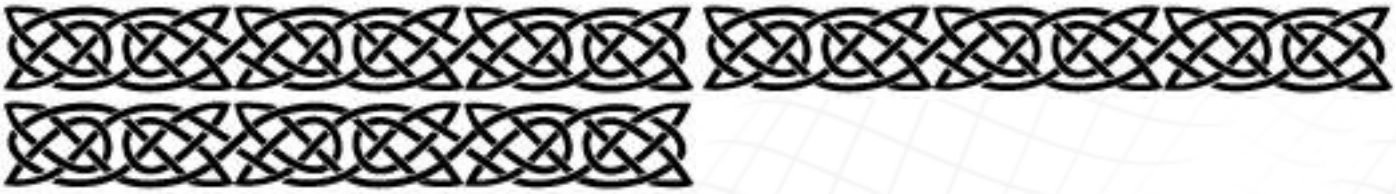
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ДУША ИРЛАНДИИ

Реальная идентификация «Души Ирландии», именуемого также «Свободой Ирландии» или «Независимостью Ирландии», вызывает немало споров и остается неясной. Правда, нет сомнений в том, что это существо было богиней и являлось как бы персонификацией Ирландии. В этом качестве оно было одним из наиболее значительных божеств ирландского пантеона. Ритуальное окружение этой богини остается неясным, но она, несомненно, имела статус короля и совершала ритуальное совокупление с победившим претендентом на королевский престол. Согласно некоторым источникам. Душа Ирландии персонифицировалась в образе Медб; по другим сведениям, она была олицетворением самой прекрасной женщины Ирландии, в частности, Эдайн Эхраидх (см. КОНИ). Третьи полагают, что Душой Ирландии была Банба (см. ЭРИУ).



На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (16) →

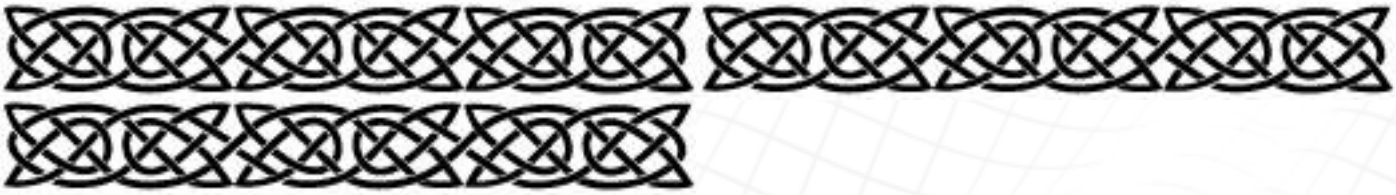
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Венки. Ленты. Ритуальные..Услуги.
АльтРитуал - это удобно. Венки. Ленты траурные. Справки - круглосуточно.
www.aritual.ru · Москва

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Кельтская мифология



ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Существует очень немного археологических находок, свидетельствующих, что у кельтов практиковались человеческие жертвоприношения. Правда, найдено немало, так сказать, аномальных типов захоронений, но необходимо провести четкую грань между людьми, умершими естественной смертью и лишь после этого подвергшимися тем или иным религиозно мотивированным обрядам, и теми, кто был ритуально убит, то есть собственно принесен в жертву. Найдено достаточно много аномальных захоронений, но пока еще не вполне ясно, имеем ли мы дело с останками людей, умерших естественной смертью, или с жертвами массовых человеческих жертвоприношений. Так, например, дети, погребенные под основаниями жервенников и святилищ, как правило, обезглавлены, но трудно с уверенностью утверждать, умерли ли они, или были сначала ритуально умерщвлены. Человек из Линдоу, молодой мужчина, которому перерезали горло, нанесли смертельную рану копьем и задушили, а затем сбросили в торфяник, считается убедительным свидетельством существования у кельтов ритуальных убийств, однако ритуальное убийство могло могло

играть и роль наказания (смертная казнь), а вовсе не обязательно являлось человеческим жертвоприношением. Но хотя археологические данные не дают достаточных оснований для того, чтобы утверждать о бытовании у кельтов практики человеческих жертвоприношений, тексты и сообщения многих античных авторов прямо указывают на такую практику, особенно распространенную среди друидов. Так, древнегреческий писатель Страбон описывает существовавшую у друидов практику: наносить раны жертвам и, наблюдая за их предсмертными мучениями, составлять пророчества на будущее.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (11) →

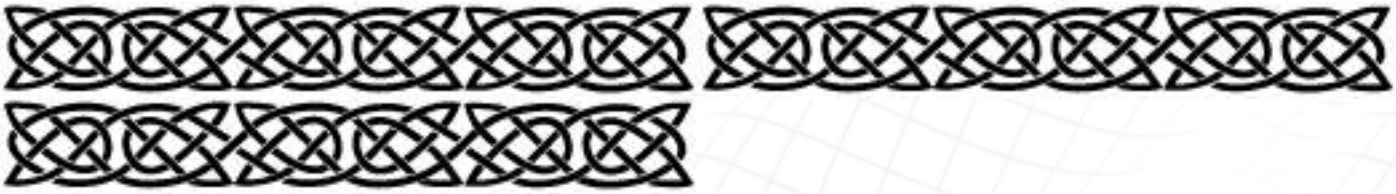
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



ЗМЕЯ

В мифологии и воззрениях кельтов змея ассоциировалась с плодородием и врачеванием, а также с Потусторонним миром. Так, Сирона, богиня кельтов Галлии, ассоциировавшаяся с врачеванием, изображалась со змеей, обвившейся вокруг ее руки. Благодаря своим изививающимся движениям змея часто ассоциировалась с текущей водой. В одной из легенд о герое Финне Мак Кумалле рассказывается, что он учился убивать водяных змей. В мифологии кельтов бытовали различные легенды, связанные со змеями. Самая известная из них повествует о Мейхе, сыне Морриган. Существовало пророчество, что он принесет Ирландии беды и несчастья. Он родился с тремя сердцами в груди, по одному на каждую ипостась характера своей матери, и в каждом из этих сердец гнездилась змея. Это обнаружилось, когда он был убит и Диан Кехт, бог врачевания, вскрыл его тело. Две змеи были немедленно сожжены, а третья, по одной легенде, сумела спастись и стала со временем огромным змеем, которого впоследствии убил тот же Диан Кехт. Так удалось предотвратить исполнение пророчества о бедах и несчастьях для всей Ирландии.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (37) →

Испания и Канары!
Тенерифе, Гран Канария... Барселона, Коста дель Соль, Мадрид... Лето 2007!!!

Адрес и телефон · www.rusiber.ru

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология

ИБЕРИЯ

Предполагается, что в древности, приблизительно ок. 900 г. до н. э. в Иберии, в состав которой входили нынешние Испания и Португалия, существовали многочисленные поселения кельтов. Согласно ирландской легенде, кельты, колонизовавшие Ирландию, прибыли на остров из Испании. Кельты, жившие в Иберии, оказались втянутыми в войну между Карфагеном и Римом и заплатили ужасную цену за свое участие в ней. Карфагенский полководец Гамилькар Барка вторгся на южное побережье Иберии, а его сын, знаменитый Ганнибал, решил высадиться в Иберии, чтобы напасть на Рим, обойдя его с тыла по землям кельтов. Кельты заключили союз с Ганнибалом, и римляне после падения Карфагена в 197 г. до н. э. жестоко отомстили им за этот сговор. Римские легионы захватили и колонизовали земли иберийских кельтов, которых они преследовали с особой жестокостью. Сервий Сульпиций Гальба в 151 г. до н. э. даже приказал умертвить всех кельтов,

сдавшихся в плен. Война между кельтами и римлянами в Иберии продолжалась вплоть до середины I в. до н. э. После этого оставшиеся в живых кельты постепенно ассимилировались и усвоили римский уклад жизни.

На главную | Оглавление

Кельтская мифология

ИЛЛЮМИНИРОВАННЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Иллюминированные Евангелия [150] — книги, украшенные красочными миниатюрами и орнаментами, создавались кельтскими монахами на протяжении длительного времени; они считаются одним из наиболее ярких памятников в общем наследии кельтской культуры, являясь заметным вкладом в мировую художественную культуру в целом. Монахи, разумеется, использовали для красок только натуральные пигменты, получая удивительные по насыщенности и глубине синие, зеленые, желтые и прочие цвета. Три наиболее ярких примера таких Евангелий — Келлская Книга, а также Линдисфарнское и Дурроуское Евангелия.

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (9) →

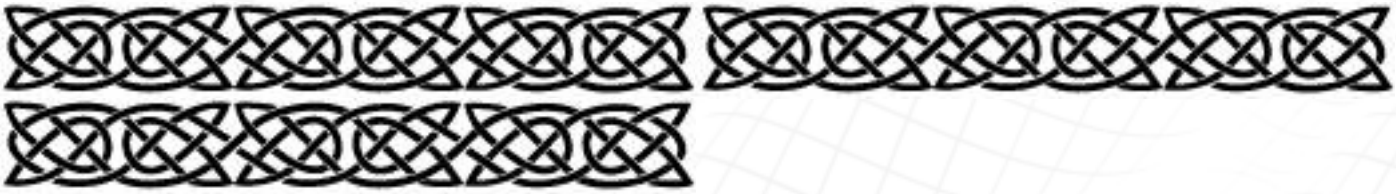
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Откровения Отца Чистой Любви
Уникальные книги откровений Господа, Богоматери, Христа, духовное сокровище
virgin-world.com

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

АЗБУКА ВЕРЫ православный портал
Иисус Христос. Классические ответы на часто задаваемые вопросы.
azbyka.ru

Кельтская мифология



ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ

По преданию, христианство появилось в Британии в I в. после прибытия туда Иосифа Аримафейского, который, согласно апокрифической легенде, был дядей Иисуса Христа. Предполагается, что Иосиф привез с собой чашу, в которой Иисус Христос благословил вино во время Тайной вечери и которая впоследствии получила широкую известность в качестве Святого Грааля и стала объектом постоянных поисков. По преданию, Иосиф основал в Гластонбери христианскую общину и спрятал в тайном месте чашу Тайной вечери. Кроме того, в Гластонбери растет знаменитый терновник, разросшийся из веточки от тернового венца Спасителя, посаженной Иосифом Аримафейским.

На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

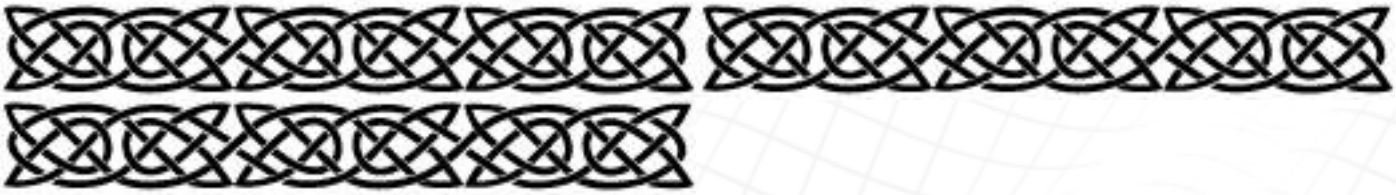
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

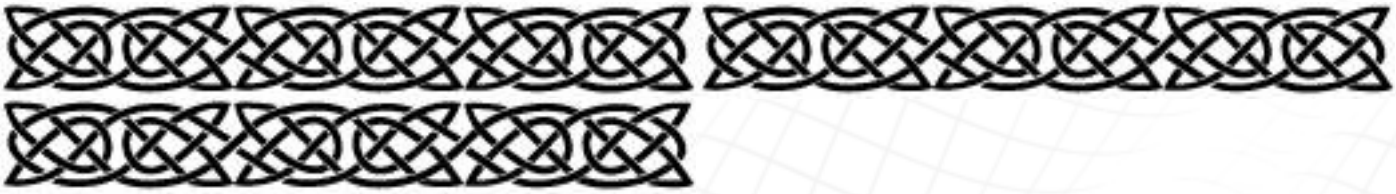
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



КАРМАРТЕНСКАЯ ЧЕРНАЯ КНИГА

Одна из «Четырех древних валлийских книг»; написана в конце XII в. Включает в себя текст поэмы, посвященной Гвин ап Нудду, считавшемуся богом войны и смерти, у которого принц по имени Гвидни Гаранир искал покровительства, а также хотел узнать, где находятся места погребения валлийских богов и полубогов; кроме того, в ее состав входят и другие истории (см. главы 16, 20, 21). К числу трех других древних валлийских книг относятся Книги Аневрина и Талиесина, а также Гергестская Книга.



На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

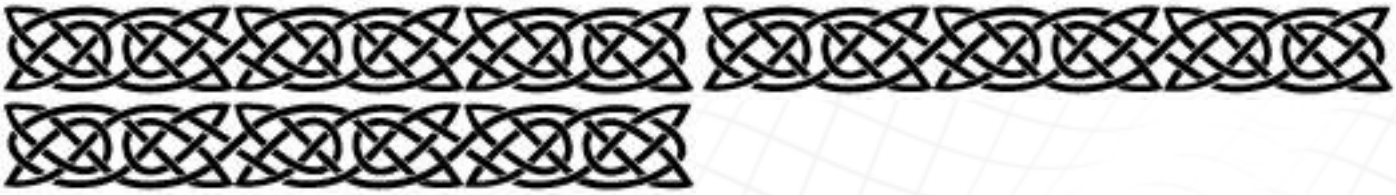
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



КЕЛЛСКАЯ КНИГА

Распространение христианства у кельтов ассоциируется с изящно украшенными, так называемыми иллюминированными Евангелиями, создававшимися монахами•кельтами. Наиболее известными из них являются Келлская Книга, находящаяся ныне в библиотеке Тринити Колледжа в Дублине, где она хранится со времени правления Кромвеля. Свое название Келлская Книга получила от одноименного монастыря в графстве Мет. По преданию, Келлская Книга создана на острове Айона и была впоследствии перевезена в Келлский монастырь из опасения, что ее могут похитить викинги, совершавшие грабительские набеги на Айону, но первое письменное упоминание о ней содержится в «Анналах Ольстера» под 1006 г. В этом тексте сказано, что книга была похищена из монастыря, а спустя несколько месяцев возвращена, но все золото из нее пропало. Книга датируется концом VII в., и в ее роскошном убранстве присутствуют символы, характерные не только для кельтов (знаменитый орнамент «переплетающиеся линии»), но и для пиктов и англосаксов. Кроме того, в ее оформлении заметны следы влияния Византии. Как и другие иллюминированные манускрипты, Келлская

Книга содержит множество красочных иллюстраций в синих, зеленых, желтых и красно•коричневых тонах, выполненных с использованием натуральных пигментов [152]. Келлская Книга — один из наиболее выдающихся шедевров кельтского искуства.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

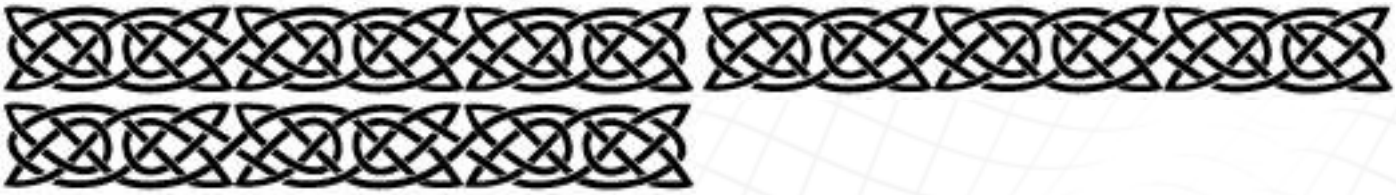
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



КЕЛЬТСКИЙ КРЕСТ

Кельтский крест — широко известный артефакт кельтской культуры. Сохранилось несколько примеров таких крестов, находящихся в Британии и Ирландии, в частности — на островах Айона и Айлей в Шотландии, в Килмалкедаре в Ирландии и Лланнтвит Мэджор в Уэльсе. По мнению ученых, возраст некоторых из этих отдельно стоящих крестов превышает двенадцать веков. Наиболее ранние кельтские кресты были плоские и лишенные каких бы то ни было украшений, но более поздние украшены богатой резьбой. Для этой резьбы характерен переплетающийся орнамент, типичный для кельтской культуры, изображения переплетающихся спиралей и рельефных элементов, причем последние, по•видимому, выступали в роли символов Солнца — одного из главных объектов поклонения у древних кельтов. В числе других символических сюжетов и мотивов таких резных украшений — животные, мифические существа и сценки из Библии. Кельтские кресты часто воздвигались в местах массовых собраний, нередко — на территории монастырских конгрегаций, а отнюдь не в качестве надгробного памятника.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (41) →

Туры в Италию!
Рим, Милан, Венеция, Флоренция, описания, цены, гарантированные места!
www.holidaym.ru

Испания и Канары!
Тенерифе, Гран Канария... Барселона, Коста дель Соль, Мадрид... Лето 2007!!!

Адрес и телефон · www.rusiber.ru

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Бассейн Intex
Разборные, надувные бассейны Intex
www.slavsila.com · Москва

На главную | Оглавление

Кельтская мифология

КЕЛЬТСКИЙ ЯЗЫК

Кельтские языки составляли целую группу, представлявшую собой одну из ветвей индоевропейской семьи языков. Иногда эту группу делят на континентальный кельтский, исчезнувший в наше время язык, на котором говорили примерно с 500 г. до н. э. до 500 г. н. э. на землях от Черного моря до Иберии, и островной кельтский, который подразделялся на бриттский (язык кельтов о. Британия) и гойдельский•гэльский, или ирландский кельтский. Гэльский язык филологи часто обозначают как Q•кельтский, а бриттский — как P•кельтский, поскольку в языке бриттов звук "к" уступает место "п". Сравним, для примера, ирландское слово «кинн» и валлийское «пен». И то и другое слово имеют значение «голова». Предполагается, что эти две языковые группы начали развиваться независимо друг от друга около двух с половиной тысяч лет тому назад. Гойдельский кельтский лег в основу ирландского и шотландского

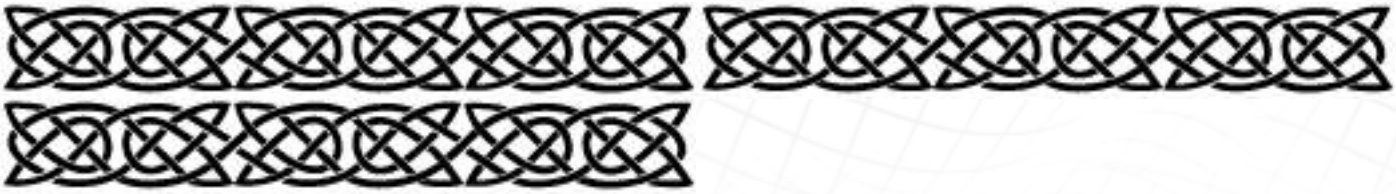
гэльского, а также почти забытого теперь мэнкского гэльского.

КЕЛЬТЫ

Слово «кельты» впервые встречается у древнегреческих авторов. Греческое слово кельтои означало «люди, живущие скрытно». Ассоциации со скрытным образом жизни, по видимому, возникли благодаря тому факту, что, хотя эти племена и были знакомы с письменностью и даже оставили в древности отдельные надписи, в частности, на надгробных камнях и керамике, они упорно не посвящали никого в тайны своих легенд и преданий и вплоть до VI в. н. э. никогда не записывали их. По всей вероятности, у кельтов существовало нечто вроде наложенного на них друидами запрета на запись любых сведений. Таким образом, на письменность распространялось строжайшее табу. Предполагается, что родиной кельтов была Центральная Европа, точнее — земли в бассейне Дуная, в Альпах и части Франции и Германии, и сложились они как группа племен ок. 1200 г. до н. э. Первоначально они занимались земледелием, но стали первооткрывателями железа. Около VI в. до н. э. они, вероятно, расселились в Испании и Португалии. Спустя еще несколько веков они обосновались в Британии, северной Италии, Греции и на Балканах. В отличие от римлян кельты не создали единой мощной империи, сохраняя родоплеменной уклад. В I в. до н. э. они были вытеснены с континента римлянами и германскими племенами, и земли их обитания ограничились Ирландией, Англией и Уэльсом. Римское вторжение на о. Британия в 43 г. н. э. еще больше сократило ареал кельтов, а появление в V в. англосаксов вообще оттеснило их на отдаленные окраины Британии. Таким образом, под натиском римлян и в результате экспансии германских племен цивилизация кельтов была практически уничтожена. Наиболее стойкие ее остатки сохранились в Ирландии, не знавшей римского владычества.

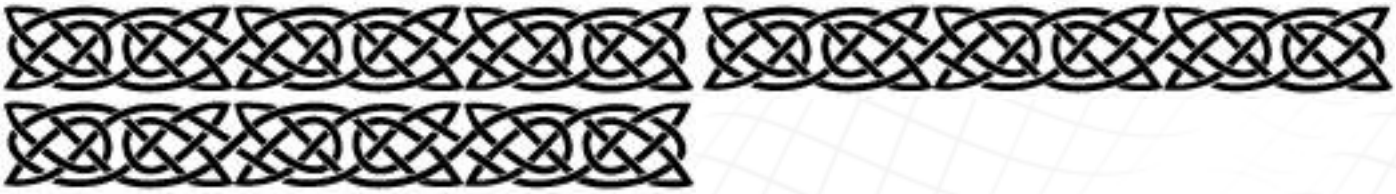
На главную | Оглавление

Кельтская мифология



КОНЕЧНОСТИ (ЖЕРТВЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ)

В древности у кельтов существовал обычай в случае болезни подносить божествам, а также различным целительным жертвенникам и святилищам изображения больных конечностей. Такие изображения делались из дерева или камня. Помимо конечностей, не редкостью были и модели груди, головы, глаз и различных внутренних органов. По•видимому, предполагалось, что такое жертвенное изображение конечности или какого•либо органа, поднесенное богу или богине, должно побудить их исцелить от болезни соответствующую часть тела просителя. Доказательства практики поднесения таких жертвенных изображений были обнаружены во многих раскопках. Обычай принесения в жертву изображений различных органов не был прерогативой исключительно кельтов. Такая же практика существовала и у других древних народов.



Кельтская мифология

КОНИ

Кельты, как это со всей определенностью показывают артефакты, найденные в древних захоронениях, были искусными всадниками, а на битву со своими врагами часто выезжали на боевых колесницах. Особое уважение, которое питали кельты к коням, наглядно демонстрируют статуэтки и резные рельефы, обнаруженные на стоянках древних кельтов во многих странах Европы, в том числе изображения лошадей в натуральную величину, высеченные на скалах, обычно — известняковых. Пример таких рельефов — Белый Конь из Уффингтона, что неподалеку от Оксфорда. Кельты почитали коней не только за ту важную роль, которую те играли в сражениях, но и за быстроту, красоту, сексуальную силу и плодовитость. Значение коня в культуре кельтов было настолько велико, что обычной практикой были жертвоприношения коней и всевозможные ритуальные обряды, связанные с погребениями лошадей. В некоторых захоронениях эпохи Бронзового века найдены останки не только людей — князей и колесничих, — но и коней, и повозок и колесниц, использовавшихся для путешествий в загробном мире. Важную роль, которую играли для кельтов кони, показывает их обыкновение изображать своих божеств верхом на конях. Эти боги•всадники часто имеют облик воинов. Некоторые святилища кельтов доримской эпохи на землях Южной Галлии были украшены резными каменными рельефами с изображениями верховых воинов. Особым почитанием боги•всадники пользовались у племен катувелланов и кориэлтавров в Восточной Британии Кельты Галлии поклонялись богине лошадей, Эпоне, которую нередко отождествляли с Эдэйн Эхраидхе в Ирландии и Рианнон в Уэльсе Изображения Эпоны найдены на нескольких сотнях камней, обнаруженных на землях прежней Галлии [153]. Эпона также пользовалась особым почитанием и у римлян, которые тоже поклонялись ей как богине, однако у римлян она чаще ассоциировалась с зерном, земными плодами и, несколько позднее, с плодородием.

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

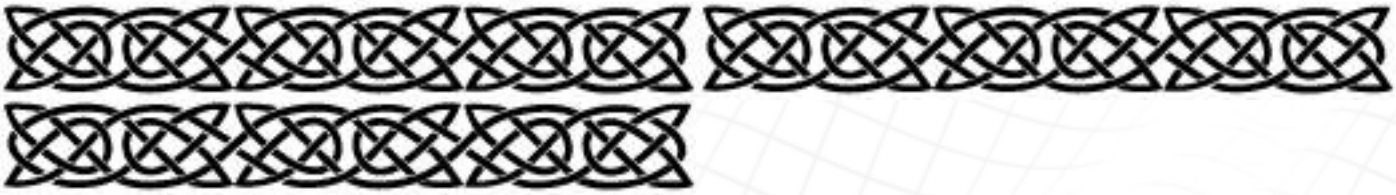
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

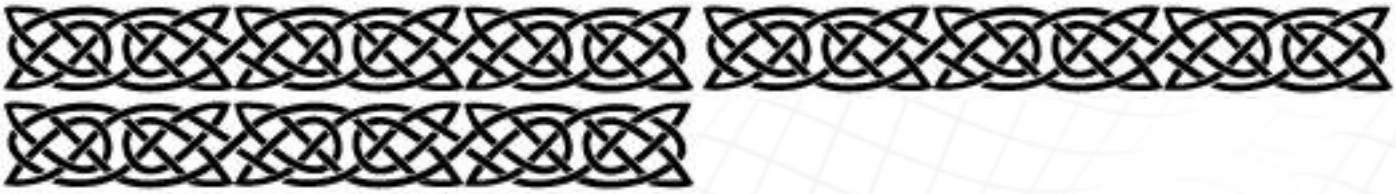
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



КОТЕЛ

Котел — излюбленная тема кельтской мифологии. Так, у Дагды был неисчерпаемый котел, от которого никто не уходил голодным. Бран Благословенный вручил Матолвху волшебный котел, который исцелял раненых и воскрешал мертвых. В археологических раскопках на многих землях, населенных в древности кельтами, были обнаружены котлы. У кельтов существовал обычай прятать котлы, бросая их в озеро или болото, что нередко являлось и жертвой богам, приносимой по обету. Один из таких котлов — знаменитый Гундерструпский котел.



На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (10) →

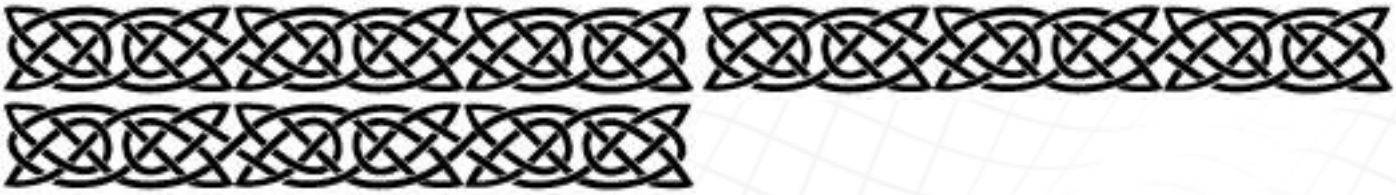
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Видео про охоту!
На LoadUp.ru есть и не такое! Приколы, скрытая камера, клипы, личное видео.
loadup.ru

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



КУЗНЕЦ

Кузнечное ремесло играло важную роль в культуре кельтов, не в последнюю очередь в связи с тем, что именно кузнецы делали оружие, значение которого для столь воинственного народа, как кельты, просто невозможно переоценить. Умение сделать из куска руды, по виду неотличимого от простого камня, какое•нибудь оружие, например наконечник копья, пользовалось столь огромным почетом и уважением, что кузнецам часто приписывались сверхъестественные способности. Археологические раскопки показали существование у кельтов своего рода культа кузнечного дела. Так, в северных районах Британии, в Дурхэме и Йоркшире, были найдены керамические черепки, украшенные изображениями инструментов, связанных с кузнечным делом. Кроме того, в Сандерленде было найдено бронзовое изображение кузнеца, а на раскопках в Нортумберленде археологи нашли целую фигурку бога•кузнеца, крепившуюся к керамическому сосуду. Бог•кузнец изображен стоящим перед наковальней, держа в одной руке клещи, а в другой — молот, то есть атрибуты кузнечного ремесла. Керамика, из которой сделано это изваяние, датируется примерно II в. н.э. В мифологии кельтов фигурируют несколько

богов•кузнецов. Так, например, в ирландской легенде Гоибниу неустанно кует волшебное оружие для богов и, кроме того, выступает в роли Гобан Саэра, Гоибниу Зодчего. Аналогом Гоибниу в валлийской мифологии был Гофаннон.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (11) →

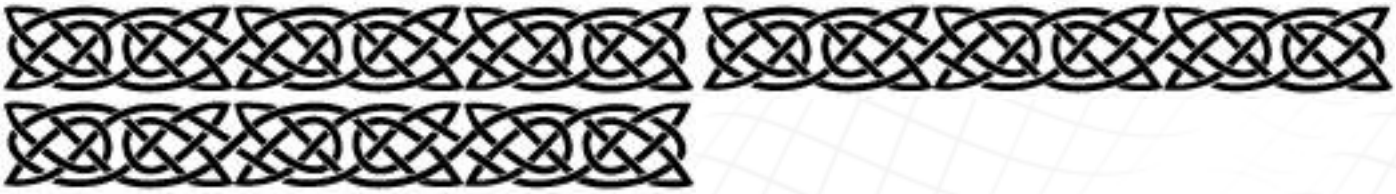
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

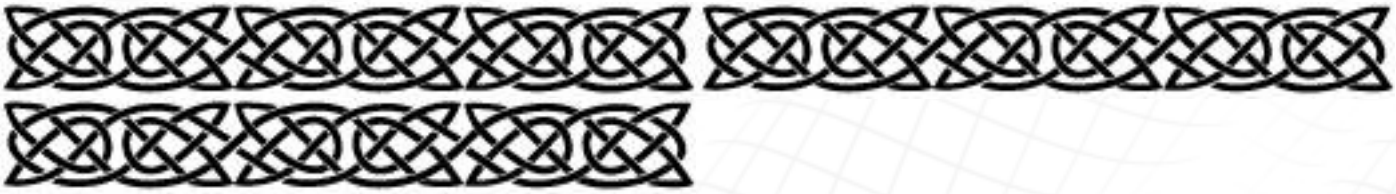
Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



КУХУЛИН

В мифологии ирландских кельтов имя Кухулина стало синонимом славного воина. О нем сложено множество легенд, которые иногда переплетаются друг с другом. Так, считается, что он был сыном Дехтире, но, по всей вероятности, не от ее законного мужа, Суалтама. Скорее всего он был сыном Луга, хотя некоторые старинные авторы утверждают, что на самом деле его отцом был Конхобар Мак Несса. В детстве он носил имя Сетанта. Будучи женат на Эмер, Кухулин неоднократно увлекался другими женщинами. Одной из них была Фанд. По преданию, он отверг пылкую страсть и домогательства Морриган, за что и заслужил ее злобную ненависть (см. ГОЛОВА; см. также главы 12, 13).



На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

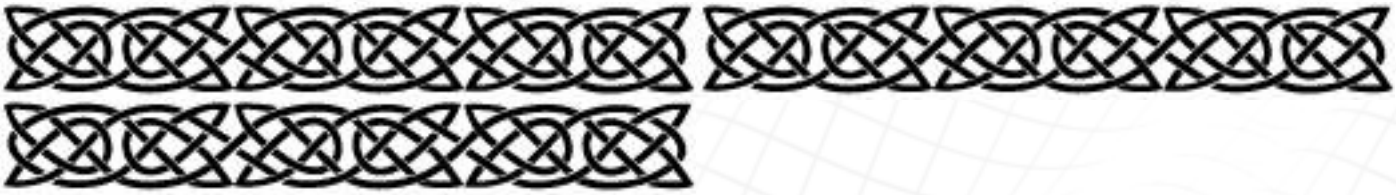
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ЛИБХАР ГАБХАЛА ЭЙРЕАНН

Книга, повествующая о различных мифических завоеваниях Ирландии и излагающая столь же мифологизированную историю острова. Известна также под названием «Книга завоеваний Ирландии». Сохранилась во многих вариантах в составе различных старинных рукописей, главным образом — в Лейнстерской Книге, датируемой XII в. Эта книга представляет собой объемистую компиляцию, созданную Майклом О'Клейригом (ок. 1575 — ок. 1645) на основе нескольких старинных рукописей, сегодня уже утраченных. Когда упоминается Книга Завоеваний, имеется в виду, что речь идет о ее переводе. В Книге описаны завоевания начиная с допотопных времен и кончая вторжением Цезаря в Британию. В ней также повествуется о вторжении Парталона, который вместе со своими соратниками разбил фоморов, племя полулюдей•получудищ, и об интервенции Немхеда, после смерти которого фоморы вернулись в Ирландию. Следующим вторжением стало появление на острове клана Фир Болг, который прибыл вместе с кланами Гаилиоин и Фир Дхомнанн. Все три клана были потомками Немхеда. Пятой волной вторжений стал приход

богов клана Туатха Де Данаан, также являвшихся потомками Немхеда, а шестой — приход сынов Мил Эспэйна, или милезиан, разгромивших войско Туатха Де Данаан. Обычно два последних клана правили Ирландией совместно, поделив ее между собой: милезиане управляли надземной ее частью, а Туатха Де Данаан — подземным миром.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (11) →

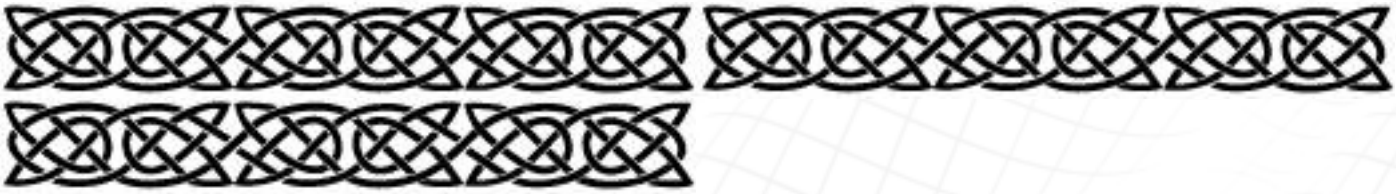
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



ЛИНДОУ, ЧЕЛОВЕК ИЗ...

В августе 1984 г. в торфянике в окрестностях Линдоу Мосс в Чешире были найдены остатки человека. Они принадлежали молодому мужчине, лежавшему лицом вниз, скорчившись; тело его было раскрашено в разные цвета. Тело было обнаженным, если не считать меховых рукавиц. Этот человек, получивший название Человек из Линдоу, по всей вероятности, был брошен в торфяник примерно в IV в. до н. э. Человек из Линдоу — одно из подтверждений существования у кельтов практики человеческих жертвоприношений. Он был оглушен ударом в голову и задушен; поза его говорит о том, что его столкнули в торфяник. Содержимое его желудка показало наличие в нем пыльцы омелы, что подтверждает гипотезу о том, что мужчина был принесен в жертву в рамках некоего друидического ритуала, см. ТОЛЛУНДСКИЙ ЧЕЛОВЕК.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

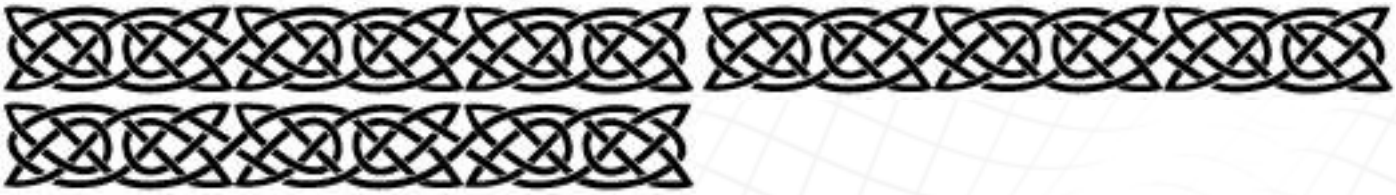
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ЛУГ

В мифологии ирландских кельтов Луг — один из наиболее значительных богов. Он ассоциировался со светом и солнцем и, кроме того, был богом искусств и ремесел. Он отождествлялся с Лугусом, богом бриттов и галлов, и с валлийским божеством Ллуддом. Именно от его имени происходит название знаменитого праздника Лугнасад. Существуют различные версии, по-разному описывающие его появление в пантеоне кельтских богов. По одной из них он стал правителем богов после Нуады, короля Туатха Де Данаан, продемонстрировав владение самыми разными ремеслами и искусствами и заслужив прозвище Самилданах, что значит «знающий много ремесел». В качестве короля богов клана Туатха Де Данаан он возглавлял их войско во второй битве при Маг Туиред. В этой битве Луг часто принимал облик воина с одной рукой или одним глазом. В конце концов фоморы были разбиты, а Луг в поединке убил Балора камнем из пращи (см. главы 7, 8, 9).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

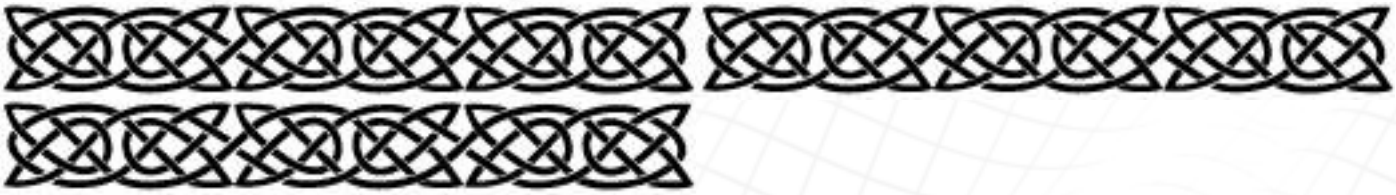
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология

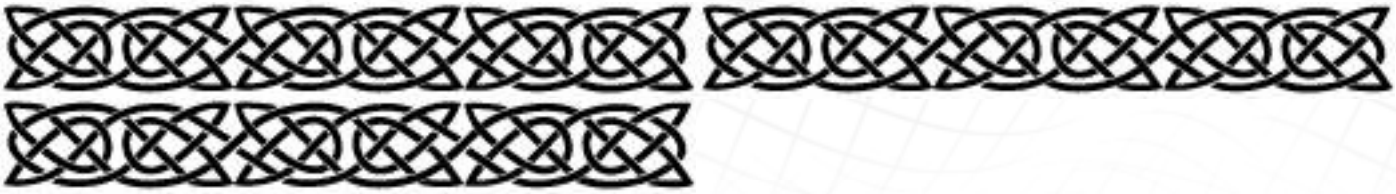


«МАБИНОГИ»

По— валллийски буквально •"Четыре Ветви Мабиногиона", более известного как «Мабиногион».

«МАБИНОГИОН»

В литературе валлийских кельтов «Мабиногион» — один из наиболее важных источников текста. В теперешнем виде основан на двух более ранних манускриптах: «Белая Риддерхская Книга» (1300•1325) и «Красная Гергестская Книга» (1375•1425). Состоит из четырех преданий о Пвилле, Бранвен, Манавидане фаб Ллире и Мэте фаб Матонви. Позднейшие варианты этой книги включают в себя и «легенду о Куллвхе и Олвен» (см. главу 24).



На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (12) →

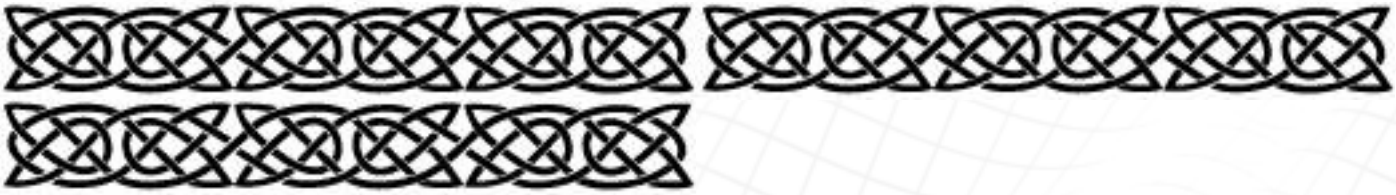
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

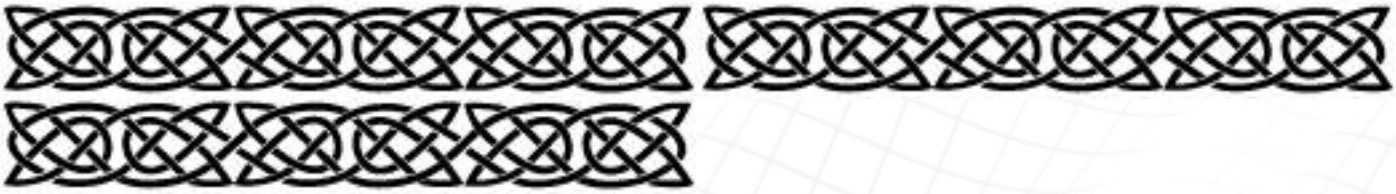
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



МАТЬ•БОГИНЯ

Аспект плодородия и изобилия имел огромное значение в культуре кельтов. С этими качествами ассоциировались многие богини, считавшиеся божественными воплощениями матери•земли и именовавшиеся матронами в Галлии и Рейнланде [154]. Такие богини выступали как в роли единичного персонажа, так и триипостасного божества. Матери•богини часто изображались на статуэтках и изваяниях облаченными в длинные одежды, нередко — с одной обнаженной грудью. Им обычно сопутствовали различные символы плодородия: изображения детей, всевозможных плодов и листьев. Чаще всего матери•богини изображались целыми группами, хотя нередки и единичные образы. В мифологии ирландских кельтов матерь•богиня занимает важное место. Такие богини часто выступали в роли триипостасного божества, ассоциируясь с иными аспектами, в частности — плодовитостью. Пример матерей•богинь — Маха и Морриган.



На главную	Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (12) →

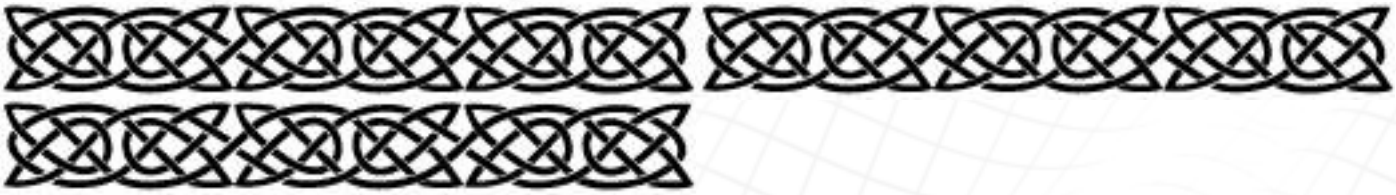
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Буддизм: лекция Ламы Оле в Москве
9 июля, ДК МАИ. Высшая радость Алмазного Пути: введение в учение Будды
www.buddhism.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

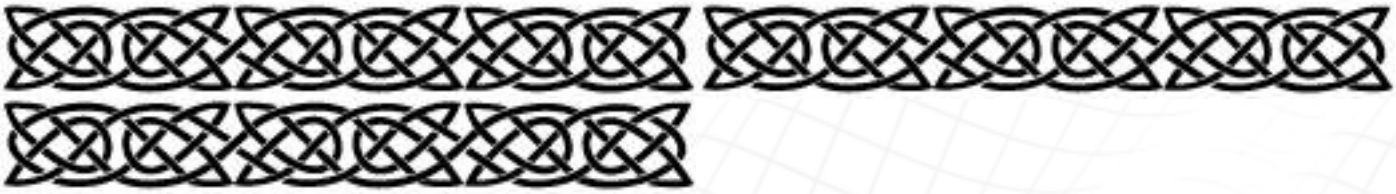
Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Кельтская мифология



МОРРИГАН, или МОРРИГУ

В мифологии ирландских кельтов Морриган была одной из целой группы ирландских богинь•воительниц. Ее можно воспринимать и как отдельное божество, и как своего рода триипостасную богиню. Сама богиня участия в битвах не принимала, но непременно присутствовала на поле боя и использовала все свое могущество, чтобы помочь той или иной стороне (сл. главу 5). Морриган также ассоциировалась с сексуальным началом и плодовитостью; последний аспект позволяет отождествлять ее с матерью•богиней. Кроме того, Морриган в легендах приписывается дар пророчества и способность изрекать всевозможные заклинания. В качестве богини•воительницы она помогла богам Туатха Де Данаан на поле боя в обеих битвах при Маг Туиред (см. главу 9). Ее сексуальность подчеркнута в легенде о Кухулине, когда она пыталась соблазнить героя, но была отвергнута им, отчего в ее сердце вспыхнула ревнивая ненависть к Кухулину (см. главу 13). Морриган известна и способностью менять свой облик. Так, она часто принимает облик ворона или вороны.



На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (16) →

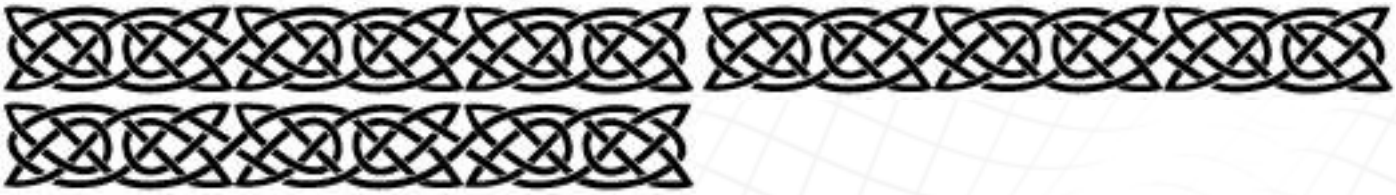
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Видео про охоту!
На LoadUp.ru есть и не такое! Приколы, скрытая камера, клипы, личное видео.
loadup.ru

Кельтская мифология



ОГАМ

Огам, древнейшая форма кельтского алфавита, часто упоминается в мифологии ирландских кельтов. По легенде, его изобретателем был Огма. На самом деле эта система письма возникла в III•IV вв. н. э., хотя есть сведения, что огам использовался уже в I в. до н. э. Большинство дошедших до нас надписей на огаме сохранилось на камнях, находящихся в различных районах Шотландии и Ульэса; больше всего таких памятников — в Ирландии. Около трети всех камней с надписями на алфавите Огам сосредоточено в графстве Керри. Этот алфавит имеет форму прямых и, наклонных линий и, по•видимому, восходит к более сложной, ныне уже утраченной, системе письменности друидов. Старинная Баллимотская Книга (XIV в.) подробно разбирает особенности письма огам и излагает легенды, связанные с ним. Огам иногда называют Алфавитом Деревьев, поскольку каждая из его букв связана с названием какого•нибудь дерева (см. также главу 5).

На главную	Оглавление

Кельтская мифология

ОЛЕНЬ

Олень занимал важное место в мифологии и верованиях кельтов. Так, олень почитался как символ плодородия и жизненных сил, достоинства, быстроты и агрессивности. Ассоциировался он и с другими качествами. Рога оленя считались символическим отображением ветвей дерева, а деревья у кельтов почитались священными. Ответвления рогов, как и сучья и листья на ветвях, считались символа ми возрождения и размножения. Олень и лань играют важную роль в мифологии кельтов; достаточно вспомнить легенду о споре Пвилла с Аравном, когда он отогнал собак Аравна, преследовавших оленя, и в наказание за это ему пришлось на целый год поменяться обликом с Аравном (см. главу 19).

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (28) →

"Клиника "Оптимальное здоровье"
Проф. К.Г. Серебренникова. Бесплодие, ЭКО,ИКСИ, 1-я беседа врача бесплатно!

Адрес и телефон · ivf-optimal.ru

Лечение бесплодия.
Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии РАМН
www.vip03.ru · Москва

Лечение бесплодия.
Специализированный центр. Эффективные технологии. Мировой уровень.
www.sexclinic.ru · Москва

Живица - лечение онкологии
Комплекс Живица - лечение онкологических заболеваний лекарственными травами

Адрес и телефон · www.givica.ru

На главную | Оглавление

Кельтская мифология

ОМЕЛА

Кельты, в особенности друиды, испытывали какое•то мистическое почтение к растению•паразиту омеле. Считалось, что сухая омела, подмешанная к питью, исцеляет от бесплодия, и поэтому омела непременно использовалась в ритуалах для повышения плодовитости. Дуб, на котором паразитирует омела, считался деревом, посвященным друидам. Друиды высаживали целые дубовые рощи, почитавшиеся священными, и использовали ветви дуба в магических ритуалах. После находки Человека из Линдоу в его желудке была обнаружена пыльца омелы, что дало основания предположить, что он был принесен в жертву в процессе неизвестного друидического ритуала.

На главную | Оглавление

Кельтская мифология

ПАТРИК, СВ.

Святой Патрик — святой•покровитель Ирландии. О нем сложено немало легенд, и, хотя он, несомненно, является реальным историческим лицом, легенды склонны искажать подлинные факты. Согласно преданию, он родился в Южном Уэльсе и был сыном христианского клирика — дьякона, человека весьма влиятельного и к тому же имевшего римское гражданство. По преданию, святой Патрик был захвачен в плен отрядом скоттов (шотландцев), разбойников, грабивших имения его отца. Разбойники увезли св. Патрика в Ирландию, где обратили его в рабство. Хозяином будущего святого был некий Милхру, вождь клана антрим. Шесть лет спустя, пребывая как бы в тонком сне, святой ушел от него и после долгих скитаний оказался в гавани. По преданию, купеческий корабль увез его за море в некую страну, по всей вероятности — Францию, где он поступил в духовное училище, готовясь стать монахом. Через некоторое время святой Патрик, по преданию, возвратился в Британию, где и был рукоположен в дьякона, а затем принял сан священника. Вскоре он стал епископом и отправился в Ирландию в качестве миисионера•проповедника. Будучи неутомимым проповедником, он достиг Кэшела на юге и Ольстера на севере острова, с успехом обращая в христанство вождей местных кланов. В Армаге он основал епископскую резиденцию, где и был, по преданию, похоронен. Скончался он в Сауле, Ирландия. Впрочем, согласно другой версии, он умер в Гластонбери, где некоторое время был аббатом. Одна из легенд, связанных с именем св. Патрика, рассказывает об обращении им в христианство Ойсина (см. главу 15), другая повествует о его встрече с Кухулином (см. главу 16); кроме того, именно он, по преданию, разрушил идола Кром Круха (см. главу 27). Сохранились некоторые литературные труды св. Патрика, в частности «Confessio» [156], своего рода автобиография, написанная на вульгарной латыни, и послание, адресованное к одному из вождей бриттов, обратившему в рабство некоторых ирландских христиан. Писания св. Патрика не поддаются точной датировке и почти не содержат географических деталей. Ученые расходятся во мнении и отосительно даты его рождения. Некоторые считают, что св. Патрик родился ок. 389 г. н. э., попал в рабство в 405 г., вернулся в Ирландию в 432 и скончался в 461 г. По мнению других, он был захвачен в плен в 430•е гг. Возвратился в Ирландию между 450 и 460 гг., а скончался вскоре после 491 г.

На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

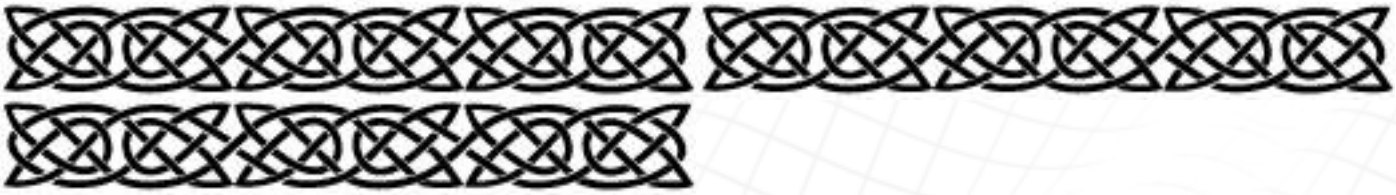
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ПИКТЫ

Общее название племен, населявших Северную Британию в эпоху римского владычества. Это название впервые встречается в одной латинской поэме, датированной 297 г. Название это означает «раскрашенные люди» и, по•видимому, было дано римлянами туземцам из•за их обычая раскрашивать свои тела перед боем, чтобы придать себе свирепый, воинственный облик. По всей вероятности, название пикты относилось к конфедерации нескольких северных племен (кланов). Существуют различные мнения относительно того, являлись ли пикты или хотя бы часть их кельтами по происхождению. Известно, что самоназвание их было притены — то есть это слово явно кельтского происхождения, а некоторые из упоминаемых в источниках названий их кланов также были кельтскими. Более того, некоторые кланы пиктов говорили на кельтском языке. Высказывались разные предположения о том, откуда пикты пришли в Британию. Беда указывает, что они были выходцами из Скифии, то есть региона на территории нынешней Украины, но средневековый ирландский поэт Мэл Мура Отэйнский говорит о том, что пикты пришли в Британию из Фракии. Есть разные

мнения о том, появились ли они в Британии раньше бриттов или позже их.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (11) →

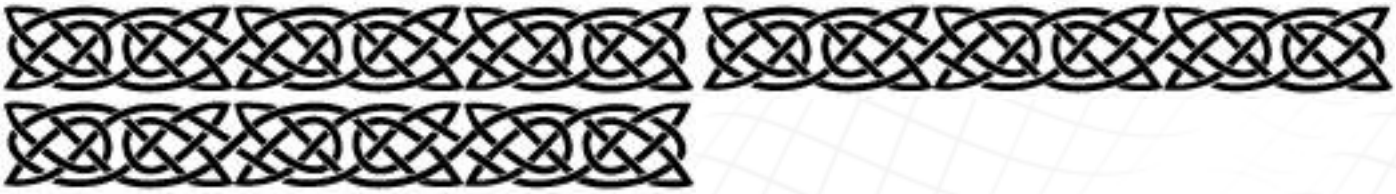
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



ПОТУСТОРОННИЙ МИР

В мифологии кельтов Потусторонний мир, помимо всего прочего, — название места, куда попадают после смерти души людей, чтобы переродиться. Потусторонний мир — составная часть воззрений кельтов, признававших бессмертие души. В ночь накануне праздника Самхейн Потусторонний мир, по поверью кельтов, становится видимым для смертных и его врата скрываются настежь. Согласно легенде, обитатели Потустороннего мира в эту ночь отказываются от мести жителям этого мира, чем•либо обидевшим или оскорбившим их при жизни. Простые смертные могут свободно совершать путешествие в Потусторонний мир, оставаясь живыми людьми, но, хотя там к ним и возвращается молодость, после возвращения в земной мир они опять обретают свой прежний возраст. Такая судьба не миновала и Ойсина после того, как он уехал в Потусторонний мир вместе с Ниамх, а затем вернулся обратно. Потусторонний мир — это также и страна богов. Ирландский Потусторонний мир для богов состоял из множества сидхов (см. СИДХ), в каждом из которых существовал свой собственный неисчерпаемый котел, обеспечивающий вечный источник провизии. Сидхи были местами обитания богов Туатха Де Данаан и, как считалось, находились под землей Ирландии. Боги

Туатха Де Данаан были вынуждены перебраться в этот подземный мир под натиском Сынов Мил Эспэйна — первых смертных правителей Ирландии. В мифологии валлийских кельтов Потусторонний мир носил название Аннвн. Местонахождение Потустороннего мира часто ассоциировалось с неким островом или архипелагом к западу от Уэльса или Ирландии. Это была не только земля мертвых, но и страна вечной молодости, страна блаженства, настоящая земля обетованная. Однако простым смертным, побывавшим там и вернувшимся живыми, в том числе и знаменитому Кухулину, она представала своей мрачной стороной, и те видели там всевозможных чудовищ и прочие кошмары. Корнуэлльские кельты считали Потусторонним миром полуостров Гоуэр и остров Ланди, Аннвн валлийцев находился в Ирландии, а для ирландцев Потусторонним миром была Британия. Впрочем, ирландцы и валлийцы сходились во мнении, что малой преисподней является остров Мэн.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (9) →

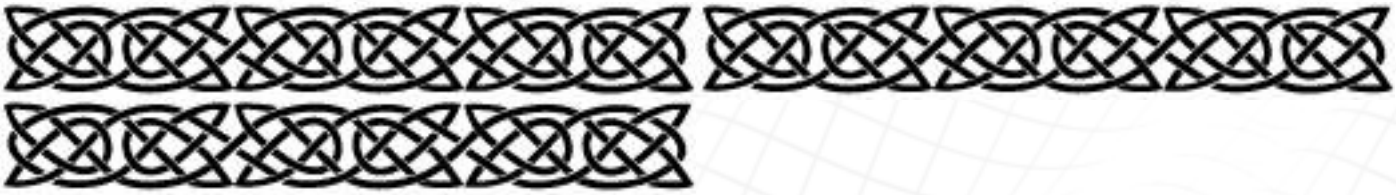
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Видео про охоту!
На LoadUp.ru есть и не такое! Приколы, скрытая камера, клипы, личное видео.
loadup.ru

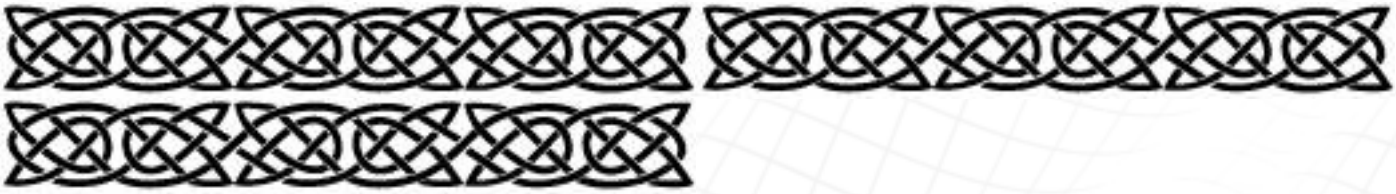
Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



ПРЕВРАЩЕНИЯ

Превращения, изменение облика — излюбленный мотив кельтской мифологии и религиозных воззрений кельтов, отражающий их веру в бессмертие души. Божества свободно могли принимать любой облик. Так, например, Морриган и Бадб часто являлись воинам на поле битвы в виде ворона. Боги и богини, обладавшие сверхъестественными способностями, могли превращать людей в любые существа, чаще всего — животных, обычно в качестве наказания. Так, согласно валлийской мифологии, Тврх Трвит, прежде бывший королем, был превращен в дикого вепря. Иногда акт превращения является следствием ревности или зависти со стороны божества. Так, когда Туиреанн забеременела, колдунья — любовница ее мужа Иллана из ревности превратила ее в самку волкодава. Детей Лира злая мачеха, ревновавшая их к отцу, превратила в лебедей.



На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

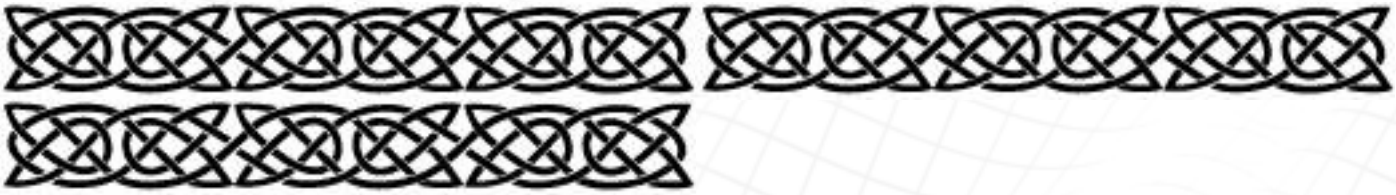
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



Книга из Дарроу

Книга из Дарроу, Евангелие из Дарроу *(Book of Durrow; Дублин, Тринити колледж) — иллюминированный манускрипт, созданный в VII веке. Место создания точно не установлено, возможно книга была создана в Нортумбрии (Северная Англия) или в Аббатстве Дарроу в графстве Лаоис, Ирландия. Книга содержит Евангелия, и, вероятно, является старейшей из дошедших до нас полных иллюстрированных книг с Евангелиями, созданных в Британии и Ирландии.*

Содержимое — четыре Евангелия и вспомогательные таблицы в предисловии к ним. Формат книги 247 на 228 мм, книга состоит из 248 пергаментных листов. Содержит большое количество миниатюр, включая шесть «ковёрных» страниц, полностью занятых узорами, полностраничную миниатюру с символами четырёх

Евангелистов, четыре полностраничных миниатюры с символами каждого евангелиста и шесть страниц с декорированным текстом. Книга написана островным шрифтом (insular script).

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

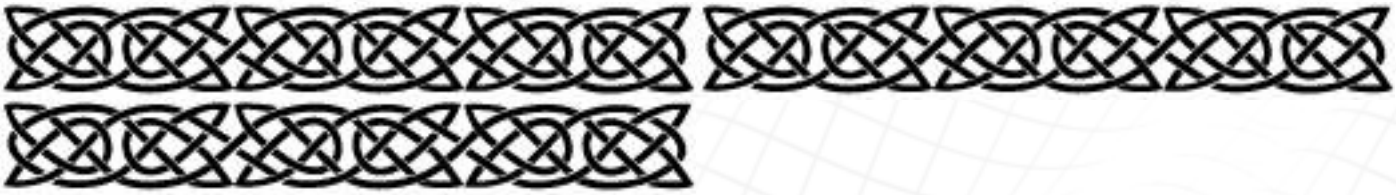
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



АЙЛЕЙ

На шотландском острове Айлей, входящего в Гебридский архипелаг, сохранилось немало памятников кельтской культуры, начиная с эпохи мегалита и кончая первыми веками развития христианства. Один из замечательных памятников того далекого прошлого — Килдалтонский крест, хорошо сохранившийся кельтский крест в круге, датируемый примерно 800 г. н. э. Крест этот имеет высоту около девяти футов [147]; он покрыт высокорельефной резьбой и служит прекрасным образцом символического орнамента «гнездо яиц», встречающегося на кресте св. Иоанна на острове Айона. О значении этого символа можно лишь догадываться. Так, высказывалось предположение, что этот знак мог быть символом, связанным с поклонением солнцу и природе, характерным для друидов. Согласно другому предположению, этот знак — символ Святой Троицы, однако его подлинный смысл, по•видимому, утрачен во тьме веков. Еще один превосходный образчик кельтского искусства сохранился до наших дней в Килнавере на острове Айлей. Это — замечательный кельтский крест высотой девять с половиной футов, датируемый примерно 850 г. н. э. Его

резные рельефы, хотя их и нелегко разобрать, напоминают орнаментальные украшения кельтского креста в Келлсе, графство Мет, в Ирландии. А в Килхонане, также на острове Айлей, сохранились превосходный, отдельно стоящий кельтский крест с дискообразным навершием, датируемый концом XIV в., а также надгробные плиты, покрытые изящной каменной резьбой. По всей видимости, остров Айлей также связан с деятельностью св. Колумбы (см. Айона). По преданию, его наставник из Ирландии, св. Киаран, поселился в Риннсе на острове Айлей, где скончался в 548 г.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

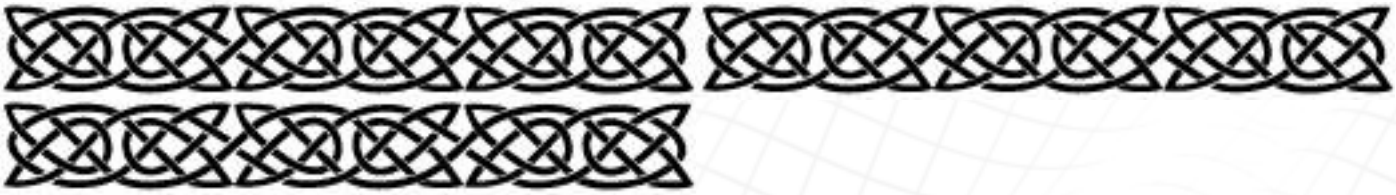
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



АЙОНА

Св. Колумба, или Колумкилл (под этим именем он известен гэлам), основал в 563 г. н. э. христианскую общину на острове Айона, одном из Гебридских островов, отправившись туда в качестве миссионера из Ирландии. Члены общины жили «в кельях наподобие пчелиных ульев», остатки которых можно видеть на острове и сегодня. Однако это неудивительно, если вспомнить, что остров Айона богат свидетельствами частых и интенсивных контактов с кельтами и кельтскими проповедниками христианства. Все, кто интересуется историей кельтов, найдут здесь немало любопытного. Особенно много на острове знаменитых кельтских крестов, хотя исторические свидетельства говорят о том, что в старину их было гораздо больше, но большинство их было разрушено и снесено во время набегов викингов, начавшихся примерно с середины VII в. Сегодня на острове высятся три превосходных образца отдельно стоящих крестов. Один из них — крест св. Мартина, датируемый примерно IX в., высота его — около 5 метров. Он украшен рельефами с изображением различных сцен и Библии, вырезанными на передней стороне креста, выполненного из твердого камня

вулканического происхождения. На оборотной стороне креста — характерный кельтский орнамент — «переплетающиеся змеи», при этом змеи, по•видимому, представляют собой свидетельство активного влияния язычества, усвоенного христианским искусством и культом. Другой пример отдельно стоящего кельтского креста на острове Айона — крест св. Иоанна, находящийся возле западных ворот аббатства. Он представляет собой копию более древнего креста, датируемого концом VIII в и снятого для реставрации и ремонта. Еще один большой крест на о. Айона относится к значительно более позднему времени, чем первые два. Это так называемый Маклинский крест, представляющий собой крест•распятие, заключенный в круг. В центре его изображено Распятие. Крест этот высок и очень изящен, его покрывают резные плиты со сложным орнаментом, доходящие до самого основания креста. Однако о. Айона вошел в историю кельтов не только благодаря своим крестам. На острове сохранилось святилище с Источником исцеления. Источник этот, находящийся у самой вершины Дун, гранитной скалы высотой около девяноста метров, имеет форму глубокой трещины в скале, наполненной на удивление холодной водой. Источник посвящен св. Колумбе и, как считается, им активно пользовались уже при жизни святого. Паломники, жаждущие исцеления, если, конечно, силы позволяли им это, старались взобраться на скалу к самому источнику. Если же им это было не под силу, целебную воду им приносили сердобольные спутники. Более того, остров Айона был связан с историей кельтов задолго до появления на нем св. Колумбы. В более древние времена здесь активно действовали друиды. В самом деле, древнее гэльское название острова Айоны — Иннис•на•Друиннех, что переводится как Остров Друидов. В наши дни на острове Айона существует религиозная община, основанная в 1930•е гг. доктором Джорджем Маклеодом на месте Бенедиктинского аббатсттва, построенного в Средневековье на месте первоначального монастыря Св. Колумбы.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

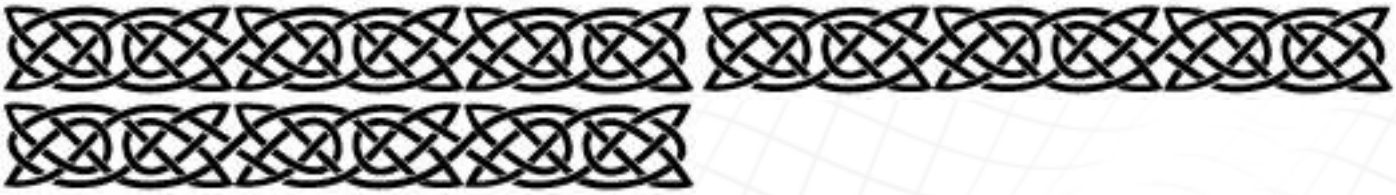
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



АРТУР

Артур занимает важное место в кельтской мифологии, хотя это вполне реальное историческое лицо, жившее в V — начале VI вв., после того как римляне ушли из Британии. Эта эпоха известна под названием «Темные века». В саге об Артуре, главное внимание в которой сосредоточено на приключениях рыцарей Круглого стола, Артур предстает средневековым королем. В современных ему кельтских источниках не найдено никаких сведений об Артуре ни в качестве исторической фигуры, ни в качестве легендарного героя, хотя он упоминается в истории о Куллвхе, а также в рассказе о походе в Аннвн с целью захвата волшебного котла (см. главу 18). Артур тесно связан с кельтскими мифами, но вполне возможно, что произошло это весьма поздно; возможно, что образ Артура есть совмещение в одном лице двух персонажей — Артура, кельтского варианта Артайуса, и исторического вождя кельтов. Вполне возможно, что он обрел силу в эпоху угасания кельтской цивилизации, и поэтому легенды, окружающие его имя, уносили его все дальше и дальше от родины (см. главы 23, 24, 25, 26).

На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (8) →

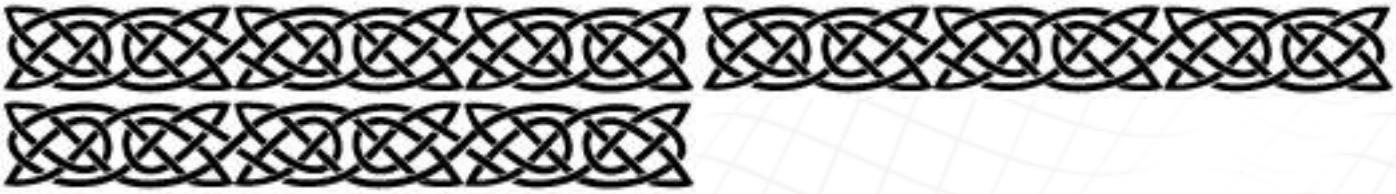
Оконные рамы со скидкой 30%!
Дешевле заказать у нас! Качественно, быстро. Гарантия 5 лет!
www.sokna.ru · Москва

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология



АРФА

Ирландская арфа часто фигурирует на страницах кельтских мифов и легенд. Сохранились ее многочисленные изображения на резных каменных рельефах, датируемые VIII — X вв. и сохранившиеся в разных провинциях Ирландии и на западе Шотландии. В то же время от той ранней эпохи, в которую традиционная форма ирландской арфы достигла расцвета, до нас дошло всего четырнадцать целых инструментов и их фрагментов. Недостаток конкретной информации еще более усугубляется тем фактом, что у мастеров, создававших традиционную ирландскую арфу, не было обыкновения ни датировать инструменты, ни ставить на них свое имя. Все, что нам известно, — это то, что ирландские арфы были инструментами куда более громоздкими и тяжелыми, чем арфы, бытовавшие в других странах Европы. Начиная примерно с XII в. их струны стали делать из латуни. К XIV в. возникли и сложились два разных типа европейской арфы; одной из них и была громоздкая и тяжелая ирландская арфа, а другой — более легкий и компактный инструмент, обычно называемый готической или романской арфой. По легенде, ирландская арфа появилась весьма необычным путем. Некая женщина заснула на берегу моря и слышала сквозь сон, как ветер гудит сухожилиями в скелете

кита, лежавшем неподалеку от нее. Услышав этот рассказ, муж той женщины тотчас сделал деревянную раму и натянул на ней китовые жилы, сделав первую арфу. Не столь романтический, но более достоверный источник говорит, что излюбленный инструмент кельтов был привезен в Ирландию из Греции.

На главную | Оглавление

Кельтская мифология

БАЛЛИМОТСКАЯ КНИГА

Одна из ключевых книг, настоящий кладезь кельтской мифологии. Представляет собой компилятивный труд, составленный монахами на основе более ранних документов и преданий и датируемый концом XIV в. (см. также Огам).

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

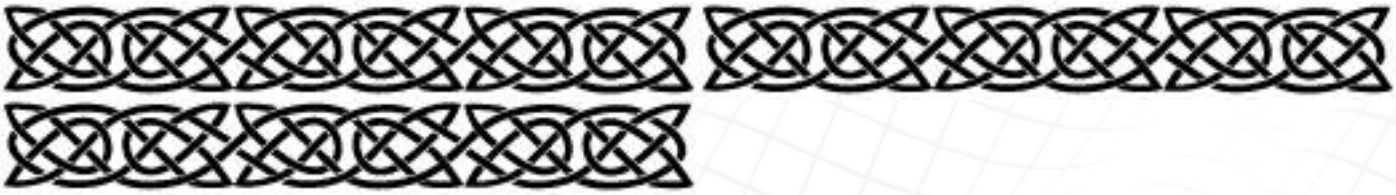
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



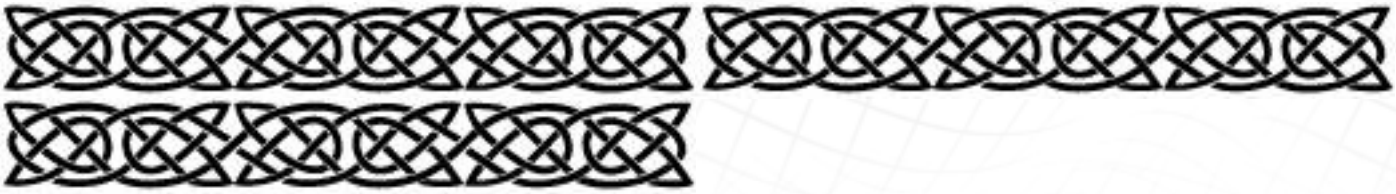
БАЛОР ЗЛОЕ ОКО

В мифологии ирландских кельтов Балор Злое Око является королем фоморов. Великан, одноглазый монстр, он наводил ужас на окружающих. По легенде, веко его глаза было настолько тяжелым и огромным, что его могли приподнять лишь несколько сильных мужчин. Будучи открыт, глаз этот приносил смерть всему живому, в том числе и войскам, на которые устремлял взгляд Балор. Зная о существовании пророчества, предрекавшего, что он погибнет от руки собственного внука, Балор ревниво следил за тем, чтобы к его дочери, Этлинн, не смел приблизиться никто из мужчин, и заточил дочь в Стеклянной Башне на острове Тори или, по другой версии — в пещере. Однако Киану удалось проникнуть в обитель Этлин и овладеть ею. Легенды по•разному рассказывают о том, родила ли ему Этлинн одного ребенка или целую тройню. Версия, повествующая о появлении на свет тройняшек, упоминает о том, что Балор бросил детей в море, но одному из них удалось спастись. Как бы там ни было, Этлинн поспешила отослать спасенного ребенка к Киану, и со временем пророчество о гибели Балора от руки внука сбылось. Этим внуком оказался Луг; именно он убил Балора, поразив

его прямо в глаз своим магическим камнем. Камень насквозь пробил ему голову и убил множество фоморов. После этого тело Балора, по легенде, было повешено на священном орешнике, откуда оно излило свой яд и распалось надвое. Его валлийский аналог носил имя Испаддаден (см. также главы 5, 9, 16).

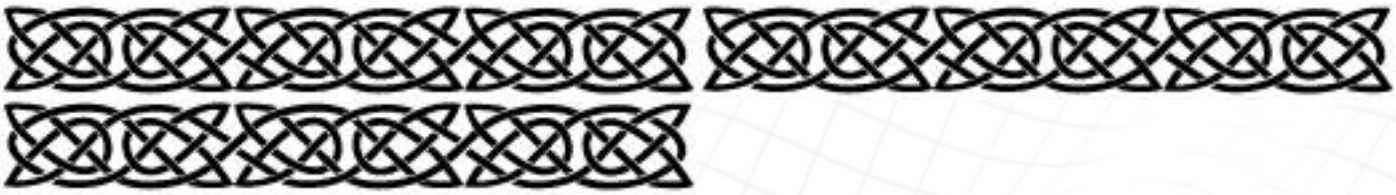
На главную | Оглавление

Кельтская мифология

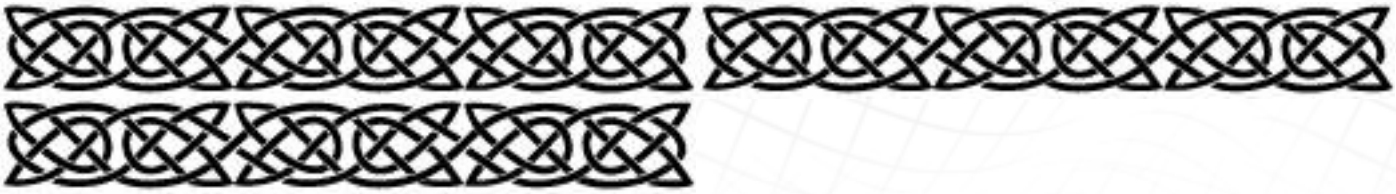


БАРАН (ОВЕН)

В мифологии ирландских кельтов баран — один из излюбленных образов. Он ассоциировался с романо•кельтской версией Меркурия, отождествляясь с первоначальной ипостасью этого бога классической античности. В разных районах Британии и Галлии найдены небольшие фигурки баранов, являвшихся атрибутами культа Меркурия. Баран в мире кельтов неизменно ассоциировался с культами войны. Некоторые боги•воители древних кельтов изображались с бараньими рогами, ибо баран считался символом агрессии и гиперсексуальности. Некоторые из этих богов имели не только рога на голове, но и изображались обнаженными, символизируя плодовитость и сексуальную активность, а также агрессивность и воинственность. Археологи обнаружили артефакты, содержащие символику барана, на раскопках во многих поселениях древних кельтов, в том числе и в Ла Тен. Например, нередко встречались кувшины с ручками в виде бараньей головы.

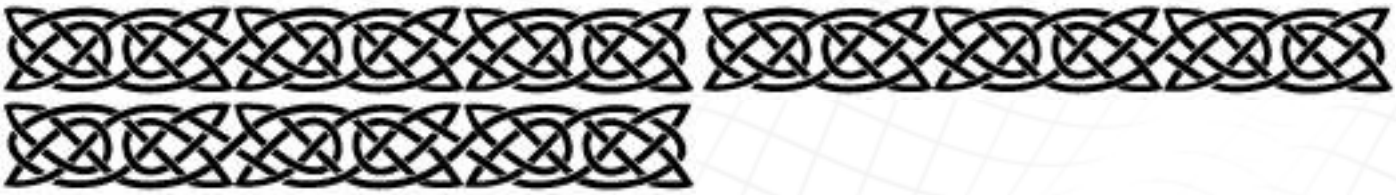


Кельтская мифология



БАРД, или ФИЛИ (мн. число ФИЛИД)

У кельтов — поэт, часто живший при дворе короля. Помимо умения слагать стихи, бард был образованным и ученым, знал множество героических преданий и генеалогий, стихов и поэм, а нередко обладал и даром пророчества. Барды выполняли функции поэтов, прорицателей и советников короля. Многие из них по нескольку лет учились в особых «школах», прежде чем им позволялось выступать в роли барда.



Бард у кельтов — поэт часто живший при дворе короля

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

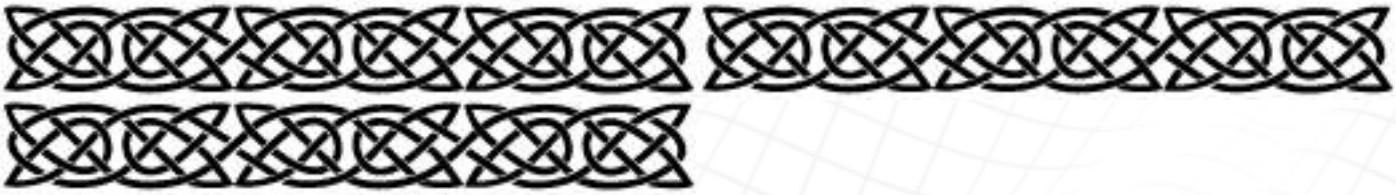
Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

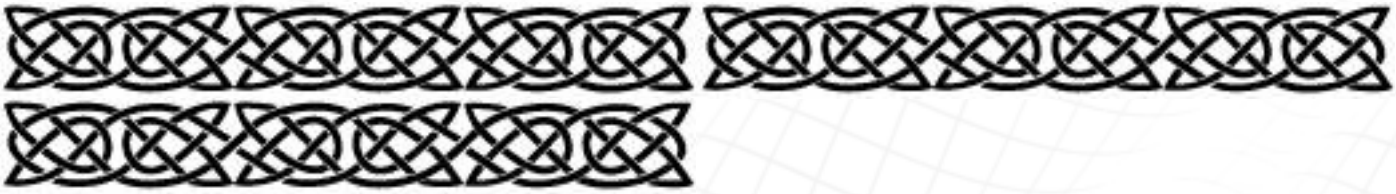
На главную | Оглавление

Кельтская мифология



БАРДСИ, ОСТРОВ

Остров у самой западной оконечности Кэрнарвоншира. В Артуровских легендах, по преданию, является местом последнего заключения Мирддина, или Мерлина, в невидимой воздушной гробнице.



На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (13) →

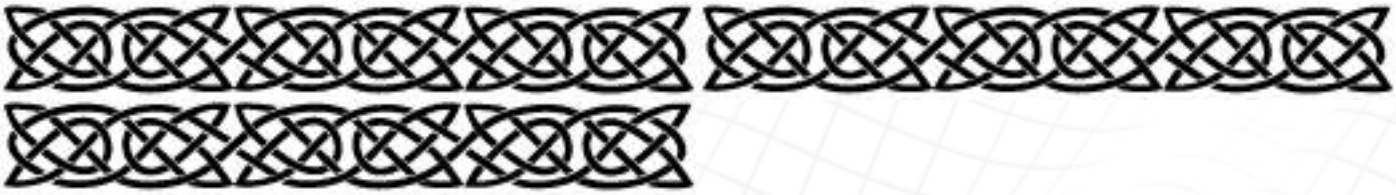
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



БЕЛТЕЙН, или БЕЛТЭЙН, или БЕЛТЕН

Белтейн — один из четырех важнейших кельтских праздников календарного цикла. Праздновался 1 мая, знаменуя собой начало лета у кельтов. Своим названием обязан Беленусу; в ночь накануне Белтейна зажигались огромные костры. Все очаги в домах жителей положено было гасить и друиды разжигали костры с помощью факелов, которые зажигали еще днем, предположительно — от солнечных лучей. Этот праздник был посвящен возрождению и пробуждению жизненных сил природы после зимнего сна, символизировавшего смерть.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (11) →

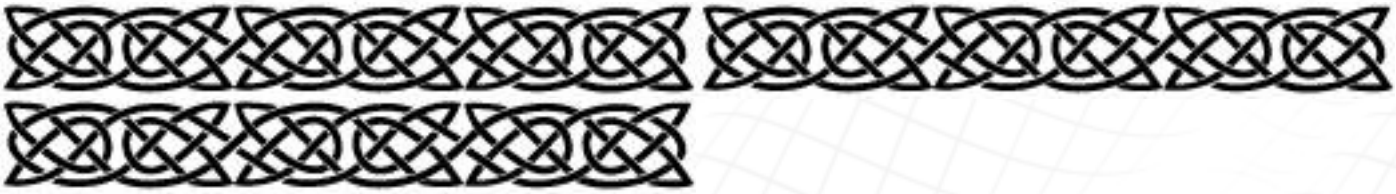
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



БЕССМЕРТИЕ

Кельты верили в бессмертие души; они были в числе первых европейских народов, усвоивших такие представления. Притом это не было учение о реинкарнации, а верование, в основе которого лежал тот факт, что, когда человек умирает, он просто отправляется в иной мир. Вот почему кельты клали в могилу вместе с умершим все необходимое для будущей жизни в Потустороннем мире. По•видимому кельты верили в постоянный «взаимообмен» душами между этим миром и Потусторонним. Поскольку кельты верили не только в то, что смерть в этом мире есть своего рода средство оправить душу в Потусторонний мир, но и в то, что смерть в Потустороннем мире точно так же есть средство направить душу из Потустороннего мира в этот, они, согласно различным свидетельствам, оплакивали рождение младенца и радостно праздновали кончину.

На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

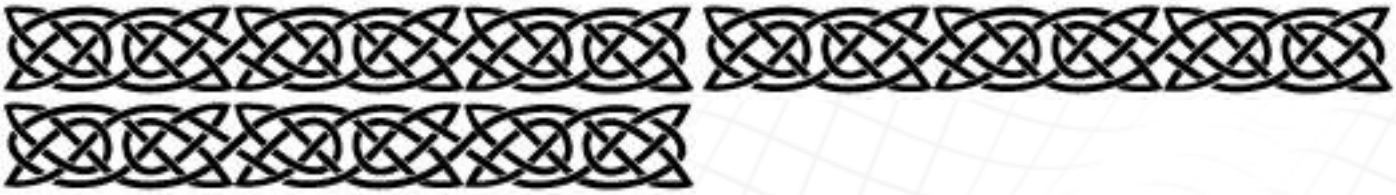
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

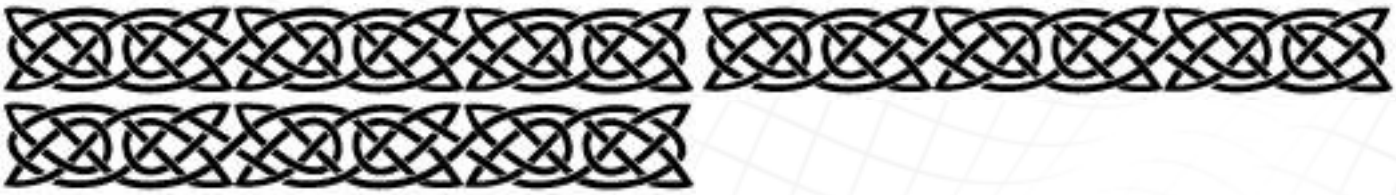
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



БЛОДУЭДД

В мифологии валлийских кельтов Блодуэдд — прекрасная девушка, имя которой переводится как «цветочный лик». Она была создана Гвидионом и Мэтом из дуба, ракитника и цветов и предназначалась в жены Ллеу Ллоу Гиффесу, чтобы избежать заклятия, наложенного на него его собственной матерью, Аранрод, и состоявшего в том, что он не должен жениться ни на одной из смертных женщин до тех пор, пока Аранрод сама не найдет ему достойную супругу, чего она никогда не сделала бы. Блодуэдд оказалась неверна Ллеу, изменив ему с Гронви Педбиром, и они вместе задумали убить Ллеу, но того можно было предать смерти только при стечении довольно странных обстоятельств. Тогда Блодуэдд выпытала у Ллеу, в чем они заключаются, и узнала, в частности, в какой позе он должен находиться в момент убийства, Гронви попытался было убить Ллеу копьем, но смог только ранить его и сам тотчас пал от руки Ллеу. Блодуэдд же превратилась в сову и сделалась изгнанницей (см. также главу 18).



На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

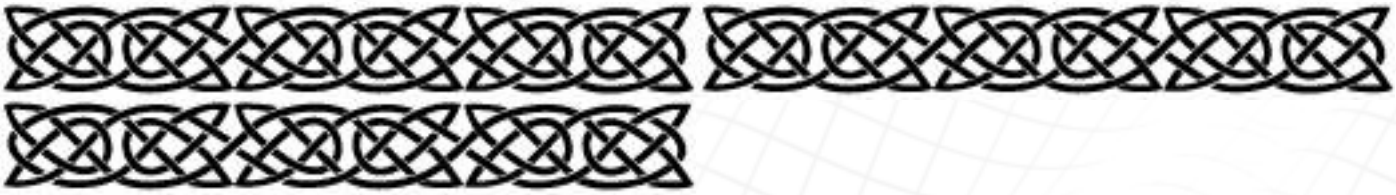
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

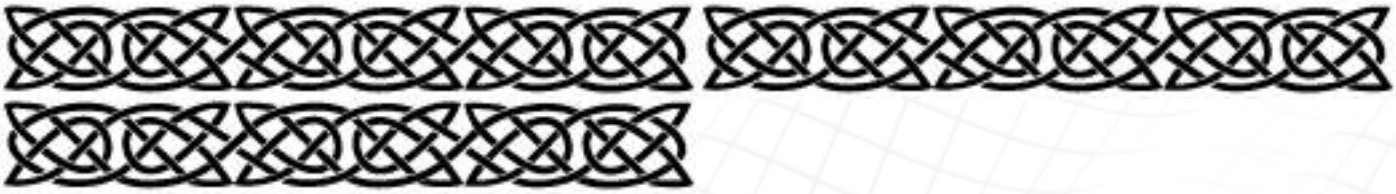
Кельтская мифология



БОГ•ОХОТНИК

Охота имела для кельтов, как и для большинства древних народов, исключительно важное значение, нередко являя собой основной источник их существования. Поэтому неудивительно, что в культуре кельтов столь видное место занимала обширная группа богов•охотников. Их нетрудно узнать по характерному вооружению, а нередко и по одежде. Так, например, бог•охотник мог изображаться с луков и колчаном стрел; рядом с ним часто появлялась и собака. И хотя цель охоты по определению заключается в убийстве животных, боги•охотники могли выступать как на стороне охотников, так и на стороне дичи. Боги•охотники часто предстают в окружении животных — излюбленных объектов охоты; иногда на голове у таких богов красуются рога, что указывает на мистическую связь между богом•охотником и его жертвой — животным.

бог охотник мог изображаться с луков и колчаном стрел; рядом с ним часто появлялась и собака



Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (17) →

Монеты
Монеты из драгоценных металлов от 1 грамма до 5 килограммов

Адрес и телефон · mezmat.ru · Москва

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Антиквариат, монеты, книги
Покупка/продажа, оценка, монеты, редкие книги, царская военная атрибутика
www.zkniga.ru · Москва

Кельтская мифология

РОГА

Многие кельтские божества, по большей части выступавшие в человеческом облике, иногда изображались с рогами или рожками быков, козлов, баранов или оленей. Археологами найдены древние статуэтки рогатых божеств; на монетах Железного века сохранились изображения неких рогатых существ, и, кроме того, до нас дошло немало сосудов с рогатыми головами вместо ручек. Особенно популярны рогатые существа были у бригантов Британии. И хотя рогатые божества по большей частью изображаются мужчинами, причем некоторые из них — даже в образе воинов, иногда попадаются и рогатые богини, примером которых может служить находки в Иклингеме, графство Суффолк, и Ричмонде, графство Кент. Животные играли весьма важную роль в культуре кельтов, и в этом отношении появление антропоморфных образов с рогами не вызывает удивления. Рога считались символом агрессивности, силы и плодовитости.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (14) →

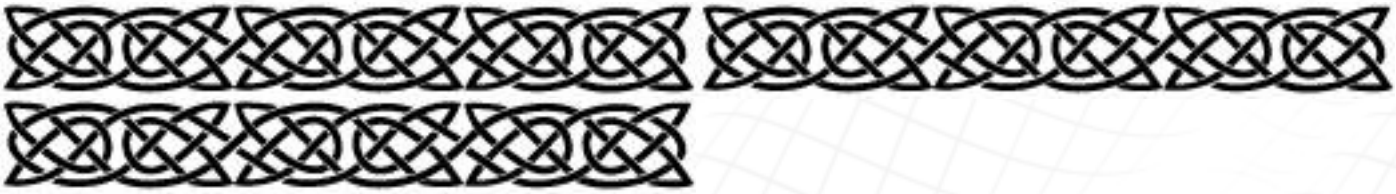
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Верну Любимого. Недорого.
Помогу восстановить отношения.Работа от 500р.Пишите мне,я постараюсь помочь
www.maghelp.ru

Майкл Ньютон
"Путешествия души"- 203р, "Предназначение души" - 203р.(в наличии)
www.ezokniga.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Кельтская мифология



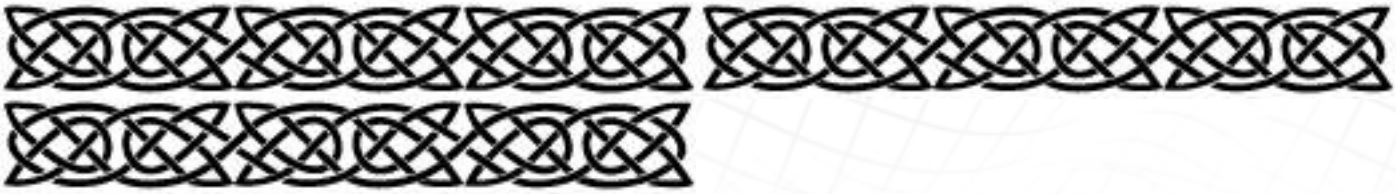
САМХЕЙН

Самхейн — один из четырех главных кельтских праздников, отмечавшийся 1 ноября. Ночь накануне Самхейна можно сравнить с кануном нынешнего праздника Хэллоуин. Самхейн, будучи чисто крестьянским праздником, знаменовал собой окончание одного сельскохозяйственного года и начало следующего. Во время празднования Самхейна жители приводили с полей скот; часть животных забивали и съедали сразу же, другие шли под нож несколько позже. Самхейн считался временем, когда как бы исчезали все привычные преграды между миром смертных и Потусторонним миром. На праздник Самхейн проводились массовые гуляния в Таре; жители устраивали пиры, состязались в различных играх и верховых скачках. Считалось, что в этот день духи из Потустороннего мира могут свободно наведываться в гости к простым смертным, а люди, в свою очередь, могут побывать в загробном мире. Именно эта связь Самхейна со сверхъестественными силами и объясняет странную связь между ведьмами, колдунами и прочими потусторонними существами и праздником Хэллоуин. На праздник Самхейн зажигались ритуальные костры, но сперва во всех домах гасились очаги, и друиды разжигали церемониальные огни и костры. Самхейн играл у кельтов исключительно важную роль, и дошедшие

до нас легенды отражают странные и важные события, случившиеся в этот день. Так, например, именно во время Самхейна люди Немхеда должны были уплачивать фоморам ежегодную дань; дань эта была чрезвычайно тяжелой и состояла из двух третей зерна, вина (по некоторым легендам — молока) и детей, родившихся в течение года. Кроме того, в этот день состоялась вторая битва при Маг Туиред.

На главную | Оглавление

Кельтская мифология



САУТ КЭДБЕРИ, ЗАМОК

В Саут Кэдбери, Сомерсет, сохранились развалины древнего городища, датируемого Железным веком. По•видимому, в древности это был религиозный центр кельтов; особый интерес представляют останки молодого мужчины, погребенного под стеной. Он был захоронен здесь либо в качестве талисмана на удачу, либо в виде жертвы богам, чтобы умилостивить их, однако не вполне ясно, умер ли он естественной смертью, или же это было человеческое жертвоприношение. Была ли у кельтов практика человеческих жертвоприношений или нет — это вопрос дискуссионный, и юноша мог погибнуть в бою или умереть от какой•нибудь болезни. С другой стороны, в городище найдены следы жертвоприношений животных и сохранились даже останки молодых домашних животных — поросят, телят и ягнят. Замок Саут Кэдбери — один из предполагаемых прототипов легендарного Камелота (см. главу 23).

Замок в Саут Кэдбери, Сомерсет, сохранились развалины древнего городища, датируемого Железным веком

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (8) →

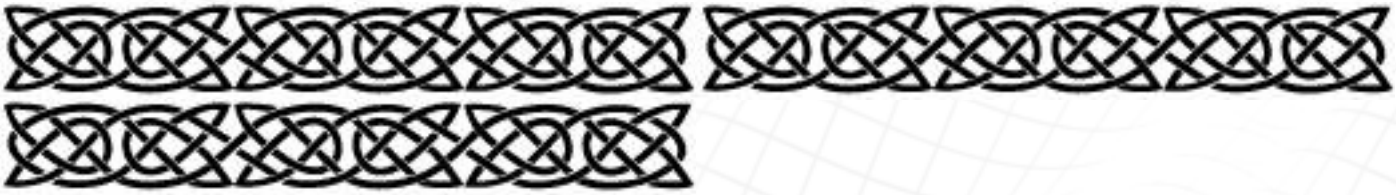
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

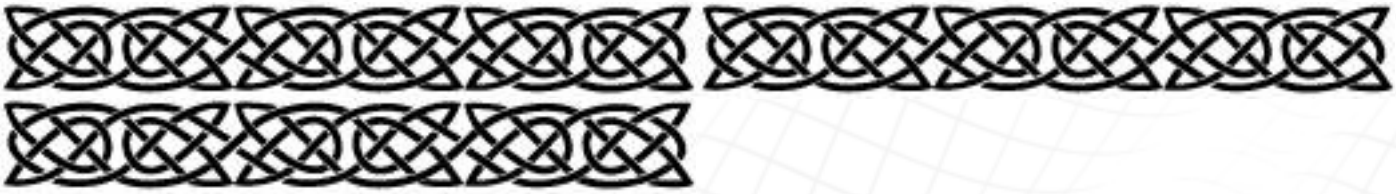
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



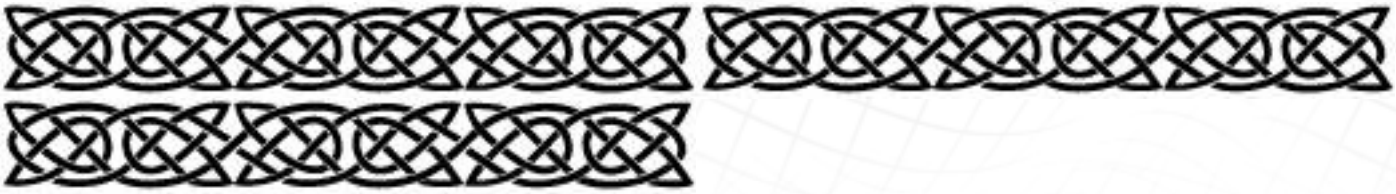
СОЛНЦЕ

То, что Солнце пользовалось у кельтов особым почитанием, со всей очевидностью показывают многочисленные сюжеты самых разнообразных кельтских артефактов, найденные во время археологических раскопок. Особенно распространены изображения колеса в качестве солярного символа. Хотя вполне естественно ожидать от кельтов особого поклонения Солнцу, поскольку они вообще обожествляли всевозможные природные объекты, в частности, деревья и воды, свидетельств об особой роли бога Солнца в кельтской литературе немного. Ирландский бог Луг, имя которого означает «сияющий», обладатель сверкающего лика, ассоциирующийся со светом, — главный претендент на роль бога Солнца. Галльский бог Беленус также ассоциировался со светом, ибо слово бел переводится как «яркий, светящийся», однако он известен именно как бог света, бог•целитель, но не как собственно бог Солнца.



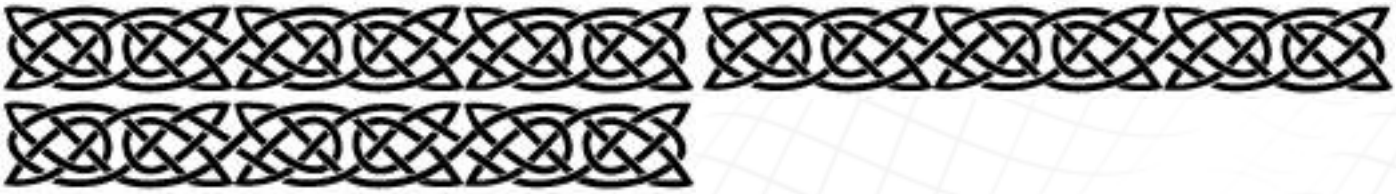
На главную	Оглавление

Кельтская мифология



СТЕКЛЯННАЯ БАШНЯ, или СТЕКЛЯННЫЙ ЗАМОК

В мифологии ирландских кельтов фоморы, по преданию, воздвигли на острове Тори некую стеклянную башню или замок, известный также под названием Башня Конана. Немедийцы, захватив остров, взяли башню штурмом и убили Конана Мак Фебара, короля фоморов. Балор, по легенде, заточил в Стеклянную Башню свою дочь.



на острове Тори некую стеклянную башню или замок, известный также под названием Башня Конана

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

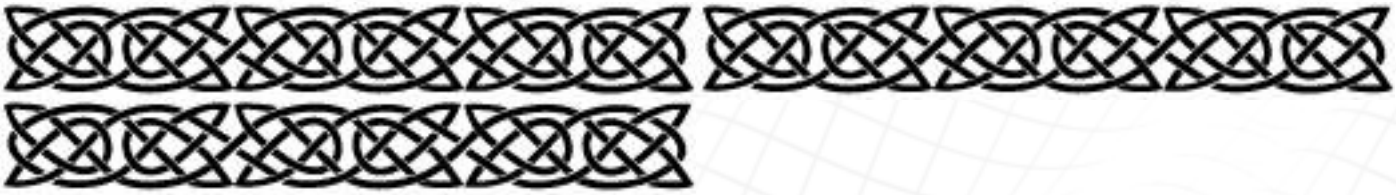
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



СТОУНХЕНДЖ

Согласно кельтской мифологии, Стоунхендж был воздвигнут Мирдином из каменных глыб, перенесенных им в Британию из Ирландии. В Ирландии они образовывали Кольцо Великанов на горе Маунт Килларус. По преданию, каменные глыбы были перенесены сюда великанами родом из Африки, которые были первыми обитателями Земли (см. главу 23).

На главную | Оглавление

Кельтская мифология

ТАРА

На протяжении многих веков наиболее священным местом в Ирландии и главной резиденцией Верховных королей острова была Тара в графстве Мет, древнее поселение, датируемое примерно 2000 г. до н. э. Тара считалась столицей кельтов в Ирландии; она была крупнейшим религиозным и политическим центром, хотя само поселение на этом месте считалось священным задолго до появления кельтов, возможно, еще с эпохи неолита. Тара фигурирует в различных легендах ирландских кельтов. Именно Тара была столицей богов Туатха Де Данаан и резиденцией двора Конхобара Мак Нессы; в ней собирались герои Красной Ветви.

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

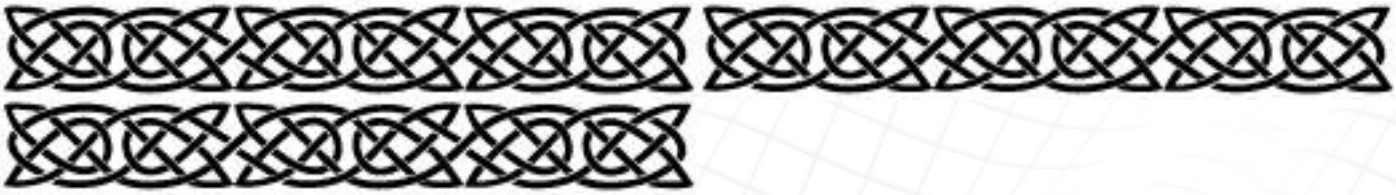
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

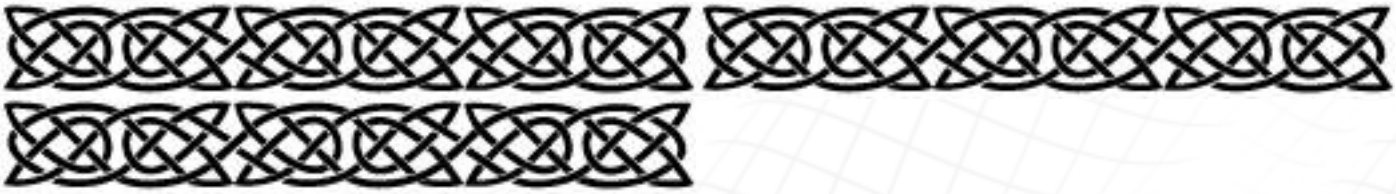
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

«Тристан и Изольда» — известный цикл средневековых легенд, основанных на кельтских мифах. Тристан — племянник короля Марка Корнуолльского. Тристан сопровождал Изольду в Корнуолл, в замок своего дядюшки, короля Марка, с которым она была обручена. Тристан и Изольда выпили любовный напиток, думая, что это — ядовитое зелье; и хотя долг обязывал Изольду стать женой Марка, любовь в ней вспыхнула с такой силой, что она не в силах была скрывать это. Марк понял это и нанес Тристану смертельную рану. Верный слуга отнес Марка в замок в Бретани, и там умирающему явилась Изольда. Увидев любимую, он затрепетал от радости и, собрав последние силы, умер на руках Изольды. Изольда, поняв, что теперь их любовь может продлиться только за гранью смерти, покончила с собой. Можно провести параллели между этой историей и легендами о Диармайде и Грайне, а тайке Дейрдр и Наоизе (см. главу 23).



На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

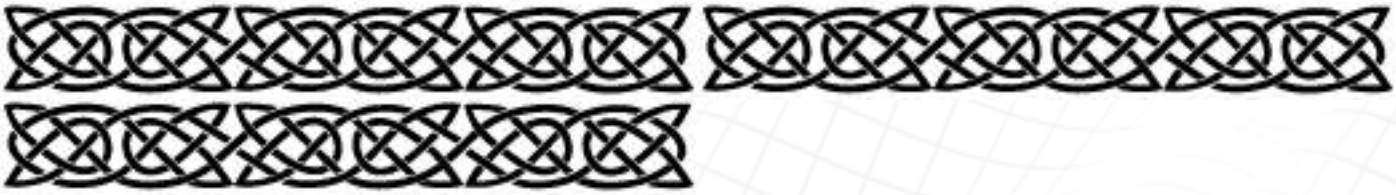
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ

Кельтские предания, естественно, передавались из уст в уста, и лишь в первые века после появления христианства на землях кельтов кельты начали записывать на собственном языке различные тексты, будь то легенды, поэзия, история или законодательные акты. Столь неуклонная приверженность устной традиции объясняется не недостатком образованности у кельтов, а специфической религиозной традицией. О том, что кельты умели пользоваться письменностью, свидетельствуют различные надписи, сохранившиеся на надгробных камнях и выполненные буквами латинского и греческого алфавитов, найденные в Италии и Испании и связанные с кельтской культурой. Юлий Цезарь в своих «Записках» с удивлением отмечал огромное количество текстов, которые кельты хранили в памяти, объясняя это тем обстоятельством, что у кельтов, вероятно, бытовало поверье, запрещающее записывать те или иные тексты. Такое недоверие к письменному слову могло быть связано с их религиозными взглядами. Разумеется, кельты были весьма озабочены сохранением своих знаний в тайне. Считается доказанным, что, когда греки решали, как им назвать

этот народ, они просто перевели самоназвание кельтов, которое в переводе означает «люди, живущие скрытно». Устная традиция неизбежно служит источником разочарования для историков, поскольку она усугубляет ореол тайны и мистики, окружающий историю кельтов, и еще больше затрудняет получение хоть каких•то сведений об этих племенах. Большинство преданий и исторических сведений, обычно зафиксированных в письменных источниках, передавались из уст в уста как минимум тысячу лет, подвергаясь неизбежным изменениям и искажениям.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

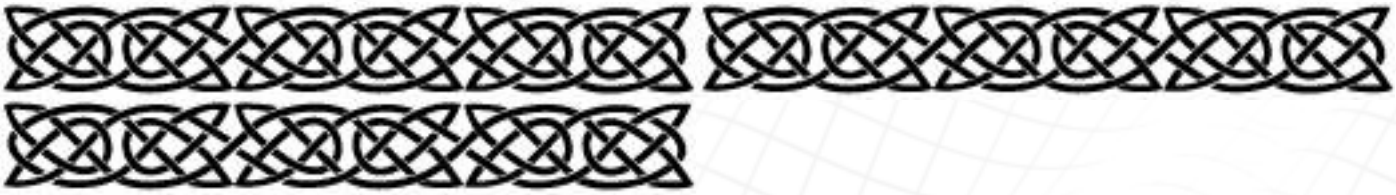
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ФИДХЕЛЛ

В кельтских легендах — настольная игра типа шахмат, часто выступающая в качестве средства решения споров, конфликтов и т. п. И хотя ее название чаще всего переводится как «шахматы», по•ирландски ее название фидхелл, она представляет собой доску наподобие шахматной, которая, по преданию, была изобретена Лугом. Валлийский аналог названия этой игры звучит как гвиддбвилл.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (7) →

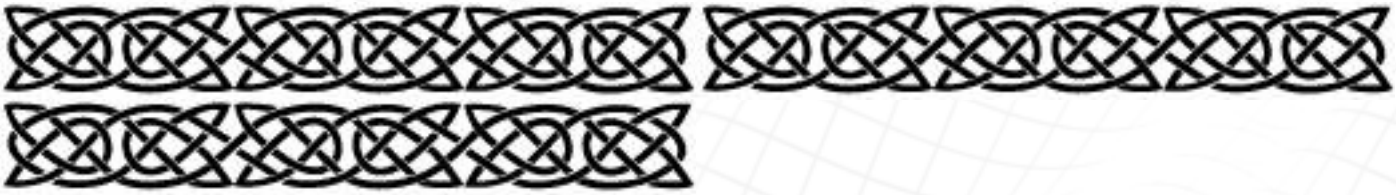
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ФОМОРЫ, или ФОМХОРЫ, или ФОММОИРИ, или ФОМОРИАНЕ

В мифологии ирландских кельтов фоморы, название которых сохранилось в нескольких фонетических вариантах, считались расой демонических существ, бывших полулюдьми•получудовищами. Это название переводится как «морские чудища» или «подводные демоны», ибо их родина, по преданию, находилась на дне морском. Они сражались против Парталона, когда его войско вторглось в Ирландию, и были разбиты им, после чего Парталон отправил их в изгнание, предположительно — на Гебридские острова и остров Мэн. Однако после высадки в Ирландии Немхеда они возвратились на остров. Они покорили немедян (немедийцев) и обложили их громадной данью. Немедяне подняли восстание, но были разбиты, и немногие оставшиеся в живых бежали, вероятнее всего, в Грецию или Фракию. Таким образом, Фир Болг вполне могли быть потомками этих изгнанников. Следующим соперником фоморов в Ирландии стали боги Туатха Де Данаан. Первоначально клан Туатха Де Данаан и фоморы мирно уживались в Ирландии, причем фоморы занимали совсем небольшую часть острова. Однако затем между Туатха Де Данаан и фоморами вспыхнула вражда, и между ними произошла

вторая битва при Маг Туиред (см. главу 9). Обе стороны понесли тяжелые потери, но Туатха Де Данаан в конце концов одержали победу, и остатки фоморов были изгнаны из Ирландии.

На главную | Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

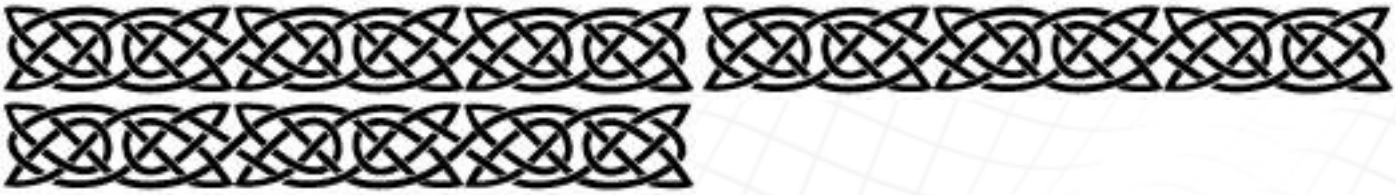
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

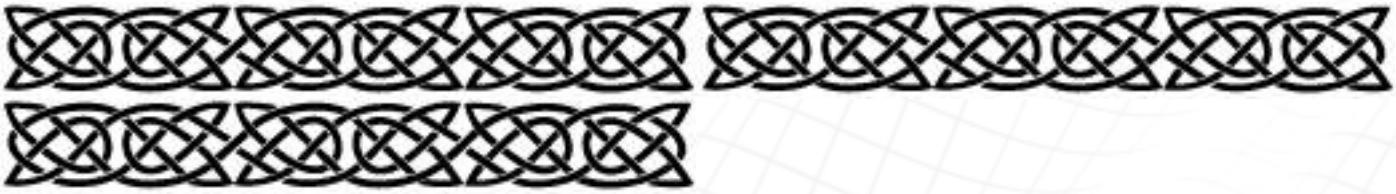
Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ХАЙ•БРЕЗАЛ, или ХАЙ•БРЕЗИЛ, или ХАЙ•БРАЗИЛ

В мифологии ирландских кельтов Хай•Брезал — остров у западного побережья Ирландии, который можно увидеть над водой только один раз в семь лет. По легенде, остров останется на поверхности воды навсегда, если его коснется огонь. Тогда он станет земным раем. По той же легенде, правителем волшебного острова считался Брезал. Как и все прочие легенды, различные варианты кельтских легенд с веками перепутались друг с другом, и по одной из них виновником того, что Хай•Брезал опустился в волны морские, считается не кто иной, как Мананнан Мак Лир, сын Лира. Легенды часто вольно обращаются с фактами, хотя сам факт порой и можно угадать. Так, в них подчеркивается, что Хай•Брезал — это вполне реальное место. Когда мореплаватели в старину достигли берегов Бразилии, они сочли, что открыли Хай•Брезал, однако ранние картографы были убеждены, что остров этот находится у юго•западного побережья Ирландии, то есть именно там, где он и расположен согласно легенде.



На главную | Оглавление

Яндекс Директ Как стать партнёром
Все объявления (11) →

Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Эксклюзивная подарочная посуда
Подносы и блюда,рюмки, чайные и кофейные пары, сервизы, столовые приборы

Адрес и телефон · www.1podarok.ru

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Кельтская мифология

ХАЛЛЬШТАТТ

Халльштатт, селение в Верхней Австрии, расположен на берегу озера в провинции Зальцкамергут, столицей которой является знаменитый Зальцбург. Зальцкамергут в переводе с немецкого оначает «месторождение хорошей соли», а Зальцбург — Солеград, что указывает на особую важность соли в этом регионе. По мнению ученых, соль в районе Зальцбурга добывают вот уже более двух с половиной тысяч лет, и одними из первых соледобытчиков были кельты: дело в том, что слово халль означало на кельтском «соль». Австрия была одним из наиболее ранних регионов расселения кельтов в Европе, а окрестности Халльштатта — один из главных центров кельтов в Австрии. Во второй половине XIX в. здесь были проведены широкие археологические раскопки (см. ХАЛЛЬШТАТТСКИЕ РАСКОПКИ), после которых Халльштатт стал не только местом, знаменитым своим кельтским прошлым, но и термином, определяющим один из ключевых этапов развития цивилизации и

культуры кельтов в далеком прошлом (см. ХАЛЛЬШТАТТСКИЙ ПЕРИОД).

ХАЛЛЬШТАТТСКИЕ РАСКОПКИ

В 1846 г. Георг Рамзауэр, директор Халльштаттских государственных соляных копей, обнаружил на холме, возвышающемся над селением Халльштатт, холм, на котором находилось обширное доисторическое кладбище, состоящее из погребений, над которыми были устроены необычной формы насыпи или курганы. Рамзауэр провел раскопки многих из этих древних погребений, общее число которых превышало две с половиной тысячи. Результаты его исследований вызвали пристальный интерес Венской академии наук. В 1876 г. в Халльштатт была направлена группа профессиональных специалистов в этой области, которые приступили к раскопкам в окрестностях селения. Сделанные ими открытия позволили, так сказать, нанести кельтов на карту древней Европы, поскольку до сих пор на ней безраздельно господствовали цивилизации древних греков и римлян. Халльштаттские раскопки познакомили ученый мир с неизвестной дотоле цивилизацией, представители которой вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и торговлей. Эти данные напомнили историкам, что древнегреческие и римские источники упоминают о торговых связях с неким народом, жившим на землях Центральной Европы и именовавшимся ими по•гречески келтои (keltoi). Предметы материальной культуры, извлеченные из погребений в Халльштатте, показали, что на том этапе своего развития кельты уже владели искусством обработки железа, то есть были людьми, переступившими порог Бронзового века. Перед глазами ученых предстали изящно украшенные сосуды, оружие и элементы конской упряжи, сделанные из железа, а также клочки изделий из кожи, черепки древней керамики, деревянная утварь и посуда и даже остатки пищи. Данные Халльштаттских раскопок имеют огромное значение как бесценный источник сведений о культуре столь древнего народа, как кельты. Результаты раскопок оказались настолько важными, что скромная австрийская деревня дала имя целой исторической эпохе — Халльштаттскому периоду, или Халльштаттской культуре, занимающей ключевое место в развитии кельтской цивилизации вообще.

ХАЛЛЬШТАТТСКИЙ ПЕРИОД, или ХАЛЛЬШТАТТСКАЯ КУЛЬТУРА

Эти термины не просто указывают на случайную связь между историей кельтов и названием австрийского селения Халльштатт. По традиционным правилам археологического этикета они являются стандартным обозначением определенной стадии развития и существования цивилизации кельтов, получившей благодаря этим находкам географическую локализацию. Стиль артефактов найденных во время Халльштаттских раскопок, стал своего рода эталоном для оценки возраста и уровня развития цивилизации древнекельтских поселений. Другим эталонным критерием считается культура Ля Тэн, название которой дало селение на берегу одного из озер в Швейцарии. Вообще весьма трудно указывать точный возраст памятников материальной культуры, созданных столько веков назад, и ученые в известной мере расходятся в вопросе о датировке Халльштаттского периода. Большинство склонны полагать, что его временными границами следует считать 750•450 гг. до н. э.

На главную	Оглавление

Яндекс Директ
Как стать партнёром
Все объявления (7) →

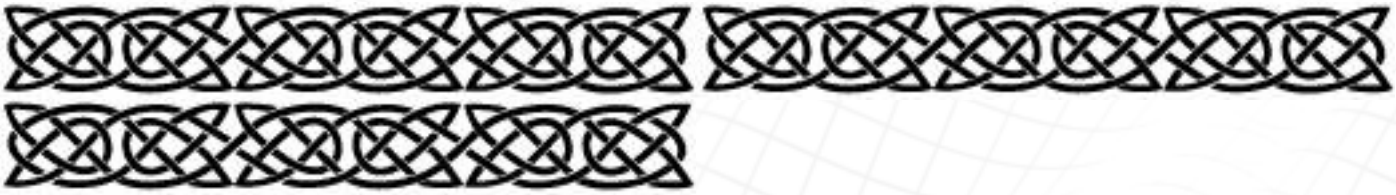
Хотите купить книгу?
Интернет-магазин Ozon.ru. Огромный выбор книг, отличные цены! Доставка РФ
www.ozon.ru

Ищете книгу?
200.000 книг по низким ценам - Интернет-магазин My-shop.ru.
my-shop.ru · Москва

Осторожно: колдовство и магия
Христианская позиция в отношении колдунов, магов, ведьм и экстрасенсов.
goodastro.ru

Почитаем, девочки?
Для вас мы собрали ссылки на книги в электронных библиотеках. Читайте :)
behappy.ru

Кельтская мифология



ХОЛМЫ, СТОЯНКИ НА НИХ, или ТОРЫ

В древности многие племена, в том числе и кельты, часто использовали холмы для проведения всевозможных религиозных ритуалов. Чаще всего объектом их поклонения было Солнце, и холм являл собой идеальное место, откуда можно было наблюдать за восходом и заходом солнца. Впечатление от этого зрелища еще более усиливалось, если окружающие земли вокруг холма представляли собой плоскую равнину.

Именно в этом кроется причина того, почему кельтов и другие древние народы так привлекали холмы или курганы, возвышающиеся посреди плоских равнин юга Британии. Холмы и курганы играли в восприятии древних кельтов настолько важную роль, что некоторые из них, как оказалось, построены руками человека. Пример такого сооружения — огромная стоянка на холме возле Силбери Хилл в Уилтшире. Это самый большой рукотворный курган в Западной Европе; по оценкам ученых, его возраст превышает четыре тысячи лет.

Другие стоянки на холмах были устроены на вершинах естественных холмов, несколько «доработанных» руками древних строителей. Некоторые стоянки на холмах, связанные с определенными религиозными ритуалами, были окружены каменными оградами или оборонительными террасами. Для объяснения этого феномена учеными предлагались различные объяснения. Так, по одной из гипотез, такие ограды представляют собой остатки доисторических лабиринтов для процессий, по которым почитатели местного культа поднимались на вершину холма. Согласно другой гипотезе, эти ограды — напоминание об архаических способах земледелия. Одна из наиболее хорошо сохранившихся стоянок — знаменитый Гластонбери Тор.

ХОЛМЫ, УКРЕПЛЕНИЯ НА НИХ

В Британии во времена Железного века излюбленным местом поселения кельтов было укрепление на вершине холма. Такое местоположение позволяло жителям укрепления просматривать окрестности и еще издали замечать приближение опасности, например, шайки разбойников и мародеров. Некоторые из укреплений на холмах возникли задолго до появления кельтов на Британских островах. Целый ряд укреплений, широко использовавшихся кельтами, существуют еще с эпохи неолита, и кельты предпочли дополнительно укрепить их, вместо того чтобы возводить на их месте новые. Вместо возведения обычных для той эпохи деревянных стен•изгородей, ограждающих поселение, защищая его от врагов, кельты предпочитали возводить огромные земляные валы, которые и сегодня можно увидеть в тех районах Британии, где в старину селились кельты. Некоторые наиболее сохранившиеся из кельтских укреплений на холмах расположены в западной и южной Британии. Особенно внушительное впечатление производит замок Мэйден Касл [163], находящийся неподалеку от Дорчестера в Дорсете. Мэйден Касл, площадь которого составляет свыше 40 акров [164], — самое древнее кельтское укрепление на холме, датируемое эпохой Железного века.

К счастью, целый ряд кельтских укреплений на холмах сохранились до наших дней в сравнительно хорошем состоянии. В качестве другого примера таких укреплений можно назвать дун , или дон (что по•кельтски означает форт), в Эггардоне, расположенный на самой кромке гряды известняковых скал, пересекающей южную Англию. Благодаря ему историки и любители древностей могут составить наглядное представление о том, как на самом деле выглядели кельтские форты (укрепления). Входом в укрепление на холме, как со всей определенностью показывают развалины Мэйден Касл, служила лабиринтообразная вереница подземных ходов, прорытых в земле, чтобы запутать и ввести в заблуждение потенциальных агрессоров. Впрочем, эти уловки мало что дали в борьбе против римских легионов, вторгшихся в Британию в 43 г. н. э. Кельты возводили свои укрепления на холмах по соседству с источниками воды, в частности — небольшими озерами.

Защита и оборонительные функции тоже, разумеется, были важными факторами, учитывавшимися при возведении кельтских укреплений на холмах, но нет никаких сомнений, что они выполняли роль не просто и не только оборонительных сооружений. Укрепления на холмах служили, если так можно выразиться, своего рода штаб•квартирами и резиденциями клана, занимавшего эти земли, они выполняли как мирные, так и военные функции. Кроме того, на них возлагались и функции религиозно•культовых центров, и римские интервенты часто с удивлением отмечали, что регионо•ритуальные собрания кельтов на вершинах холмов происходили и после того, как они, римляне, заняли саму крепость. Римляне старались не трогать местных святынь,

по•видимому, опасаясь мести со стороны кельтских божеств. Во многих случаях укрепления на холмах использовались и в качестве центров, где кельтские ремесленники обучались всевозможным ремеслам и даже производили свои товары.

На главную | Оглавление